80 коп. Индекс 70544

ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКОЙ
ансамбль Михаило-Архангельского монастыря
Фото Б. Раскина

Молодая гвардия 11 · 1989

СССР

1989

Молодая гвардия

ISSN 0131—2251

11

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ

«Молодая гвардия», 1989, № 11, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

СЛОВО ОБ ОТЕЧЕСТВЕ

Уважаемые товарищи!

В нашей стране, как известно, объявлены и плюрализм мнений, и гласность. Да только, оказывается, не для всех. Иначе чем объяснить то, что не напечатали и не дали в эфир выступление русского писателя Василия Ивановича Белова на летней сессии Верховного Совета СССР?

Что же такого сказал депутат высшего органа власти, человек, насколько нам известно, душой болеющий за Отечество? Что, из звучавшего с высокой трибуны, оказалось «не по зубам» нашим средствам массовой информации? Мы хотим знать это и, надеемся, имеем на то право. Как, впрочем, и все граждане страны, вынужденные довольствоваться лишь противоречивыми слухами. Всей семьей обращаемся к вам: развейте домыслы, напечатайте речь В. И. Белова в «Молодой гвардии».

По поручению членов семьи
С. НАРТОВА.
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ: Подобных писем редакция получила немало. Наши читатели — ветераны и молодежь, коммунисты, беспартийные, комсомольцы (среди членов ВЛКСМ — Г. Константинов, В. Шкурко, С. Борисова, В. Марцинкевич, А. Андреева, А. Акимов и др.) — возмущены замалчиванием речи депутата Верховного Совета СССР В. И. Белова, хотят ознакомиться с ней. Выполняем просьбу наших читателей.

Василий БЕЛОВ
писатель,
народный депутат СССР

ОТВЕЧАТЬ ПЕРЕД НАРОДОМ ЗА ВСЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Вчера мы обсуждали проект Закона о коллективных трудовых спорах. Какое безобидное, почти лирическое название. Но мы напрасно обманываем себя, дорогие товарищи депутаты. Забастовка всегда, а в нашей стране в особенности, является прежде всего политической акцией, и мы никуда не денемся от этого, никуда не спрячемся. Уже одно то, что забастовка при определенных обстоятельствах вызывает в государстве разруху, хаос, делает это явление политическим. Иногда забастовка равносильна общественному самоубийству. Существует ли законная забастовка? Я не знаю. Знаю одно: когда горняки не спустились в забои, это бастовала сама Россия. Шахтеры отстаивали не «тормозки», не мыльные пайки, они отстаивали прежде всего свои национальные интересы, то есть интересы русского и украинского народа. Потому что в штреки спускаются в основном украинцы и русские, да и у мартенов стоят тоже в основном они. Такова, уж извините, статистика. Рабочий класс складывался главным образом за счет этих республик, но именно в этих республиках меньше, чем в других, вузовских дипломов и квадратных метров жилья на душу населения. Здесь низкая рождаемость и высокая смертность мужского населения. Многие забастовщики — это сыновья и внуки вчерашних крестьян, уцелевших в годы великого перелома, в годы украинского и южнорусского геноцида 33—35-х годов. Иные виновники искусственного этого голода живы до сих пор. Фашистских преступников вылавливают и судят и сейчас, а наши доморощенные преступники живут и здравствуют.

Если бы речь шла только о прошлых обидах и бедствиях, может, и не было бы крайнего такого общественного потрясения, как массовая забастовка. Но ведь обиды и притеснения шли почти беспрерывно, идут и по сей день. В Вологде и Череповце, например, половина рабочих всю жизнь живет в общежитиях. В Череповце обстановка такая, что больше половины детей рождается больными. Но многие люди и рождаются, и живут, и умирают в общежитиях, так и не обзаведясь семьей; то есть квартирой — потому что нет семьи, а семьи нет, потому что нет квартиры.

На Кавказе, я слышал, продаются частные сельские дома стоимостью под миллион. У меня на родине продаются дома за 300—400 рублей. Миллионы или сотни тысяч вологодским жителям даже не снятся во сне. Не буду говорить, против чего еще выступали шахтеры. И в этих условиях наивно звучат наши разговоры о трудовых спорах.

Вообще, как мне представляется, многие из нас не умеют и не хотят мыслить по-государственному. У большинства, я бы сказал, региональный способ мышления. Межрегиональный способ мышления, по-моему, тоже тут не годится.

Уважаемые друзья, мир с интересом, иногда со злорадным ехидством следит за каждым нашим движением, за каждым словом. Но мы должны знать, что мир не любит рутины. Он презирает пошлое единообразие. От каждого народа, от каждого государства мир ждет оригинального, своеобразного мышления, в том числе и в культурном, и в государственном строительстве. Подражательство обрекает на отставание даже в экономике. Разве японская экономика похожа на какую-нибудь иную? Существует способ производства, обусловленный национальными традициями, природно-климатическими и другими особенностями. Похоже на то, что некоторые депутаты не допускают никакой иной демократии, кроме как по американскому образцу. Мы уже выработали на сессии синдром заимствования, подражания, преклонения перед всем иностранным, что называлось в русском народе «чужебесием». «Чужебесие» охватило многих, даже вновь избранных министров и некоторых высокопоставленных деятелей. Берем взаймы не только деньги, заимствуем и западную парламентскую терминологию, вроде «леворадикальные группы», «сдвиг вправо», «центрист» и так далее. Есть люди, которые позаимствовали уже и государственное устройство. Но жизнь устроена так, что она противится нивелированию. Везде все по-разному, в том числе и у нас в стране. Вот привезли турков-месхетинцев в Смоленскую область и начали учить их растапливать русскую печь. Уверяю вас, толку от этого не будет. Даже хлеб люди разных национальностей пекут по-разному. Так можно ли выпекать одинаковые для всех народов и государств парламентские обычаи и законы? Национальные особенности в языке, в танце, в музыке, в одежде, в бытовом, общественном поведении не исчезли и, я надеюсь, никогда не исчезнут.

История показала со всей наглядностью, что люди не хотят быть людьми вообще. Они хотят быть эстонцами, грузинами, ар-

мянами, казахами, немцами, французами. Так не пора ли решительно и смело признать ошибочность идеологической установки марксизма по поводу слияния и исчезновения наций? Желание народа быть самим собой слишком долго сдерживалось, а нынче оно прорвалось и вылилось не только в добротные, гуманные, но и в уродливые формы национального эгоизма. Мне хотелось услышать здесь, на сессии, в чем причина ферганской трагедии. Ведь во все время так называемого «застоя» люди в Узбекистане не резали женщин, не стреляли в соседей из автоматов. Мы ничего не услышали по этому поводу. Ташкентские руководители отмалчиваются. А как узнать, кто виноват? Ну, поскольку трагедия уже свершилась, бедные месхетинцы хотели бы вернуться на свою прежнюю родину, то есть в Грузию. Грузия должна была свершить акт справедливости и принять месхетинцев. Этого не произошло. Остается гадать на кофейной гуще, как же грузинские депутаты будут голосовать, когда речь пойдет о крымских татарах? Не последует ли Украина примеру Грузии? Другой, не менее опасный прецедент был создан переселением правительством турков-месхетинцев в Смоленскую и другие области России. Позвольте спросить, а почему не в Эстонию, не в Латвию? Ведь положение в Прибалтике с жильем значительно лучше, чем на Смоленщине. Мой отец сражался на смоленской земле и лежит в этой земле, его уже нельзя спросить, как он относится к такому переселению. Но можно и нужно было спросить у живых людей! Меня удивила та легкость, с которой первый заместитель премьера депутат Никитин заявил о свободных землях Российского Нечерноземья. Ему и в голову не приходит, каковы могут быть последствия подобных переселений. Что такое вообще переселение — нам уже всем известно. Известно не только ингушам, калмыкам, крымским татарам, но и русским, и украинцам, и белорусам, и латышам. Если позволено с помощью переселений укреплять сельское хозяйство России, то почему бы не разрешить переезд на Смоленщину белорусу, который до сих пор облучается смертоносными лучами? Почему не переселять в Белгородскую область страдающих от радиации украинцев?

Товарищи журналисты из так называемой леворадикальной прессы, только не приклеивайте мне ярлык шовиниста! Ничего не получится из этого. Я готов плакать, когда слушаю грузинские народные песни, радуюсь, что Армения выстояла, когда у нее тряслась земля. Армения выстояла еще и при нашествии рок-музыки, этой чумы. Я радуюсь тому, что армянская молодежь отвергает так называемую сексуальную революцию, армянские девушки и женщины не разучились целомудренному достоинству. У меня радуется душа при виде грандиозного Певческого поля

в Литве, я люблю стихи Навои и юмор Ходжи Насреддина. Я хочу, чтобы процветали все народы нашей страны и, конечно, прежде всего русский народ. Неужели это называется шовинизмом?

Если вы мне позволите, я еще скажу несколько слов о своих впечатлениях о нашей сессии. Меня смутила настойчивость, с которой в министры предлагались люди, непопулярные в стране. Еще больше смутили некоторые заявления самих назначенных на высокие посты. В американском сенате, к примеру, неделями обсуждается, ставить ли на пост выпивающего министра. А многие наши министры не только сами закладывают за галстук, они и народ потчуют. Если в 1965 году было выпито на 15 миллиардов рублей, то за 1984 год уже на 52 миллиарда рублей. И теперь наш Госплан снова предлагает латать финансовые дыры за счет продажи алкоголя, этого наркотика. Атомщики во главе с академиком Велиховым тоже водят общественность за нос. Подробнее поговорим осенью. Министр финансов Павлов защищает грабительскую пошлину по наследству крестьянских домов. Зато вот пошлину на таможне недавно отменили. Спекулянтам иконами и компьютерами — полный простор сейчас. Безответственны слова товарища Маслюкова и товарища Бирюковой по поводу нашего пьяного бюджета. Просто стыдно сейчас повторять, потому что слова эти звучат цинично по отношению к нашему народу, который одобрил, и принял, и готов был и дальше выполнять закон 1985 года. Ни один министр, кроме Бакатина, не вспомнил о страшном народном бедствии, об этом медленном Чернобыле. Ну некоторые министерства вообще научились обманывать, я уже говорил. Вот общественность в печати была информирована, будто Катунскую ГЭС строить не будем, а на самом деле она строится. В то же время в коридорах Минэнерго всерьез планируется продажа электроэнергии за рубеж. А кто несет ответственность за порнографическую кинопродукцию, закупаемую на золото? Ее поспешно стряпают и у себя дома. Министр кино не стал отвечать депутатам на эти вопросы. Получается, что никто за массовое развращение наших детей и юношества не отвечает. Ни комитет по кино, ни комитет по радио, ни телевидение, ни Министерство культуры.

Недостаточную ответственность я ощутил и в выступлении председателя КГБ товарища Крючкова. Я посылал ему записку с двумя вопросами: существуют ли в стране диверсии на транспорте и в промышленности, существуют ли экономическое вредительство? Он, видимо, не успел ответить на записку с трибуны, но в перерыве на оба вопроса ответ был положительным. Вдумайтесь в этот факт, уважаемые члены Верховного Совета!

Экономические и финансовые программы министров, зампредов

вызывают очень много тревог и сомнений, а печать наша прямо-таки захлебывается от сообщений по поводу надвигающегося экономического краха, финансовых тупиков, разбалансированности и прочее. Газета «Известия» пишет о свободных зонах как о нормальном, давно ожидаемом для нашей страны. Я считаю, что это не только безответственно, но и преступно. Многие министры и депутаты готовы залезть дальше в долги и брать 12-процентные займы.

Двенадцать апостолов в Госплане, я имею в виду заместителей товарища Маслюкова, почему-то нами не утверждались на сессии. Мы не знаем о них ничего. Госплан — это единственная уникальная организация, не подвергающаяся никакому контролю. Она устанавливает в стране план, а за выполнение этого плана не отвечает.

Я много хотел бы еще говорить, но и так уже слишком. Предлагаю сделать поправку в Конституцию, подразумевающую выборность заместителей председателя Госплана, если нельзя ликвидировать эту организацию совсем. Я глубоко убежден в том, что переходить на новый хозяйственный расчет надо начинать с РСФСР, а не с Прибалтийских республик. Еще лучше сделать это одновременно, но, кажется, я уже опоздал со своими предложениями.

Предлагаю, прежде чем брать очередной заем у зарубежных банкиров, попробовать ввести в стране самый жесткий, самый строжайший режим экономии. Экономии во всем, в том числе и в словах. Извините, что говорил слишком долго.

●

Герман НАЗАРОВ

ПОТРЯСЕНИЕ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ. ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Накануне нового, 1917 года, налицо был кризис во внутренней жизни России. Отсрочки созыва Государственной думы следовали одна за другой. Беспомощность царского правительства доказывали расстраивающаяся экономика, рост цен на продукты питания, падение боевого духа в армии и флоте. В стране трудно было найти человека, уверенного в завтрашнем дне. Особенно такого, кто мог предсказать те бури, которые пронесутся над обширной территорией страны в ближайшие месяцы и годы, бури, которые так изменят облик еще недавно, казалось бы, могучей державы.

«Последнее предупреждение» император Николай II получил 26 февраля 1917 года (все даты даны по старому стилю. — Г. Н.), находясь в ставке в Могилеве. В этот день ему была доставлена телеграмма следующего содержания: «Положение в Петрограде серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя, всякое промедление смерти подобно. Родзянко». На следующее утро царю передали еще одну подобную депешу от председателя Думы. На этот раз он сообщал: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии».

Можно понять то нелегкое положение,

в каком оказался император. А тут еще ошарашил приехавший в ставку А. И. Гучков (**А. И. Гучков — князь, военный и морской министр в 1-м составе Временного правительства. Эмигрант с 1918 года**). Он доложил о переходе личного конвоя Николая II на сторону восставших войск. На вопрос царя, что же ему теперь делать, Гучков тоном, не допускающим двух мнений, заявил: «Вам надо отречься от престола». Император, по свидетельству очевидцев, выслушал это заявление внешне спокойно и после долгой паузы ответил: «Хорошо, я уже подписал акт об отречении в пользу моего сына, но теперь я пришел к заключению, что сын мой не отличается крепким здоровьем и я не желаю с ним расставаться. Поэтому я решил уступить престол Михаилу Александровичу».

2 марта Николай II в 15 часов дня подписал отречение в пользу сына Алексея, а уже в 22 часа — отречение в пользу брата Михаила Александровича. Царь на что-то еще надеялся. Об этом можно судить, знакомясь с текстом последнего императорского документа. «В дни великой борьбы с внешним врагом, — писал Николай II, — стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу, и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины. Призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего священного долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай».

Великий князь Михаил Александрович от оказанной чести не отказался. Но, учитывая ситуацию, в заявлении, обнародованном 3 марта, сообщил: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа. Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому

и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил» (**Великий князь Михаил Александрович, так же, как и Николай II, и члены их семей, был расстрелян летом 1918 года**).

По выражению П. Н. Милюкова (**П. Н. Милюков — министр иностранных дел в 1-м составе Временного правительства, эмигрант с 1920 года**), «новая власть, созданная революцией, вела свое преемство не от событий 2-го и 3-го марта, а от событий 27-го февраля». В этот день в Таврическом дворце открылось первое заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем его Исполкома был избран лидер меньшевистской фракции Государственной думы Н. С. Чхеидзе, товарищами (заместителями) председателя эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. Кроме них, членами Совета стали М. И. Либер (Гольдман), Ф. И. Дан (Гурвич), М. Я. Гендельман, А. Р. Гоц, Е. С. Коган и другие (**М. И. Либер — один из лидеров Бунда, после февраля меньшевик, после октябрьских событий перешел к большевикам, в 1937 году расстрелян. Ф. И. Дан — один из лидеров меньшевиков, большевизм не принял, в 1922 году эмигрировал. А. Р. Гоц — один из лидеров партии эсеров, после Октября стал большевиком, расстрелян в 1940 году**). В Исполком Совета, состоящий из 15 человек (в основном меньшевики и эсеры), вошли вначале только два большевика — А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий (**через 8 месяцев А. Г. Шляпников, рабочий-металлист, станет наркомом труда, затем — организатором и лидером «рабочей оппозиции». П. А. Залуцкий, перед Октябрьской революцией член Петроградского военно-революционного комитета, сторонник Троцкого. Оба в 1937 году расстреляны**). Через два дня в Совет вошли В. М. Молотов (Скрябин) и К. И. Шутко.

Для тех, кто интересуется историей того времени, небезынтересно узнать национальный состав тогдашнего Петроградского Совета. Для этого достаточно сообщить, кто такие меньшевики и большевики. На это четко ответил И. В. Сталин в своей статье «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии» (записки делегата). Он писал: «Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. п. По этому поводу кое-кто из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский (**Алексинский — депутат 2-й Государственной думы, открыто выступил против меньшевиков и эсеров, за что не был допущен в эсеровско-меньшевистский ВЦИК 1-го созыва. Совместно с русской контрразведкой в июле 1917 года пытался скомпрометировать В. И. Ленина, большевиков. В апреле 1918 года эмигрировал из России**), что мень-

шевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром.

А такой состав фракции нетрудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.» (Собр. соч., т. 2, с. 50). Косвенно с ним были согласны и сами меньшевики. «У нас нет партии — у нас есть только организация мелкобуржуазных интеллигентов», — говорил один из лидеров меньшевизма П. Б. Аксельрод и Ю. Ларин (**П. Б. Аксельрод в феврале 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета. После октябрьских событий большевизм не принял, эмигрировал за границу. Ю. Ларин (он же Л. А. Рин, М. З. Лурье, М. А. Лурье) тоже вошел в Исполком Петроградского Совета. К большевикам перекинулся в августе 1917 года. В советское время занимал ряд высоких постов в ВСНХ и Госплане СССР. Третий тесть Бухарина**).

Еще 10 июля 1906 года, после окончания первой русской революции, в газете «Новое время» появилась заметка некоего Штейна «Русский» вопрос». Автор давал понять русским (тогда был плюрализм мнений), что «еврей помог вам добиться гражданской свободы, создать новую, полную светлых надежд эпоху в истории России». И далее: «Под шум шабаша той же революции Еврей вместе с остальными победителями торжествующе вошел в ваш законодательный храм, захватил лидерские места известных партий и не во сне и не в сказке, а наяву и в действительности Еврей стал править Россией!..» Не будем спорить с давно почившим Штейном о том, кому принадлежала власть в стране в 1906 году, но одиннадцать лет спустя, в феврале 1917 года, «лидерство» в Петроградском Совете действительно захватили евреи-меньшевики и евреи-эсеры. Евреи же возглавили тогда почти все партии. Ими контролировались и многие органы печати того времени. Ряд русских газет, названных уже в наше время черносотенными, были запрещены.

Таким образом, наряду с Временным правительством, созданным Временным комитетом Государственной думы, в столице России с февраля 1917 года стал функционировать неофициальный орган власти — **Совет рабочих и солдатских депутатов.** Как показали дальнейшие события, Совет принимал «в штыки» почти все решения Временного правительства. Законной (если это слово здесь уместно) власти была не по силам борьба с Советом, и она зачастую шла у него на поводу. В результате 2 марта Временное правительство совместно с Советом издало декларацию, в которой объявило свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, выборы в органы местного самоуправления, а также полную и немедленную амнистию всем политическим и уголовным элементам. Эта мера позволила меньшевикам и эсерам укрепить свою власть в Советах за счет поддержки тех, кто еще недавно находился в местах лишения свободы и ссылках, была вызвана новая волна беспорядков в стране.

В то же время Совет единолично опубликовал воззвание, в котором говорилось: «...в той мере, в какой зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна

оказать ей свою поддержку». В нашу историю, во все учебники вошел «знаменитый» приказ № 1, изданный тем же Советом (без участия Временного правительства), который вводил в армии и на флоте выборные солдатские комитеты, тем самым подчинял себе столичный гарнизон. Этот документ, декларируя новые права солдат, позволил обезличить командный состав армии, что не замедлило сказаться на ее боеспособности. Член Петроградского Совета и редактор меньшевистской газетенки «Новая жизнь» (той самой, где за неделю до октябрьских событий была опубликована заметка «Ю. Каменев о «выступлении», в которой большевик Л. Б. Каменев (Розенфельд) от своего имени и от имени большевика Г. Е. Зиновьева (Апфельбаума) выступил против вооруженного восстания) Иосиф Гольденберг (**Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев состояли в Бунде. После 2-го съезда РСДРП оказались в большевиках. Тем не менее часто продолжали выступать против большевиков, против Ленина. Ярые сторонники Троцкого. Расстреляны в 1936 году. В настоящее время реабилитированы, как жертвы «сталинских репрессий». И. Гольденберг состоял в Бунде. После 2-го съезда РСДРП примкнул к большевикам. В 1914—1917 годах оборонец. В 1917—1919 годах меньшевик. В 1920 году был вновь принят в большевики**) заявил, что «приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы «сделали революцию», мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смею утверждать это — надлежащее средство».

Для развала армии этого было, видимо, недостаточно и 5 марта в дополнение к приказу № 1 Петроградский Совет издал приказ № 2, призывающий всех солдат подчиняться только руководству Совета, а не офицерам. Под давлением меньшевиков и эсеров этот приказ был подписан председателем военной комиссии Государственной думы генералом Н. М. Потаповым. Среди тех, кто диктовал ему свои условия, был Ю. М. Нахамкис (**Ю. М. Нахамкис в феврале 1917 года меньшевик. Позднее, переменив фамилию на Стеклова и «переодевшись» в большевика, участвовал в октябрьских событиях вместе с Троцким. После Октября 1917 года редактор газеты «Известия». На VII съезде РКП(б) заявил: «Название «большевики» носит чисто исторический характер: оно — случайный факт, что на 2-м съезде партии представители революционного крыла (меньшевики, бундовцы и т. п. — Г. Н.) оказались в большинстве. Это слово можно из названия партии опустить». Расстрелян в 1941 году**) — член Исполкома Петроградского Совета. Одним из последствий выполнения приказов № 1 и 2 стало то, что офицеры стали повсеместно изгоняться из армии. «Мы не знали тогда, — писал в 1921 году белогвардейский генерал А. И. Деникин в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты», — о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства».

Отречение царя от престола, февральская революция были встречены в России с удовлетворением, а кое-где даже с ликованием. Многие поверили тогда словам: «свобода, равенство, братство, счастье», лозунгам «Вся власть Советам», «Земля крестьянам»,

«Фабрики рабочим», выдвинутым практически всеми партиями и группировками, боровшимися за власть и пытавшимися перетянуть массы на свою сторону.

Пока меньшевики и эсеры не без помощи этих лозунгов укрепляли свои позиции в Петроградском Совете, бундоецы, часть меньшевиков и эсеров, анархисты пробирались ближе к месту свершившейся революции — Петрограду. Большевикам в этой ситуации тоже нельзя было сидеть сложа руки.

С декабря 1907 года по март 1917 года В. И. Ленин жил за границей. Находясь в Цюрихе, он получил первое известие о февральской революции в России 2 марта. Тогда же принял решение вернуться на родину. Послал телеграмму Г. Е. Зиновьеву в Берн с известием о революции в России и попросил его немедленно выехать в Цюрих. Между 2 и 6 марта Ленин послал Я. С. Ганецкому (Фюрстенбергу) **(Я. С. Ганецкий — член Загреничного представительства ЦК РСДРП, расстрепвн в 1937 году)** конспиративное письмо со своей фотографией. В этом послании он просил организовать ему нелегальный проезд в Россию под видом глухонемого шведа.

3 марта Ленин прочитал в газетах о февральских событиях. Тогда же в письме А. М. Коллонтай в Осло дал оценку свершившейся революции, которая произошла фактически без участия большевиков и ее основных лидеров, наметил тактику в борьбе партии за власть. С 4 по 22 марта Ленин делал выписки из иностранных газет, сообщавших о русской революции. В письме к И. Ф. Арманд (Стеффен) просил выяснить вопрос о возможности возвращения в Россию через Англию.

Нельзя не удивляться работоспособности вождя Октябрьской революции, четкости его указаний, прозорливости. Яркое свидетельство тому посланная 6 марта через Стокгольм в Осло телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию. В ней говорится: «Вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями» (ПСС, т. 31, с. 7). Но «сближение», к сожалению, уже началось, и не его в том вина.

Нельзя отрицать и того, что Ленин тогда был близок со многими меньшевиками и эсерами, ради дела шел с ними даже на компромиссы. Этим, видимо, можно объяснить содержание письма В. А. Карпинскому **(В. А. Карпинский «знаменит» тем, что Ленин ему написал свыше 100 писем)**, датированного 6 марта в Женеву, в котором Ленин одобрил план Л. Мартова **(Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум) — один из лидеров меньшевизма. После октябрьского переворота член ВЦИК, депутат Моссовета. В 1920 году эмигрировал за границу)** добиться пропуска политических эмигрантов в Россию через Германию в обмен на интернированных немцев.

Быть доверенным лицом для ведения переговоров с германским правительством Ленин попросил Ф. Платтена **(Ф. Платтен — член социал-демократической партии Швейцарии. В 1923 году принял большевизм. Умер в СССР в заключении в 1942 году)**. 22 марта он поручил ему передать германскому посланнику в Швейцарии Ромбергу условия русских эмигрантов. Получив согласие германского правительства, Ленин и Крупская выехали из Берна в Цюрих, а затем на родину. 31 марта Ильич передал коммюнике «Проезд русских революционеров через Германию» газете «Политика», где оно было напечатано 14 апреля 1917 года. В этой публикации

сообщалось, что «выехало 30 русских партийных товарищей, мужчин и женщин, в том числе Ленин и Зиновьев..., а также несколько членов еврейского рабочего союза». Там же говорилось, что «руководителем поездки был Фриц Платтен, который один вел все необходимые переговоры с сопровождавшими поезд представителями немецкого правительства». В этот же день Ленин послал на имя председателя Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе телеграмму, в которой высказал опасение: как бы «нас не задержали... при въезде в Россию». 3 апреля поздно вечером Ленин прибыл в Петроград на Финляндский вокзал. 5 апреля одновременно в «Правде» и «Известиях» была уже напечатана статья Ильича «Как мы доехали». В ней рассказывалось об условиях проезда через Германию, заключенных с германским послом в Швейцарии: «едут все эмигранты без различия взглядов на войну; вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля, ни паспортов, ни багажа; едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных» (ПСС, т. 32, с. 120).

Буквально на следующий после появления в столице день Ленин выступил со своими «Апрельскими тезисами» в Таврическом дворце на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда еще была надежда прийти к власти мирным путем, и потому он сделал упор в своей речи на то, что «надо разъяснять массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство, еще не виданное в мире, кроме Коммуны» (ПСС, т. 31, с. 104). В апреле же Ильич опубликовал «Письма о тактике» большевиков. Делегаты предстоящей 7-й (Апрельской) конференции РСДРП имели возможность ознакомиться с их содержанием. В этих письмах подчеркивалось, что «надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» вообще». Ленин считал тогда, что «фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат». Вместе с тем он говорил: «А я, с исключающей всякую возможность недоразумений ясностью, отстаиваю необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства без постоянной армии, без противостоящей народу полиции, без поставленного над народом чиновничества (ПСС, т. 33, с. 138).

Первый съезд Петроградского Совета собрался 4 апреля. На нем была проявлена готовность «дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств». С подобным заявлением выступили лидеры Совета (Гоц, Либер, Гендельман и другие). Подобная точка зрения высказывалась и в печати.

В своей статье «О двоевластии», опубликованной в «Правде» 9 апреля, Ленин создавшееся положение охарактеризовал так: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею. В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие... Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы —

марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимой от буржуазии» (ПСС, т. 31, с. 145—147).

Февральская революция застала Троцкого (Бронштейна) в Нью-Йорке, где он редактировал русскую радикальную газету «Новый мир» в сотрудничестве со своим другом и тогдашним идейным противником Ленина Н. И. Бухариным, которого один из наблюдателей сравнил тогда с «белокурым Макиавелли в кожаной тужурке». Троцкий прибыл в США за два месяца до отречения царя от престола, после того, как осенью 1916 года его выслали из Франции. Бухарин незадолго перед тем приехал в Америку из Австрии.

Узнав о событиях, происшедших за океаном, Троцкий начал спешно собираться в Россию, но поездка его была прервана канадскими властями. Бронштейна арестовали в Галифаксе. Ленина, еще не разуверившегося в «Иудушке», эта весть не радовала. Были у Троцкого и иные заступники в Петроградском Совете. Они напечатали тогда в «Известиях» Петроградского Совета протест против его ареста.

Бронштейн просидел в заключении месяц. Затем по просьбе Временного правительства был освобожден и выехал на пароходе в Петроград. Троцкий прибыл туда в мае и тут же попытался создать свою революционную партию — блок из бывших эмигрантов и левацких элементов различных радикальных партий. Но вскоре стало ясно, что у троцкистского движения нет будущего. Революционные массы его не поддержали.

И. В. Сталин приехал в Петроград 12 марта. Февральская революция застала его в Ачинске, где он, мобилизованный в декабре 1916 года, готовился к отправке на фронт. «Я вспоминаю 1917 год... Был переброшен в Петроград... Там, в России, я стал одним из мастеров революции» (Собр. соч., т. 8, с. 175). Вскоре, 29 марта, в Петрограде появились Ешуа-Соломон Мовшович Свердлов и Шая Исаакович Голощекин. По воспоминаниям жены Свердлова К. Т. Новгородцевой «его (т. е. Свердлова. — **Г. Н.**) точка зрения приближалась к ленинской; узнав как следует содержание ленинских Апрельских тезисов, Яков Михайлович сразу же примкнул к Ленину, полностью встал на ленинские позиции» (Новгородцева К. Т., «Яков Михайлович Свердлов», 1960, с. 247). Прочитав эти строчки, можно предположить, что до апреля 1917 года Свердлов на позициях русской фракции большевиков не стоял.

Из будущих лидеров нашего государства в то тревожное и сложное время только Ленин и Сталин были последовательными большевиками. Троцкий не был ни меньшевиком, ни большевиком, сам по себе. Он был тем, что Ильич называл троцкистом, то есть «индивидуалистом и оппортунистом». Его поведение до первой русской революции неоднократно вызывало резкое осуждение Ленина. И все-таки нельзя не сказать, что больше всего писем он написал именно Троцкому. Свердлов был непонятно кто; его политическая биография до февраля 1917 года до сих пор не опубликована. До октябрьских событий известно одно-единственное ленинское письмо, адресованное Свердлову. О том, что силы большевиков были тогда невелики, доказывает и Апрельская конференция РСДРП(б), проходившая в Петрограде с 24 по 26 апреля. Рассматривая вопрос о характере и направлении революции, Ильич тогда сказал: «Мы пока в меньшинстве, массы нам

пока не верят... Колебания правительства могут их оттолкнуть от себя, и они хлынут в нашу сторону, и, учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло» (ПСС, т. 31, с. 346).

Чуть позже Ленин добавил: «В широких массах есть тьма недоразумений, полного непонимания нашей позиции, поэтому мы должны быть здесь наиболее популярными... Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока» (там же, с. 347, 351).

Кстати, неизбежность гражданской войны Ленин предвидел еще в 1905 году. В статье «Новые задачи и новые силы» он писал: «Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии, характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне» (ПСС, т. 9, с. 294). Подобные мысли высказывал и И. В. Сталин в статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи» (1901 г.): «Уличная демонстрация интересна тем, что она быстро вовлекает в движение большую массу населения, сразу знакомит ее с нашими требованиями и создает ту благоприятную широкую почву, на которой мы смело можем сеять семена социалистических идей и политической свободы» (Собр. соч., т. 1, с. 26).

В апреле Ленин констатировал, что «вина Советов не в том, что власть они не взяли, а в том, что они учат народ худому, кричат о победе над правительством. Я решительно за то, чтобы вставлять в наши списки кандидатов меньшевиков, рвущих с шовинизмом». Тогда же в стране стал образовываться блок большевиков, меньшевиков и эсеров. На этот шаг Ильич пошел потому, что власть фактически хоть и не находилась в руках Петроградского Совета, но контролировалась меньшевиками и эсерами, союз с ними был выгоден. Большевики в Советах были в меньшинстве.

Не следует сбрасывать со счетов еще одну стремящуюся тогда к власти силу. В газете «Биржевые ведомости» 20 апреля появилось воззвание следующего содержания: «Евреи, граждане Петрограда, подписывайтесь на заем Свободы! Сионистская организация принимает подписку от евреев в особой кассе Сибирского банка № 44. Каждый еврей должен иметь облигации Займа свободы». Сионистские организации Петрограда были очень сильны. С ними считался Петроградский Совет, они захватили в свои руки значительную часть прессы и банковское дело.

По опубликованным данным, в России действовало в канун февральской революции 18 тысяч организованных сионистов. 24 мая на проходящем в Петрограде 7-м Всероссийском сионистском съезде было представлено уже 150 тысяч сионистов, а к осени их число достигло 300 тысяч. Эти цифры приведены в книге В. Бегуна «Ползучая контрреволюция» («Беларусь», Минск, 1974 г.). На 7-м съезде российских сионистов присутствовали представители от Бунда, от меньшевиков и эсеров, от анархистов и других фракций, борющихся за власть. Неудивительно поэтому, что к середине 1917 года многие из сионистов оказались под одной крышей с большевиками, в РСДРП(б). Позднее примкнули к большевикам

даже члены ЦК Бунда (Либер, Абрамович и другие). В 1921 году Бунд полностью слился с РКП(б).

Газета «Биржевые ведомости» опубликовала «Речь ленинца Зиновьева» (она так и называлась) 1 мая. Автор рассказал в ней, как он вместе с Лениным проехал через Германию. На вопрос, кому должна принадлежать власть, заявил, что его партия стоит за единую власть. Она должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и батрацких депутатов. И добавил: «Нечего опасаться, что они не подготовлены к тому, чтобы взять власть в свои руки — власть этих Советов приведет страну к счастью». Каким «верным ленинцем» станет вскоре Зиновьев (Апфельбаум), известно. Что касается обещанного для страны счастья, то его пришлось ждать долго...

С 5 мая в России начало свою деятельность 1-е коалиционное правительство, в которое вошли шесть членов Исполкома Петроградского Совета. Пост военного и морского министра занял А. Ф. Керенский. 6 мая правительство выступило с декларацией, в которой обещало бороться с хозяйственной разрухой, укрепить демократические начала в армии, повысить ее боеспособность.

3 июня в Петрограде открылся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Выборы его делегатов проходили в острой борьбе между меньшевиками, большевиками и эсерами. Из 777 делегатов, заявивших о своей партийности, на съезде было 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 меньшевиков-объединенцев, 24 примыкали к другим фракциям и группам.

От имени Петроградского Совета выступил тогда меньшевик М. И. Либер. Он дал довольно подробную справку о том, какие причины повлекли за собою правительственный кризис, уход из рядов первого Временного правительства Милюкова и Гучкова, поведал о вступлении социалистов-меньшевиков в состав второго Временного правительства. «Наступил кризис, — говорил он, — и перед всеми нами было три выхода: передать власть в руки представителей цензовой буржуазии, передать власть в руки Совета, и, наконец, социалистам вступить в ряды Временного правительства.

Вы понимаете, что передать власть в руки цензовой буржуазии совершенно невозможно, ибо такое правительство не просуществовало бы и трех дней и о каком бы то ни было авторитете власти было бы тогда просто смешно говорить.

Советы также не могли взять власть в свои руки. Это было бы чрезвычайно легко осуществить. Мы получили бы власть без боя. Для этого нам достаточно было бы явиться в Мариинский дворец и отобрать у министров первого Временного правительства портфели. Но задача сводилась не к захвату власти, а к удержанию ее в интересах революции.

На немедленном захвате власти в свои руки настаивали большевики; но совершенно ясно, что большевики вовсе не имеют того влияния, на которое они претендуют во всероссийском масштабе. Оставалось идти третьим путем — войти в состав Временного правительства».

Выступил и один из лидеров меньшевиков, И. Г. Церетели (**И. Г. Церетели — министр почты и телеграфов в 1-м коалиционном Временном правительстве, во 2-м — министр внутренних дел. Эмигрант с 1921 года**), который заявил: «Мы знаем, что в России

происходит ожесточенная борьба за власть и, вместе с тем, нет в России политической партии, которая хотела бы взять власть в свои руки». На эти слова раздался голос в зале: «Есть!» Возглас этот принадлежал Ленину. «До сих пор мы слышали обратное. Верно, товарищ Ленин?» — обратился к нему министр. «Нет!» — ответил Ильич. «Если это так, — продолжил Церетели, — то мы имеем дело с новым откровением, которое, быть может, через пять минут мы здесь услышим».

Через пять минут выступил Ленин: «Наша партия не отказывается от власти, — сказал он. — Она готова каждую минуту взять власть в свои руки». На вопрос, как вы хотите это сделать, последовало: «Арестовать один, другой десяток капиталистов, продержать их в таких условиях, в каких живет Николай Романов, и они вскроют вам все нити и секреты своего обогащения. Нужно арестовать капиталистов — без этого все ваши фразы будут пустыми словами».

Выступления депутатов съезда были опубликованы в газете «Биржевые ведомости» (вечерний выпуск) 5 июня 1917 года. Был обнародован и состав ВЦИК. В него вошли 107 меньшевиков, 101 эсер, 35 большевиков, а также объединенные социал-демократы, трудовики и народные социалисты, анархо-коммунисты, бундовцы. В Президиум ВЦИК были избраны: от меньшевиков Н. С. Чхеидзе — председатель, И. Г. Церетели — заместитель председателя, Ф. И. Дан (Гурвич), М. И. Либер (Гольдман), А. А. Никольский, от эсеров М. Я. Гендельман, А. Р. Гоц — заместитель председателя, М. Ф. Крушинский, С. С. Саакян, от большевиков — Каменев (Розенфельд). От большевиков во ВЦИК вошли В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Е. С. Коган, М. М. Лашевич, Я. Д. Ленцман и другие. Таким образом, и на этот раз подавляющее большинство членов ВЦИК было представлено мелкой буржуазией. К власти в разоренной стране фактически пришли социал-революционеры (эсеры) и социал-демократы (меньшевики и большевики) с явным преобладанием сначала первых, потом вторых (меньшевиков). **Этот узкопартийный блок понес на себе основную тяжесть ответственности за последующие события русской революции.**

Борьба за власть теперь разгорелась внутри Совета «рабочих и солдатских депутатов». Последние слова пришлось взять в кавычки. И вот почему. Позднее, в марте 1919 года, Ленин отмечал такую особенность меньшевиков и эсеров: «Меньшевики есть худшие враги социализма, ибо они одеваются в пролетарскую шкуру, но меньшевики — слой непролетарский. В этом слое только ничтожные верхушки пролетарские, а сам он состоит из мелкой интеллигенции. Этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: «Милости просим». Далее Ленин продолжил: «...Так было с меньшевиками, с эсерами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами, которые долго еще будут путаться в ногах, перебегать из одного лагеря в другой — с ними ничего не поделаешь. Но мы через все эти колебания будем получать слои культурной интеллигенции в ряды советских работников и отсекать те элементы, которые продолжают поддерживать белогвардейцев» (Восьмой съезд РКП(б), протоколы, 1959 г., с. 61). Не все представители «культурного слоя», состоящего из меньшевиков, эсеров, бундовцев и прочих «колеблющихся» оправдали доверие Ильича. Многие из

них залили потом кровью землю России, многие даже сохранили при том партийный стаж пребывания в своих партиях и фракциях и стали позднее называться «старыми большевиками», получили персональные пенсии.

В начале лета 1917 года Советы представляли из себя довольно аморфную массу, совершенно не способную управлять государством. Среди солдат в Совете было много дизертиров. Уничтожающей критике подверг ВЦИК один из его членов В. Б. Станкевич: «Хаотичность заседаний, политическая дезорганизованность, неопределенность, торопливость и случайность в решении вопросов, полное отсутствие административного опыта, и, наконец, демагогия членов комитета...

Поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране. (Русских тоже было ничтожное число, не говоря уже о татарах, чувашах и других представителях малых народов России. В Президиуме ВЦИК не было ни одного русского! — Г. Н.)...

Совет — это собрание полуграмотных солдат — оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому, что он был только ширмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие... Две тысячи тыловых солдат и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое «представительство» России».

То, что Совет категорически уклонился от власти, не отрицал и Церетели, он заявлял: «Не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы... не захотели взять на себя ответственность за крушение движения».

Огромная сеть комитетов, Советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственных работах. Тогда все хотели управлять. Но анархия и беспорядки ни к чему хорошему привести не могли. Это было ясно всем разумным людям. Ярый враг Советской власти Деникин отмечал: «Русская революция, в своем зарождении и начале, была явлением без сомнения национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но когда пришло время нового строительства, столкнулись две силы, вступившие в борьбу, две силы, возглавившие различные течения общественной мысли, различное мировоззрение. По установившейся терминологии — это была борьба буржуазии с демократией, хотя правильнее было бы назвать борьбой буржуазной демократии с социалистической. Обе стороны черпали свои руководящие силы из одного источника — немногочисленной русской интеллигенции, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народных масс, от имени которых говорили и которые, изображая зрительный зал, рукоплескали лицедеям, затрагивавшим их наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки инертный ранее народ, в частности, армия, обратились (по словам

Керенского) «в стихию расплавленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм».

В июле в стране наступил очередной (после апреля и июня) политический кризис. 3 числа этого месяца в Петрограде вспыхнули стихийные демонстрации. Московский гренадерский, Павловский, 180-й, 1-й запасные полки и 6-й саперный батальон вышли на улицу с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!» К ним присоединилась толпа. Руководство Петроградским Советом запретило демонстрацию, но удержать массы было невозможно. Большевики решили возглавить движение. На следующий день тысячи рабочих, солдат и матросов с лозунгами «Вся власть Советам!» вновь вышли на демонстрацию и двинулись к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК. Ленин выступил перед демонстрантами у здания ЦК РСДРП(б), призывал их к выдержке. Представители ряда предприятий предложили ему тогда взять всю власть в свои руки, заявив: «Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет». Авторитет вождя кое-кому пришелся не по душе, и ВЦИК объявил демонстрацию «большевистским заговором», отклонив требование масс.

Разогнать демонстрантов приказал командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев. Кровопролития при этом, возможно, и не было бы. Но в Совете нашлись люди, сумевшие организовать провокационный обстрел демонстрантов. Среди них был и Троцкий, тоже не желавший прихода к власти большевиков. В результате было убито 56 и ранено 650 человек. ЦК РСДРП(б) пришлось вынести решение о прекращении демонстрации. Временное правительство объявило Петроград на военном положении.

Правительственный кризис углубился отставкой премьер-министра Г. Е. Львова. Вышли в отставку министры-кадеты А. И. Шингарев, А. А. Мануйлов и Д. И. Шаховский. В июля премьер-министром стал А. Ф. Керенский. **ЦИК Советов признал за Временным правительством «неограниченные полномочия и неограниченную власть». Эсеро-меньшевистские Советы стали его придатком.** Июльские дни положили конец двоевластию.

С 5 июля Ильич перешел на нелегальное положение, на котором находился вплоть до 24 октября (менял квартиры, скрывался в Разливе, Выборге). Как оказалось, не зря: 6 июля правительство отдало приказ об его аресте.

В это время с фронта в столицу начали прибывать верные правительству войска. Толпа была разоружена, воинские части, принимавшие участие в демонстрации, тоже. Начались аресты. Среди арестованных казаками оказался и один из организаторов демонстрации Каменев (Розенфельд). Была разгромлена и типография «Правды». Накануне этого события газета поместила статью Ленина «Куда привели революцию эсеры и меньшевики». В ней отмечалось: «Меньшевики и эсеры повели массы к подчинению политике контрреволюционных буржуа. В этом суть положения. В этом значение наступления. В этом своеобразие: не насилие, а доверие к эсерам и меньшевикам сбило народ с пути. Надолго ли? Не надолго» (ПСС, т. 32, с. 372).

Упрятать Ленина за решетку не удалось. Тогда решено было расправиться с вождем иным путем. 6 июля газеты запестрели

сообщениями о его предательстве. Газета «Биржевые ведомости» от 6 июля поместила статью под заголовком «Дело Ленина, Сумен-сон, Ганецкого, Козловского и др.». В ней сообщалось о задержании переброшенного на русскую территорию в тыл 16-й армии прапорщика Ермоленко, который вел агитацию в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Говорилось о том, что, по свидетельству офицеров Германского генерального штаба Шидицкого и Люберса, такого же рода агитацию в России ведут агент германского генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропис-Иелтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами подорвать доверие русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию они получают через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Средства и инструкции пересылаются им через доверенных лиц. «Такими доверенными лицами, — сообщает газета, — являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор А. Л. Гельфанд) **[Парвус — бизнесмен, принимал участие в социал-демократическом движении России и Германии, агент германского генерального штабв, занимался крупными спекулвциями, нажиаался на военных поставках. Ганецкий служил у Парвуса. — Г. Н.]**. В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон».

В том же издании промелькнуло и такое сообщение: «Нам сообщают из авторитетного источника, что известный германский независимый социал-демократ Гаазе проездом из Стокгольма заявил в Копенгагене, что проживающий там Гельфанд (Парвус) служит посредником между германским правительством и русскими большевиками и доставляет им деньги».

Клевету «Биржевых ведомостей» подхватили и другие газеты. Они сообщили, что создана специальная комиссия по расследованию обвинений, предъявленных группе во главе с Лениным. В ее состав вошли члены бюро ЦИК Советов и члены центрального комитета Гендельман, Гоц, Дан, Либер и Крохмаль. Для пущей убедительности вскоре появилась информация о попытке разгрома отделения контрразведки в Петрограде, которая напала на след, ведущий из германского генерального штаба к лидерам большевиков.

Газета «Вечернее время» 22 июля поместила статью Ал. Ксюнина «Перед решением». В ней давалась общая оценка России: «Власти нет. Ее не было уже давно, и представлявшее ее правительство являлось только фикцией. Все таранили Россию, все волокли ее к пропасти, все говорили о ее гибели и все ждали не то чуда, не то ее мирной кончины.

Народ раздели донага, лишили его религии, семьи, государства, заплевали его душу, создали невероятный сумбур в его голове... Возвращаются Циммервальды и Кинтали под охрану германского генерального штаба. Цель переворота и долгожданной революции осталась где-то далеко-далеко забыта, давно улетучилась. Ее заслонили социалистические опыты самозваных комитетов, погромной толпы, сбитых с пути рабочих, потерявших себя крестьян.

Достояние нации, сельское хозяйство, промышленность, торговля, труд и капитал — все покатилось в тартарары... Богатая Россия стала нищей. Ее житницы пусты, ее фабрики накануне краха, ее

железные дороги замирают, ее народ начинает голодать... Страной правят теоретики социализма, а за их спиной стоят сознательные разрушители государства... Понятия спутаны, карты подтасованы; предателей и шпионов называют друзьями народа, вождями демократии и спасителями революции. А тех, кто не продался и не потерял совести, в ком осталась любовь к своему народу и измученной стране — тех требуют к ответу, выставляют врагами родины и свободы...»

С 26 июля по 3 августа в Петрограде полулегально проходил 6-й съезд РСДРП. К этим буквам после него добавилась «б» — большевиков. И тут же Троцкий совершил сенсационное сальто-мортале. После четырнадцати лет оппозиции к Ленину и его твердым последователям он вдруг подал заявление о приеме в большевистскую партию. Ильич неоднократно предостерегал от Троцкого, но теперь, во время решающей борьбы за власть, требовались силы всех радикальных фракций, групп и партий. У Троцкого было сравнительно много сторонников, и его ходатайство о приеме было удовлетворено. Помощь ему в этом оказал и Свердлов. Вместе с Троцким в РСДРП(б) записались межрайонцы М. М. Володарский (Гольдштейн), А. А. Иоффе, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий (бывший член ЦК меньшевиков). Всего было принято в партию около четырех тысяч межрайонцев. Некоторые из них впоследствии стали настоящими большевиками. Троцкий же и ряд его сторонников лишь на некоторое время прекратили борьбу с Лениным, по существу, не отказались от своих взглядов. Впоследствии они выступили против генеральной линии партии, стали врагами и СССР, и всего мирового коммунистического движения.

Троцкий привел за собой в партию большевиков всю свою пеструю свиту левых диссидентоа. И, как оказалось, не случайно. Вскоре его сторонники заняли подавляющее число мест в ЦК РСДРП(б). Причем а «узкий» состав ЦК, состоящий из 11 человек, не вошеп даже Ленин. Позднее Бронштейн стал председателем Петроградского Совета, в котором он дебютировал еще в 1905 году.

В новом большевистско-меньшевистском составе ЦК, избранном на 6-м съезде РСДРП(б), хотя формально все там стали большевиками, генеральный секретарь не был выбран. Все были равны между собой. Негласное же руководство опять-таки взял на себя Троцкий.

Записав в резолюции, что мирный переход власти к Советам невозможен, делегаты 6-го съезда РСДРП(б) временно сняли лозунг «Вся власть Советам!» и указали, что «правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии». Таким образом в августе большевики взяли курс на вооруженное восстание. Тогда же они издали Манифест, в котором есть такие слова: «грядет новое движение, и настанет смертный час старого мира... Готовьтесь к новым битвам... Копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

Обращения Думы к населению с предупреждением о грядущей опасности игнорировались и Временным правительством, и большинством населения. Да и Думе оставалось существовать недолго.

6 октября Керенский по требованию Петроградского Совета распустил ее.

После июльских дней, ознаменовавших конец мирного периода революции, государственная власть сосредоточилась в руках Временного правительства. Тогда же с его ведома возник заговор монархически настооенных членов генералитета. Заговорщики были поддержаны представителями Великобритании, Франции и США, которые боялись выхода России из войны. Центром подготовки мятежа была Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве.

Стремясь придать готовившемуся перевороту «законный» характер, Временное правительство 12 августа созвало московское Государственное совещание, которое сформулировало программу наведения порядка в стране. Главной боевой силой был объявлен 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова, который намечалось ввести в Петроград, чтобы разгромить и разогнать «жидовские Советы» и установить власть армии. Мятеж поддержал генерал А. М. Каледин, взбунтовавший на Дону казачество. 25 августа Корнилов двинул войска на Петроград, потребовав отставки Временного правительства и выезда Керенского в Ставку. Министры-кадеты 27 августа подали в отставку, выражая солидарность с Корниловым. В ответ на это Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил от должности верховного главнокомандующего. Изменение политики Керенского было вызвано боязнью того, что Корнилов расправится не только с Советами, но и с мелкобуржуазными партиями. Он опасался, что возмущенные массы могут, идя за Корниловым, смести и его самого. Тактика большевиков в это время состояла в том, чтобы бороться против Корнилова вместе с Временным правительством. И при этом разоблачать контрреволюционную сущность последнего.

Генерал Л. Г. Корнилов прибыл в Москву 13 августа. Собравшимся его встречать он заявил: «Я знаю, что казаки были и будут самой верной опорой той власти, которая решительными и крутыми мерами положит конец произволу и поведет Россию по светлому пути спасения». В ответ на это 27 августа ЦК РСДРП(б) обратился к населению Петрограда с призывом встать на защиту революции. 28 августа Корнилов издал приказ: «...Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога — в храмы, молите Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Особенно много работы было у большевиков тогда в тыловых частях Петроградского гарнизона. Они проводили агитацию среди солдат, доказывали, что Корнилов собирается свергнуть Временное

правительство и возвести на престол Николая II. Это принесло свои плоды. **Не без поддержки большевиков Временному правительству удалось арестовать Корнилова и других генералов. Не оставаясь в долгу, власти открывали двери петроградских тюрем и выпускали на волю многих большевиков, в том числе и арестованного Бронштейна-Троцкого. Незадолго перед тем тот, чтобы спастись в тревожные июльские дни, вновь отмежевался на время от большевиков и попросил власти посадить его в тюрьму. Он заявил тогда, что поддерживает связь только с одним большевиком — Каменевым (Розенфельдом), который был женат на сестре Троцкого.**

После ликвидации корниловского мятежа встал вопрос об изменении руководства Петроградским Советом. Вот тогда-то на пост председателя Петросовета по инициативе Каменева и была предложена кандидатура Троцкого. 25 сентября он сменил на посту председателя Петроградского Совета Чхеидзе. Сразу после этого в столице вновь был выдвинут лозунг «Вся власть Советам!».

Газета «Новое время» от 28 сентября словами своего корреспондента М. Курдюмова оплакивала гибнущую Россию: «...И совершился переворот. Не тот переворот политический, который сверг самодержавие, а переворот самого существа революции: навстречу боровшимся для других встали и пошли борющиеся для себя. Из романтической революция стала реальной. Было самоотречение, явилось самоутверждение. Было: отдадим все, появилось: возьмем все. Творимая легенда, полная героизма, самоотвержения, подвига, умерла. На смену декабристу, который добровольно шел на эшафот, где палач над его головой ломал шпагу (эмблему его сословных преимуществ), срывал с него ордена и эполеты, перед лицом смерти превращал его в ошельмованного арестанта, — на смену этому подвижнику-буржую пришел революционер-демократ и сам себя опоясал шпагой «красной гвардии», сам перед всеми утвердил привилегии своего класса».

А тем временем ЦК большевиков принимает 10 октября резолюцию о вооруженном выступлении. 16 октября на заседании ЦК для руководства восстанием избирается Военно-революционный партийный центр (Л. Д. Троцкий, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий), который вошел в состав Петроградского военно-революционного комитета как его руководящее ядро. С 20 октября ПВРК приступил к активной деятельности.

Перво-наперво большевики провели большую работу среди казаков. Особенно старались тут Свердлов и Троцкий, обратившийся даже с воззванием к казакам. Представители казачьих полков были приглашены и на совещание полковых комитетов, проводившееся Петроградским Советом 21 октября в Смольном. На совещании собравшиеся заявили, что они не пойдут против «рабочих и солдат».

В ночь с 25 на 26 октября состоялось экстренное заседание ЦИК Советов. Председательствовал на нем А. Р. Гоц. С оценкой текущего момента выступили Ф. И. Дан, М. И. Либер, **затем слово взял Троцкий. Обращаясь к Гоцу, Дану и Либеру, он заявил: «Если вы не дрогнете, то гражданской войны не будет, так как наши враги сразу капитулируют и вы займете место, которое вам по праву принадлежит, место хозяев земли русской».** Собрание за-

крывается около четырех часов ночи. Утром 25 октября появилось Обращение Временного правительства.

Его поддержал так называемый Комитет спасения родины и революции. В его утреннем воззвании говорилось: «Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемый ужас анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю».

Появились и другие подобные обращения: «Не верьте обещаниям большевиков! Обещание немедленного мира — ложь! Обещание хлеба — обман! Обещание земли — сказки!..» И еще: «...Большевики скрывают свой план захвата власти от других социалистических партий, входящих в Советы... Вас подло и преступно обманули! Вам обещали землю и волю, но контрреволюция использует посеянную большевиками анархию и лишит вас земли и воли...» Но события надвигались с молниеносной быстротой.

26 октября в 10 часов 45 минут открылся 2-й Всероссийский съезд Советов. Открыл его Ф. И. Дан, который объявил, что на съезд прибыло 860 делегатов, зарегистрирована партийная принадлежность у 513. Из них 250 большевиков, 159 эсеров, 60 меньшевиков, 3 анархиста, 6 представителей народных социалистических партий, 3 независимых социалиста и 22 беспартийных.

Мартов обратил внимание на то, что «переворот, отдавший власть в Петрограде в руки Военно-революционного комитета, за день до открытия съезда, совершен лишь одной большевистской партией средствами чисто военного заговора» и что «этот переворот грозит вызвать кровопролитие и междоусобие и такое торжество контрреволюции, которое задавит в крови все движение пролетариата и вместе с тем погубит завоевания революции». В 14 часов 35 минут дня заседает Петроградский Совет. За столом президиума один Троцкий. Он заявил: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует. Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие дни и часы. Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-революционного комитета, распустил собрание Предпарламента... Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы... Мы здесь бодрствовали всю ночь и, находясь у телефонной проволоки, следили, как отряды революционных солдат и рабочая гвардия бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой. Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское телеграфное агентство, Государственный банк — заняты. Зимний дворец еще не занят. Но судьба его решится в течение ближайших минут.

Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств состоит в том, чтобы обманывать массы. Нам в настоящее время предстоит небывалый в истории опыт создания власти... Государство должно быть орудием в борьбе за освобождение их от всякого рабства...». Произнося эти слова, Троцкий, видимо, забыл, что сам был сыном крупного помещика, сколотившего к 1917 году миллионное состояние, и в лучшем случае являлся представителем именно той мелкобуржуазной интеллигенции, о которой он говорил.

Потом он сказал: «**В нашей** среде (подчеркнуто мной. — **Г. Н.**) находится Владимир Ильич Ленин... Тов. Зиновьев тоже будет

гостем сегодняшнего заседания...» Затем слово взял «гость Троцкого», Ленин:

«Товарищи, рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, ваш собственный орган власти, без участия буржуазии какой бы то ни было. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице Советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, — мы пойдем с рабочими. Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства.

Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь вы научились работать дружно, об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!» Речь Ленина была опубликована во многих газетах. После Ленина на трибуне снова Троцкий...

В ночь с 25 на 26 октября, а точнее в 2 часа 30 минут Каменев зачитал согласованный с Троцким декрет об образовании правительства: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания (оно было созвано через два месяца и просуществовало 12 часов 40 минут. — **Г. Н.**) временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров». **Игнорировать пользующегося огромным авторитетом Ильича было невозможно — он стал его председателем.**

Контроль над деятельностью правительства и право смещения с постов народных комиссаров взял на себя Всероссийский съезд Советов и его Центральный Исполнительный Комитет. Председателем ВЦИК стал Каменев. Вместе со Свердловым он комплектовал его состав. Наркомом иностранных дел назначили Троцкого.

Многие члены ЦК, «избранные» на VI съезде РСДРП(б) в августе, в октябре заняли посты «народных» комиссаров. Уже позд-

нее в докладе на X съезде РКП(б) Ленин подчеркивал: «...Как правящая партия, мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми...» (ПСС, т. 43, с. 15).

Каменев заявил на 2-м Всероссийском съезде Советов, что необходимо «принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было погромов». С тех пор любые действия, направленные против комиссаров-евреев, стали квалифицироваться как «контрреволюционные выступления».

Следом за свояком на трибуну вновь поднимается Бронштейн. Он огласил результаты «избрания» нового состава ЦИК — нового парламента России. В заключение заявил: «Мы с радостью примем в правительство все партии и группы, которые примут нашу (подчеркнуто мной. — Г. Н.) программу». И побежали в большевики СВОИ: из меньшевистской фракции, от эсеров, из Бунда, кое-кто из анархистов. Так возник троцкизм. Тех из них, кто не пожелал признать большевизм, расстреливали или ссылали в концлагеря.

Вот что писал об ЭТИХ (примазавшихся «мазуриках» — ленинское выражение. — Г. Н.) и об этой опасности Ленин в период чистки нашей партии спустя 4 года: «Как частную задачу чистки партии, я бы указал еще на чистку ее от бывших меньшевиков... Всякий оппортунизм отличается приспособляемостью... и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой. Эту особенность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее — это значит очистить партию до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 года, т. е. тогда, когда победа большевиков стала становиться сначала вероятной, потом несомненной» (ПСС, т. 44, с. 124).

Именно с этими сторонниками Троцкого, называвшими себя «старой большевистской гвардией», и вел борьбу Сталин в конце 20-х — начале 30-х годов. Борьба эта закончилась в 1937—1938 годах «сталинскими репрессиями». Почти все те, кто «делал» Октябрьскую революцию, те, кто ради своих интересов примазался тогда к большевизму, были уничтожены...

●

ПОЭЗИЯ

ДОРОГИ К СЧАСТЬЮ

Максим ЧЕРНИКОВ

МАЯКОВСКОМУ

Когда поэты о судьбах России,
Путаясь в фалдах своего языка,
Горько жалуясь, голосили
В дыме, угаре, чаду кабака,
Маяковский не жаловался,
не голосил —
Работал. Работал, что было сил!
Глыбою лба, штольнями глаз,
Выемкой скул, выступом носа
Он — твой портрет, атакующий
класс,
Даже в манере жевать папиросу!
Ноги — опоры подъемного крана,
Твердо расставив, стал во весь рост.
Именем тоже — сквозь ураганы
Гордый маяк, достающий до звезд!
Так Он стоит, чуждый слюнтяйству,
С неколебимою верой, что —
прав! —
Вызов врагам — рвачам,
разгильдяйству,
Вызов хапугам, делягам,
зазнайству —
Вызов буржуйству времен
и держав!

Орджоникидзе

Михаил БУГРОВ

* * *

...Партия от нас не скрыла
Культа черные дела,
Кривды сивая кобыла
Правду слопать не смогла.
Есть еще на свете правда!
Есть у нас газета «Правда»!
Правду можно в ней прочесть,
Потому, что правда — есть!

Душанбе

Элида ДУБРОВИНА

МОЕМУ НАРОДУ

Что-то песни наши
Умолкли,
Что-то ходят дурные
Толки,
«Нет России», —
Каркают вороги,
Как на страшном побоище
Вороны.
Что-то реки наши
Все мельче,
Что-то храмов наших
Все меньше,
Все тусклее за дымом
Солнце!..
ЭТО ЗНАЧИТ — МЫ СКОРО ПРОСНЕМСЯ!

Уходящее? Нет, настоящее!
Преходящее? Нет, вечное:
Купола, в синеву летящие,
В светлый праздник веселье сердечное,
Летописное слово вещее,
Память подвига,
Сердцу завещанная.

Не кружи,
Черно-белая замять,
Не грози
Разором, пустыней,
Есть еще наша кровь и память,
Где записаны все святыни,
Зашифрованы тайным кодом
Алгоритмы вечности нашей.
Не ведите войну с народом:
Дух бессмертен его и бесстрашен.

И ПРОСНЕМСЯ,
Отважны, упрямы,
Запоем свои гордые песни,
Вновь воздвигнем хоромы и храмы,
Даже, может быть, прежних чудесней!

И возделаем добрые пашни,
Чтоб звенели юные всходы,
И очистим от ядов брашна,
Сохраним и леса, и воды...

И ВОЗДВИГНЕМ
Крепкие семьи,
Может, крепче еще, чем были,
Чтоб не гибло народа семя,
Чтобы душу ветра не студили.

И ВОЗДВИГНЕМ
И стару и младу
Жизнь в любови,
В чести и подмоге,

И ВОЗДВИГНЕМ
Светлую радость,
И проложим к счастью дороги!
Будут реки наши
Привольны,
Будут очи
Мудры и зрячи,
А сердца навек сердобольны,
Пусть ранимые, но горячие.
Вспыхнут в небе,
Как звезды горящие,

Письмена, Велесом завещанные.
Уходящее? Нет, настоящее!
Преходящее? Нет, ВЕЧНОЕ!

Ленинград

Юрий МЕЛЬНИКОВ

ХОТЕЛ БЫ Я...

Земля во мгле, как огненная птица,
Она — Вселенной малое дитя...
Хотел бы я
Хоть раз еще родиться
Столетия
Иль тыщи лет спустя.

Преодолев и мрак, и расстоянья,
Вернувшийся из глубины веков,
Я, может, не узнал бы очертанья
Знакомых с детства
Пашен и лугов.

Поведал бы я землякам о том, как
Мы в мир грядущий
Строили мосты.
Узрел бы я, наверное, в потомках
Ровесников знакомые черты.

Я б века своего узнал детали.
Я б от потомков услыхал в тот час,
Какие их событья потрясали,
Как жили и боролись после нас.

...Иду тропой между полей пшеницы,
Меня прохладой обдает ручей...
Хотел бы я
Хоть раз еще родиться,
Но только здесь,
На родине моей.

Москва

Владислав ШОШИН

* * *

Город мой! Ты прекрасен, как песня,
Будь то в солнечный день иль в пургу.
Город мой! Ничего нет чудесней,
Чем заря на твоем берегу.

Вот Садовая, вот Боровая,
Сколько лиц, сколько памятных встреч!
Пусть кончаются рельсы трамвая,
Все мне в памяти надо сберечь.

Слышу гул грозового раската,
Тот, который забыть не могу.
Это бьют батареи Кронштадта,
Город Ленина бьет по врагу.

Ленинград! Ты прекрасен, как воин,
Как строитель невиданных лет.
Ленинград! Ты со мной, я спокоен.
Будешь ты — будет жизнь, будет свет.

Ленинград

Николай ШУМАКОВ

УСПЕТЬ БЫ...

Мне миллионы лет...
Во мне века текут.
В крови живут все прошлые мгновенья.
Стучатся в сердце звонко
поколенья
Прапращуров.
И вдаль меня зовут —
На добрые заботы и дела...
Ударом сердца мне напоминают,
Что не придет ко мне судьба иная, —
Что должен я завет отцов продлить,
Что должен я достойно жизнь прожить.

Свершить,
Допеть,
Дознаться,
Досмотреть —
За них...

Успеть бы только мне, успеть!..

РАССКАЗ СТАРИКА

Стекла отзывались жалким звоном.
Я подумал: «Этот фору даст!..» —
Впереди сидел с магнитофоном
Паренек в костюме «Адидас».

Подошел и стал я с парнем рядом.
Куртка и штаны в извивах стрел.
И холодным, словно студень, взглядом
Сквозь меня он пристально смотрел.

Нет, не буду с ним за место «биться»...
Может быть, прозреет дуралей.
Он еще, бедняга, настоится,
Настоится в старости своей...

Москва

Николай КОТЕНКО

ЗАСУХА, ДОЖДЬ И НОВЫЕ ТЕРМИНЫ

1

Крестьяне ждали дождя.
Пшеница ждала дождя.
Земля изнывала от жажды.
Земля испарялась пылью.
Деревья листьями жадными
Зной, обжигаясь, пили.
И полдень звенел над деревней
Набатом разбитого солнца.
И пыль на листве деревьев
Скрипела в ночи бессонной.

В степи, за серыми хатами,
Трепетными мотыльками
Жаворонки стремились
К факелу в сером небе —
И сыпались в рожь горбатую
Обугленными комками,
И исчезали в трещинах,
Как в истории небыль.
Земля испарялась пылью.
Земля изнывала от жажды,
Крестьяне глазами жадными
Пыльное небо пили.

2

Однажды тоскливым вечером
Сделалось небо клетчатым.
И брызнули слезы веером
На пыльные листья клевера,
Прошлись над садами пряными
С мальчишеской дерзкой удалью
И заплясали фонтанами
На пыльной подушке улицы...
Земля просыпалась медленно,
Со старческим недоверием,
Земля не сразу заметила
И не скоро поверила, —
Земля потеряла надежду
И обрела безразличие.
Недоумевало дерево
Всеми ослепшими листьями.
А дождь шатался нетрезво,
Взвивался по ветру флагом,
И поле губами трещин
Ловило живую влагу.
Крестьяне от счастья плакали.
А струи хлестали розгами.
Дождь, обжигая пятки,
Приплясывал на дороге.

3

А утром вставало солнце
И удивлялось спросонок.
Глаза на деревню пялило,

Деревню не узнавало:
Все стало желтым и палевым,
Все стало сухим и вялым.
Рожь черным зерном оросила
Коричневую окалину,
И яблони небу грозили
Морщинистыми кулаками.
Даже солома на кровлях,
Казалось, исходит кровью...
Крестьяне сходились к околице
И разводили руками,
Устало клонились головы,
Словно тяжелые камни.
Крестьяне уже не знали,
Куда за советом податься...

4

Крестьяне еще не знали
Термина «радиация».

Москва

Владимир ЗАРУБИН

* * *

Вернись! — я говорю ушедшим из деревни.
Женись. Потомкам крепкий дом поставь.
Я сам вернулся бы туда, как грешник древний...
И страшно умирать,
хотя душа чиста.
Она чиста, клянусь я перед Гербом.
Перед друзьями и семьей клянусь...
Но к старым тополям и ветхим вербам
я прихожу и плачу о том, что не вернусь,
что где-то в стороне я жизнь иную прожил
вдали от этих мест, где юностью дышал,
где каждый поворот исхоженных дорожек
загадочен и прост — как детская душа,
где каждый дикий куст, как молчаливый символ,
пронзителен для чувств, — но грянет из куста
вечерний дрозд, и — прочь! — вся чернь нечистой силы,

что прятала во тьме молчавшая листва;
где яблони в саду — сказительницы детства —
то в ситцевых платочках, то в шалевых платках.
И жизнь была чиста, без лжи и лицедейства,
как по утрам вода в прозрачных родниках...
От нищеты бежал из сельской колыбели.
Потом уже, потом надеялся: вернусь.
Король коров и трав стал городским плебеем.
Пойму ль, что потерял,
а чем горжусь...

Феодосия

Андрей СВЕЧНИКОВ

* * *

Что красивей и проще,
Когда тепла земля?..
Березовые рощи,
Пшеничные поля;
И небеса, и ветер,
Струящийся в лицо,
На островок надетое
Озерное кольцо.
Когда зима заропщет,
Прижав снега к земле,
Что красивей и проще?..
Березовые рощи,
Хлеб белый на столе.

Москва

Виктор ЛАПШИН

У ОКНА

В каморке пыльно и темно,
Глядит поленница в окно,
Сутулится забор неровный...
Табачный вьется дым во тьме,
В оконной зыбкой бахроме
Шелом колышется церковный.

Неверный свет и смутный гул.
Хромой поскрипывает стул,
И войлок тянется небесный...
Не время, а тянучка дней,
Не жизнь, а помысел о ней —
Томительный и бессловесный.

Но помню я, за что стою
И чей завет в душе таю,
Где за невзгодою невзгода,
Где боязливой веры тень,
Где кажется покоем лень
И вольной волею свобода.

Галич

Алексей ЖУКОВ

* * *

Золотой расплав бежит из летки.
Стая птиц взлетает по холсту.
Красота!
Но нет работы легкой,
если открываешь красоту.
Красота не каждому дается.
Семь потов сольется перед тем,
как в ночи сибирской,
словно солнце,
засияет домна иль мартен.
Семь пудов крупнозернистой соли
надо съесть,
чтоб на седьмом поту
наконец-то выпустить на волю
спрятанную в камне красоту.
Семь холстов измазать пустоцветом,
семь полотен —
с мыслью об одном —
чтоб открыть единственную,
ЭТУ,
что согреет мир
своим огнем!

Москва

ПОЭЗИЯ

Феликс ЧУЕВ

ПРИШЕДШИЕ С НЕБА

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Я буду вечно жить на этом свете,
как есть, как было, — русский
человек.
Не повторяясь, каждое столетье
я буду жить по-новому, для всех.

Кого любил и сердцем узаконил,
пусть сохранятся памятью земной,
как лики самых преданных
знакомых
на знамени с небесною звездой.

И Шолохов, и Пушкин, и Есенин
уже навеки в генах россиян...
А что, Багратион ие драгоценен?
А золотой художник Левитан?

Пускай их мать нерусская родила,
такие же родные для меня
они, душой служившие России,
хранители волшебного огня.

Любить Россию — не леса и травы,
не только то, что с детства не
забыть,

любить Россию — это значит славу,
большую славу русскую любить!

Я с нею вместе — вечно буду в силе,
она во мне, как в озере звезда,
где берега — Россия, а Россия
останется Россией навсегда!

* * *

Владимиру Ильюшину

На высотах дышат корабли,
угольками высветили тьму...
А быть может, с неба мы пришли,
потому так тянемся к нему.

И летаем радостно во сне,
без мотора сызмалу парим,
а потом в небесной крутизне
кто-то станет первым и вторым.

Кажется, что с неба мы пришли,
утренние призраки полей,
и тебя с разбуженной земли
тянет к первозданности своей.

Это биография страны —
кровью по земле и небесам,
изморозью ранней седины
и слезой по выцветшим глазам.

Но должна быть радость молодой,
чтобы жить, чтоб чувствовать людей,
утверждая утренний настрой
на просторном сумраке полей.

Распахнув навстречу два крыла,
самолет хохочет и поет!
Тяга к авиации прошла —
а любовь к Отчизне не пройдет.

* * *

Пуст и беспомощен окоем.
Читаем, смотрим ли фильмы,
подробней и тягостней узнаем,
какие были плохие мы.

Пора от лозунгов поостыть
радетелям дела огромного.
Как хочется все же кого-то любить,
как было —
Чкалова, Громова...

В ПРИЕМНОЙ

Не жгли железом, не тянули жил,
и вообще едва ли понукали.
Сам сдался в плен, служил и заслужил
две с оловянной свастикой медали.

— В конце концов-то есть всему предел, —
он вытер шею розовым платочком, —
ну, побывал у них, но отсидел
за это восемь, знаете, годочков.

Но ведь до плена целый первый год,
о чем и указал я в заявленье,
«За Родину, за Сталина, вперед!» —
кричал я, поднимая отделенье.

Сидит в приемной он в который раз,
меж двух присяг, двух армий и двух родин
и требует, уверенно борясь,
себе советский, «выстраданный» орден.

— Ведь стали мы гуманнее теперь,
чего же измываться друг над другом?
Я человек, а не какой-то зверь,
коль по заслугам, так по всем заслугам.

И меж бровей его я, как в прицел,
гляжу в глаза предательского цвета,
и гневно, как пружина пистолета,
сжимается во мне «СССР».

В ГОСТИ

Где-то есть у него невеста —
мама знает, что есть она, —
и в далекое это место
собирается мать — одна.

Очень хочется поглядеть ей
ту, что, значит, избрал сынок,
и какие были бы дети,
если б вышел счастливый срок.

Не приедет сынуля к маме,
и к невесте, и никуда,
он лежит на афганском камне,
как распластанная звезда.

Ничегошеньки не поделать.
Вот и едет поплакать мать
к той, что горе сполна разделит
и успеет отгоревать.

КРАСНЫЙ СЕКРЕТ

Бабушка Домни́ка, перед тем как
мир покинуть в девяносто лет,
не гоняла деток по аптекам —
ничего хорошего там нет.

Пожелала бабушка Домника —
молдаванка все-таки она —
попросила внука: — Принеси-ка
мне стакан холодного вина.
Красного... —
Помчался по соседям.
Нету!
Уничтожили лозу,
чтобы ни самим уже, ни детям
не ронять похмельную слезу.

Да с чего похмелье? Не видали
непутевых пьяниц на селе,

и лоза похожая едва ли
есть в каких Шампанях на земле.

Трудное у бабушки желанье,
не простое в наши времена —
совместить последнее дыханье
и глоток веселого вина.

Бегал внук. И древний дед Леонтий,
что во всем селе сумел один
заслонить два кустика: — Не троньте! —
из подвала высветил кувшин.

— Разве мы по-злому жили-были,
знали меру, то-то и оно,
а беда случилась в Чернобыле —
пригодилось красное вино.

Корни солнца напрочь порубаем,
отоварим сахарный талон,
и закаплет слезно по сараям
белой мутью тайный самогон.

Вот умрет Леонтий, и скажи ты,
кто узнает красный мой секрет?
Ох, жара... Нагреется кувшин-то.
Донеси Домнике мой привет.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВСКАЯ

Младшему сыну

Ветер сочный в просторных садах,
словно привкус холодного яблока.
Это все тебе, Леша, за так,
если Родина есть да и я пока.

Мы — потомки родни крепостной
и свободного царства царевичи,
и доныне мы оба с тобой
крепостные Ивана Сергеича.

Он владеет мильонами душ,
неизбывный помещик Орловщины,
ты, когда подрастешь, не нарушь
золотые побеги отцовщины,

где огромно, далеко вокруг —
ничего, никого не боялся я, —
где натянут, как лук, Бежин Луг
и Поляна там рядышком, Ясная...

Москва

Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

ШТРИХИ ИСТОРИИ И СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ АДМИРАЛА ФЕДОРА УШАКОВА

Историческое повествование

ПОСЛЕ КАЛИАКРИИ

В награду за сражение у Калиакрии Ушаков получил орден Александра Невского. Более победоносного адмирала в русском флоте в то время не было. Однако по лестнице власти слава его высоко не вознесла.

5 октября 1791 года скончался начальник Черноморского флота — князь Потемкин-Таврический, а 29 декабря в Яссах был заключен мир с Турцией. Нет сомнения, что деятельность Потемкина по отношению к Черноморскому флоту явилась во многом плодотворной и полезной. Населяя Новороссийский край, продвигая дело построения городов, создавая южный рынок, Потемкин укреплял флот, заботился о строительстве верфей, о постановке всего южного флота в независимое положение от его отдаленной центральной администрации, сношения с которой чудовищно замедляли ход дела, нарушали потребности военного времени. Отдаление и определенная независимость от Адмиралтейств-коллегии дали свои положительные плоды. Многое, — начиная от организации флотской администрации, создания кораблей, кончая наименованием судов, — имело свою особенность по сравнению с Балтикой. Балтийский флот со времен Петра сориентировался на оборону и борьбу со шведами и отчасти с англичанами, поэтому корабли были крупных линейных рангов, и гребная флотилия подготавливалась для маневренной борьбы в шхерах. Черноморский же флот соперничал с турецким и поэтому имел линейные суда среднего ранга. Его речная флотилия не столько перевозила пехоту, сколько была озабочена повышением боевой мощи поставленной на нее артиллерии, ибо действовала она против таких крепостей, как Очаков, Измаил, и приданного им флота противника. Казалось странным решение Потемкина вдруг переименовать все корабли, дать им имена святых. За этим просматривалось его желание идеологически обосновать движение России к югу, в старорусские земли, в земли, где утверждалось отечественное христианство. Потемкин не нуждался здесь, на юге, в громоздком аппарате Адмиралтейств-коллегии, он сам направлял деятельность флота, но ему требовались блестящие вершители. Поэтому, выбирая их, столь часто менял он командующих, руководителей. Войнович, Мордвинов, Нассау ушли, во главе флота стоял гениальный Ушаков.

Образовалась система — суда строили и создавали в местных южных портах (Таганрог, Херсон, Николаев) под руководством замечательных мастеров, знающих местные условия, повадки Черного моря (Катасонов, Афанасьев, Соколов). Организацией снабжения, возведением зданий, заготовлением леса занимались предприимчивые люди, имевшие личные полномочия Потемкина (среди них выделялся известный строитель, статский советник бригадир Фалеев). Система эта отличалась гибкостью, подвижностью, приспособленностью к местным условиям.

Флот к моменту кончины Потемкина состоял из более чем 90 линейных кораблей, фрегатов, бомбардирских, крейсерских, брандерных, транспортных судов. Вместе со 170 речными судами гребной флотилии это уже была серьезная сила.

Предложения Потемкина, которые он, конечно, вырабатывал при участии Ушакова, безусловно, способствовали бы дальнейшему расцвету русского флота, в частности, такие, как:

Флот содержать всегда в комплекте и всякий год практиковать его на море; учить команды лазить и управлять парусами и артиллерией.

Артиллерию иметь преимущественно медную, отливать ее на литейном заводе, устроенном в Херсоне, а до времени употреблять частью английскую.

На Днепре, ниже порогов, завести строение судов для гребного флота и канатный завод. На бугских порогах устроить водяные машины для кузнечных адмиралтейских работ, починки якорей, приготовления рулей и прочее; на Ингульце иметь лесопильную мельницу. В слободе Балацкой и Христофоровке, в 35 верстах от Николаева, построить пороховой завод для потребностей Черноморского флота.

Эти и другие предложения отличались размахом и дальновидностью.

Ушакову предстояло выполнить многое из того, что обозначено было в планах Потемкина. Однако смерть выдающегося политика и государственного деятеля, преобразователя и строителя южных краев России многое изменила в судьбах Черноморского флота и самого Федора Федоровича. Заслуги перед флотом и Отечеством отодвигались на второй план. Вперед стали выдвигаться соперники и даже враги сиятельного фаворита. 28 февраля 1792 года черноморскому адмиралтейскому правлению последовал высочайший указ: «С умножением сил наших на Черном море, за благо признали мы оставить на прежнем основании Черноморское адмиралтейское правление, определяя на оное председательствующим нашего вице-адмирала Мордвинова...» Указ пространный, об Ушакове там ни слова, но смысл его для флотоводца был обидным и язвимым. Не без сожаления пишется об этом в «Истории Севастополя»: «Таким образом действительный начальник и глава Черноморского нашего флота, гроза турецких сил на Черном море при Потемкине, Федор Федорович

Продолжение. Начало в № 10.

Ушаков — состоя в звании только старшего члена Черноморского адмиралтейского правления — поступил к Мордвинову под команду, и, оставаясь как бы случайно только старшим начальником севастопольского наличного флота, он по строгому смыслу указа 28-го февраля — где Мордвинову предоставлялось даже производство в чины флотских офицеров — должен был находиться в его безапелляционном повиновении».

Оставалось только стиснуть зубы и неустанно заниматься флотом, боевой выучкой служителей, снабжением экипажей продовольствием, строительством и украшением Севастополя.

Именно в этот межвоенный период развернулся Ушаков как замечательный администратор, хозяйственник, строитель. Севастополь при нем становился подлинным городом. Это удивительно, ибо казна денег не выделяла, все приходилось строить «содействием» флотских экипажей. «Последние в свободное время, за очень скромную добавочную плату, строили то казенные здания, то офицерские дома, то даже свои мазанки — если который-нибудь из матросов имел редкий случай завестись собственным своим семейством, и скоро не только гора, лежавшая на западной стороне южной бухты или гавани, но и другие ближайшие местности и хуторные участки, розданные флотским офицерам... довольно порядочно обстроились: хорошие садики и огороды точно так же появились в его окрестностях. Все портовые постройки и самое адмиралтейство по-прежнему были расположены по берегам южной и корабельной бухт. Городские частные здания занимали уже всю севастопольскую гору, и сверху того существовали: артиллерийская и корабельная слободки на местностях, ближайших к бухтам того же названия, а в закрытой лощине, находящейся верстах в двух от города и получившей название Ушаковой балки, устроен был сад для общественного гулянья».

Каждое утро Ушаков раздавал наряды командирам строителей на построение домов, посадку садов, возведение складов, где аккуратно помещали канаты, парусину, обшивочные доски, принасая, что можно быстро погрузить на корабли. Тут же наготове была артиллерия. Ушаков продумал план построения казарм, на высоких берегах в гаванях так, чтобы моряки могли мгновенно спуститься по объявлению тревоги к своим кораблим, которые ставились напротив.

Ушаков держал порох сухим, следил за состоянием дел в Оттоманской Порте, вел постоянную разведку, подготовку и обучение экипажей. Мордвинов в силу своего положения отдавал приказы, среди них были толковые и бестолковые. У Ушакова же все они вызывали неприязненную реакцию. Мордвинов язвил, требовал с Ушакова — у Ушакова создавалось впечатление, что

тот придирался, мелочил. Ушаков сердился, недоумевал, почему его, победителя турецкого флота, отодвинули и предпочли кабинетному адмиралу. Таковым он считал Мордвинова. Отдушиной явилась встреча с Суворовым, который тоже, волею судеб, после смерти не прощавшего строптивости Потемкина получил назначение сюда, для укрепления южных границ России.

Да и Екатерина, судя по всему, понимала двусмысленность положения Ушакова и, предполагая, что он еще понадобится русскому флоту, произвела его 2 сентября 1793 года в вице-адмиралы.

У РАЗВАЛИН ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА

Уже десять лет как утвердился на южном языке Крыма Севастополь. Десять лет, а казалось, что он существует со времен древнего Херсонеса. Вот и новый храм, вставший в центре города, будто бы пророс из тех древних времен, когда крестили здесь первую княгиню-христианку, а край был древней греко-славянской землей.

Суворов снова, после заключения Ясского мира, назначенный на юг командующим войсками, вертелся в карете, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, вскидывал вверх руки, щелкал языком, а то и энергично подсвистывал.

— Этого не было! Здесь кустарник один рос. Ну натворили! Наделали. Молодцы!

У здания Черноморского штаба он, не ожидая, пока карета остановится, легко соскочил с подножки, пробежав вперед к крыльцу, с которого поспешал навстречу Ушаков. Тот загромыхал:

— Александр Васильевич! Ты, как всегда, молнией! Мы же тебя к вечеру только ждем. — Обхватил маленького сухонького генерала, приподнял обнимая.

— Не богатырствуй, а то задушишь, — похохатывал, отдуваясь, Суворов. — Веди, рассказывай, где дым, как турки себя ведут? Каков флот ваш Черноморский? Где течь? Где гниль пробилась?

— Ты, Александр Васильевич, щей похлебай вначале. Все расскажу, да еще и расспрошу, кого побеждать приехал.

— Побеждать-побеждать, — притворно заворчал генерал. — Победу фундаментировать, закладывать надо заранее. Кто о сем думает?

Рюмка анисовой за обедом только подхлестнула поток вопросов Суворова.

Ушаков отвечал и сам справлялся:

— Что, будет война с турками, Александр Васильевич? Как пасьянс политический показывает?

— Политика, конечно, — карты игральные. Но тут ведь важно, у кого в руках. У умного смекалистого игрока: он и козырь побережет, и слабые карты поначалу сбросит. Императрица, — склонился поближе, — многое из рук выпускает. Ее нонешние сопровождатели ни блеском, ни умом не дополняют. Скажи, какой из Зубовых Государственный совет? Балаган. Горе луковое одно, а не правители. Век-то больной не тогда, когда правители заблуждаются, а тогда, когда они равнодушны к истине, презирают ее. Светлейший князь Григорий, как ему ни горько было, но правду слушал. Орел поднебесный, а они так, пичужки под юбкой.

Ушаков подивился этому суворовскому умению восхищаться бывшим обидчиком — а что Потемкин обидел его, не представив к достойным наградам после взятия Измаила, многие знали. Суворов, как бы отвечая на мысли вице-адмирала, задумчиво продолжал:

— Князь был стратег знатный, глаз на людей меткий имел. В страстях и помыслах великий был человек... — подумал и твердо добавил: — И в грехах да несправедливостях тоже велик был.

Федор Федорович о покровителе своем и благожелателе отзываться по-недоброму не стал.

— Григорию Александровичу не токмо вся Новороссия обязана своим утверждением, но и флот Черноморский, что без него на ноги бы не встал. Ни леса доброго, ни строителей, ни капитала на постройку, ни моряков не получили бы из Петербурга, в коем все финансы на балы бы пустили, на забавы. Венок славы, который им сплетен для Отечества, нынешние приближенные расплетают, каждый себе ветку лавра тянет, забывая, что только от их сложения венок получается.

— Да, умеют у нас славу и силу протанцевать. Рожей все пытаются взять императрицу да статью, а не умом да размахом, — согласился Суворов.

— Ну а как будущий император наш? Что слышно о нем? К морскому делу имеет ли, как и прежде, тяготение? — поинтересовался Ушаков. — Я его благосклонность к флоту еще ранее заметил. Может, он петровские времена вернет на оный? — с надеждой вглядывался в Суворова.

— Хотел бы я знать, к чему у него истинное движение души имеется, — как бы про себя заметил тот.

— Думаю, Александр Васильевич, написать свои соображения великому князю о новом Уставе флотском, о новых приемах боя, о тактике, о строительстве кораблей новой конструкции. Ведь ему скоро всем флотом командовать придется. И сие неожиданно может произойти.

— Великий князь все ждет не дождется своего часа. Русских его поклонников матушка почти всех разогнала. В Павла сейчас немцы закладывают мысли свои да идеи. Потом думают через то деньги из России выкачивать. А еще вокруг княжеского двора всякие масоны вьются, свою мистическую дребедень тоже в него вгоняют. А его натура сие воспринимает быстро. Им же не от мистики, а от его будущей власти поживиться хочется. Проныры чертовы! А сам принц неустойчив. Он не знает, чего хочет. Он хочет того, чего не хочет. Он не хочет того, чего хочет. Он хочет хотеть, — засмеялся довольный своим полукаламбуром. — Но ежли так дело пойдет, то много бед приключится: армию по восшествию онемечит, дух прусский внедрит, русские интересы под иноземные масонские поставит, немогузнаек на напыщенных всезнаек заменит, матушкиных выдвиженцев, — подмигнул Ушакову бывалый генерал, — коленкой под зад! — Встал, быстро прошел из угла в угол, развернул стул, облокотился на спинку и, как бы вглядываясь в будущие годы, медленно расшифровал: — Много бед будет от нетерпения его, от недоверия к прошлому, от желания на оное все недостатки свалить. На оном же все здание надо продолжать строить. А причины отсталости в делах иные. Тут и замшелость, и неумение, и легкость мыслительная, и тугодумие, и немогузнайство, лень российская, галломания с прусским педантизмом.

Мысль прервалась внезапно — за окном выстрелила, обозначив полудень, пушка.

Суворов кивнул в ответ, как бы дождавшись подтверждения, и продолжил:

— Но если дух русский не вытравят в нем, то через год-два очнется. Поймет, что без России в России нельзя, без тех, кто служит Отечеству, нельзя! Даже в старом шалопае, Екатерины приверженнике, может оказаться больше умелости в деле, результата нужного и даже чести державной, чем в новом, с горящими от преданности глазами аллилуйщике и требующем реформы и преобразований вертопрахе-пустомеле. Такому и реформы-то нужны, чтобы спихнуть другого с кресла, а самому в них расположиться. Впрочем, — резко встал Суворов, — попробуй напиши. Может быть, великий князь и о деле думает, а не только ждет кончины родительницы дражайшей. Хотя сейчас ему писать — делу вредить. Заподозрит, что злое задумал, от ны-

нешней власти откараскиваешься, в морские начальники при нем себя определяешь в будущем.

По городу ездили медленно. Суворов просил остановиться, выскакивал из кареты, оглядывал, даже ощупывал построенное.

— Отменные, отменные, батенька, склады ты отгрохал. А сие что за палаццо? — указал он на вытянувшиеся длинные каменные здания.

— Тут я, Александр Васильевич, наибольшие усилия приложил, ибо и трудности были самые большие. Мордвинов — он Севастополь ненавидит смертельно — денег не выделил: морских служителей, как дворян, обустраиваешь, — ехидничал. Адмиралтейство достроил бы лучше — ругался. Сейчас здесь морские команды живут, удобно, обыкновенные матрозы неплохо расположились.

— Молодец, Федор Федорович! Истинно так о рядовом служителе надо заботиться. Ты о нем, а он в бою не подведет, во всем за тобой следовать будет, маневр понимать. — И, повернувшись, с восхищением обвел рукой бухту: — Какова! Какова красавица! Я ведь тогда сразу понял, что удобнее и спокойнее ее нету во всем Крыму.

А бухта, казалось, и впрямь обняла своими мысами морскую гладь, успокоила море, оберегая от штормов корабли и фрегаты. Над ней высились гарнизонные каменные здания, адмиральский дом, кузницы, магазины, жилые дома. Блокфорты невидимыми застежками наглухо перекрывали ее, навряд ли кто сунется под огонь мощных батарей. Ушаков вел неторопливый разговор о том, что удалось возвести, что сдерживается Мордвиновым, как надо бы поперечный мол в бухте строить, как укреплять город с суши, как украсить, дабы сделать местом приятным и для души морской.

Суворов почти выбежал на набережную, устремив взор на юг, остановился, подождал Ушакова и протянул руку к невидимому Константинополю:

— Какие планы зреют там, за морем, Федор Федорович! Следует нам быть неуязвимыми. Я в Финляндии много строительством крепостей занимался. Нам и здесь следует укрепляться от внезапностей нападения. Думаю, все побережье надо бы покрыть крепостями. На западе у Гаджибея неприступный бастион соорудим, здесь, в Крыму, и на Кавказе. Кстати, у Гаджибея может великолепный порт сообразоваться, оттуда напрямую до Константинополя — сорок восемь часов. А нам, может, не все воевать, но и торговать придется. Вот там хорошо и порт торговый учинить, а здесь пусть будет военный, для флота Черноморского опора.

У береговой батареи выстроилась артиллерийская команда. Высокий канонир с банником в руках вовсю улыбался Суворову как старому знакомому.

— Вижу, что знаешь. Где встречались? — отрывисто спросил генерал.

— Под Измаилом, ваше сиятельство, долбил басурманов! — громко выкрикнул артиллерист.

— Слышно, слышно, братец, что ты пушкарь, громыхаешь, как твоя мортира. Там вы славно отделали крепость. Пушку в порядке держишь? — заглянул он в дуло.

— А как же, ваше сиятельство, от ее чистоты дальнобойность зависит.

— Молодец! Знаешь свое дело! Служи и дальше безоплошно! — похлопал Суворов артиллериста по плечу, повернувшись к Ушакову, сказал: — Крепости такие, как Измаил, без артиллерии не берутся. Но и без флота твоего, без гребцов не сдюжили бы, наверное. — Неожиданно попросил Ушакова: — Свези-ка меня, батенька, к руинам греческим! — И долго ходил там по развалинам древнего храма, брал куски мрамора, смотрел, пытаясь прочесть стертые знаки веков.

— Умели греки соединить свой народ. Где торговлей, где силой, где искусством, а особливо языком, каковой до высокого совершенства довели. Я древнегреческий язык с большим рвением учил, ибо в нем много сигналов из прошлого слышу. А там ведь древние столь же много думали о достижении целей, как и мы. С их помощью многое постичь можно.

— Сей язык я, к сожалению, не знаю досконально, — отвечал Ушаков. — Все, что касаемо языка морского, стараюсь у англичан, немцев, французов, голландцев постичь. Везде много здравого и разумного, хотя немало и схоластического, застарелого. Да и у бывших наших супротивщиков в Константинополе есть чему поучиться. Они и сами воевать умеют, и французов с англичанами приглашают в инструкторы.

— Да-а, что там в Константинополе творится, — взвешивал камень на руке Суворов. — Раньше-то послы наши все знали. Обресков, Булгаков — истинные звезды в дипломатическом искусстве и изыскании сведений об опасностях вызревающих были. Пожар не разжигали, но и честь державы блюли. Говорят, скоро туда Илларионыча пошлют послом. Он лис хитрый и храбрец отменный. Я спокоен, он ни одного неверного шага не предпримет, а знать все будет, наш Кутузов. А ты, Федор —

хитренько взглянул Суворов на адмирала, — пошто море Медитеранское изучаешь? — И, увидев изумленные глаза Ушакова, захохотал довольный. — Да карта-то у тебя в штабе вся в синих стрелках. Иль думаешь, придется нам повоевать там? С кем? С османами? С цесарцами? За единоверных греков и славян? С английскими питтовыми флотами или с неаполитанскими павлинами? Или вновь Франция подымается?

— Господи, — приблизился Ушаков, — ведь у них сейчас там не поймешь, что происходит. Королей свергают, порядка не видно, кровь льется, а флот и армия-то остаются. Хотя и говорят, что всех генералов и капитанов порешили, но ведь свято место не бывает пусто. В Средиземном же море многое завязывается, и судьбе будущей решаться не только на Балтике. Я ведь, Александр Васильевич, в тех широтах не раз бывал. Порты средиземноморские, крепости приморские знаю, острова, их расположение — многое постиг. Особо греческий Архипелаг интересен был, но турки туда неохотно пускали. Нам, морякам, сие море надо знать досконально. Россия ныне не только Черноморская, но, по-своему, и Средиземноморская держава. Пóрту сие море подпирает снизу, все европейские страны соединяет или разъединяет. Отечество защищать надо на дальних подступах, верно, Александр Васильевич?

Суворов с сомнением покачал головой.

— Ты-то повоюешь, Федор Федорович, а мне уже на покой пора. Шесть десятков. Хочу внуков понянчить от Суворочки своей. Ты-то все никак не женишься? Али ждешь суженой, Федор? — участливо посмотрел в глаза адмирала.

Ушаков глаз не отвел, вздохнул.

— Жду, Александр Васильевич. В Балаклаве еще приглянулась. В Петербурге снова встретились. Жди, говорит! А сама замуж вышла.

Суворов горестно покачал головой, всплеснул руками:

— Лживки они все, бабы! Недостойки! Блудницы!

— Не все, Александр Васильевич. Вот я и жду... Никакой другой не хочу видеть.

Суворов с уважением посмотрел на него, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, промолчал. Невдалеке с песней и посвистом прошел флотский экипаж. Моряки пели малороссийскую песню про луг и про коня, которого хотели зануздать.

— Вот ведь в море всю жизнь, а песни самые земные, — покачал головой генерал.

— Нам без земной любви нельзя. Червь морской сердце источит, — причислил себя к поющим Ушаков.

ПРОШЕНИЕ

Умудренная опытом императрица под конец своей бурной жизни не имела ни энергии, ни желания менять явно устаревшие порядки. Она смотрела на жизнь угасающим взором и снисходительно относилась к недостаткам подчиненных. Не простых людей, нет, а тех, кто окружал трон и берег свои привилегии. Вспоминали, как в ответ на указания о хищениях в портах и морском ведомстве она говорила: «Меня обворовывают так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать». Она признавала главную цель — окончательный военный и политический успех; все остальное, второстепенное, отдавала на попечение и исполнение своим подчиненным.

Но вот все переместилось. В ноябре 1796 года после тридцатичетырехлетнего царствования Екатерина скончалась.

Павел, восшедший на престол, горел желанием все, что делалось при его матери, или отменить, или заменить, или изменить. Бывшие при Екатерине приближенные отстранялись от своих кресел, изгонялись из дворца и с теплых мест. Те, кто получил в екатерининское время за свои победы или «деяния» почести и награды, попадали в опалу, уходили в отставку. Павел формировал свой кабинет, свои принципы, свою политику.

Он был убежден, что его благодеяний ждали давно, и все приветствуют их. Но по государству разносились зловещие слухи, низшие слои были уверены, что «жизнь похужела». Подумав слегка, почесав в затылке, эти доморощенные философы признавали что «босоты да ноготы изнавешены шесты» и сие, правда, было и при императрице. Так что основной массы населения изменения Павла не коснулись. Однако вельможе, чиновнику, офицеру, да и вообще дворянину жить стало хуже. Не всем, конечно, но большинству. От офицеров начали требовать жестокого соблюдения регламента, их стали учить, как обыкновенных рекрутов. От дворян — решительно отказаться от французских идей, книг и даже мод. Вельможи были задеты невниманием и обнаруженным вдруг полным ничтожеством перед лицом абсолютной власти. Ропот, что переходил из кабинета в кабинет, из дворца во дворец, из столицы в провинции, из городов в имения, — создал свое мнение об императоре. Причем мнение отрицательное. Правда, некоторые понимали излишнюю предвзятость. А. П. Вяземский заметил: все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. «Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною».

Для Павла I на первом этапе главным стал отказ. Отказ от политических принципов, союзов, людей, от дворцового наследия

Екатерины. Известный адмирал Шишков писал в своих записках, что все так переменилось, «что казалось, что настал иной век, иная жизнь, иное бытие. Перемены были велики, что не иначе казалось мне как бы неприятельским нашествием... Весь прежний блеск, вся величавость двора исчезли... Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управляющие государственными делами стояли как бы лишенные своих должностей и званий, с поникнутой головой, не приметны в толпе народной. Люди многих чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, — бегали, повелевали, учреждали. Удивленный, смущенный от всего того... возвратился я домой с печальными мыслями и сокрушенным сердцем».

Было от чего сокрушаться дворянской России. Царь с ранней зари, с шести часов утра, за работой. Значит, и им рано вставать надо. «В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра; с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры, все камины пылали. Сенаторы с восьми часов утра сидели за красным столом. Возрождения по военной части были еще явственнее — с головы началось. Седые с георгиевскими звездами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспантоном», — писал один из современников.

Да, Павел пребывал в полной уверенности, что совершается, как говорил он, «исцеление» страны. Однако же модель для улучшения он избрал химерическую, неприменимую к России. Идеалом его управления оказалась гатчинская система, где господствовала бездушная прусская схема.

«Немедленно все пружины государственного строя были вывернуты, столкнуты со всех мест, и Россия вскоре приведена в хаотическое состояние», — писалось в довольно верноподданническом издании Шильдера. Современник той эпохи И. М. Муравьев-Апостол, обращаясь к своим сыновьям, говорил, что со вступлением Павла I на престол в России произошел столь резкий поворот, что его не поймут потомки. Наступившую эпоху называли где как требовалось: торжественно и громогласно — возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса — царством власти силы и страха; втайне между четырех глаз — «затмением свыше». Стало несносно служить, особенно военным и чиновникам. И все же нельзя было не отметить и какие-то изменения. Из ссылки возвращены Радищев и Новиков, освобожден Костюшко. Восстановлен литовский статут в присоединенных от Польши губерниях; введен в этих губерниях в употребление польский язык, в Прибалтийском крае и Выборге восстановлены старинные уставы. Переименовывались города или, вернее, возвращались их старые названия. В 1797 году повелено было именовать Севастополь Ахтияром. Однако дворянская Россия не принимала эти реформы нового императора. Один из ее историков писал позднее: «Россия вовсе не нуждалась в исцелении ее государственной организации мероприятиями в духе павловских нововведений».

Павел же все хотел сделать и проверить сам. Поэтому-то был завален второстепенными мелочами, несущественными, глуповатыми прошениями. На столе его находилось множество прожектов, приказов, которые готовились по его указанию. Петровского масштаба, силы и хватки он не имел, поэтому-то и не довел он большое количество дел до завершения, запутался в «подробицах и мелочах». Его же многие годы накапливающаяся подозрительность не давала возможности иметь опытных и многознающих советников. Он взялся изменить многое, но помощников, равных «птенцам гнезда Петрова», не имел, и не мудрено, что его отрицание екатерининских дел, неприятие лиц, достигших вершин при матери, — захлебнулось.

И тогда он обратился к военному авторитету Суворова и Ушакова, к тем, кто мог вывести из трясины потрясений. Но это было потом. А сейчас шел январь 1797 года.

* * *

На приеме у Павла был Безбородко. Граф — один из немногих екатерининских вельмож, оставшихся при дворе. Да не только оставшихся, а возвысившихся. Вскоре после смерти Екатерины его пожаловали в действительные тайные советники первого класса — а то был высший чин в табели о рангах. Сказывают, повышен сразу после того, когда в предсмертный час императрицы в ответ на немой вопрос цесаревича, взглянувшего на пакет, перевязанный голубой лентой, кивнул головой. После этого кивка началось его возвышение, а таинственный пакет полетел в камин. По слухам, то было завещание императрицы, подписанное Румянцевым, Салтыковым, Суворовым, Алексеем Орловым, Платоном Зубовым и митрополитом Гавриилом, об устранении от престола Павла и о передаче короны Александру. Так или нет, но Павел прислушивался из старой гвардии едва ли не к одному Безбородко и ценил его советы...

— Александр Андреевич, думаю я прекратить вечные войны. Сколько себя помню — Россия все воюет.

Безбородко слегка приоткрыл щелочки век, откуда, как две юркие мышки, сверкнули глаза.

— Истинно так, ваше величество. Казна пуста. Народ в великом разорении. Рекрутские поборы замучили. Первое спасенье России — в мире.

Павел удовлетворенно закивал, было приятно чувствовать, что с ним соглашается не какой-то постоянно согбенный царедворец, а мудрый и хитрый политик.

Зная, что император любит флот, Безбородко спросил:

— Каковы ваши повеления насчет нынешнего состояния флота?

— Везде надобно экономию навести. Флот стал расточительным удовольствием. Мы в России денег никогда не умели считать. А пришло время свои прихоти усмирить. Пусть особый комитет при цесаревиче все просчитает. Кушелев сам займется, сам. Думаю, что он и во главе Адмиралтейств-коллегии встать должен. На Черноморском флоте нам столько кораблей не надобно. И флотом ему считаться незачем. Расходы, расходы! Вознесенское наместничество следует ликвидировать. Одессу перестать строить — ни к чему нам эти потемкинские деревни. Флот довести до одной эскадры. Хватит деньги тратить. Все капиталы имеющиеся следует направить сюда, на флот Балтийский. Адмиралтейств-коллегия, как правильно граф Воронцов сказал, действительно похожа на старую и дряхлую бабу, которая оглохла, ослепла и потеряла движение рук своих. Экономить — сие задача флота.

Безбородко склонил голову и, позыркивая на императора, думал. Он и сам, где можно, стремился экономить, но понимал, что экономией власть не утвердить: нужна сила державная. И для этой силы денег жалеть не надо. Власть укрепишь, тогда и экономь. Сказал другое:

— Ваше императорское величество мудро задумали. Молю за вас бога, чтобы власть нынешняя дальше продолжалась. Экономить во всем — то истина государственная. Однако при сем добавлю, что, может быть, Черноморский корабельный флот не весь следует изничтожать. Может, прислушаться к некоторым командирам морским тамошним. Де Рибас, конечно, жулик, на Одессе руки греет. Мордвинов, тот спит и во сне английские порядки видит. Я вам докладывал, что в покровительство ваше просится вице-адмирал Ушаков.

— Что он там хочет? — недовольно отрываясь от широких масштабных разговоров, спросил император. Не любил он потемкинских протеже, хотя Ушакова ценил за то, что служит не ропща и достойно.

Безбородко вытащил из папки бумагу, развернул и торжественно прочитал (знал, скороговорка — великому делу помеха).

— «Высочайше милости и благоволения Вашего императорского величества, в бытность мою в Санкт-Петербурге оказанные, подали смелость всеподданнейше просить монаршего благоволения и покровительства.

Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю безпрерывно, усердием, ревностью и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях...»

Павел поднял руку, пожал плечами.

— Почему они все на хворь ссылаются, на душу? И Суворов тоже...

Безбородко не хотел связывать имена. Знал, тогда никакого покровительства не будет. Не ждал окончания и неучтиво дочитал текст:

— «...Дозвольте мне на самое малейшее время быть в Санкт-Петербурге и объяснить чувствительную мою истинную преданность. Сего однако счастливого случая я ищу и желаю, а притом, состоя под начальством председательствующего в Черноморском правлении, именуюсь командиром корабельного флота Черноморского, ежегодно служу на море, и по долговременской в здешних местах моей бытности и все обстоятельства состояния во всех подробностях флота, мне вверенного, здешнего моря и подробности ж сил противных почитаю мне известнее, по оным имею я также надобности лично донесть Вашему императорскому Величеству...» Хорошо бы принять, — захлопнул папку Безбородко.

Павел строптиво повел плечами:

— Ни к чему. За Черноморский флот будет заступаться. Да и что есть там такого, мне неизвестного?

— Однако же вы его знаете, ваше величество.

— Знаю, знаю. Усердный, но непонятный. За кого он? А впрочем, может, вы и правы, Александр Андреевич, Черноморский флот проинспектировать надо. Вдруг понадобится. Пусть поедет контр-адмирал Карцов и доложит по приезду. — Павел подумал и добавил: — И с Ушаковым пусть встретится, узнает, что за надобность у него ко мне.

Безбородко понял: не добился того, что задумал — вытащить Ушакова в Петербург, приблизить ко двору, да и флотское дело на Черном море утвердить. Знал, правда, что императору разговор запомнится, в опасные минуты адмирала вспомнит.

ПОМЕРИЛИСЬ СИЛОЙ

Ушаков прибыл в зимний и неприютный Николаев для осмотра стоящих кораблей, для замещения на время отсутствия Председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Мордвинова. Пребывая в хорошем расположении духа — флот должен скоро пополниться новыми кораблями, по верфи у Ингула ходил неспешно, хотя срывавшийся несколько раз ветер приносил мелкую мокрую пыль, сдувая ее то ли с низко летящих туч, то ли с гребешков волн расходившейся с утра реки. Сопровождавшие его офицеры из конторы Черноморского адмиралтейского правления ежились, недовольно поглядывая на неутомимого вице-адмирала, пытаясь поскорее провести его мимо сушилок, подсобных помещений, мастерских, где сушились доски, подгонялись паз в паз брусы для бимсов, готовились щиты, переборки. Но Ушаков — как будто строгий инспектор, — заглядывал всюду и везде замечал неполадки, недоделки, неточности. С корабельным мастером бригадиром Афанасьевым говорил сурово и резко, тот его главенства и тона начальственного признавать не хотел.

— А вы нам лес дайте ровный. Дайте просушить его не полгода, не год, а три! А то и пять лет пусть в сушилке побудет. Вам же сегодня строй — завтра в плаванье!..

Но Ушаков не отступался:

— Вы, господин обер-интендант, думаете, флот наш для игрушек надобен да для парадов? Или все-таки ему защищать Отечество необходимо? А для сего он должен быть быстроходен, мощно вооружен, удобен в управлении. Я на проекты господина Катасонова, что в «Захарии и Елизавете» воплощены, добро не дам. То не мореходные сооружения, а гроб для моряков.

Афанасьев махнул рукой, отошел в сторону — понял, Ушакова сегодня не переспорить.

Группа офицеров вокруг Ушакова растаяла. Он же сосредоточенно смотрел на то, как три плотника набивали доски на киль, хотел один раз поправить их, потом согласно кивнул головой. Афанасьев незаметно встал рядом, тихо спросил:

— Дак что, совсем не годится «Захарий»?

— Не годится. Заваливается при брамсельном свежем ветре. При стрельбе дыма собирается больше, чем обычно, на верхней палубе, — ответил, как будто ничего не случилось, Ушаков. — Слушай, — взял он за рукав Афанасьева. — Ну что мы выиграли? Нижняя батарея при наклоне действовать не может, а канонирам верхней ничего от дыма не видно. А ежели абордаж? Собьет служителей противник первой атакой, сядет на люки — и крышка, всем резервам снизу не выйти. Побыстрее отказывайтесь от прожекта. Я ведь и сам перед господином Катасоновым шляпу снимаю, но здесь у него промашка вышла.

Афанасьев несогласно покачал головой.

По верфи вихрем промчалась адмиралтейская кибитка, из нее легко выскочил сам Мордвинов, быстро подошел, не церемонясь, поздоровался за руку, спокойно сказал:

— Правильно шумите, Федор Федорович. Премного с вами согласен, лучше надо строить, прочнее делать корабли.

Афанасьев с удивлением посмотрел на него, пожал плечами. В Ушакове же злость оседала, он успокаивался, подумал: вот ведь и не противится, не злится внешне Мордвинов — англичанин истинный. Никогда не заметишь, что на самом деле у него на уме.

По верфи походили вместе, поговорили, но уже без напряжения, без натянутой струны.

— Сегодня у меня, Федор Федорович, все николаевское общество будет. Милости прошу. Вы у нас никогда не бывали, а мои родственники очень хотят познакомиться.

Ушаков хоть и отнекивался, но понял, что сегодня не побывать у Мордвинова нельзя. Да и поговорить, может быть, удастся с офицерами, корабельщиками, петербургскими гостями — время неспокойное: надо знать, надо чувствовать, надо быть готовым ко всяким козням, к действиям флота.

Действительно, вечером у дома Председательствующего Черноморского адмиралтейского правления собралось много карет, кибиток, закрытых возков. Из Богоявленска, Спасского и даже из Херсона и Очакова прибыли гости: офицеры и их жены, корабельные мастера, помещики — владельцы обширных нив и нераспаханных земель, местные купцы, французские эмигранты, преподаватели морского Николаевского корпуса. Мордвинов сам пошел навстречу Ушакову и провел его к столику, где сидело несколько человек.

— Знакомьтесь, вице-адмирал Федор Федорович Ушаков. Генриетта Александровна, моя жена.

Давно уже Ушаков не видел такой заморской красоты, в чем и признался хозяйке простодушно. Та благосклонно согласилась с ним.

— Это мило, господин вице-адмирал, но я и есть англичанка, то есть заморская для вас.

Ушаков знал, конечно, что она англичанка, ведал и про то, что от нее, а может, еще и раньше, в период службы на английском флоте, Мордвинов влюбился в британские порядки и был их страстным поклонником.

— Сестры — Елисавета, Анна, — представил хозяин гостей, — брат жены — Фома Александрович Кобле, мадам Гакс, баронесса Боде, граф Александр Иванович Остерман-Толстой, граф Гейден, господин Гамильтон, наш профессор Ливанов, архитектор Де-Волан. Садитесь, господа, — пригласил всех. — Сыграем партию «Фараона». — Остановил отстегивающего кошелек Остермана. — Нет, нет, граф, увольте, вы же знаете, что нынче это строго наказывается — играть за деньги. Я только что из Петербурга. Там новые порядки.

— Похоже, наш император, — удобно располагаясь, говорил Остерман-Толстой, — хочет искоренить сразу все недостатки. Революцию, опоздания на работу, русскую лень, мотовство, вот теперь карты. Как вы думаете, мадам, удастся ему это сделать?

— Не знаю, но следует ли верить тому, что он прекратил борьбу с королевскими душегубами во Франции? Вы сейчас из Петербурга, Николай Семенович, что там говорят об этом?

Мордвинов раздавал карты и, казалось, полностью был сосредоточен на этой безделице, потом осмотрел сидящих и торжественно сказал:

— Митрополит Платон еще по случаю славной Чесменской битвы у гробницы Петра Великого цесаревичу Павлу предрек, что он не только славу Петра сохранит, но и умножит. Цесаревич же с детских лет к флоту привязан. Помните, он был назначен в восьмилетнем возрасте генерал-адмиралом, а после прочтения книги господина Ломоносова, еще мальчиком, требовал отыскать проход через север к Америке, дом инвалидный для старых моряков на Каменном острове устроил и все свое генерал-адмиральское жалованье на его содержание отдал. Так что мы над Российским флотом ныне имеем не только монарха, руководителя, но и испытанного покровителя.

Мадам Гакс слушала невнимательно, кривила губы, нервно перебирая пальцами ожерелье.

— Но, правда ли, господин адмирал, как пишут английские газеты... Фома, зачитайте, что написано нынче всем русским послам.

Брат хозяйки надел на нос пенсне и вытащил из кармана кусок газеты.

— Тут написано: граф Остерман направил всем вашим послам циркуляр, в котором извещал их, что «Россия, будучи в беспрерывной войне с 1756 года, есть поэтому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении». — Фома Кобле поправил пенсне и добавил: — На Европу это произвело тяжелое впечатление. Насколько я знаю, из Англии отзывается эскадра контр-адмирала Макарова. Не так ли?

Мордвинов сосредоточенно думал над картами и не ответил Кобле. Потом обратился к Ушакову:

— Федор Федорович, вот почему вас моряки, низкие служители так боготворят? Куда ни приедешь, все просят, нам бы под начало адмирала Ушакова. Спуску вы им вроде не даете, изнуряете экзерцициями разными, а они на вас молятся?

Ушаков посмотрел на него испытующе: в чем подвох?

— Никто не молится. Просто я простых служителей за людей чту. Без их действия ни одной победы не одержишь. А их научить надо, упражнения провожу для этого. Уменье знанья прибавляет, больше свободы, понимания становится, стараются они, как видят, что я об них пекусь. Забота о подчиненном — сие командирская задача.

— Но неужели, господин адмирал, это входит в ваши обязанности? Неужели нельзя привести в состояние порядка ваших мужиков другим низшим командирам? Неужели власть короля во Франции зависела от ласкового обращения с этими хамами? — перебила Ушакова мадам Гакс и, не дождавшись ответа, обратилась к Мордвинову: — А вы что скажете, Николай Семенович? Что делать, на кого надеяться нам, аристократам?

Ушаков покраснел, напряженно думая об ответе. Мордвинов же был, наоборот, спокоен и ласков, только левая рука у него то твердела, то размягчалась.

— Я вот что думаю, господа, дайте свободу — мысли, рукам, всем телесным и душевным качествам человека, предоставьте каждому быть, чем его бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа даровала, и тогда нас будут чтить, как Федор Федоровича.

— Полноте, — махнул рукой Ушаков. — Давайте лучше о наших флотских делах. К чему готовиться, как думаете? Турки шныряют к крымчакам, то ли купцы, то ли шпионы. Но флот их килеванием исправляется без поспешности. В Синопе, на Архипелаге, в других местах много судов строится. На оружейном Константинопольском заводе под дирекцией французов работают по образцу европейскому ружья. В общем, Порта Оттоманская всякий час готовится к военным действиям, но сама еще открыть их не осмелится. Ожидает удобного к тому случая, смотрит на обороны воюющих европейских держав, особливо примечая выигрыш и неудачу французов.

Мордвинов отодвинул карты, в задумчивости кусал нижнюю губу. Слушал Ушакова, потом решительно поднялся.

— Пойдемте, Федор Федорович, я вам библиотеку покажу, других гостей представлю.

Библиотека у Мордвинова была отменная. Стояли тут и тома Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина. Однако же было больше авторов иноземных: Адам Смит, Жан-Жак Руссо, Голдсмит, Юнг, Эразм Роттердамский.

— А это, прошу обратить внимание, «Китайские записки», лично подаренные императрицей Екатериной «за донесения, написанные золотым пером», а вот сии записки Сюлли, еще в бытность цесаревичем Павел подарил. Однако большая часть моей библиотеки — книги философского и экономического свойства.

— По морскому делу не собираете?

— Знаю, знаю, Федор Федорович, что у вас редчайшие книги собраны по мореходному делу и кораблестроению. Но разве за всем уследишь!

Ушаков библиотеку похвалил, сказал, что у него, кроме морских книг, любимые им книги Фонвизина и Державина имеются. Но про себя подивился: почему по главной адмиральской специальности книг достойных в здешней библиотеке не было.

— Федор Федорович, — интимно обратился Мордвинов, — скажите, как вы хозяйство своей персоны ведете? Счета ваши кто подсчитывает?

Увидев, что Ушаков недоуменно на него посмотрел, пояснил:

— Я для себя составил и постоянно добавляю порядок разумного ведения дел домашних.

— Да у меня особых домашних дел и нет. Счета финансовые я сам веду, на черный день денег не коплю.

— Зря, голубчик, время придет, не заметите. А где в старости заработаете? Учиться считать нам, дворянам русским, надо.

— Мысли всякие, — раздумчиво продолжал Ушаков, — в тетрадь заношу, а потом в ордера морские, наставления.

— Да, да, вы все в морскую науку превращаете, а я вот мучаюсь философскими проблемами, на ночь кладу под подушку бумагу и карандаш — мысли собираю; честно скажу, боюсь, что не скоро мы понадобимся государю, морские служители. Ему бы сейчас хороших экономистов с десяток — всю Россию можно было бы переделать. И еще, Федор Федорович, — совсем разоткровенничался Мордвинов, — мысли по поводу нашего устройства у меня несвойственные моему чину приходят. Думаю, что руки рабов неспособны к порождению богатства. Свобода, собственность, просвещение и правосудие — суть естественные и единственные источники оного. А у нас в России, — заходил перед Ушаковым николаевский мыслитель, — просвещение и богатство находятся в руках малого числа людей, а нищета и невежество — у многочисленной части народа. Поэтому нам надо образовать среднее сословие. Как вы думаете, Федор Федорович?

Ушаков эти вопросы и сам себе задавал. Не на все находил ответы. Но считал, что он, как военный человек, как дворянин, должен служить Отечеству и государю честно и свое дело исполнять, а тех, кто с ним служит, обязан научить, душу их не уничтожить, а слиться воедино в исполнении долга.

— Я, Николай Семенович, обо всем устройстве не могу говорить, то дело божеское и державное. Но почитаю хорошими тех людей, которые собственное достоинство имеют, других уважают. Вот посмотрите, коли молодой мичман приходит на корабль и начинает морякам зуботычины раздавать направо и налево, то где его командирское достоинство? Ведь он их не научил, а начинает требовать. Себе подобных аа тварей почитает. Негоже. Не за страх должен работать служитель, а за совесть. И коль мы с детских лет воспитывать будем совесть, страх и зло отодвигать на задворки, то вот вам сословие людей достойных, необходимых Отечеству.

— Вы наше состояние бедственное выводите из причин нравственных, а я из причин экономических, — задумчиво потирал лоб двумя пальцами Мордвинов. — Впрочем, подумать об объединении сих мыслей следует. А сейчас позвольте я вам представлю двух наших знаменитостей — силача Лукина и сочинителя Захарьина.

В зале, куда они вышли, было шумно, громко звучала музыка, оркестр, составленный из морских служителей, играл входивший в моду полонез. Мордвинов подвел Ушакова к невысокому офицеру:

— Вот он, сей славный сочинитель «Афраксада», о коем во всех слоях общества говорят.

Ушаков поздоровался, подивился невзрачности сочинителя, книга которого была широко известна, читалась даже грамотными матросами.

— Ну, ты приготовил вице-адмиралу книгу? — обратился к Захарьину Мордвинов. — Я ведь его из Москвы забрал, — самодовольно объяснил он Ушакову. — Бахусу премного уделил внимания сей литератор. Спасая, я привез его сюда, в Николаев, дал офицерский чин, и он тут у меня учительствует. Думаю, новое сочинение напишет про подвиги флота, про нас и Николаев-город.

«Вот как заботится о славе собственной», — подумал Ушаков и поклонился Захарьину, протянувшему ему свою книгу. Мордвинов выхватил ее и громко зачитал: «Господину адмиралу Федору Федоровичу Ушакову. От Петра Михайловича Захарьина —

«Афраксад». Сей труд древности и таинственности сочинен на 40 медных табличках халдейскими буквами, а написал их Абу-Амир. С халдейского перевел на арабский, с арабского на татарский, а Захарьин нашел среди бумаг и перевел на русский». О каков ход придумал сочинитель! Молодец!

— А вот этот герой, полюбуйся-ка на него, Федор Федорович, — тоже достойная нашего города фигура.

Ушаков и впрямь залюбовался беловолосым офицером, что подошел к ним. Высокий и ладно скроенный, он не казался великаном, но мощный вице-адмирал был ниже его почти на голову.

— Он, сказывали, — опять с внутренней гордостью и даже хвастовством объяснил Мордвинов, — хватал в юности за задок кареты: четверка лошадей ни с места. А когда в арсенале пропал пятипудовый фальконет, Лукин сказал: «Унесли, наверное, так: взял пушку, сунул под плащ и без натуги пронес до ворот и обратно».

— Было, было, — пророкотал богатырь, — однажды даже восьмерку задержал, но лошади ось выломали и убежали.

Ушаков вдруг встрепенулся, в глазах заиграли бесики, и он лукаво сказал офицеру:

— А ну давай померяемся!

— Браво! Браво! — захлопал в ладоши Мордвинов. — Музыка, тише.

Музыканты опустили трубы, танцующие пары подошли ближе, Фома Кобле надел пенсне и посадил за игральный столик спорщиков. «Вот так! А теперь раз, два, три!» Никто ничего не понял, но рука Лукина уже лежала на столе. Офицер покраснел, сиущенно пожал плечами, ведь он никому не проигрывал до сих пор.

— Вы... вы, господин адмирал, сноровистей.

Ушаков пожалел силача и предложил померяться еще раз. Несколько минут склонялись руки в разные стороны над столиком, потом Лукин додавил соперника.

— Молодец. Истинный русский силач, — отворачивал рукава Ушаков. — Приходи к нам на корабли. Пойдем в дальние походы.

— Ты, Федор Федорович, не сманивай. Он нам и здесь нужен, турок отпугивать, — посмеивался Мордвинов.

Музыка вновь заиграла, пламя свечей заколебалось в такт танцующим.

— Спасибо за вечер, Николай Семенович. Я от своей морской качки отошел немного. Хорошо тут у тебя. Поеду, пожалуй. Дорога дальняя.

Мордвинов проводил на крыльцо и, пожимая руку, как бы между прочим сказал:

— Ну а проект-то Катасонова запустим, наверное, вона сколько денег затрачено.

Рука Ушакова закаменела, лишилась доброжелательности и тепла. Он вынул ее из рукопожатия, как из ножен, и твердо ответил:

— Все сделаю, чтобы проект не утвердили, самому государю отпишу. — И, подумав, закончил: — А за угощение спасибо.

УЧЕНЬЕ, КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Всю зиму шквальные ветры обрушивались на Крым. Еще не окрепшие деревья акаций гнуло почти до земли. Водяные брызги с мола достигали второго этажа адмиральского домика, где в открытом окне высилась фигура Ушакова. Вице-адмирал. Он томился тем, что пол в доме не ходил под ногами, как палуба, не скрипели мачты, не шуршали снасти, не хлопали над ним паруса. Наверное, он не возражал бы, чтобы долетела сюда и ошалелая волна, плеснула в лицо соленой водой, шумно рассыпалась над бортом.

И здесь не бездельничал: проверял провиантские склады, заставлял чистить выгребные ямы и мыть полы в казармах, ездил смотреть прибывшее парусное полотно и канаты. Читал. Читал книги по морскому искусству и военному делу, о подвигах, о славе народа своего.

Несколько раз выходил в море, приказал ставить паруса под разным углом, изучал, как меняется скорость, вместе с командирами кораблей искал, как безопаснее расположить грузы. Он же заставил составить расписания для различных обстоятельств: для стоянки, для ежедневной службы, на якоре и в море. Каждый точно знал свое место и свои обязанности. Да и сам постоянно учился, следил за событиями.

Выписывал немецкие и английские газеты. Просил переводить все, что касалось морских событий. Французский эмигрант, капитан-лейтенант Грюэ, всячески хаял новый флот Франции. Ругал его за порядки, за выборных командиров, за разбегающиеся команды, перегруженный рангоут, который невозможно сменить в море.

Ушаков отметил для себя, что и у русских кораблей он тяжеловат. Просил Грюэ нарисовать рисунок паруса, все искал лучший, чтобы не терялась парусность. Пробовал наладить стрельбу раскаленными ядрами. Установил ревербирную печь, сам сле-

дил, как раскаливались ядра. Ревниво осматривал пришедшего в Севастополь английского «купца». Никаких украшений, орнаментов, ненужных надстроек. Все, что мешало мореходным качествам, у англичанина исчезло. Медь на днище была уже не новинкой, но у «купца» заметно загнуты углы.

Подолгу разглядывал карты, водил пером по черноморским берегам. Но нередко можно было застать сосредоточенного адмирала над изучением извилистого побережья Греции, сапожка Италии, Адриатики и далеких Ионических островов. Изучал он и Балтику, висели у него и карты далекой Америки, Белого и Каспийского морей.

Почти каждый день проводил упражнения, развивал верность глаза у офицеров, а у моряков все четче становились движения, они знали на память все команды, дисциплина их не пугала, они все больше привыкали ко вниманию и требовательности со стороны строгого и доброжелательного к ним адмирала.

Особенно его интересовала знаменитая и неудачная экспедиция флота французской Директории к берегам Ирландии. Возглавил ее генерал Гош, пришедший в ярость от неповоротливости флота, по поводу которого говорил: «Что такое флот! Сохрани меня бог когда-нибудь вмешаться! Какой странный состав! Огромное туловище с разъеденными, бессвязными частями; внизу противоречия; организованная недисциплинированность в военной корпорации и если прибавить сюда надменное невежество и глупое чванство, то вы получите полную картину флота!»

Ушаков расспрашивал Грюэ, что произошло с экспедицией, отчего окончилась она неудачей. Тот сам толком не знал, но по слухам и данным, полученным им, выходило, что часть эскадры не поняла сигналов, другая была введена в заблуждение сигналами, которые им делал английский фрегат. Часть эскадры под командованием адмирала Бувэ подошла к ирландским берегам, но из-за плохой погоды и нерешительности начальников высадка не состоялась. Бувэ отправился обратно в Брест. Из 43 кораблей всего 6 судов были потеряны, но экспедиция в целом потерпела крах. А почему? — думал Ушаков. Да потому что команды не были укомплектованы, корпуса расшатаны, мачты оказались плохо скрепленными, паруса все в заплатах, провианта взяли мало и к тому же выбрали для экспедиции самое плохое время — бурное, опасное, туманное. Начальники экспедиции плавали отдельно от основной части экспедвции и не могли связать, объединить сигналами и общей командой всю эскадру.

Федор Федорович надолго задумывался и часто записывал в свою кожаную тетрадь:

...Сигналы! Сигналы — мудрость и воля флотоводца.

...Паруса! Паруса — это крылья флота.

...Команда! — это залог успеха.

...Погода! — условие для точного движения.

Да, а что еще? Что еще надо, если флот направляется в экспедицию, в дальний поход, на морскую битву?

Ушаков, может быть, уже участвовал в самых своих главных битвах, но, возможно, главная битва ждала его впереди. Он не знал этого, не знал, но готовился. Готовился ежемесячно, еженедельно, не пропуская ни одного дня.

ВЕСНА 1798 ГОДА

Весной 1798 года Европа вслушивалась в стук топоров, доносившийся из Тулона. Гроза монархических армий, всех противников республиканской Франции и опора новой послеробеспьеровской власти генерал Бонапарт готовил в поход армаду военных кораблей и транспортов. Куда? Конечно, в Англию. Об этом доносили нанятые за большие деньги шпионы. Конечно, генерал нацелился на эти острова, кишевшие роялистами, противниками директории, в этот центр, где сосредоточились основные силы заговора против республики, где ежедневно в парламенте, в газетах, на сборищах владельцев чайных плантаций в Индии, кофейных в Вест-Индии, лесных угодий в Канаде, золотых россыпей в Африке звучали погромные речи и угрозы. Солнце не заходило над территориями английской короны, но обжигающий свет революционных идей, ниспровергающих королей, провозглашающих равенство, братство и свободу, не добавлял света к радости хозяев Сити. Свобода у толстосумов и так была, их вполне устраивало равенство с аристократами, а братства они не хотели ни с собственными согражданами, ни с близкими им по духу буржуа других стран.

Да, в Англии находился в то время центр мирового капитала, и она пыталась держать в руках рычаги мирового господства. Далеко не все получалось. Выскользнула из-под управления североамериканская держава, вызывала раздражение и ненависть своей самостоятельной и независимой политикой Россия. Но на пике злобы пребывала республиканская Франция. И последняя платила ей тем же. Было ясно, что тулонская флотилия готовилась достичь берегов западной Англии или Ирландии и с повстанца-

ми страны древних кельтов обрушиться на короля, лордов и богачей, обратившись к нищему народу богатейшей страны.

В Петербурге, Константинополе и Неаполе думали по-другому. Чета неаполитанских Бурбонов, хлыщеватый и развратный король Фердинанд, его фактически властвующая, обладающая вампирскими склонностями супруга Каролина были в панике. Недавно французы сокрушили Пьемонт. На его территории созданы новые республики, превратилась в республику цитадель католиков — Папская область. Аристократия Неаполя заскулила: «Бонапарт готовится своим флотом низвергнуть королевство обеих Сицилий». Как будто ему недостаточно было сухопутных войск?

Селим III в Константинополе горестно взирал на раздираемую противоречиями Османскую империю. Он знал, что французы агитируют на Балканах в районах Греции (Морея и Сули), ведут интриги с полунезависимым пашой Янины — Тепеленой, владетелями Шкодры и других округов-пашлыков. Французский флот мог привести армию на Пелопоннеский полуостров, в Египет, а может, и под самый Константинополь.

В Петербурге Павел I пребывал в ярости от нерешительности антиреспубликанцев, он еще не различал оттенков в решениях Директории, для него все во Франции дышало духом давно испустившего дух революционного Конвента. Осведомители царя доносили, что в Тулоне кипит напряженная работа, достраиваются корабли, оснащаются транспорты, идет доставка снаряжений и боеприпасов. Дерзость Бонапарта после артиллерийского расстрела роялистов в Тулоне и разгрома австрийцев в Северной Италии получила известность. Его хитроумные дипломатические комбинации поражали напором и наглостью. У всех на памяти был договор в Камп-Фермо, когда перестала существовать Венеция, а Франция внезапно встала двумя ногами в Адриатике на Ионических островах. Все мог предпринять резвый Бонапарт. Под большим секретом из Тулона просачивается слух о возможности высадки десанта в черноморских портах и уничтожении флота в Севастополе и Херсоне.

Павел не хотел быть застигнутым врасплох и отдал приказ...

ДЕЛА ЛИЧНЫЕ...

В конце века Ушаков стал известной фигурой в Отечестве, коснулась его милость императрицы. А по флотской линии: капитан 1-го ранга, контр-адмирал и вот вице-адмирал. Еще один шаг и... Но только ли этим меряется жизнь? Только ли званьями да наградами она наполняется? В эти же годы он получил жестокие удары. Нет, не собственные ошибки, просмотры, недочеты привели к тому, не от вышестоящих командиров нанесены они, хотя и это было. Не от царского двора раны, хотя и оттуда при Павле пахнуло неверием и нежеланием встретиться, нет, самые больные, может быть, удары для Федора Федоровича пришли откуда-то свыше, извне, оттуда, где не владел он штурвалом, не давал сигналов предупреждающих, не отдавал команд. Одним словом, судьба.

Плохо было Ушакову в эти годы. Умерла мать, умер отец. Свирепость, дурь и горе вылезли в старшем брате Степане. Стал он бить дворовых, истязать девок, ропот пошел по селам, жалобы возымели действие. Посадили старшего брата в смирительный дом. Позор. Жена же его, гулящая, приглашала к себе ухажеров, да вдруг и сама куда-то уезжала, возвращалась тихой, молилась долго, а потом начиналось сначала. На гулянье деньги надо, продала дом и землю, а затем и сама утопилась.

Пуще всего огорчила его в то время кончина отца Федора в Санаксарской обители. Ушел из жизни человек, светлой верой, чистотой помыслов которого он восхищался. Свой путь Ушаков выбрал сам, но многое примеривал на поступки и слова святого отца...

Тогда-то и решил Федор Федорович семью собрать, укрепить, не допустить распада. Взял адъютантом к себе брата Ивана, обратился в опекунский совет с тем, чтобы пришедшего в себя и «осмиревшего» Степана освободили из смирительного дома и перевели в его именье Анциферовку Олонецкой губернии. Всем он хотел сделать доброе дело, поддержать, не допускать раздоров, ссор, склок. Особенно любил детей брата Ивана Колю и Федю, племянницу Павлу, называл их своими детьми, слал подарки и добрые слова через отца.

И еще через одну темную силу приходилось пробиваться Федору Федоровичу, через силу наветов, сплетен и слухов.

С каждой новой ступенькой Ушакова громче раздавался ропот его недоброжелателей: «выскочка», «незнатен», «неродовит», а вот даже целый флот получил под свое начало. Забывали, что не знатностью и родовитостью победы здесь одерживали, на Черном море. Побеждал здесь он, Ушаков, уменьем, искусством и храбростью. И родовитость-то у него была, отец не раз вспоминал, дядя говорил о том, что Ушаковы издревле Отечеству служили, от князя Редеди Косогского род вели. Только он этим не тыкал никому в нос, не просил за это званье новое или орден. Вот они, его недруги, и шептали, злословили, издевались.

Рассердился. Решил найти все бумаги о родстве своем. Напра-

вил письмо в Геральдию. Ждал долго, чиновники в Архиве возились так, что и забывать стал, и вдруг в июльское лето 1798 года получил бумагу — свидетельство. Развернул, с волнением прочитал: «Государственной Коллегии иностранных дел в Московском Архиве Черноморского флота вице-адмирал кавалер Федор Федоров сын Ушаков предъявил поколенную роспись роду своему и, изъясняя в оной о происхождении фамилии своей от Косогского князя Редеди, просил о даче ему как о начальном происхождении от рода Редеди и о службах предков его...

...Первое в родословной Книге в архивной библиотеке под № 297-м глава 42-я, род Редедин... Князя Редедю убили, а сынов Редединых... Во крещении первому имя Юрия, а другому Иоан, за Романа дал великий князь Володимир Мстиславович дочь... А у Романа сын Василий, Редедин внук. А Василия сын Юрий — а у Юрия дети: Яков да Глеб. А у Глеба дети: Василий, да Козьма, да Иван, да Илья, да Василий меньшой. А у четвертого сына Глебова у Ивана дети: Григорий слепой, да Василий объезд — а у Григория дети Ушак, да Лапоть, да Кракотка, да Илья, да Алексей; да Иван Большой, да Лев, да Иван меньшой...»

«Вот вам и подтвержденье чиновное, откуда наш род-то тянется, — с удовлетворением подумал Ушаков, — фамилия — от этого Ушака и от его многочисленных братьев». Служили Ушаковы, как расписано было в «Свидетельстве» у великого князя Ивана, имели поместья в Московском уезде, ездили в битвы на Днепр вместе с Адашевым в 1558 году. «А с Очаковым и Черным морем Ушаковы познакомились еще задолго до меня, — усмехнулся Федор Федорович. — Были Ушаковы и воеводами в разных городах: в Бузулуке, в Михайлове, в Угличе. Вот и по посольским делам отправлялся в 1607 году в Крым Степан Ушаков, — водил пальцем по грамоте вице-адмирал, — а вот и к кесарю в Вену в 1674 году гонцом оказался Никон Ушаков. Служили, служили Ушаковы государю и Отечеству, и род есть, и герб наш ушаковский будет постоянно сопровождать в делах, дабы всякий не попрекал, что чересчур высоко метит вице-адмирал Ушаков».

Федор Федорович прикрепил к стенке герб, отступил от него и внимательно осмотрел геральдические детали. На щите, имеющем горностаеву вершину, была изображена корона. В нижней части, на голубом и золотом поле стоял дуб о двух кронах, сквозь которые проходили две серебряные стрелы. Сверху щит в дубовых листьях, в которых расположились дворянский шлем и корона. По двум сторонам щита стояли два рыцаря, держащие в руках по копью. Большого отклика в сердце герб у него не вызывал, но он почитал, что по традиции сей знак рода Ушако-

вых должен быть в его комнате и каюте. Подтянул к себе «Свидетельство» и прочитал:

«Сия выписка о фамилии Ушаковых учинена Государственной коллегией иностранных дел в Московском архиве на основании имянного Его императорского Величества указа, июля в 27 день минувшего года состоявшегося в котором высочайше изображено. Дабы архивы способствовали дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства. Дано выше упомянутому просителю Черноморского флота господину вице-адмиралу 12-го июля 1798 года».

«Ну вот и ладно, бумага есть, ткну, если надо, в лицо обидчикам», — подумал он, подошел к окну, распахнул и услышал громкий голос снизу:

— Гонец из Петербурга!

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ УЗЕЛ

Центр интересов крупнейших держав континента смещался все южнее и южнее к Средиземному морю. Бывшее некогда колыбелью для блистательных цивилизаций Азии, Европы, Африки — оно потеряло свое значение, как колыбель, вернее, купель для этих цивилизаций. Его восточные и южные берега были несколько веков подчинены Османской империи, когда она полукольцом, как клещами, охватила Европу с запада и востока. Казалось, вот-вот Средиземное море станет озером турецких султанов. Но к концу XVIII века времена изменились. Мозаичное панно империи, состоящее из разноплеменных осколков, стало стремительно трескаться и распадаться. Средиземное море из турецкого превращалось в международное, где ходили флоты разных стран и решались судьбы многих держав, династий и королевств. В Лондоне, Париже, Вене, Неаполе, Стамбуле, Петербурге все чаще и чаще обращали взоры к южной части Европы. Зазвучали непривычные для уха названия Корфу, Анаконда, Абукир, Цериго, Китира. Противостоящие друг другу силы вытащили на морские волны сильнейшие флоты того времени. Затрепетали тут я «Юнион Джек», и республиканское цветное знамя Франции, и андреевский флаг русских кораблей, неуступчиво зеленел турецкий флаг с полумесяцем, как тряпки трусливо обвисли неаполитанские вымпелы, забились в порты флаги Испании и Венеции. С черным и бордовым знаменем рыскали вдоль побережий варварийские алжирские пираты и невесть каких национальностей корсары, выскакивающие из заросших кустами бухточек греческого Пелопоннеса, пещер Малой Азии. Не прочь были по-

пиратствовать и мальтийские рыцари, чей восьмиугольный белый крест не являлся символом чистой совести.

Вал войны катился в Средиземноморье с севера. Прежде чем она разразилась на море, боевые действия развернулись в Италии. Генерал Бонапарт стремительно, как все, что он делал тогда, еще весной 1796 года разбил армию Сардинского короля (Пьемонт), занял Милан и десятком энергичных ударов разгромил австрийцев. В 1796 году под фактическим управлением Франции были созданы республики: Транспаданская (Ломбардия) и Циспаданская (Болонья, Феррара, Реджо и Модена). В 1797 году движение Франции к югу продолжалось. Пало многовековое папское государство. В цитадели наместника божьего на земле возникла республика. Вершитель судеб миллионов, их духовный пастырь оказался мелким пленником республиканской Директории.

Сотни лет просуществовала Венеция. Казалось, макиавеллиевская изощренность ее правителей, накопленные за века хваткой торговли капиталы уберегут республику дожей от участи разбивавшихся вдребезги монархических держав. Но предусмотрительный ум генерала Бонапарта не мог оставить соперника на морских путях.

После соглашения, заключенного в 1797 году с Австрией в Леобене, коварный генерал предложил убийственный вариант для Венецианской республики: выступить против Австрии. В Венеции пытались сопротивляться такому диктату. Тогда генерал нашел предлог и двинул войска на республику аристократов. Много веков балансировавшая на волнах неспокойной жизни, сумевшая сохранить самостоятельность в отношениях с Портой, Австрией, Римом, Венеция пала под напором Бонапарта. А тот моментально приказал направить эскадру к Ионическим островам, в греческие владения Венеции, и высадить там десант. Эта дерзкая операция заставила заволноваться Селима III и Павла I, Фердинанда Неаполитанского и сэра Уильяма Питта младшего — заносчивого английского премьера. Франция становилась опасным соседом Турции. Так пересеклись силовые линии истории в этом месте Средиземноморья.

А там, в Ионическом и Адриатическом морях, именуемых тогда чаще Венецианским заливом, ожерельем вокруг материковой Греции протянулись острова Китира (Церинго) — острова носили греческое и итальянское названия, — Паксос (Паксо), Итака, Левкас или Левкада (остров Святой Мавры), Кефалиния (Кефалония), Керкира (Корфу).

Жители этих островов — греки — снискали известность как мореплаватели и земледельцы. Уже много лет они томились под венецианским владычеством. Это не был смертельный гнет Османской империи, в которой все вопросы решались однозначно — кривым ятаганом. Венеция не резала своих подданных, она просто «потрошила» их, заставляя денно и нощно работать на процветание своей упитанной республики, на наполнение сейфов и кошельков утонченных толстосумов.

Вершителями судеб островных жителей был клан привилегированных нобилей, то есть дворян-аристократов, ведущих свое происхождение от венецианских знатных родов. Нобили говорили между собой по-итальянски, все судебные, торговые дела велись также на чуждом основному греческому населению языке. Привилегии нобилей значились в «Золотой книге» — символе их величия и родовитости. Однако на островах появлялось все больше и больше людей независимых в экономическом отношении, овладевших высокими познаниями в экономике, торговле, науке, культуре, искусстве. Они-то и составили неспокойный второй класс (иль секондо ордино) Ионического общества. Крестьяне, моряки, ремесленники — тот низший слой, который должен был обслуживать два первых. Но вольнолюбивые иониты не страшились заявлять о своих представлениях по поводу порядков и устройства жизни на острове. Они были горячо преданы своей малой родине, все время находившейся между молотом и наковальней европейских узурпаторов и восточных деспотов. Большая же их родина — Греция — уже немало веков находилась в закабаленном состоянии, многие ее сыны рассеялись по Средиземноморью и черноморским берегам. Может быть, никто лучше их не знал эти бухты, заливы, места стоянок, укромные уголки. Их брали капитанами, лоцманами, матросами на свои корабли константинопольские паши, венецианские дожи, мальтийские рыцари, неаполитанские аристократы. И вот уже много лет, доверяя их опыту и ценя преданность, ионитов приглашали на службу в Россию. Сотнями лет они вынуждены были скрывать надежду на возрождение своей родины. Но греки упорно ждали своего часа, копили богатства в домах и ненависть в сердцах. Свято верили в день освобождения и берегли веру. Османы предлагали им отойти от заветов веры своей, и это обеспечило бы почти сказочную жизнь, без страха и угроз. Греки молчали и горестно вздыхали, отсчитывая деньги за повышенный налог. Папские нунции нашептывали: переходите в истинную, католическую веру и вы получите тайное и явное покровительство папы. Греки молчали. Не для того они страдали столетиями, чтобы склонить голову перед святыми отцами Рима, предавшими их в тяжелый час. Два центра притяжения сложились для них в конце века. Париж и Петербург. Франция и Россия.

Французская революция 1789 года породила надежды на освобождение, ведь на знаменах республики было написано: «Братство всем народам...» Во Францию потянулись наиболее пылкие молодые греки, зазвучали пламенные республиканские призывы.

Конечно, речь шла не о том, что народ Греции воспринимал с полным пониманием идеологию французской революции. Для греческого общества это был еще далекий этап. Главное — решить вопрос национального освобождения. Французская Директория и Бонапарт понимали, сколь заманчиво пообещать грекам независимость, однако параллельно они не позволяли этим освободительным настроениям зайти слишком далеко. Острова нужны были Бонапарту для другого.

17(29) июня 1797 года французские войска под командованием генерала А. Жантили высадились в порту Корфу. Настрадавшись под венецианским владычеством, корфиоты с напряженным молчанием встречали новых хозяев. Кто они? Несут ли свободу, равенство, братство? Или сменят венецианские налоги на свои, итальянский язык на французский.

Бонапарт знал, что в любую страну надо въезжать на страстных, громких, даже ошеломляющих лозунгах. Для этого всегда найдется какой-нибудь неистовый поклонник революции. На острова им был отряжен ученый-эллинист А. В. Арно, которому предписано возбуждать народ, превращать его в друга французской революции. Арно взялся за это со всей пылкостью и подготовил страстную прокламацию.

«Потомки первого народа, прославившиеся своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблести ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск, — провозглашалось в воззвании, — ...и вы обеспечите доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии, благодеяния, которые я вам обещаю от имени генерала Бонапарта и по воле Французской республики, естественной союзницы всех свободных народов»...

Возможно, Арно, как и многие искренние республиканцы, так и думал, но у Бонапарта были свои планы. Дав посадить Древо Свободы на центральной площади Корфу, он, по-видимому, уже замышлял стремительный бросок в восточное Средиземноморье. Там грезилась ему новая Великая империя, оттуда шел терпкий запах лавра, увенчавшего Александра Македонского. Но для сокрушения турецких владык требовалось разжечь национальные чувства, вызвать призрак свободы греков, поднять восстание против султана. «Если обитатели этого края склонны к независимости, — писал он Жантили, — вы должны потакать их вкусу и не упустить в различных прокламациях, которые вы

выпустите, говорить о Греции, Афинах и Спарте». И главное, это ничего не стоило Французской республике. Да, Бонапарт говорил о древних эллинских республиках, а сам мечтал об империи Александра Македонского. И Ионические острова были тем предместьем, с которого он мог сделать скачок в Египет. Директория как-то недооценила острова, считая их разменной монетой для торга за столом переговоров с Австрией и другими державами. Бонапарт же сразу определил их стратегическое значение. Что-что, а военной дальнозоркости у него тогда хватало. Необходимо было превратить острова в надежную базу, где следовало иметь широкую опору среди населения. Нобили, конечно, выступили против республиканских порядков. Их «Золотую книгу», где записывались все дворянские роды островов, сожгли под бурные крики торжества простых людей и второклассных — ильсекондордино. Генеральные советы, в которых заседали нобили, были распущены. Их заставили платить налоги наряду со всеми. Но и среди нобилей (особенно среди молодежи) появились горячие сторонники лозунгов Французской революции. Кое-кто (граф Ловердос, семья Бурбакисов) стали даже видными генералами и дипломатами наполеоновского режима. Но в целом нобили с первых дней не приняли французскую администрацию. Они всячески возбуждали все другие слои населения против нее.

Ни национальной свободы, ни социального равенства иониты не получили. Началось ожесточение и возмущение. А возмущаться было чем. На каждый дом возложили налог от шести до сорока талеров. Торговцы, еще вчера приветствовавшие войско, разрывавшее феодальные путы и открывшее путь к разностороннему приобретательству, попали под налоговый пресс и вынуждены были внести 40 тысяч талеров во французскую казну. Кошелек стал тоньше — уменьшился и революционный пыл второклассных, их приверженность французам. А тут еще пришлось, по указанию французов, поделиться местами в управлении с иудейской общиной. А та, получив власть, не стеснялась придушить конкурента. В конкуренции буржуа получили свободу и равенство.

Договор в Кампо-Фермо 6(17) октября 1797 года определил окончательный статут Ионических островов. Они и бывшие владения Венеции на Балканах (города Превеза, Парага, Воница, Бутринто) присоединялись к Французской республике, становились тремя ее департаментами.

Приемный сын Бонапарта Евгений Богарнэ прибыл на Корфу, чтобы пышной манифестацией отметить сие событие. Военная власть принадлежала дивизионному генералу (сначала Жантили, а затем Л. Шабо), действовал и институт комиссаров. Иони-

ты все свои мероприятия могли проводить лишь с разрешения французов. Генеральный комиссар Дюбуа эту зависимость еще больше усилил, ограничивая местную власть. Конечно, кое-какие новшества новые времена внесли: была ограничена арендная плата, греческий язык стал равноправным, но этого пробуждающимся от громких призывов людям оказалось уже мало. Да и революционные лозунги испускали дух, а на первый план все больше выходила жесткая реальность завоевательной политики французской буржуазии. Нужны были рынки, нужны были капиталы, нужны были военные базы. О свободе Греции, правда, продолжали говорить, на островах стала работать типография, выпускающая книги и прокламации на новогреческом языке. Но все это носило какой-то подчиненный и отвлеченный характер.

Очевидно, самыми последовательными противниками оккупантов (а в это время французы уже превратились в таковых) были крестьяне, ремесленники и моряки. Французы приписывали подобную строптивость религии. Бонапарт предлагал противопоставить православию свою пропаганду независимости и освобождения от национального гнета. В письме министру иностранных дел он писал: «Фанатизм свободы, который начал уже складываться в Греции, окажется там сильнее, чем фанатизм религиозный. Великая нация (то есть французы. — *В. Г.*) найдет там больше друзей, чем русские».

Но не только религия была основой оппозиционного чувства простого люда.

Противодействие оккупантам порождалось их вероломным поведением. Простые греки понимали, кто друзья и кто враги. Простые греки все чаще поворачивали свои головы в сторону России...

ЛЕТО 1798

Лето 1798 года еще не начиналось, а было уже жарко, сухо, пахло порохом. Морской удав из сотен кораблей выполз из Тулона.

Первой пала Мальта. Бонапарт низвергнул много сотен лет неприкосновенный и независимый для светской власти орден мальтийских рыцарей иоанитов (Иоанна Иерусалимского). Орден этот, созданный рыцарями-крестоносцами еще на территории Палестины, был оттеснен мусульманским войском сначала на Кипр, Родос, затем они получили от короля Карла V право создать свою крепость на Мальте, с обязанностью сдерживать турецкое давление на юг Европы. Остров превратился в неприступ-

ный бастион, рыцари стали умелыми мореходами, их морская репутация в то время была очень высока. Турки несколько раз пытались сбросить их гарнизон в море. Особенно памятна осада, когда рыцари под руководством Ла Валеты отразили 300-тысячную армию турок. В честь великого магистра (так назывался главный правитель ордена) новая столица была названа Ла-Валлеттой. На острове рыцари имели едва ли не самый большой госпиталь в Европе, много больничных заведений в разных странах (отсюда их второе название — госпитальеры).

В их кассы стекались большие деньги от взносов верующих, больных, от платы за охрану при перевозках грузов, дачи денег взаймы. Орден жирел, а его рыцари хирели, теряли воинственный дух, энергию и боевитость. Они хотя и проникли во многие королевские, княжеские и графские дома, имели широкую сеть осведомителей, обладали тайнами общения, но их всевластие и всепроникаемость закончились. Протестантская религия не признавала их партнерства, после казни Людовика XVI их земли и замки во Франции конфисковали. Орден готов был распасться, но в этот момент пришла неожиданная помощь.

Павел I воспылал любовью к обиженным рыцарям. Трудно сказать, что привлекло его в Ордене. Может быть, таинственность и секретность в организации, что могли пригодиться в борьбе с затаившимися врагами, которые часто мнились императору в екатерининском вельможе и заезжем европейце. Может быть, мистика некоторых обрядов, так сильно действовавших на экзальтированную натуру царя. Может быть, строгость и символическая изощренность в одежде, отличавшая рыцарей от других смертных.

Рыцари, сами стучавшиеся в двери Зимнего дворца, с поспешностью откликнулись на предложенное покровительство и ринулись под крыло российского императора. Их плащи и восьмиугольные кресты замелькали на царских приемах в дворцах. На них посыпались милости. Многие из рыцарей стали советниками, получили званья и даже имения. Впоследствии для них было образовано Волынское приорство (своеобразное наместничество).

Царь обязался ежегодно выплачивать 400 тысяч рублей Ордену. Не последним во всей этой «заботе» об обветшалом Ордене было и то, что Мальта находилась в центре Средиземноморья и вполне могла стать базой для русского флота. Правда, об этом никто еще не говорил.

В Европе сильно не протестовали. Не до того было. Лишь Наполеон, с аппетитным хрустом поглотивший Орден и вытащивший из его казны собранное за много веков серебро и церковную

утварь, с ухмылкой «посочувствовал» Павлу и писал: «...Мы лучше, чем он, понимаем интересы его нации» и «занятие Мальты сберегло его казне четыреста тысяч рублей». Павел рассвирепел. Но его беспокоило в первую очередь не то, что бедные рыцари остались без крова. Он хотел знать: куда дальше направит свой удар Наполеон Бонапарт. В Неаполе уже складывали чемоданы, готовясь к стремительному побегу от десанта «кровожадного генерала». В Греции точили ножи повстанцы, в Константинополе Селим III все больше и больше приходил к мысли о союзе с Россией. Ибо только она одна оставалась династическим и естественным союзником перед лицом разбушевавшегося генерала Директории.

В неизвестности носился по Средиземноморью на быстроходных английских кораблях вице-адмирал Горацио Нельсон. Побывал он в Сицилии, бросился к Александрии и удивил тамошних жителей расспросами о неведомом им Бонапарте. Разворот... и снова Неаполитанское королевство. Нет. Там дрожат, но где находится после Мальты тулонская эскадра, не знают. Неаполитанцы снабдить англичан продовольствием не могут — за ними бдительно следят и угрожают расправой французские представители.

Нельсон с помощью супруги английского посланника Гамильтона — Эммы, ставшей впоследствии его романтической и драматической любовью, спасает свои экипажи от цинги, загрузив свежую воду и провизию, и снова мчится к Александрии. Чутье не подвело его. Первый раз французский флаг скользнул южнее, и Бонапарт не попал под губительный огонь английских пушек Сейчас же он успел высадиться и направить свои испытанные боевые отряды в глубь Египта.

Да, Египет, Восток были целью его похода. Директория и французское общественное мнение (такие деятели, как Талейран) были подготовлены к этому движению в районы Средиземноморья еще со времен Бурбонов. Во Франции вышло несколько книг, которые расписывали богатство этой страны, ее готовность упасть к ногам европейской цивилизации. После потерь колоний в Вест-Индии и Азии приходилось задумываться о новых заморских приобретениях. Буржуа хотели новых колоний. Директория выпроваживала ретивого генерала. Будет успех, будут новые поступления в казну. Будет поражение, опасный генерал сломает себе шею, а во Франции найдется немало новых претендентов на место командующего. Бонапарт же имел и свою заветную цель. Из Египта он хотел двинуться в Сирию и дальше нанести смертельный для Англии удар по Индии. В доступном только ему воображении забрезжили видения империи Александра Македонского. Правда, слово «империя» было еще не модным. Поэтому генерал двигался в глубь Египта с еще более непонятным для местного населения словом «республика». Цветов, музыки, рукоплесканий, как в его Северо-Итальянском походе, — не было. Стало ясно, что от забитых феллахов сочувствия и понимания не добьешься. Вся надежда покоилась на стойких и закаленных, отобранных по одному, солдатах. Те любили своего генерала, он же не скупился одаривать их всем, что отбирал у разбитых кочевников-мамелюков *.

Армия продвигалась в глубь Египта, а флот под командованием бесталанного адмирала Брюе потерпел сокрушительное поражение от Нельсона. 30 кораблей было сожжено и уничтожено. Победа при мысе Абукир была безусловной и, прославя Горацио Нельсона, записала его имя в книгу великих флотоводцев. Однако одно обстоятельство, скорее всего, очень раздражало адмирала. Ведь маневр, который он провел, отсекая французский флот от побережья, был уже применен в 1791 году русским контр-адмиралом Федором Ушаковым. Наверняка адмирал английского флота, внимательно следивший за морскими сражениями, знал об этом искусном отсечении от берега турецких кораблей и зажиме их в клещи. Знал и досадовал, что он не может с чистой совестью назвать этот прием, повторенный им при Абукире, своим флотоводческим открытием. А ведь иначе ничем не объяснишь ту личную неприязнь, даже злобу, которую впоследствии проявлял вице-адмирал Горацио Нельсон к адмиралу Федору Ушакову...

Итак, флот Директории в восточном Средиземноморье перестал существовать. Но Мальта в руках французов, на Ионических островах расположились их сильные гарнизоны, армия Бонапарта в Египте. Обстоятельства толкали бывших заклятых врагов — султанскую Турцию и Российскую империю — к союзу. Еще до египетского десанта в Константинополе шли интенсивные переговоры между посланником Томарой и рейс-эфенди Атифом. У России в Константинополе всегда были опытные и доверенные дипломаты. Там находились самые искусные и образованные русские дипломаты XVIII века Обресков и Булгаков. Державную политику России проводили они твердо и непреклонно, требуя соблюдения договоров и условий, защищая интересы подданных. За эту свою непреклонность арестовывались турками, еще не привыкшими тогда уважать соседей. Бросали их и в зловещую Семибашенную крепость, знакомую многим иностранцам. Правда, и

* Феодальный род, фактически самостоятельно правивший Египтом, считавшимся провинцией Турции.

выпроваживали из Константинополя с почетом. Непреклонны, неподкупны, горды — значит за ними и сила. Турки таких уважали.

Две войны, казалось, надолго разделили два государства. Но ход истории и усилия дипломатов сближали их. Особенно многого сумел добиться в качестве чрезвычайного и полномочного посла России при Высокой Порте Михаил Илларионович Кутузов, хотя и пробыл-то он там в этом качестве едва ли полгода (октябрь 1793 — апрель 1794).

Сколь высоко ценился этот пост, можно было видеть по следующему полномочному министру России в Турции В. П. Кочубею, который сразу после ухода с этого места стал вице-канцлером. Должность в империи немалая. Кочубея в мае 1797 года сменил Василий Степанович Томара. Можно предположить, что этот грек, родившийся в России, занял высокий пост потому, что был родственником Кочубея. Наверное, это и играло свою роль, ведь родственники очень часто считают, что видные и доходные места вполне могут быть семейной вотчиной, но нельзя отказать и самому Василию Степановичу в умениях и знаниях. 13(24) июня рейс-эфенди с тревогой говорил Томаре, что время «к подаянию помощи наступило». Селим III предложил приступить к заключению союза с Россией. Павел I в эти же дни послал депешу, в которой содержался проект договора и полномочия Томаре на его заключение. В пути просьба Селима III и реляция Павла I пересеклись и помчались к своим адресатам. Так до сих пор историки и не пришли к окончательному выводу, кто сделал первый шаг к союзу: петербургский император или константинопольский султан. Споры напрасны — оба нуждались в союзе, оба жаждали его.

Тогда и были сказаны хитрым и мудрым политиком, искусно пролавировавшим по волнам екатерининского и павловского времени, канцлером Безбородко знаменитые слова: «Надобно же вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвесть вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть союз наш с Портой и переход флота нашего через канал» (то есть Босфор).

Пожалуй, этого «видеть не чаяли» ни в Петербурге, ни в Стамбуле, а тем более в Париже, Лондоне и Вене. Но русско-турецкий договор, включивший 14 гласных и 13 секретных статей, был подписан на восемь лет и стал, как пишет историк А. Станиславская, «дипломатической основой для создания восточного театра действий, против наступавшей Франции, осью блока, в который вошли державы, затронутые ее агрессией на Средиземноморье».

Средиземное море превратилось в арену боевых действий. К Константинополю подошла эскадра Ушакова.

ЭСКАДРА ВХОДИТ В БОСФОР

Ушаков задумчиво и недоверчиво смотрел на великий город. Тут вершилась история древнего мира, тут гордо вещала о себе величественная Византия, сгоревшая в огне пожарищ и коварства. Тут утвердилась Османская империя, столь много лет заставлявшая трепетать народы и страны Европы, Азии, Африки. Ее звезда потускнела, но продолжала светить на небосклоне большой политики и военной мощи. Как встретит его город, в котором на него сыпались проклятия и где его именем матери и слуги стращали непослушных детей? Как найдет он общий язык с теми, кто еще недавно стрелял по русским кораблям и в бессильной злобе бежал, умоляя Аллаха ниспослать темноту, туман или даже бурю, чтобы скрыться от карающей десницы Ушак-паши?

Великий город действительно впечатлял. По взбегающим холмам вилась роскошная зелень. Недвижные кипарисы обступали дворцы и храмы, а ели голубовато-зеленым венцом обрамляли вершины города. Купола мечетей и спицы минаретов прорезáли небесное пространство. Немногочисленные греческие храмы были коренастее, шире, многоглавее. Адмирал поднял трубу. Вдали перед белокаменным дворцом развернулись пушечными портами корабли. Грек-лоцман, сам завороженный панорамой и слегка напуганный порученным ему провождением эскадры, хрипло сказал, поклонившись адмиралу:

— Сераль. Султанский дворец. Корабли турецкие вахту несут. Охраняют на всякий случай.

— Поднять флаги приветствия! — громыхнул вице-адмирал.

Начиналось невиданное. В столице до того недружественной Порты русский флаг приветствовал дворец султана и объявлял о своей союзной миссии.

Флот русский встал в Буюкдере — районе, где расположились резиденции посланников. Сразу стало ясно, что с августа 1798 года русский посланник — самая значительная и уже необходимая для Порты фигура. Набережную заполнили толпы. Спешили сюда чиновники султанские, дабы первыми доложить везиру, кяхье и другим высшим чинам о том, как выглядит русская эскадра, о том, как относится константинопольский люд к бывшим

врагам. Спешили сюда и янычары, эта дворцовая гвардия, что не одерживала последнее время больших побед, но хотела, как и прежде, властвовать над султанским дворцом. Они с опаской отнеслись к новому союзу и ждали истошного крика какого-нибудь дервиша, призывающего к священной войне против неверных. Дервиши тоже были тут, своим колючим взором они ощупывали русских матросов и их капудан-пашей. Но те оскорбительных действий не творили, объединялись против врагов Порты с самим султаном. Дервиши молчали, а торговцы шумели. На малых каиках, небольших лодках, они окружили корабли, предлагая русским морякам фрукты, мясо, лепешки, серебряные и золотые цепочки. Моряки сдержанно отмахивались, а с лодок посылали им ласковые взгляды греческие и армянские красавицы.

— А говорили, что у них все бабы под покрывалом черным?

— Дак то мухамедане, а эти черноглазые греческой веры, наверное, — переговаривались матросы.

Раздались свистки, к борту пристала широкая шлюпка.

— Драгоман Адмиралтейства Каймакан-паша, то есть Кристов Георгий! — представился невысокий, коренастый переводчик. Да, драгоманы-переводчики были почти все из христиан. Настоящий осман не опустится до столь низкого занятия. Драгоман передал высокое почтение от Адмиралтейства, пожелал блага и спокойствия. По его знаку носильщики втащили десятки корзин фруктов и букеты цветов.

— Неплохо, однако, Евстафий Павлович, с такой оказией в Константинополе оказаться, — с легкой улыбкой обратился к Сарандинаки Ушаков. Тот только кивнул, но ничего не ответил, вглядываясь в далекие холмы, где когда-то, верно, жили и его родственники.

Драгоман наговорил много приятных слов и все расспрашивал о планах против французов. Федор Федорович сам хотел узнать побольше. Каймакан-паша сообщил, что завтра на корабль прибудет первый драгоман Порты, а сие значило, что первые уши османские хотят услышать слово адмирала.

— И еще, — почти прошептал Каймакан-паша, — сегодня пополудню следите за крытой шлюпкой. Один знатный босняк своим высоким взором думает оглядеть ваши корабли. От этого многое зависит. Может быть, все.

— Кто таков? — удивился Ушаков. Почему от какого-то выходца из Боснии зависит все? Но драгоман положил палец на губы и, откланиваясь, двинулся к дверям. Так и не сказал ничего.

Только добавил, что через несколько дней его на верфях в Адмиралтействе ждут.

Ушаков отдал сигнал: «Готовиться к встрече! Парусной команде на ванты!»

Из-за выступающего холма медленно выплыла многовесельная золоченая лодка, крытая как гондола. Десять гребцов мощными гребками приблизили ее к кораблю. «Султан!» — осенило адмирала. Ушаков махнул рукой. Сотни моряков побежали по палубе, взлетали по вантам и реям. Артиллеристы замерли у пушек, десантники и абордажная команда вытянулись в шеренги, их холщовые рубахи забелели на изумруде залива и темно-зеленом кипарисовом фоне недалеких холмов.

Богато украшенная гондола приближалась. Каики бросились от нее врассыпную. Ушаков понял, что из-за занавески медленно скользящей гондолы смотрит сам султан. «Хочет убедиться в надежности союзника. В умении нашем». Дал еще сигнал: «Взять на караул!» Вдоль бортов выстроились солдаты и сделали несколько парадных приемов. «Что думает он о нас? Понимает ли, что мы с открытой душой? А хватило ли почтения? Хоть и скрытно едет, но ведь правитель державы!» — Махнул рукой, и пушки подняли тысячи голубей с минаретов. Гондола уплыла вместе с дымом...

...Утром следующего дня на борт поднялся первый драгоман Порты. Был он любезен и торжествен. С восхищением кивал головой и давал понять, что султан чрезвычайно доволен осмотром эскадры и поощряет экипажи деньгами.

— Вам же, высокочтимый адмирал, наш солнцеликий и зоресносный султан преподносит табакерку с бриллиантами.

Драгоман хлопнул в ладоши, и два здоровенных янычара внесли поднос с ларцом. Отстегнул защелку и, вынув табакерку, склонился, протянув ее адмиралу. Ушаков с почтением принял, поблагодарил и как-то сам потеплел. Нет, не от подарка, хотя он и польстил ему, а от того, что складывался дух союзнический, начинало потихоньку таять недоверие.

— Имею честь пригласить славного адмирала посетить достопамятные места нашего города, — неожиданно закончил драгоман. — Карета и носилки ждут у причала.

«Какие такие носилки?» — подумал Ушаков. Но драгоман как бы догадался и объяснил:

— Не везде проехать можно. Да и чернь наша не всегда дружелюбна к иноземцам. Но вы защищены будете охраной султанской и его милостью. Прошу на землю константинопольскую вступить.

Когда садились в носилки, Федор Федорович даже и не знал, приличествует ли ему, командующему русской эскадрой, качаться в сем хрупком сухопутном кораблике, но понимал, что приглашение к обзору высокое, да и не ходят в чужой монастырь со своим уставом. А в этом константинопольском султанском монастыре был свой устав, который ему хотелось постичь.

— Обязательно повезу уважаемого адмирала к прославленной Софии. Самый знаменитый храм Византии, а ныне самая блистательная мечеть осман. Наш город единственный в мире, что в Европе и Азии уживается. Он был вначале маленьким фракийским местечком. Именовался Лигос. Затем здесь разместилась греческая колония Византий, чье имя в империи поздней аапечатлелось. А империя, как ведомо вам, Рим сменила и Новым Римом именоваться стала, а ее жители ромеями. Сия новая Римская империя тысячу лет просуществовала, и ее главный город Константинополем был назван. Турки его взяли в 1453 году, но мы, греки, — он стал тише говорить, — до сих пор так его и называем. Однако простонародье на своем дорическом диалекте часто говорило «Ес тан волин», то есть «пойдем в город!». Солдаты турецкие видели, что они рукой указывали на Константинополь и составили из него наименование «Естамбола». Есть у него и полутурецкое, полугреческое название Ислам-бола, что значит город Веры. Ваши русские, булгары, волохи его Царь-городом — Царским городом именуют, викинги с десятого века его называют Миклаград, то есть великий город.

Ушаков немало знал о Константинополе, сам бывал здесь и сейчас задумался о погибшей блистательной империи. Вся Европа на поклон ходила, мудрость, ремесла, искусства всякие здесь постигала.

— Отчего же погибла? — вдруг обратился он к драгоману, как будто продолжил прерванный разговор. — Как думаете?

Грек покачал головой:

— Больше трехсот лет прошло. Кто знает. И ереси потрясали, и сластолюбие заело, и страсть к богатству, и коварство.

Ушаков смотрел на развалины мощной крепостной стены, за которой, казалось, могли веками отсидеться любые державы. Но что-то лопнуло в империи, вся она рассыпалась. Не было, наверное, согласия между сословиями, не было веры истинной, скрепляющей. Власть верховная ослабла, и подданные ей не доверяли. Он еще раз с какой-то тревогой оглядел стены и подумал: что ждет его в эти месяцы? Благосклонно ли отнесется к нему судьба? Как взять ему дальние острова? Как удержать их

в спокойствии и миролюбии? Великий город разбудил его мысли и тревоги. Спросил еще:

— Почему не обратились к Европе? Почему не объединились против общего врага?

— Европа сама была полудикая и в своей латинской римской гордыне греческую веру больше ненавидела, чем иноверцев. А крестоносцы, латинские рыцари в своем презренье к тем, кто не молился по ихнему обычаю, их за разумных людей не считали и уничтожали, как ненужную тварь и козявку. Поэтому-то и получили известность в древней Византии как убийцы и грабители. — Драгоман вздохнул. — А мы турок виним в жестокосердии! Тот, кто себя христианином величал, не менее жесток и бессердечен был.

И опять Ушакову увиделась эта жизнь не столь простой и ясной. Знал, что латиняне против веры православной интриги плетут. Но убийства тысячные и резня не согласовывались с его понятием о Европе... Да, он вступал на земли, где была великая история, где сплетались судьбы народов разных, где рождалось их величие, где заходило их солнце, чтобы когда-нибудь взойти вновь. Берется ли все сие для учета правителями сих земель? Спросил о том драгомана. Тот к Ушакову проникся доверием и тихо сказал:

— Начнись война — все греки за вами будут.

— Ну а те, что под французами на островах венецианских, они нас поддержат или французов?

Драгоман не сразу понял, почему адмирал задал вопрос. Подумал, пожал плечами:

— У них там другие порядки. Кого они там поддерживают, бог знает.

Поехали дальше молча. Впечатление от Константинополя вблизи сложилось другое, чем с корабля. Срывавшийся ветер несколько раз поднимал тучи пыли, улицы были дурно вымощены, завалены грязью, носильщики спотыкались, все чаще останавливались, чтобы сменить друг друга. Не понравился ему и Сераль. Вблизи представился он как беспорядочный сбор домов, мечетей, башен, казарм, бань и садов.

— Там внутри есть еще крепостная стена и ворота, за которыми знаменитое здание Дивана. В третий двор почти никто не имеет доступа — то двор султанский. Иностранные посланники проводятся туда через крытый переход из Дивана в Аудиенц-залу султана.

Подъехали уже в карете к длинной стене с каменными воротами, приостановились.

— Вот за этими дворцовыми Портами и решаются судьбы ми-

ра и войны, налогов и походов, иноверцев и посланников иноземных. И, как вы ведаете, титул «Высокая Порта», вроде бы Высокие Ворота, означает правительство султанской Турции.

Горделиво и непреклонно звучало раньше сие название даже для Ушакова, а сейчас поблекло, что-то просительное почувствовалось в нем.

У высокой крепостной стены на площади перед мечетью вдруг все затихло. В левом ее углу послышался металлический стук. Нет, то был не барабан, а большой котел, который несли два человека. Впереди в кожаном переднике с оловянными украшениями шел громадный турок. Он махал плеткой и что-то выкрикивал. Все идущие навстречу сторонились, прижимались к стенам и пропускали его. Ушаков с вопросом взглянул на драгомана.

— Янычары, — негромко пояснил он.

— А котел зачем?

— Ну котел — штука важная, и похлебка у них серьезное дело. Даже полковник называется Чор-баджи, или разливатель похлебки. Котел же почитается у них за знамя. Когда они выносят его из казармы, это начало какого-то отчаянного предприятия. Что-то и сегодня затеяли.

Ушаков знал, что янычары большую силу при дворе имели, своевольничали, навязывали даже султану решения свои.

— Пошто султан не оградит себя от их разбоя, не разгонит непокорных?

Драгоман в страхе замахал руками:

— О том и думать нельзя. Они окружают султанский трон. А трон сплошь сделан из золота и жемчугом осыпан. Его охранять надо.

— Богат султан?

— Богат, великолепен. — Драгоман опять склонился к уху и жарко зашептал: — Богат, но слаб. Все больше его обманывают янычары, самовластные паши, бессовестные слуги. Да и сам все время опасается за свою жизнь, ожидая удара от родственников. Потому часто здесь братоубийственная резня бывает. Один из дервишей, что здесь святыми почитаются, писал: «Монарх уважает и допускает братоубийство, если речь идет о троне... Врага надо убить. Каждый должен использовать те обстоятельства, которые назначила ему судьба».

— Подобные рассуждения, однако, ужасны и противны разуму нашему христианскому.

— Противны, но таковыми являются, и мы их не переделаем, да, кроме того, сами в подчиненном и угнетенном состоянии находимся. Нынешний султан сию темноту и невежество хочет рас-

сеять, многое на европейский лад перевести. Но позволят ли ему обстоятельства и время сие сделать?

Федор Федорович рассуждал про себя, что время для изменения порядков султан выбрал неважное. Войны, раздоры, страхи всякие...

А перед мечетью происходило что-то непонятное. Вдруг закружились в вертушке черно-белые живые столбы. Ушаков стал всматриваться и различил, что то люди, одетые в темные накидки и белые юбки. На голове у них возвышались темно-коричневые колпаки. Люди приостановились и плавным шагом пошли за ведущим, наверное, старшим, который был в зеленой накидке и зеленом колпаке. Образовав круг и сделав поклон друг другу, они сбросили накидки и вознесли вверх руки. Зазвучали флейты. Ударили бубны.

— То танец пляшущих дервишей-мевляи. Секты божьих людей, как они себя называют.

Дервиши кружились все быстрее и быстрее, их юбки превратились в сплошные колокола. С места они не двигались и вращались, как запущенные чьей-то рукой волчки. Даже у Ушакова закружилась голова, а он-то всякие качки выдерживал не морщась. Дервиши же кружились бешено. Было удивительно, что они не разлетелись в разные стороны. Музыка утихла. Остановился один дервиш, другой. Юбки, как лепестки цветов, опали. Кто-то что-то заунывно читал. Наверное, молитву. Снова музыка и снова круги, снова вращение. «Салям алейкум!» — выкрикивает один. Ему вторят: «Алейкум салям!»

— Поедем! Они еще долго танцевать будут. Но то не танцы, они таким образом с Аллахом душой соединяются...

Каких только верований и обычаев не насмотрелся Ушаков. Каких только обрядов не попадалось ему на дорогах. И их уважать надо, не издеваться, не глумиться, ибо лишняя злоба появится, сопротивление возрастет.

— А вот еще заглянем в одно место, которое вряд ли где в другом месте свидите. То знаменитый константинопольский базар. Самый большой крытый рынок во всем мире.

Базар действительно представлял зрелище незабываемое. Тысячи лавочек, лотков, прилавков тянулись улицами под крышей. Горами лежали фрукты, высились лепешки, висели туши баранов, стояли в мешках горох, пшеница, фасоль, свешивались с крыш связки красного перца. Пахло табаком, брынзой, яблоками, пряностями и кофе. Кофе пили в маленьких кофейнях без сахара и молока, выкуривая одновременно длинные трубки. Блестели медные подносы и серебряные кинжалы, тускло отсвечивали керамические вазы, красной темнотой бархатились ковры. Но пу-

ще всего поражали улочки золотых рядов, где около каждой лавки стояло по двое-трое охранников. Да и было что охранять. Связки золотых цепочек, колец, серег, медальончики и браслеты, броши и перстни ослепляли и завораживали.

Богата Османская империя, много собралось под ее крышей драгоценностей и сокровищ, но не спасало ее золото от ударов судьбы. Тут же, в двух шагах, самая нищая нищета. Обезображенные в коростах старики, искалеченные девочки, спящие прямо на мостовой, слепцы, инвалиды — все свилось в омерзительный клубок бедности и убогости. Шныряли тут и всякие подозрительные типы. Уворовать грехом не считалось, но попадись — пощады не будет. Вон идет по базару полицейская стража и если обнаружит фальшь и некачественный товар, особенно у булочников и лепешников — пойдут гулять палки по пяткам торговца. А вот уже и расправа. Прибивают за ухо гвоздем к стене проштрафившегося продавца.

— Бедняга будет так висеть день или даже два. Но в общем это наказание не жестокое, отеческое. Голова-то на плечах остается.

Ушаков вздохнул.

Носильщики по знаку драгомана повернули назад из этого шумного, сверкающего, грязного человеческого крошева.

— В базар далеко входить не надо. Там можно заблудиться и пропасть навеки, — намекая на разные тайны, сказал драгоман. — Однако посмотреть его надо. Здесь, на базаре, рождаются многие слухи и шумы городские. Тут богатеет богатство и оттачивает свои ножи разбой.

Носильщики потихоньку выбирались из-под крыши. Ушаков вглядывался во все внимательно, хотел запомнить, понять, разобраться. Многое же было ему совершенно непонятно и чуждо.

Потом ездили еще долго, пересаживались в карету, затем снова в носилки. Смотрели и великолепную Софию, Сулейманию. Ко многому вблизи удалось подойти, от другого держались подальше. Узнал он и о великом зодчем Синане.

— А вот эти стены ужасны и зловещи для многих. То страшная Еди Куле — Семибашенная крепость. В ней исчезли навсегда многие султаны и знатные османы, а они себя только так и кличут: османами. Турки-то — простые крестьяне. А вельможи, янычары, знатные люди только османами зовутся. Дак вот в том самом замке вместе с османами и ваш знаменитый посланник Обресков сидел, а потом, убоявшись кары, его отпустили.

Опять думал Федор Федорович о превратностях человеческой судьбы, о долге, что для него и вот для Обрескова превыше всего. О том, что не отступил тот, не сдался, не склонился, не предал. А ведь не знал, правда, сам, как судьба сложится у него потом. Могли и не заметить, не отметить после войны. Награды-то нередко в Отечестве получают те, кто поближе к вельможным покоям, к высоким знакомствам. Ну да ладно, бог с ними, с наградами. Они придут.

— Ну что скажете, господин адмирал, про сей город? — Драгоман пытливо посмотрел в непроницаемое лицо. Ушаков молчал, думал.

Отсюда, из этого города, будут исходить приказы его новых союзников. Тут будут утверждаться союзные договоры. Не все понятно и близко его сердцу здесь. Честно говоря, многое и противно его душе. Но это союзники отныне, а значит, с ними надо быть снисходительными, понимать их. И то, что он посмотрел этот город, вдохнул дым его костров, услышал молитву с минарета, увидел бешеный танец дервишей, постоял у разрушенной константинопольской стены, восхитился великим мастерством зодчего Синана, с трудом выбрался с базара, ощутил душевную свирепость янычар и какую-то обреченность в показной их неустрашимости — наполнило его новым знанием и пониманием.

— Хорошо, что подивились на великолепие и руины. Спасибо тебе, поблагодари султана, ежели от него сие исходит. А я с нетерпением жду, когда в Адмиралтейство поведут смотреть. Я ведь по этой части больше... — И он, закашлявшись, отвернулся в сторону Босфора.

В ТЕРСАНЕ

Федор Федорович ждал не мог дождаться приглашения взглянуть на турецкий флот. Одно дело, когда тебе с ним сражаться надобно, тогда высматриваешь все слабые стороны, думаешь, где щель найти, чтобы ее своими действиями расширить. А другое, когда он твоим союзником стал да еще под начало становится. Тут уж надо все хорошее заприметять, чтобы в боевой обстановке использовать и применить.

1 сентября к «Святому Павлу» подгребла министерская шлюпка. Ушаков спустился в нее, встретив уже знакомого адмиралтейского драгомана.

— Ждут вас на осмотр турецкого флота близ султанского дворца. Сам командующий хочет принять.

Ушаков кивнул и заторопился, забыл отдать распоряжение, чтобы его сопровождала русская шлюпка с адмиральским флагом.

Турецкий адмирал встретил Ушакова вежливо, но глаза все время опускал, чувствовалось, что ему непривычно общаться с

тем, кто вчера был врагом. Федор Федорович тоже напрягся. Разговор не получался. Пошли смотреть артиллерийские учения. Турки стреляли споро, вполне прилично. Он их похвалил, и адмирал турецкий как-то оттаял, зарадовался, стал заглядывать в глаза Ушакову, спросил: «А что не понравилось?» Федор Федорович заметил, что ядра отлиты плохо, подходят к пушкам меньшего размера. Турок с досадой развел руками. «Говорит, что с ядрами непорядок. Скоро заменит их новыми, — перевел драгоман. — А господин адмирал зоркий глаз имеет. Благодарим за подсказку». Ушаков приготовился покинуть корабль, увидел, что турки засуетились у орудий. Салют будет! Насупился — шлюпку-то с флагом своим не взял. «Негоже салютовать безлошадному». Турок заупрямился. «На то есть султанская воля. Всесильный и сиятельный просил оказывать русскому адмиралу всяческие почести». Ушаков настаивал, но турок был непреклонен: «Салют!»

Ушаков махнул рукой: «Бахайте!» Так и отъехал он от флагманского корабля командующего флотом в дыму салюта и почтения.

А вот знаменитая Терсана! Святая святых турецкого флота — адмиралтейские верфи. Их и сейчас охраняли зорко, а раньше-то русскому человеку и подумать было невозможно, чтобы попасть туда. Ушакова торжественно доставили в доки. Генерал-интендант Терсаны Эмин был радушен и учтив. Повел на мощный стодвадцатипушечник, готовящийся к спуску.

— Наш новый линейный корабль. Начали строить французы, а сейчас хотят уехать к себе. Но мы решили отрубить им головы, чтобы неповадно было.

Ушаков нахмурился, быстро все-таки у турок все решается. Урезонивая, обратился к Эмину:

— Без голов-то они, наверное, совсем никудышные строители будут.

Турок задумался, быстро взглянул на русского адмирала и захохотал:

— Большой шутник, Ушак-паша. Ха-ха-ха, — заливался он, вытер слезы. — Верно, верно, пусть с головами строят.

Ушаков видел, что все на корабле делалось толково. Палуба не повышалась от носа к корме, а была горизонтальной. То было новшество, что и на русском флоте вводилось.

— Сии линкоры впервые английский кораблестроитель Финеас Петт стал делать. У него же медными листами обивать днища стали, предохраняя дерево от гниения и ракушек. Да тем самым и скорость усилили. Как у вас? С медными листами делаете?

Генерал-интендант закивал, позвал в нижнюю часть дока. Там раздетые до пояса мастеровые ухали молотами по листам, вгоняя в них большие гвозди. Эмин протянул руку, приглашая полюбоваться днищем. Почти все оно уже было обито и тускло мерцало в полумраке дока. Ушаков оценивающе осмотрел все и нашел, что строится правильно, а в чем-то и лучше, чем в Николаеве. Засопел от злости на мордвиновское окружение. Все хвастают, что у них порядок и они лучше корабли делают. А надо не надуваться в гордыне, а учиться у всех. Вот у турок тоже достойного немало. На глазок, правда, прикинул: узковат корабль. Высок и узковат. Не будет ли заваливать во время шторма?

Терсана-Эмин показывал все, ничего не скрывая, радовался одобрению ушаковскому, и расстались они довольные друг другом.

Отпустило сердце, легче стало на душе: можно союзнические дела вместе с турками делать.

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Ушаков каждый день справлялся у Томары о новостях, расспрашивал драгоманов, поручил офицерам своим беседовать с капитанами торговых судов, прибывших из Архипелага и Леванта: хотел знать, где оставшийся флот французский, куда английская эскадра двинулась, какие по численности гарнизоны на венецианских островах, настроение у жителей. Сведения стекались разные, иногда не согласные друг с другом. Но Федор Федорович не любил впотьмах воевать, знать хотел побольше о противнике, о маршрутах предстоящих, об отмелях и рифах на своем пути. Долго изучал карту Архипелага, Венецианского залива, Сицилии, Мальты, расспрашивал грека-лоцмана, капитан-лейтенанта Телесницкого, что воевал тут в последнюю русско-турецкую войну.

— Послушай, Сергей Михайлович, — посадил Телесницкого возле себя. — Пришло твое время, расскажи про все здешние места, про крепости, про течения, про береговую линию, про нравы островитян. Я-то тут бывал, но пораньше.

Телесницкий уже в то время человек был легендарный во флотах: о его храбрости, бесстрашии и особой наблюдательности в офицерских кают-компаниях много рассказывали. Бывал он в Средиземном море под видом английского путешественника, богатого грека, польского графа. То оказывался на торговом судне вблизи Мальты, то на венецианском шлюпе у Рагузы, то отваж-

но сражался вместе с каперами, поднявшими русский флаг на своих судах у островов Архипелага.

— Ведаю, батенька, что ты снял планы Сиракуз и Мессины, они нам, возможно, понадобятся скоро. Ведаю и про то, что Мальту знаешь, как свои пять пальцев. То нам тоже понадобится, но пуще прежнего еще раз хочу прослышать, что видел на Корфу, каковы наблюдения у берегов Мореи.

Телесницкий память имел хорошую, перечислил все островки, проливы в Архипелаге, показал неточности на карте, у острова Родоса, прочерчивая маршрут, хмыкнул:

— Тут я уже с турками воевал.

— Сказывай!

— Вы знаете, ваше превосходительство, когда Швеция в войну вступила против России, то эскадры русские в Архипелаг послать уже не пришлось. Тогда-то и пришел в голову кому-то план снарядить корсарские флотилии под русским флагом. Первую такую флотилию грек Ламбро Качони или Кацонис создал. Он уже бывал на русской службе, чин майора получил за храбрость в первой славной Архипелагской экспедиции графа Орлова. Так вот, в 1788 году он вооружил в Триесте фрегат «Миневра Северная», а потом и другие корабли, топил турок, нападал на их арсеналы, не пускал провиант в Константинополь, даже взял крепость Кастель-Россо на острове у берегов малоазийских. А через год мальтиец Лоренцо Гильчельмо создал вторую флотилию и ходил у Дарданелл. Боевые были времена!

Телесницкий вначале Федору Федоровичу не понравился. Похож на изнеженного юношу, тонкий какой-то, не мужественный на вид. Но потом, когда пригляделся, все больше и больше проникался стареющий адмирал уважением и доверием к этому не ведающему страха офицеру. Страха не знал, а языки многие знал. Читать любил, историей древней интересовался.

— А ты-то, Сергей Михайлович, ведь и сам тоже в боях участвовал?

— А как же, Федор Федорович. Фрегат «Лобонданц» под моим началом был. Немало мы торговцев захватили, авизо перехватывали, дозорные корабли разгоняли. Но и нас нещадно однажды побили, 14 судов турецких «Лобонданц» окружили. Стали «ковырять» ядрами, из ружей доставать, брандскугелем зацепили. 19 человек убили на фрегате. А когда подошли вплотную, приготовились к абордажу, закричали, чтобы сдавались, то я схватил факел и побежал к крюйт-камере, а турки увидели, что вместе с нами взорваться могут, и кинулись врассыпную. Скоро темно стало, мы и выскользнули у них из лап.

— Храбрец ты отчаянный, Сергей Михайлович. Слава богу, жив остался. Как думаешь, окажут нам греки островные помощь при осаде крепостей?

Телесницкий как будто ждал этого вопроса, закивал и горячо ответил:

— Всенепременно, Федор Федорович. Они к российскому флоту очень расположены. Да там немало на островах и волонтеров, что еще со Спиридовым и графом Орловым ходили в походы. Они нас ждут...

Ушаков тоже ждал такого ответа. Укрепиться надо было во мнении. Сегодня с Томарой вместе наносили визит константинопольскому патриарху. Василий Степанович надежду имел, что он островным грекам воззвание подпишет, на республиканцев и их порядки обрушится. Ушаков на это тоже надеялся, но главное хотел там союзника в боевых действиях заиметь.

Патриарх принял их ненадолго, должен был служить важную службу в церкви. Сидел важно, выслушал все слова и приветствия, недоверчиво стреляя из-под густых седых бровей острыми молодыми глазами.

— Богоугодное дело творите. Давно надо сих богохульников приструнить и наставить на путь истинный. И в сем деле союз российского императора и высокочтимого султана есть истинная мудрость.

— Ваше святейшество, — не очень учтиво перебил Ушаков, — мы еще к вам с делом мирским и духовным. На островах венецианских утвердилась безбожная власть французов. Имеем предписание от нашего императора вместе с турками атаковать их и освободить для истинной власти и божеского суда. Дабы жертв было меньше и кровопролития великого не допустить, надеемся мы на помощь населения. Но светская власть их до тех пор, когда французы пришли, была венецианскою. Ныне сей республики не существует. Император Павел I на владения не претендует. О турецком правлении у жителей, вы знаете, свои соображения имеются. Токмо ваша милость может иметь там веское слово и призыв к освобождению от тиранов французских сделать.

Патриарх степенно помолчал после того, когда закончил переводчик, пошевелил губами, подумал и гордо ответствовал:

— Всемогущий сказал, что алтарь его на земле будет твердым и непоколебимым, и церковь, преследуемая и угнетаемая варварами, угрожаемая философами, существует неизменно, каковою создал ее Спаситель наш и его Ученики. Простой народ душевно убежден сиею истиною; иные, дабы убедиться в оной, могут со светильниками истории в руках осмотреть прошедшие века.

Ушаков не очень понял, о чем хочет сказать патриарх, нетер-

пеливо шевельнулся, но тот укоризненно взглянул и продолжил:

— Евангельская кротость, истинная мудрость, терпение и геройское постоянство должны отличать преемников апостольских. Сими качествами они приобретают уважение неверных и благословение верующих.

Патриарх замолчал. Прошло две-три минуты, и Ушаков обратился к драгоману.

— Значит ли сие, что воззвания молитвенного не будет? Или явится оно?

Драгоман перевел, патриарх медленно встал и сказал:

— Патриарх и его епископы благословляют вас на богоугодные дела.

Томара и Ушаков поклонились и чинно вышли из-за стола. Святейший перекрестил их, и они направились к посланнику.

— Так что, Василий Степанович, будет послание или чего-то боится патриарх?

— А черт его знает! — непривычно выругался сдержанный Томара. — Он не хочет, наверное, чтобы от нас сие исходило. Будет с султанским двором советоваться. — Еще поругался, повздыхал, потом примирительно закончил: — И то понять можно. Им тут жить. Не токмо их доходы и верования от блистательной Порты зависят, но и головы...

Три последних августовских дня проходили в конференциях. То турки приезжали на корабль к русскому командующему эскадрой, то шли все вместе во Дворец посланника Томары, то он ехал в Адмиралтейство — встречался с морским министром турецким, его чиновниками, где с предосторожностью и надлежащей учтивостью — как себя заставлял Ушаков — вырабатывали планы, уточняли маршруты, достигали согласия на ход операции. Федор Федорович все острее ощущал: морское дело, поход и бой одной сноровки требуют, а переговоры, беседы, конференции — другой. И тоже немалых усилий да знаний, да слов — и точных, и не значащих ничего, но с намеком.

На конференцию в Бебеке собрались 30 августа. Турки были торжественны, Томара хмур, английский министр Спенсер Смит внимательно всматривался в лица участников.

Рейс-эфенди усадил всех на низкие диванчики. Подали шербет и кофе. Рейс-эфенди поклонился и хлопнул в ладоши. Два дюжих янычара занесли доски, на которых были прикреплены карты Средиземного моря.

— Мы просим победоносного Ушак-пашу изложить нам план действий русской и турецкой эскадр. Сообщаю всем высочайшее повеление султана и его просьбу к русским представителям о том, чтобы совместную экспедицию возглавил адмирал Ушаков.

СТРОГОСТЬ

Русская эскадра подняла паруса и двинулась на соединение с эскадрой турецкого адмирала Кадыр-бея в Дарданеллах. Им вместе предстояло идти на штурм Ионических островов. Ушаков с первых миль провел смотр — обнаружил неполадки и учинил строгий разбор.

...Никогда он не был созерцателем, уповающим на бога и на Адмиралтейство. Добивался всего, писал, жаловался. Ругался почем зря. И за это его не любили в кабинетах начальнических, в Адмиралтейств-коллегии морщились, на корабельных стапелях хмурились, когда он приезжал. Купцы, поставщики руками разводили: «Ну несправедлив ты, батюшка адмирал». А он не несправедлив, а строг и требователен был, не любил, когда дело, малое или большое, спустя рукава делалось. А паче чаяния с обманом, нерадением постоянным боролся. Столь же строг и даже беспощаден к своим командирам был, к помощникам ближайшим. Те иногда, хоть в плач кидайся, такие выговоры и слова резкие слышали. Нравилось ему строгим быть, что ли? Или тогда важным мог показаться? Да нет, нравился ему порядок, не тот мелочный, прусский, когда главное, какая пуговица где пришита, да как долго может матрос вытянувшись и не шевелясь простоять, а тот, когда все к бою и походу на кораблях готово, каждый знает свой маневр, место свое. Когда все знают, за что, с кем и когда сражаются. Да! Все. И командиры, и простые моряки. Командиры, конечно, люди дворянского происхождения, образованные. И тем паче дело знать должны.

Вот и тут, на выходе в Дарданеллы, распек своего капитана Ивана Степановича Поскочина. Тот старался, но, видно, всегда что-то чуть-чуть недоделывал, недоучивал своих матросов. По приходу в Босфор Федор Федорович заметил, что линейный корабль «Святая троица», коим командовал Поскочин, не сразу на якорь стал, отдрейфовало его далеко от общей стоянки. Подумал тогда: «Волнуется капитан. Долгое время на гребных судах служил. Первый раз такой поход». Не стал делать замечания. А сейчас, когда начинал выводить эскадру в Дарданеллы, Поскочин снова с каната якорного сорвался, не смог сделать поворот к фордевинду. Отданный тут же другой якорь не удержал корабль на месте, и он дрейфовал к берегу. Вся эскадра задержалась на несколько часов. Ожидала. Ордер написал Поскочину: «Крайне я всем оным недоволен и таково неудовольствие вам объявляю, и если что-либо неприятное через сие последует, я отнесу оное к вашей неисправности».

Нет, еще раз убедился Ушаков, что ошибки и промахи замечать

надо. Указывать на них. Требовать устранения. И давать пример, как нужно действовать правильно. А если просмотреть, простить, то они снова повторятся, да еще и увеличатся.

Строгость ко всем проявлял, но и заботился о каждом. Мешали и это делать. Что положено — не давали. По ордеру императора направляет Адмиралтейств-коллегия в поход, а жалованья не выдает, мундирных денег не подготовила. А ведь известно: тем, кто в плаванье, да еще зарубежное, отправляется, повышенное жалованье выдается, за одежду и обмундирование дополнительно платят. Команду в Константинополе даже не мог отпустить на берег. Одеты плохо, многие не обуты. Вот и начинай баталию, когда войско босо. Написал 2 сентября срочный рапорт в Адмиралтейств-коллегию. Знал, что обидятся — докучает адмирал, скажут. Но ведь дурь у них там в головах. Прислали из Ахтиярского порта ассигнаций на четыре с половиной тысячи. Но здесь же их никто не берет, не только за настоящую цену, но и «за великим уменьшением». Думал три дня и решил обо всем еще раз доложить Павлу. Знал, что в Адмиралтейств-коллегии из себя выйдут: императору жалуется! А он не жалуется, просто сообщает, что с января денежных сумм не платили офицерам, порционных денег не выдали в августе за поспешностью действий. Конечно, Ушаков сам решил не ждать денег — выкрутиться. Попросить у Томары 60 тысяч рублей и «кредитивы» через него получить, но на это «высокое разрешение» надобно. Чиновники сие дело пачнут разжевывать, раздумывать, спихивать один на другого, а ему в поход уже надо, в бой надо. Или стой и жди, когда в Адмиралтействах решатся на эти траты, или в рванье своем отправляйся в плаванье без денег и одежды. Он не мог ни то, ни другое себе позволить. Ждать не мог — иначе не Ушаков был бы. Но и с голыми двигаться не хотел. В Европу все-таки эскадра идет. Да и гарантировать себя надобно: всегда ли турки снабдят. Потому и направил Павлу рапорт. Пусть император поморщится от столь незначительных для него просьб, но и решит. Тем более Ушаков написал в рапорте, что о выдаче денег штаб- и обер-офицерам в Уставе военного флота значится: «...В дальние вояжи отправляемым эскадрам и кораблям выдавать на шесть месяцев, по истечении коих они должны будут получить в том месте, где тогда флот находиться будет, по цене во что обойдется там обыкновенная матросская порция для заготовления вновь съестных припасов».

Император должен знать: не за прибылями и даровыми заработками Ушаков гоняется, а требует то, что всеми регламентами и уставами определено.

Вот в этом, в исполнении необходимого и обязательного, строг

был Ушаков. А по этой причине каждый день у него выходили столкновения, споры, обиды. Утешал себя: не для нужд собственных, для Отечества стараюсь.

ЕДИНОВЕРЦЫ

Греки все чаще и чаще поворачивали голову в сторону России. Она была для них притягательным центром, местом, где их принимали как верных друзей, давали должности, земли, брали на службу, пускали в церковные храмы, которые часто и назывались «греческими».

Особую категорию представляли собой офицеры, моряки, состоявшие на русской службе.

Екатерина открыла для них специальный Корпус чужеземных единоверцев. На недавно освобожденных южных землях Новороссийского наместничества греки тоже чувствовали себя неплохо. Вместе с единоверными русскими, украинцами, армянами они составляли основную часть населения. Еще в 1778 году генерал-аншеф Суворов, чтобы лишить строптивого крымского хана денежной поддержки самой хозяйственной и богатой части населения, за несколько дней переселил всех христиан из Крыма в наместничество на северное побережье Азовского моря. Так и возникли тогда города с преобладанием греческого и армянского населения — Мелитополь, Мариуполь, Нахичевань у крепости св. Дмитрия Ростовского (ныне Ростов-на-Дону). Греки — отставные моряки и офицеры — селились в Херсоне, Николаеве.

Последний им очень нравился, и они щедро награждали его эпитетами, даже предсказывали ему будущее Афин. До Афин дело не дошло, тем более, что рядом появился новый южный порт с незамерзающей бухтой. Он сразу привлек внимание купцов, торговцев всех мастей, моряков, искателей приключений, трудовых людей и авантюристов. В 1794 году на месте турецкой крепости Хаджибей стали возводиться порт, город и крепость. Прозорливый взор Суворова увидел здесь немало выгод и утвердил начало строительства. Талантливый архитектор де Волант предложил план строительства. Бурную деятельность по возведению и обустройству города развернул генерал русской службы де Рибас, потомок испанских дворян, поступивший на русскую службу еще в период первой русско-турецкой войны. Он, говорят, оказал услугу князю Алексею Орлову, заманив на корабль небезызвестную княжну Тараканову (самозванку, объявившуюся в те годы в Европе и напугавшую Екатерину после лже-Петра — Пугачева). Затем, порасспросив русских офицеров и узнав, кто вхож

в царские дворцы, он очаровал вельможу Бецкого, бывшего в те годы довольно близким к Екатерине. Очаровал и его приемную дочку и сразу стал довольно проходим в коридорах власти. Повоевал на юге под началом Потемкина, участвовал под командованием Суворова в штурме Измаила. В общем, проявил себя довольно храбрым воином. Но вот отличился и в градостроительстве. Говорят, что он не гнушался запустить руку в государственную казну. Но ведь не пойман, а энергии в устройстве дел ему было не занимать. И поэтому наряду с мифами о его деяниях существовали и реальные успехи, которыми испанский сын России законно гордился. Главную же тяжесть строительства нового города вынес русский плотник, украинский землекоп, каменщик из Могилева, кузнец из Чернигова и корабел из Архангельска. Трудовые люди нашего Отечества. Им-то, первым строителям, и следовало бы поставить памятник в нынешней Одессе.

Тогда, в первые годы существования Одессы, в ней нередко слышалась греческая речь. После второй русско-турецкой войны осели там многие отставники-греки; некоторые торговцы, плававшие под русским флагом, привезли в южный город свои семьи. С тех пор Одесса стала центром, который в немалой степени повлиял на будущее освобождение Греции из-под оттоманского ига.

Греки входили в состав экспедиции Ушакова. Там были боевые капитаны первого ранга, командир флагмана «Св. Павел» Евстафий Сарандинаки, командир корабля «Богоявление Господне» Антон Алексиано, капитан-лейтенант Христофор Клопакис, лейтенант Егор Метакса, поручик Егор Артакино и другие.

А на Ионических островах, как отмечали современники, создалась к тому времени большая «русская партия». В нее входили разные люди. Ведь еще в 70-х годах две тысячи жителей острова Закинф во главе с графом В. Макрисом участвовали в составе морской экспедиции Алексея Орлова, заходил сюда со своей эскадрой и адмирал Спиридов. Русский флаг жители выбрасывали над крепостью еще в 1797 году. А это означало, что они хотят перейти под покровительство России. Закинфцам не откажешь в мужестве, ведь французы только высадились тогда на Корфу.

Особенно сильны были прорусские настроения на острове Кефаллиния, где под руководством графов Метаксасов создали трехтысячный отряд поддержки России. Тридцать отставных офицеров русской службы — немалая и взрывающая сила. Имена лейтенанта Антона Глезиса, капитан-лейтенанта Спиро Ричардопулоса (штурмовавших Измаил), майора Андрея Ричардопулоса, лейтенанта Луки Фокаса, прапорщика Герасима Фокаса вошли в книгу освобождения островов.

На Корфу у России выявилось немало сторонников во главе с

графом Н. Булгарисом, организовавшим двухтысячное ополчение. Но не только нобили, люди состоятельные, зажиточные оказались в главных помощниках и союзниках русской экспедиции. Нет, как соратников и друзей Ушакова мы знаем демократа Григория Палатиноса, арматола — добровольца с материка А. Глезиса, священника-трибуна А. Дармароса. А еще были: какой-то аптекарь, поднявший русский флаг на Закинфе, жители этого же острова, на руках перенесшие солдат из лодок, крестьяне и рыбаки, ремесленники и отставные солдаты. Они-то все и сыграли важную роль, в немалой степени обеспечив России симпатии, расположение, признательность, а значит, и победу на островах.

С ЧЕМ ПОЖАЛОВАЛИ?

Необычное виделось в конце века на Средиземноморье. Христианский и мусульманский флаг шли рядом. Корабли злейших в прошлом врагов двигались к единой цели. Незримые нити тянулись от каюты русского вице-адмирала к кораблям объединенной эскадры, на острова Ионического архипелага, в константинопольскую квартиру русского посланника Томары, в Зимний дворец в Петербурге. Ушаков отдавал приказ, предпринимал действие — и это отзывалось во всех местах. Правда, по-разному слышались его слова в хижине закинфского рыбака, султанском Серале, Адмиралтейств-коллегии, канцелярии Директории, морском министерстве на берегах Темзы. Внимательно следили за перемещением эскадры Ушакова: из Египта генерал Бонапарт, из Неаполитанского королевства адмирал Нельсон и король Фердинанд, с Корфу — генерал Шабо, с Китиры безвестный священник Дармарос. Да мало ли этих зорких глаз, что всматривались в паруса и флаги эскадры!

Вот и в то раннее осеннее утро с небольшой торговой шхуны, укрывшейся за серой, уступчатой скалой, до рези в глазах вглядывались в рассеивающиеся хлопья тумана: не мелькнут ли паруса русских кораблей. Вот они! И, вынырнув из-за скалы, люди замахали шляпами, флагами и шарфами. «Просят остановиться! Принять на борт! Может, сообщить что хотят!» — доложили Ушакову. «Знаю! — коротко ответил тот. — Тут где-то должны гонцы с Китиры нас встретить».

Да, то были делегаты от островной общины. Элегантный и сдержанный нобиль Мавроянис, всклокоченный хозяин шхуны Григоропулос из второклассных, бывший офицер русской службы Киркос и громадный, спокойный священник Дармарос. Ушаков радушно пригласил всех в каюту, приказал подать теплый

сбитень, угощения. Греки ни к чему не притронулись, во все глаза глядели на адмирала, слава о котором разнеслась далеко по Средиземноморью. Федор Федорович позвал толмача и, чтоб ободрить приехавших, обратился первым:

— У нас на Руси спрашивают, с чем пожаловали, господа? С чем мы пожаловали, сейчас зачитаем. Наши письма, приглашающие поддержать сию экспедицию, коль согласны, вам передадим. Послание его преосвященства Георгия V, по неведомым нам каналам, думаю, уже у вас очутилось.

Русский адмирал не юлил, не скрытничал, сразу выложил все карты на стол и доброжелательно спросил еще раз:

— Ну так кто что скажет?

Греки переглянулись и задержали свой взор на Дармаросе. Священник начал также неспешно и раздумчиво, как адмирал, чем сразу тому понравился.

— Великой единоверной страны представители! Настал час нашего вызволения. Народ островов греческих, бывший под владычеством разных иноземцев не раз, никогда еще не ждал освобождения с таким нетерпением.

Священник сделал паузу, казалось, набрал воздуху, чтобы закончить на одном дыхании, и весомо заверил:

— Но мы не только ожидаем — готовы выступить с оружием. Сие не богопротивное дело, коль враги наши — богоотступники и насильники. У господ бывших русских офицеров кое-что в подвалах сохранилось. Да и сельская коса из мирного крестьянского снаряжения в оружие боевое превратиться готова.

— Добро! Добро! — прогромыхал адмирал. — А сколько народу вы можете поднять? Сколько вооружить?

— Всех, ваше превосходительство. Всех поднимем! А вооружить, сколько будет оружия.

Ушаков недоверчиво переводил взор с одного на другого, знал бахвалистость многих из сынов Средиземноморья.

— Так уж и всех?

— Всех, всех! — даже загорячился Дармарос. — Давайте только ваши письма с амвона, как молитву, прочту. Не будет у вас ни одного противника среди греков, их сердца вам принадлежат полностью.

Греки все сразу шумно заговорили, перебивая друг друга, размахивая руками. Ушаков, почти не слушая, понял, что поддержат, и, закидывая мысль, уже думал об устройстве и наведении порядка позже.

— Что думаете, много понадобится войск оставлять после снятия крепости у французов? Не поднимут ли они через своих

агентов, как только мы уйдем, новое восстание, не сорвут ли флаг наш?

Греки опять заволновались. Аристократ Мавроянис, властно подняв вверх руку, потребовал тишины.

— Гарнизон надо оставить большой! И не против французов. Они вряд ли сунутся, сила эскадры господина адмирала им известна. А против черни и тех, кто, подстрекаемый французскими богохульниками, захватил земли наши и сейчас зарится на имущество высокородных и достойных граждан острова.

— Господин Мавроянис, — довольно неучтиво для собственного сана перебил высокородного Дармарос. — Жители нашего острова действия русской эскадры поддержат, и французам не позволят снова воссесть в крепости Китиры. Посему оставлять большой союзный гарнизон здесь не следует. Сами наведем порядок. А господину Ушакову войска еще понадобятся для взятия Корфу и других островов. Мы же у себя управимся, ежели не будут допускать одни люди перед другими чванливости, заносчивости и нечестного ограбления под видом закона. Да, если поступятся отдельные граждане своими привилегиями для общего блага.

Мавроянис и Ушаков с удивлением взглянули на священника. Правда, каждый увидел и услышал его по-своему. Нобиль захлебнулся от гнева: французская зараза проникла даже в церковь. Адмирал воочию увидел, что есть на кого опереться на этом острове, есть понимающие его замыслы, есть у него верные друзья среди греков. Попросил принести «пригласительные письма». Торжественно зачитал их, передал Дармаросу тексты, переведенные на греческий. Обратился на прощание:

— Мы на ваших обывателей и на вас надеемся. Благодарим за то, что помощь хотите оказать. Вместе французов изгонять будем. К первым числам октября весь морской отряд подойдет. Вот тогда и выступайте. — При выходе задержал Дармароса, посмотрел долго и внимательно в его глаза, как бы почувствовал исходящую из того духовную силу и преданность, тихо, с признательностью сказал: — Спасибо, отче! Паству свою наставляешь по-божески, возвышенно и благородно. Чувствую, друзьями расстаемся, друзьями встретимся и после победы. Помолись за успех.

— Да будет так и во имя отца и сына и божьего духа. Аминь! — по-русски закончил Дармарос. Ушаков только руками развел, не удержался, обнял священника.

К вечеру велел собрать командиров. Корабли сблизились, на шлюпках подъехали турецкие и русские капитаны. Картографы еще в Константинополе вычертили карту, протянули один за од-

ним вдоль греческого побережья Ионические острова. Ушаков подошел к карте, разгладил ладонью лист и четко, как бы отдавая приказ, стал говорить:

— С сего дня начинаем самое главное наше предприятие — освобождение островов. Отряд капитана Сорокина посылаем в воспомоществование англичанам к Египту. Вся остальная эскадра медленно вдоль островов движется и высылает впереди себя небольшие отряды для начала боевых действий и сигнала местным жителям. На Китиру и Закинф идет отряд под командой капитан-лейтенанта Шостака. Один линейный корабль и два фрегата русской эскадры, а также турецкий фрегат под общей командой капитана второго ранга Поскочина направим к Кефаллинию, такой же объединенный русско-турецкий отряд, два линейных корабля и два фрегата направляем на остров Левкас под началом капитана Дмитрия Николаевича Сенявина.

Греческие повстанцы выступают одновременно с появлением кораблей наших. На Китире Дармарос сие обеспечит, на Закинфе граф Маркис, на Кефаллинию мы направляем капитан-лейтенанта Ричардопулоса, на Левкасе нас тоже ждут. Итак, следует десанты высадить, ежели не удается с ходу овладеть островом — оттеснить с помощью повстанцев французов в крепость, осадить их и, ожидая подхода эскадры, устроить бомбометание. Эскадра своими пушками дело завершит. Затем все под Корфу двинемся. Я сей план предварительно согласовал с адмиралом Кадыр-беем и посему выступаю от нас двоих совместно.

Осанистый и крепкий Кадыр-бей уважительно покивал головой в сторону Ушакова. С ним у Федора Федоровича сразу как-то заладилось. Кадыр-бей был внимателен, старался понять замысел, не чванился, на первенство русского адмирала не обижался. Ушаков же своим главенством, определенным с согласия султана, не давил, не кичился, советовался в главном и зато ощущал постоянное дружелюбие турецкого флотоводца. Не таким был его заместитель, вице-адмирал, или по-турецки патрона, Шеремет-бей. Томара уведомил Ушакова, что Шеремет купается в английском золоте. Хищник, вурдалак у султанского трона, воплощение коварства и зависти, он ни на минуту не сомневался, что и другие живут по таким же законам. Ему хотелось занять место Кадыр-бея. Тогда, вероятно, он и смирился бы с Ушак-пашой, но сейчас всячески хотел столкнуть двух адмиралов, досадить им, вредить Кадыр-бею во всем. Решил доносить на него в Стамбул, если он проявит чрезмерное согласие с Ушаковым. Доносить и тогда, когда они придут в столкновение. Порта должна быть недовольна Кадыр-беем. Кадыр-бей должен быть недоволен Ушак-пашой. Русский адмирал должен сердиться на Кадыр-бея. Своим

помощником Шеремет-бей считал Махмуда Раиф-эфенди — представителя Высокой Порты по дипломатическим вопросам при Кадыр-бее. Раиф-эфенди был враг Ушакова и союза с Россией. Он придерживался определенных принципов. Кумиром избрал Англию, ведь провел там несколько лет послом и хотел, искренне хотел, чтобы Селим III перестроил всю Османскую империю на английский манер. Конечно, это было невозможно. Но Махмуд Раиф-эфенди этого хотел так страстно, что заслужил в народе прозвище Инглиз (англичанин).

Ушаков кое-что ведал о сих «союзных головах», но виду не подавал, оставался учтив и предупредителен. Ссору раньше времени не раздувал. Раиф-эфенди не выдержал первый, сорвался и как-то по-петушиному, вначале по-английски, а потом по-турецки зачастил:

— Почему с Сорокиным идет такая малая часть кораблей? Ведь Египет — боль нашей империи, и мы должны по-настоящему помогать нашим доблестным союзникам — англичанам!

Федор Федорович постучал трубкой, затянулся, выпустил струю густого дыма и только после этого рассудительно, как бы увещевая неприлежного ученика, объяснил:

— Сие количество согласовано на переговорах в Константинополе. А Балканы и бывшие Венецианской Албании острова тоже наша всеобщая боль, забота Оттоманской Порты, ибо французский генерал Бонапарт еще год назад сказал, что острова Корфу, Занте, Кефаллония дают ему господство в Адриатическом море и Леванте и имеют для французов большее значение, чем вся Италия. Так что тут наша миссия значительна и важна.

Раиф-эфенди смутился, слова Бонапарта ему были неизвестны, да он и сам понимал, что от Ионических островов до Египта рукой подать. Не смутился, однако, Шеремет-бей, решив, что пора забивать клинья в союз двух адмиралов. Его писклявый, верткий голос раздражал Ушакова.

— Доблестный адмирал, ваша военная хитрость известна, ныне вы и общую власть имеете, отряжаете приказом своим наши корабли для взятия островов. Известно, что великие монархи во всем предприятии равенство положили как закон общий. Однако же турецких кораблей меньше в отрядах получилось. Не обидим ли наших доблестных турецких капитанов, не нарушим ли дух великого согласия?

Ушаков сразу понял, что этот улыбчивый и льстивый турок — главная опасность, в нем сидит враг, которого надо сразу принимать во все стратегические расчеты. «Не поворачиваться кормой — расстреляет. Бить надо сначала, — решил про себя. —

Ладно, мы тоже не лыком шиты». Начал, — как восточный человек, — издалека, с пышных слов и восторгов.

— Великое провиденье божье свело нас вместе в небывалую сию экспедицию, и наши высокочтимые монархи о многом договорились, что нам известно. О многом им лишь известно. Но их мудростью мы посланы в этот поход, их мудростью назначен я командиром совместной эскадры, их мудростью руководствуюсь, создавая отряды для взятия островов, на них уповаю в военных действиях... И тот, кто на мои решения покушается, на монаршьи указы нападает. Что касается уважаемого патрона, то, я думаю, он со мной в целом согласен, а о мелочах договоримся!

Шеремет-бей закивал головой, видно было, как кончики ушей у него покраснели. Ушакову показалось, что Кадыр-бей удовлетворенно подмигнул ему, однако патрон еще не сложил оружия.

— Не следует ли нам, славный адмирал, выразитель воли наших правителей, брать острова каждой эскадре отдельно? Керкиру и Левкас турецкой. Занте и Кефаллонию русской, дабы не возникло соперничества и ссоры из-за трофеев.

Ушаков понимал, что свершить это ни в коем случае нельзя. В турецких морских командах полно головорезов и башибузуков. Они начнут резать и грабить по старой привычке всех «неверных» — и французов, и греков. У ионитов сразу возникнет недоверие. Из союзников врагов можно получить. Согласие в эскадре даст трещину, а может и развалиться. Нет, допустить этого нельзя. Но и высказать истинную причину, что греки турок боятся и ненавидят, тоже нельзя. Шеремет-бей сразу загалдит, подговорит Кадыр-бея жаловаться на недоверчивость и неучтивость русских, на предпочтение грекам перед союзниками.

— Силы держать в кулаке буду и употреблять только по военным соображениям, не различая, где какой корабль, ибо так поручено нам нашими монархами! Призов же никаких от местного населения не предполагаю. Ибо едем мы не как захватчики, а как защитники и освободители. Так что и делить нечего.

Шеремет-бей преданно закивал головой, давая понять, что во всем согласен с русским адмиралом и готов следовать его приказам. Ясно стало и то, что его отныне надо приплюсовать к вражескому стану, упреждать, не давать возвыситься, иначе вред причинит больший, чем самый дерзкий неприятель. Но внешне решил не углублять пропасть, сделать вид, что ничего не произошло, обратился к командирам русских и турецких кораблей:

— Соблюдать дисциплину и порядок в походе следует, не обижать жителей. Мы с мирными обывателями не воюем! Вам же, уважаемые командиры Шостак и Поскочин, предписываю склонить жителей к действиям против французов. На Китире надо, чтобы они неприятеля принудили сдаться или истребили... А вообще к себе французов не допускали бы, а приходящие к острову суда брали бы в плен. По важности обстоятельств нужно в сие действие уговорить и понудить обывателей, чтобы участвовали в деле, всеми силами и возможностями вам помогали.

...Перед заходом солнца шлюпки от «Святого Павла» потянулись на корабли эскадры. Там еще царили беспечность, веселье, а командиры уже знали, что через несколько дней их ждет десант, артиллерийская канонада и бой. Отъезжая, все держали в голове свой маневр, свой курс, сигналы, которые сольют эскадру воедино.

Кадыр-бей остался у Ушакова до утра, предвкушая сытный ужин, водку и добрые разговоры. Да и не хотелось ему слушать назойливое нашептывание писклявого Шеремета.

ЗАКИНФ ПРОСИТСЯ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

То был триумф. Наверное, так встречали в Древней Элладе победителей. Засыпали цветами, женщины вздымали руки, как бы благодаря бога за избавление, дети совали в карманы конфеты и целовали освободителей. Ушаков шел впереди отряда русских моряков медленно, приостанавливаясь, дабы помахать стоящим на балконе, вылезшим на крыши, столпившимся у ворот жителям. Часто поворачивался лицом к морю, чтобы налетающий ветерок иссушал набегающую на глаза влагу. Вытирать слезу было неудобно — ведь мужчина, моряк, адмирал. А цветы сыпались. И над всем этим плыл колокольный звон, возвещая о полной союзной победе, о действиях совместных, о новых надеждах и думах островных жителей.

...Действия начались успешно. 1(13) октября был взят остров Китира. Завидев эскадру, гарнизон Директории почти сразу капитулировал. Французы уже знали, что население Китиры по нескольку раз прослушало «пригласительные письма» Ушакова, которые вместе с утренней и вечерней молитвой зачитывал в церкви Дармарос. Они попытались арестовать попа-бунтовщика, но крестьяне, вытащив из тайников ружья и копья, ножи и сабли, отогнали солдат. Вооруженный отряд китирцев рос не по дням, а по часам, и к подходу русской эскадры в гарнизоне бушевало море повстанцев.

«Русская партия» на островах без труда взяла верх. Вот уже 15 дней развевался русский флаг над Китирой. Сегодня он затрепещет и над Закинфом. И здесь жители ждали их, и здесь остро-

витяне вооружились. Находясь на перепутье морских дорог, остерегаясь внезапных нападений, вылазок корсаров, каждый островной житель хранил оружие, имел тайники, замаскированные склады с продовольствием и боеприпасами. Французский начальник гарнизона подполковник Вернье решил опередить агитацию Ушакова и развесил везде прокламации, описывая зверства турок. На больших листах были нарисованы усатые и пузатые османы, держащие над мешком отрезанную голову грека. А рядом русский моряк с цветами в руках. Плакат должен был, по мнению Вернье, разоблачить коварный союз России и Турции. Но получилось наоборот: местный художник, исполнявший заказ, а скорее приказ французов, нарисовал русского моряка симпатичным, привлекательным парнем, отделил его от турка и даже повернул в другую сторону. На второй день турецкая чалма уже была переделана в шапку французского гвардейца с трехцветной кокардой. Вернье объявил острова в опасности и перед лицом «монархического заговора» призвал всех граждан в Национальную гвардию. Но на пункты сбора явилось всего несколько человек. Французам уже не верили, их свободолюбивые лозунги упали в цене.

Жители острова шли не на призывные пункты, а стекались к дому графа Маркиса. Граф был доволен, что не поддался уговорам родственников и не перешел на службу к французам, оставаясь ревностным поклонником России. Под ее флагом он и собрал восемь тысяч человек. Крестьяне, направляясь в отряд Маркиса, походя громили дома «якобинцев», сжигали официальные долговые документы, разбивали двери тюрем. Правда, среди разгромленных «якобинцев» почти все оказались людьми имущими, было немало и дворян. Маркис заподозрил, что тут подстрекательство злонамеренного Мартиненгоса, который ненавидел нобилей, которого преследовали французы. Но в тот момент было не до выяснения отношений, и ополчение Маркиса вышло на побережье, где показались паруса кораблей капитан-лейтенанта Шостака. Море, хотя и не штормило, но волновалось, корабли стали в отдалении, спустили шлюпки. Гребцы старались изо всех сил, но пристать к берегу не могли. Волны, откатываясь, оттаскивали лодки в море. И тут крестьяне, взявшись один за одного, наладили цепочку к лодкам. Вот один перехватил брошенный линь веревки, подтянул его к себе, другие уже подхватывали русских солдат и, взявшись за руки, несли их к берегу.

— С люльки на руках-то не носили! — смущаясь, отряхивался от брызг усатый гренадер.

— Ну, сейчас можно и прямо в бой, подштанники-то сухие, — прихохатывал другой.

Высадился и Шостак, дал залп из немногих пушек, велел занимать позицию на вершине холма, откуда были видны крепость и город. Вскоре над городским муниципалитетом весело бился русский флаг, оповещая, что французы уже оттеснены в крепость. А вот и основная эскадра! Полукольцом охватили остров корабли Ушакова, развернулись бортами, из бортов показались пушки! Еще мгновение и... И над крепостной стеной взвился белый флаг. Шлюпка французов устремилась к флагманскому кораблю, а оттуда плыли вдохновленные русским адмиралом закинфские представители. Они только что получили там боевое знамя адмирала и распоряжение об атаке на крепость. Помахали кулаками французам, горя желанием идти в наступление. Однако наступать не пришлось. Ушаков был настроен благодушно и без проволочек согласился на выгодные для французов условия сдачи. Кровопролития не желал. Важно было овладеть крупным островом...

И вот идут они, воины и моряки, в колокольном перезвоне, лепестковом дожде, волнах улыбок и возгласов. У здания муниципалитета Ушаков остановился, громко сказал:

— Прошу всех представителей управления острова и делегатов на встречу последовать! Оговорим предварительный план управления.

С удивлением взирал изысканный и утонченный аристократ Граденигос Сикурос ди Силлас, глава закинфского нобилитета, на то, что вслед за русским шагнул под свод ратуши второклассный Мартиненгос, потоптавшись, неуверенно пошел туда же Кладис.

Ушаков сел на место городского главы. Слева от него разместился мичман Васильев, справа граф Маркис, чем сразу вызвал недовольство семейства Сикуросов. Ушаков обвел глазами зал, остался недоволен тем, что народу мало, но не стал ждать и встал.

— Уважаемые представители Закинфа! Остров освобожден. Руины французского владычества дымятся на сих землях, где должно нам построить управление благонравное и справедливое. Мы при сем должны учесть вашу островную традицию, а также доблесть выступавших против нашего общего врага граждан. В послании святейшего патриарха Георгия V и в наших «пригласительных письмах» обещалось восстановление старых привилегий и выбор вами формы правления по образцу Рагузы либо иной. Надеемся на мудрость вашу...

Непонятно было, закончил слово русский адмирал или сделал паузу, но вскочил Граденигос Сикурос ди Силлас и вознес руки как в молении.

— Слава всевышнему! Земная благодарность российскому императору Павлу и султану Селиму за спасенье нас, земель и богатств наших от мерзких богоотступников и гонителей. Что касается устройства нашего, то не надо нам никаких новинок, хватит — испробовали! Пусть творится все по образцу и подобию бывших венецианских владений, с вековечным верховенством знатных, и пусть очистят зал те, кто занесен сюда ветром былого вольнодумства. Мы же будем править под покровительством России и Турции по старым законам!

Зал замер. Из последних рядов встал и пошел к выходу Мартиненгос, вышли еще двое, участники народного ополчения. Ушаков нахмурился, не хотел начинать устройство островное с раздоров. Вскочил и заговорил по-русски Кладис, с гневом поглядывая на Граденигоса Сикуроса.

— Некоторые знатные особы ничего не сделали, дабы способствовать быстрейшему освобождению острова. Сейчас они желают получить с дерева освобождения все маслины, хотя на сие право имеют и другие граждане. Думаю, в правление должны войти достойные люди, которые приветствуют славного адмирала и хотят служить добронравию и справедливости, им провозглашенным.

Ушаков еще не сел, выслушал Сикуроса и Кладиса стоя. За окном внезапно зашумела толпа, раздался пронзительный крик, затем снова забурлило море возгласов и шума.

— Они просят вас выйти на балкон, — прислушиваясь, перевел Маркис.

— Зачем?

— Хотят выразить свое благодарное волеизъявление.

На площади толпились рыбаки и торговцы, пастухи и моряки, владельцы шхун и корабельные мастера. Они стояли с женами и детьми. Ничего грозного не было в их виде, но гневные слова вырывались из их грудей, напряжение ходило по лицам. Вперед выдвинулся гигантского роста человек, рядом с ним встал Мартиненгос, он и обратился к Ушакову:

— Великий адмирал! Мы здесь! А мы — это все закинфяне! Спасибо тебе и морякам русским. Просим взять нас под вечное покровительство и заботу России! Она малых не обидит, в пасть венецианских толстосумов и индюков не отдаст. Возьми под руку свою!

Ушаков видел: говорилось это искренне, без подвоха, но понимал, что надо угомонить, иначе — прощай союз, снова возникнет злословие по поводу замыслов его эскадры, явится недовольство турок. А впереди Корфу. Поднял вверх руку, ожидая тишины.

— Уважаемые обыватели! Благодарю за признательные слова!

Но больше всего благодарю за действия в поддержку объединенной эскадры! Смею вас уверить, что Россия здесь приобретений не ищет! По договору союзному мы лишь боремся против войск французских, незаконно власть узурпировавших. Ваше управление будет установлено согласно желанию граждан. Для сего мы сюда и собрались. Вас же, господин Мартиненгос, как и других командиров повстанческих, приглашаем вернуться в зал, дабы о временном управлении договориться. Комендантом же крепости вашей назначается сей мичман Васильев, что храбростью себя отметил. Будьте спокойны, рассудительны и дело свое исполняйте каждый на своем месте. Желаю благополучия вам на сем освобожденном для счастья острове!

Лица у собравшихся просветлели: слова Ушакова, его вид успокоили. Сикуросы были недовольны, но слово адмирала значило сейчас больше. Впервые за один стол управления на Закинфе сели нобили и чивиль (второклассные).

ЗВЕЗДА СЕНЯВИНА

— Так вот, Дмитрий Николаевич, постарайся без большого кровопролития. Нет нужды тут русских моряков терять. — И словно вспомнив, что с Сенявиным не стоит так назидательно говорить, Ушаков сказал задушевнее: — Поступайте осмотрительно и что полезнее и выгоднее государственной пользе, то и производите!

Перед адмиралом лежала карта, и он отряжал к острову Святой Мавры или Левкасу капитана первого ранга Дмитрия Сенявина. Операция была важная, все продумал, расписал в ордере, обсудил с ним даже непредвиденное. Сенявин уже научился повиноваться, но излишне советоваться не будет, перед врагом искать защиту у бумажки не станет, сам действие предпримет, находчивость проявит.

Не ладилось у них в начале морской карьеры Сенявина. Федор Федорович не любил излишней прыткости, иронию почитал не свойственной русской натуре, ценил умение подчиняться. Сенявин же был скор на принятие решений, норовист, ироничен, славу любил, да и она к нему благоволила. А еще благоволили к нему и Потемкин, и Мордвинов, так что прошел он свой путь командирский стремительней и независимей, чем Федор Федорович. Оттого-то он, наверное, и недоверчив был к Сенявину. Недоверчив, но предпочитал его всем своим офицерам, наставлял, поучал и ругал больше других — ибо уже тогда видел в нем главного своего преемника и ценил. Норова, конечно, не одобрял, но

признавал, что моряк Сенявин отменный. Да и что за офицер, коли он не заботится о чести и об имени своем. Нет, воинская честь — это не блажь командира. Коли ты ее не имеешь, не быть тебе военным полководцем, не стать тебе боевым адмиралом, не сможешь достойным офицером слыть. Коль избрал ты карьеру военного моряка — будь храбр, напорист, честолюбив, уверен в себе. Тогда победа придет. Вот и к Дмитрию Николаевичу победы приходили. Конечно, не сами по себе, а благодаря решительности и хватке Сенявина. Не могли увернуться от удальства его, что ли. Он ведь и сам говорил: «На место слова честолюбие употребляли мы термин молодечество... Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими». Памятно было, когда эскадра Войновича вышла в последней войне с турками на поиск их флота и попала в шторм. И для Ушакова Калиакрия тогда не звучала победно, а в 1787 году для Войновича тут был уготовлен крах. «Марию Магдалину» понесло в Босфор прямо к султанскому дворцу в плен. Флагманский адмиральский корабль дал сильную течь, помпы не качали, трюмы заполнились водой. Над кораблем зависла сломанная мачта, грозила рухнуть на борт. Казалось, пришел конец. Войнович только молился. И лишь Сенявин, отряхиваясь от воды, перебегал от группки матросов к фальшборту, от фальшборта к боцману, от боцмана к рулевому и отдавал какие-то немыслимые вроде бы в тот час команды. Потом сам полез на мачту, отрубил ванты, и набежавшая волна унесла ее от корабля, породив надежду на спасение. Помпы заработали. Войнович очнулся, и матросы поверили в звезду Сенявина: «Ему сам черт не помеха».

Была потом и золотая табакерка от Екатерины за расторопность и храбрость при Феодосии, был успешный крейсерский поход к берегам Анатолии под его командованием, участие в победоносной битве при Калиакрии, вывод из-под Очакова взятого в ледовое окружение боевого корабля «Князь Владимир». Все это сделало грудь Дмитрия Николаевича орденоносной: сияли на ней и «Георгий», и «Владимир», правда, пока лишь четвертой степени. «Не подкованы», как говорилось, но то ведь лишь начало. Дмитрию Сенявину к концу войны не было и тридцати. Сейчас он уже солидный капитан — тридцать пять исполнилось перед походом, выдержке научился, сдержанности.

...Когда Сенявин подошел к острову, на «Св. Петре» не суетились. Все свои задачи знали хорошо. Дмитрий Николаевич наблюдал в подзорную трубу, словно хотел обнаружить все слабые места у французов. Флаг-офицер * выжидающе смотрел на капитана. «К спуску!» — махнул тот рукой, сипнули толстые канаты, шлюпки шлепались в воду, горохом сыпались в них по штормтрапам солдаты десантных команд. «Маш! Маши туркам, чего они валандаются!» К берегу устремилась стая шлюпок, а навстречу, размахивая белым флагом, уже двинулась к кораблю лодка. Сдаются?.. Нет, то благодарные жители. Приветствовали освободителей. Сенявин записал в журнале: «Предлагали свои услуги и помощь во всем, что им приказано будет».

А помощь понадобилась. Крепость нависала своими пушками над городом и была не по зубам сухопутному десанту. Искусный строитель расположил ее на отвесном берегу, окружил с другой стороны двумя глубокими рвами с водой. Стены для ядер стояли непробиваемы, а запасы, что в погребах, позволяли выдержать многомесячную осаду. Но Сенявин не раскачивался долго. Узнал о скрытных тропинках, ведущих в горы, и приказал тащить по ним вверх орудия. Солдаты кряхтели, подхватывали артельные команды и приговорки, напрягая жилы, вытащили громадные пушки на площадки, с которых крепость видна была, как на адмиральской ладони: бомбардируй сверху!

Помахали французам: сдавайтесь! В ответ — выстрел. Сигнальный флаг прострелен. «Ну погодите же!»

Сенявин дал команду: «Огонь!» Ядра полетели, кроша стены, прыгая по крепостным ступенькам, подкашивая неспрятавшихся стрелков. Заклубилось над крепостью, исчезли ее очертания. И в ответ понеслись громы, зашипели раскаленные ядра. Французы и не думали сдаваться. Ну поддать им еще жару! Жар прибавлялся, рухнули перекрытия главного свода командирского дома. Взорвался пороховой склад, загорелся погреб. Затрубила труба. Сдаются? Не совсем. Генерал Миоле, начальник гарнизона, соглашался оставить крепость, но предложил посадить гарнизон на русские корабли и отвезти во Францию. Кто победитель-то? Сенявин решил штурмовать. Сил, правда, маловато. Попросил Ушакова добавить, а тот прибыл сам. Не спеша, придирчиво осмотрел все: где какие орудия поставил Сенявин, где стрелков расположил, где ополченцев разместил.

— Молодец, Дмитрий Николаевич. Все верно сделал. Не вывернутся, а мы им с моря добавим! Поднимай мой флаг и с трубачом подайся к коменданту, — обратился он к офицеру Силиверстову, слывшему знатоком французского. — Скажи, кровопролития не желаю, пусть сдаются. Отправлю их всех в Албанию, виноград там хорош, да и вино не кислое. Оружие пусть перед нашим строем сложат. А ежели не захотят, разнесем вдребезги. Пощады не будет. Иди. Говори сурово и величественно, как подобает российскому представителю.

* Флаг-офицер — соответствует адъютанту.

Офицер скрылся в воротах крепости. Принесли стульчик, но Ушаков присел на пушечную станину, еще раз огляделся:

— Красиво! Время осеннее, а сколь много листа зеленого. В России уже все опало.

— У нас под Боровском, в Комлеве, поди уж снег лежит. Но мне, Федор Федорович, холода по нутру.

— Знаю, знаю, что ты любишь со льдами сражаться, — вспомнил Ушаков про то, как вывел Сенявин «Князя Владимира» из Кинбурнских льдов в январе 1789 года. — За то тебя светлейший и одарил. ,

— Да ведь он и к вам благоволил, Федор Федорович. И вас предпочитал перед другими. — Явно намекал на давний случай, когда Потемкин отдал за строптивость шпагу Сенявина Ушакову и тем самым высказал свое отношение к нему, да еще и судьбу Дмитрия Николаевича вручил ему в руки. Ушаков распорядился по справедливости. Сердечности заметной между ними это не прибавило, а понимание того, кто в русском флоте самый большой авторитет, от кого мудрости набираться, появилось.

— Да-а, с размахом был человек. Хоть и дворцовый вельможа, но флот обожал и поддерживал, — вспомнил Ушаков. Говорили еще долго, да все о Ярославской, Калужской губерниях, будто и не было французов. Из крепости не спеша вышел Силиверстов. Что несет он в руках: мир или новое сражение?

— Ползет как осенняя муха, — сердился Сенявин.

— Не понукай. Он посланец российский. Егозить не пристало. Шлюпка подошла быстро, но Силиверстов выполнял указание точно: ни разу не подбежал, не поторопился.

— Вот, — протянул он скрученную в трубочку бумагу. — Сдаются!

...Вечером, когда Егор Метакса заглянул с новостями от Кадыр-бея, то застал Федора Федоровича в добром настроении при составлении рапортов и писем в Петербург и Константинополь.

— Молодец! Молодец Сенявин! — как бы убеждая кого-то, повторил Ушаков два раза.

— Но ведь вы, ваше превосходительство, имеете претензии к нему, — робко намекнул Метакса на прежнее отношение адмирала к Сенявину.

Ушаков передернулся. Напоминание о ссорах было неприятно: сейчас-то большое дело делали. С раздраженьем подтвердил:

— Да, да! Я не люблю, очень не люблю Сенявина, но он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом.

Лейтенант Метакса видел много достоинств в своем адмирале, преклонялся перед ним, но вот этого восхищения соперником не понимал.

Ушаков подошел к писарю и продиктовал донесение Павлу: «Капитан первого ранга и кавалер Сенявин при взятии крепости Св. Мавры исполнил повеления мои во всей точности. Во всех случаях, принуждая боем к сдаче, употребил он все возможные способы и распоряжения, как подобает усердному, расторопному и исправному офицеру, с отличным искусством и неустрашимою храбростью».

На груди Сенявина засияла Анна 2-й степени. В российском флоте взрастал новый замечательный флотоводец.

У ВЛАДЕТЕЛЯ ЯНИНЫ

Ушаков положил руки на плечи лейтенанту Метаксе, ласково и грустно взглянул в глаза, потрепал по шее и, легонько оттолкнув от себя, негромко сказал:

— В пасть звериную посылаю. Но от сего предприятия нашего жизнь многих людей зависит. Об одном прошу, Егорушка, будь осторожен, не раздражай попусту сего правителя. Для него жизнь человеческая — вещь ничтожная.

У Метаксы слезы на глазах показались. Не слышал он ни разу такого обращения, тона страдающего у вице-адмирала. Был тот всегда строг и сдержан в присутствии его. Захотелось сразу в экспедицию, не страшась, все сказать Али-паше, независимому владетелю наследственного пашлыка, потребовать освобождении русского консула Ламброса, арестованного в Превзе арнаутами. Ушаков увидел яростные огоньки в глазах лейтенанта, почувствовал внутреннюю дрожь того и снова потрепал успокаивая:

— Ты нам живой нужен. Наблюдай, расспрашивай, чего желает паша, кого боится, чем прельстить может. В союзники его надо из врагов переместить. В общем, смотри в оба, а зри в три. Умственным третьим взором внимай всему. В старости, может, сочинение напишешь. Вместе с турецким комиссаром — каймаканом поедешь. Он ферман султанский повезет Али, чтобы продовольствием нас снабжал. На две недели всего осталось провианту.

Уже находясь на адмиральском катере, Метакса вспомнил, что не ел целый день, взглянул с неприязнью на толстого, седого каймакана, дымившего трубкой, и вздохнул. Тот же, как бы угадав желание лейтенанта, выпустил клубы дыма и протянул руку к каюте:

— Слуга приготовил небольшой завтрак, разделите, пожалуйста, его со мной,

— Откуда вы так хорошо знаете греческий? — удивился Метакса.

— От роду я из константинопольских греческих дворян. С молодых лет служил при молдавских и валахских господарях. Султанство знал во всех его краях, ибо по причине немалых моих знаний полезен всюду, да и фамилия Карфоглу пользуется уважением в Порте. Я же всю жизнь свою с надеждой на Россию взираю и жду от нее избавления родины нашей от ига многовекового.

Недоверие Метаксы таяло, он уже почувствовал в этом седом и старом греке сотоварища. Но как же рознились они по поведению, темпераменту, даже по блеску глаз. Карфоглу говорил тихо, медленно, почти не поднимая взор. Видимо, каждое слово обдумывал, подбирал, старался не раздражать собеседника, быстро с ним соглашался и надолго замолкал, подыскивая новый повод для разговора.

Метакса же был стремителен, энергичен, в ответах не задерживался, глаза его сверкали то зарницами гнева, то искрами дружелюбия. Каймакан запахивался в скромный темно-зеленого цвета турецкий халат, лейтенант горделиво нес на себе мундир русского морского офицера.

Через полчаса разговор стал доверительным, интимным.

— Я должен, по причине многознания порядков в том царстве бесправия, дать вам несколько советов. Смею думать, что вы не знаете историю правителя Янины?

— Ну кое-что я слышал от наших офицеров и Федора Федоровича.

— Ваш адмирал мудрый и далеко видящий человек, но я хотел рассказать вам историю, которая сделала из этого человека секиру господню. Варварство его исходит от матери Камки, что умертвила своих сыновей, братьев Али-паши, дабы он вступил во владения своего отца, бывшего первым агою города Тепелегни, отсюда и нынешнее прозванье — Али-Тепелена. За тридцать лет он стал властелином всего Эпира, Ливадии, Фессалии и большей части Албании и Македонии. Ныне сама Порта Оттоманская видит в нем более мощного и опасного соседа, нежели данника и подвластного ей наместника. Али-паша высок умом и деятельностью, но исключительным положением своим обязан он гнусным изменам, убийствам, подкупам и всем дозволенным злокозням. Так умертвил и ограбил он пашу Дельвинского Селима, лично зарезал Мурад-бея и брата его Сефер-бея и многих других. Особенно зверствовал он над людьми близкими, как будто это доставляло ему удовольствие. Сестру свою Хайницу уговаривал он отравить мужа ее, пашу Алжирского, та зацепенела в страхе, тогда брат паши зарезал его и получил в награду невестку. На плечи племянника Емау-бея набросил Али отравленную соболью шкуру и заполучил от того Фессалию. Он умело сталкивает народы. Против христианских селений посылает магометан, а против сих выставляет греческих наемников. Коварен и зорок Али-паша. Везде имеет свои уши и языки. Когда отхватывал куски от Порты, то эти языки за золото, которое он щедро сыпал при султанском дворце, объявили, что таковые действия Али-паши сокрушают врагов султана. В Константинополе золото более имеет власти, чем сам верховный правитель!

— Но неужели никто не откроет глаза султану? Никто не пытался убрать сего деспота? Не восстали подданные его?

— Наверное, и ему мерещится шнурок шелковый, ибо не раз выдавался ферман султанский на убиение его сим способом. Но звонкость червонцев доносила до ушей Али-паши все повеления двора. Министры выступали его защитниками и слугами. Чиновные палачи, что имели повеление отрубить ему голову, лишались обыкновенно своей, как только вступали в его владения. А подданных он топил в крови и держал в страхе.

— На какие же средства содержит он такую секретную службу, да еще армию?

— О, его богатства несметны, и он постоянно приращивает их. Обширные поместья, отобранные у соседей, приносят ему великие доходы. Он отдает их в откуп. Сюда же причислите скотоводство, таможни, подати и исключительные его права на продажу скота, шерсти, строевого леса. — Карфоглу подошел к двери каюты и показал на желто-зеленые горы. — Видите богатство Албании и Эпира? Во всем Средиземном море эти дубовые леса почитаются лучшими. Али-паша присвоил их все, без остатка. Население окрестных сел обязано рубить их за гроши и отвозить к побережью. Он же сам имеет много купеческих кораблей, торгует с Италией, Триестом, а привезенные товары продает купцам из двадцатипроцентного барыша. Сребролюбие его безгранично. Я не знаю, есть ли еще кто в Европе, кроме русского царя, чтобы имел такое богатство?..

Метакса задумался. Конечно, ему не приходилось встречаться с таким богатым и властолюбивым деспотом. Он все больше и больше понимал, что сей восточный правитель независим, коварен и от него можно ожидать всего. Можно было надеяться, что Али-паша, конечно, многого не знает, но догадывается ли о нехватке продовольствия, об острых спорах, возникающих порой среди союзников по вине Шеремет-бея, о бегущих под знамя России христианах?

Как бы предупреждая его от заблуждений, Карфоглу негромко продолжал:

— До его сведения доносятся самые бездельные обстоятельства и маловажные приключения, происходящие в кофейных домах; все семейные разговоры в городских и даже деревенских беседах. Он знает все, что происходит в его владениях и рядом. Его уши — и служители, и купцы, и женщины, и нищие, и монахи, и имамы, и дервиши, и даже дети. Все, кто ведет переписку с Италией, Константинополем, Россией, боясь впасть в подозрение, приносят ему письма. Он получает ведомости и газеты из многих стран Европы, а при главных министерствах в Стамбуле имеет ездовых, которые, получив известия, сразу мчатся в Янину; он узнает о событиях в Турции нередко быстрее, чем султан.

— Вы сказываете мне о человеке сколь жестоком, столь и мудром, а значит, он не может жить без внутреннего закона, без твердого взгляда на окружающее.

— Вот этого у него как раз и нет. В политике он непостоянен и коварен. Не ставя ни во что обещание, и сам чужим не верит, союзников меняет беспрестанно. Али-паша плавает по ветру, по течению и придерживается сильного, потворствуя торжествующей державе. Вы, наверное, знаете, что у генерала Бонапарта и французов он был в ближайших друзьях и союзниках, обещая им выставить сто тысяч войск в походе на Австрию, Турцию и Россию. Хитрый паша превзошел в коварстве французского генерала и напал на французские гарнизоны. Вы должны знать, что в Парге он решил создать свой флот и основать пиратскую варварийскую державу, новый Алжир.

— Чего же боится он? Кому поклоняется?

— Никому не поклоняется. А боится лишь силы и упорства.

Метакса про себя подумал о предвзятости Карфоглу, но смолчал.

Катер заскрежетал днищем.

Метакса и Карфоглу ступили на берег.

Вдруг лейтенант задышал прерывисто и часто, растерянно оглянулся и крикнул:

— Злодейство! Яко черных рабов из лесов африканских ведут! — затем, схватившись за эфес шпаги, кинулся к арнауту, что, связав одной веревкой двух женщин, подростка и детей, продавал их прохожим. Карфоглу с необычной проворностью для своего возраста сделал три прыжка за Метаксой и схватил того за руку.

— Бога ради, не трогайте их, мы подвергаем себя опасности быть изрубленными сими варварами! — быстро проговорил он по-французски.

— Но что же делать?

— Привыкайте. Вас всюду будет окружать насилие. Помните о поручении своем.

— Ну так спросите его хотя бы, сколько он просит за сих несчастных? — упавшим голосом сказал Егор и достал кошелек...

...Освобожденные пленники заговорили, перебивая друг друга.

— Албанские крестьяне, они спрашивают, где должны служить своему избавителю?

— Пусть возвращаются домой к своим родным.

Плач был в ответ. Растерянный Метакса с недоумением смотрел на Карфоглу. Тот горестно покачал головой и объяснил:

— Им некуда возвращаться, их родные зарезаны, дом сожжен. А арнауты снова заберут их в плен. Можно им на нашем катере переехать на Корфу и остаться там у единоверцев?

— Да, конечно, пусть их накормят моряки.

Метакса долго молчал, следуя за слугой Али-паши.

Красивый особняк предстал перед его глазами в конце улицы.

— Тут жил французский консул де Лассаль. Ваш же представитель, консул Ламброс, размещался в следующем особняке. Войдемте в дом.

Метакса сделал два шага, и у него опять перехватило горло. Лестница особняка была обрамлена насыпью отрубленных человеческих голов. Широко открытые глаза некоторых из них, казалось, с ужасом взирали на входящих в дом, глаза других были закрыты, но столь же «вопияли» о трагедии. Егору стало плохо, запах тлена выворачивал все внутри. Он невольно присел на вторую ступеньку, затем склонился вбок, его стошнило. Турки и арнауты со снисходительным презрением дивились изнеженности русского моряка.

— Воды, — почти приказал Карфоглу. Принесли невкусной теплой и оттого еще более противной воды. Метакса встал и, опираясь на руку своего спутника, поднялся в комнаты. Его пошатывало.

К Али-паше, однако, их допустили не сразу. Или готовили комнату для приема, или действительно паша проводил смотр конницы, как сказал слуга, а скорее всего, их выдерживали, давая понять, что у паши много дел и без союзных посланников.

В покои, где принимал Али, провели через строй арнаутов и турок. Те почему-то вращали глазами, то ли ощупывая взором, то ли устрашая проходящих. Дверь распахнулась. На небольшом бордовом диване сидел крепко сбитый правитель Янины в зеленой чалме. Взгляд его темно-каштановых глаз остановил вошедших в отдалении. Он молчал, Было тихо, лишь мухи жужжали в углу.

Никто не представил их, не предложил им сесть. Пауза затягивалась. Метакса сделал шаг вперед, поклонился учтиво и поприветствовал по-гречески Али от имени адмирала.

— Адмирал Ушаков, командующий соединенными силами России и Турции, находится теперь на острове Святой Мавры и послал меня к вашему превосходительству пожелать вам здоровья. Я имею также приказание вручить вам письмо и требовать на него ответа. — И, сделав еще один шаг вперед, положил письмо Ушакова на поднос перед пашой.

Али внимательно слушал, держа в одной руке трубку, другой перебирая четки, потом приподнялся и сказал:

— Добро пожаловать, — передав письмо переводчику.

Карфоглу встал на колени, пододвинулся к паше, поцеловал полу его халата и вручил ферман султана. Али небрежно кивнул, повел глазом, и тут же арнауты кинулись подставлять маленькие обитые малиновым бархатом диваны.

Али выслушал перевод письма, сбросил величественность и заинтересованно спросил:

— Не тот ли это Ушаков, который разбил Сеид-Али — славного морехода и адмирала?

— Тот самый! Он же разбил при Гаджибее самого Гасан-пашу, взял в плен 80-пушечные суда и сжег пашинский корабль.

Повертев драгоценные четки, Али задумчиво произнес:

— Ваш государь знал, кого сюда посылать. А сколько ему лет?

Метакса решил придать солидность своему командиру и сказал, что тому исполнилось пятьдесят семь, прибавив четыре года.

— Так он гораздо старше меня, — чему-то обрадовался Али, — мне-то всего сорок шесть. Покажи мне его подпись. — Он долго всматривался в буквы ушаковской фамилии, как бы стараясь постигнуть характер того, кто расписался под строгим и твердым запросом.

— Жаль, что адмирал не знает меня таким, каким бы должен знать. Он добрый человек, но верит всяким бродягам, преданным французам и действующим только во вред султану и России.

Метакса сразу решил не соглашаться с выпадами против адмирала и довольно неучтиво перебил Али:

— Ушаков не руководствуется ничьими доносами, а выполняет только повеление государя императора и султана, его союзника. Вы, ваше превосходительство, не можете не сознаться в истине того, что пишет адмирал.

— Хорошо, — с некоторым удивлением согласился Али. — Я с вами поговорю наедине. Вас как зовут?

— Метакса.

— Вы родом, если не ошибаюсь, из Кефалонии? — стало ясно: паша знает о приехавших немало, и Егор, не скрывая, рассказал, как он оказался на русской службе.

— Какое жалованье получаете вы на русской службе?

— Триста рублей в год и в походе столовые деньги. Впрочем, никто не служит императору из-за денег, а единственно из усердия и благодарности.

— Рейзы, управляющие моими купеческими кораблями, получают от меня пять тысяч пиастров. Немало?

— Верно, ваше превосходительство. Но коммерческий образ жизни и военная служба — вещи разные.

— Почему?

— Рейзы ищут корысть и добычу, а мы славу и случай положить голову за нашего государя.

Али всплеснул в восторге ладонями и обернулся к стоящим за спиной:

— Слышите?

Метакса же продолжал:

— Быть может, шкиперы ваши имеют больше доходов, чем сам Ушаков. Но зато они целуют вашу полу, стоят перед вами на коленях, а я, простой лейтенант, сижу рядом с везиром Али на диване, — (глаза Али сверкнули по-недоброму и снова погасли), — и сей чести обязан я мундиру русскому, который имею счастье носить.

Захохотав, Али встал, сбросил с плеч шубу из черных соболей, застегнул на бриллиантовые пуговицы свою зеленую бархатную куртку и, хлопнув Метаксу по плечу, подтолкнул к выходу.

— Ступайте обедать. Вы, франки, обедаете в полдень, а мы — вечером. Я пойду наверх отдыхать, а потом дам ответ и отпущу.

Метакса знал, что главное для него — выполнить задание Ушакова, но еще ему нестерпимо хотелось разгадать загадку этого человека. Ясно было, что он деспот, тиран, но как собрал он под свою руку столь обширные владения, отчего покорились ему многие свободолюбивые племена. Чего он боится? На что надеется? Можно ли иметь с ним дело? Лейтенант видел, как опускали глаза жители, которых встречал он, как боязливо жались они к стенам, завидя воинов Али. Одеты все были небрежно и неряшливо. Да и зачем беспокоиться о своей одежде, если у тебя сегодня есть голова, а завтра — нет. Вид их говорил об унынии и обреченности. «Страх, рабство и убожество, — думал Метакса, оглядывая дома и жителей. — Иго, под которым они стонут, погашает врожденную пылкость и гений, заглушает в них все благородные способности и погружает в безысходное отчаяние. Нет, нет! — вознегодовал про себя. — Счастливый климат и плодо-

родные земли не могут составить блаженство человека, когда достоинство его унижается ежедневно несносною неволею».

Зашел в церковь святого Харлампия, в которой тускло мерцала лампадка и молилось несколько старушек. Горестно подумал: «Могут ли новейшие греки без душевного содрогания вспомнить, что предки их озарили Европу просвещением, оберегли ее законами, украсили художествами, тогда как сами они несчастны, гонимы, угнетены, обречены томиться в оковах тяжкой неволи...»

Горькие думы прервал посланец, который прибежал позвать его к Али.

— Ну вот теперь мы одни, и я хочу сохранить твои силы, — по-приятельски обратился Тепелена к Метаксе. — Вижу, ты изучаешь меня, хочешь узнать истинные помыслы мои, доложить своему адмиралу. А я их и не скрываю. Единственное, не все хотел говорить при этом султанском каймакане. Не люблю я их, этих константинопольских греков. Они за деньги кому хочешь служить будут. Вот ты — другое дело, ты честен и искренен и служишь не за деньги. Я знаю, ты худо обедал, тебя рвало, знаю отчего. Знаю все, но я тут совсем не виноват. Превзяне сами навлекли на себя гнев, действуя заодно с французами.

Али-паша остановился у телескопа, захваченного в квартире французского консула. Повертел что-то, заглянул в него с обратной стороны и выругался на слуг: «Не могут обращаться с хрупкими и мудрыми вещами. Все, за что не возьмутся, испортят!»

Метакса хотел подсказать, с какой стороны надо смотреть в телескоп, но вовремя спохватился — этим унизил бы самолюбивого пашу. А Али вдруг из толстого добродушного хозяина, мирно беседующего с гостем, превратился в грозного и неприступного восточного вельможу.

— Адмирал ваш худо знает Али-пашу и вмешивается не в свои дела. Я имею ферман от Порты, коим предписывается мне завладеть Певзою, Паргою, Виницею и Бутринтом. Земли эти составляют часть материкового берега, мне подвластного. Он — адмирал, и ему предоставлено право завоевания одних островов. Какое ему дело до нашего берега? Я сам везир султана Селима и владею несколькими его областями. Ему одному я обязан отчетом в моих деяниях и никому другому не подчинен. — Али ледяным взором обдал Метаксу и твердо закончил: — Я же мог занять Святую Мавру, но увидел, что флот ваш подошел и отступил. А ваш адмирал... — гневный цвет лица паши в это время сравнялся с цветом его фески, — не допускает меня овладеть Паргою! Он думает... — Али не окончил фразы и внимательно посмотрел на посланца Ушакова, как бы выбирая мгновение, чтобы отдать команду для расправы с неверным. Егор собрался, решил окончить миссию, а, может быть, и жизнь достойно. Твердо, хотя и сдержанно ответил:

— Вашему превосходительству стоит только отписать обо всем адмиралу Ушакову и сообщить копию с султанского фермана, и он, конечно, сообразится с данными в оном предписании. Адмиралу неизвестны предписания касательно материкового берега.

Али-паша завертел зрачками — точно так, как его охранители. Метаксе даже показалось, что он заскрежетал зубами.

— Я никому не обязан сообщать султанские ферманы. Не потому, что страшусь, я страха не знаю, но не хочу поссорить турок с русскими. Мне от этого пользы никакой. Адмирал напрасно меня огорчает... Знайте: он во сто крат более будет иметь надобности во мне, нежели я в нем. Я вам это говорю...

В голосе Али появилась какая-то неуверенность, и Метакса решил ее укрепить.

— Поверьте, ваше превосходительство, адмирал Ушаков не имеет сделать вам ни малейшего оскорбления. Напротив, желает снискать дружбу вашу. Но поступка вашего с консулом Ламбросом он терпеть не может и не должен.

Али заходил по комнате, заложив руки за спину. Чувствовалось напряженное раздумие.

— Ламброс виноват. Знал же, что я нападаю. Зачем не убрался с острова! Зачем давал советы французам. В доме Ламброса злодей Христаки проводил совещания с французами. Ламброс — изменник! Он недостоин ни вашего покровительства, ни моей пощады.

Метакса продолжал пригашивать пожар и спокойно втолковывал паше:

— Может статься, неприятели его обговорили. Он, как и все консулы, знал о войне с Францией и тесном союзе России и Турции. Предуведомлен был о приезде эскадр. Зачем уезжать? Он и остался, уверенный, что будет уважен, как чиновник союзной державы. — Сейчас уже в голосе посланника зазвучало возмущение. — А его ограбили, он скованный сидит на галере. Сей поступок оскорбляет лично государя императора и всю Россию. Тем самым доказывается неприязнь к русским вообще.

Али заволновался. Он прекрасно представил последствия гнева великой державы.

— Неправда! Я русских люблю, я уважаю храбрый сей народ. Вашему князю Потемкину имел я случай оказывать важные услуги. Вот был человек! — с неподдельным восхищением воскликнул паша, подняв вверх ладони. — Он умел ценить меня. В своих письмах объяснялся, как с истинным другом. Я получал от него драгоценности, подарки. Жаль, что их нет со мной, я бы их показал. — Али-паша склонился перед Метаксой и доверительно прошептал: — Потемкин был великий необыкновенный человек. Он знал людей, знал, как с ними обходиться. Ежли бы он был жив, ваш адмирал так бы не поступал со мной.

— Будьте уверены, что князь Потемкин принял бы такое же участие в российском консуле, как адмирал Ушаков. Консул не есть частное лицо, он доверенная особа государя и принадлежит целой России. Кто его оскорбляет, тот оскорбляет всех русских.

Паша налил две чашки напитка из стоящего на серебряном подносе кувшина и одну пододвинул Метаксе. Устало сказал:

— Хорошо. Я освобожу консула, но адмирал Ушаков должен отступить от Парги и не вмешиваться в мои дела.

— Он не может этого, не подвергая себя гневу императора. Он обязан защищать паргиотов. Ведь они, перейдя от венецианцев к французам, подняли флаг объединенных эскадр. Адмирал Ушаков и товарищ его Кадыр-бей не могут не признать их независимыми. Они сами обнародовали в своих воззваниях сей призыв. Иначе их почтут вероломными.

— Да, я оплошал, — покачал головой Али. — Надо было ускорить взятие Превзы на пять дней. Тогда и Парга была бы моя. Я бы не посмотрел на неприступность ее и атаковал бы с моря. — Подумав, доверительно спросил у Егора: — Скажи откровенно, кто у него любимец. Я бы не пожалел двадцать тысяч венецианских червонных тому, кто уговорит адмирала отказаться от Парги.

Веди он дело с посланцем Константинополя, со своим соседом — пашой — это возымело бы действие, но Метакса лишь усмехнулся:

— Адмирал наш всех равно любит, но особенно тех, кто усердствует в служении императору. Впрочем, я могу уверить вас, что ни один чиновник русский ни за какие деньги не примет на себя такие препоручения и никто не уговорит сделать поступок, противный данной инструкции и собственной совести.

Али сокрушенно покачал головой и несколько растерянно обратился к Метаксе:

— Что же мне делать? Дай совет.

— Ни возраст мой, ни положение не позволяют мне этого. Вы славитесь умом. Примите решение сами. Ясно, вы не захотите из-за Парги поссориться с императором и впасть в немилость у султана. Вам необходимо сблизиться с адмиралом Ушаковым, военное искусство и слава которого хорошо известны, отправить Ламброса к русским, примириться с Паргой и приказать своим войскам не причинять ей никакого вреда.

— О, да ты требуешь невозможного!

Али встал, не обращая внимания на Метаксу, заходил из угла в угол. Морщины собрались на его лбу, он кусал губы, ломал в пожатии пальцы, замирал, снова ходил, затем резко остановился перед Егором.

— Консула Ламброса отправлю завтра утром, войска и продовольствие начну собирать, от меня послан и подарок, повезет мой ближайший советник Махмут-эффенди. — Хлопнул по плечу Метаксу и, взглянув в глаза, сказал: — Я знаю, сила Ушакова и в том, что он умеет подбирать верных ему служителей.

ПРИМЕРКА...

24 октября перед крепостными стенами Корфу прошли русские корабли «Захарий и Елизавета», «Богоявление господне», «Григорий Великая Армении». Стали поодаль. Якоря сбросили. Запахло варевом. Было ясно — не уйдут...

Иван Андреевич Селивачев, что возглавлял весь отряд (турецкие корабли подошли позднее), проводил на берег священника, который вез и сюда послания константинопольского патриарха. Решил ждать островитян: так ли будут рады, как на других островах, эскадре? Гром канонады прервал его спокойные размышления. Ядро проскакало по палубе, разбрасывая в разные

стороны щепу, и плюхнулось с противоположной стороны в море. Изящный французский корабль «Женерос» выскочил из-под стен крепости, «поймав ветер», промчался вдоль линии русских кораблей, осыпая их ядрами.

— Великий рискун, однако же, сей французский капитан, — проворчал Селивачев, отдавая приказ артиллеристам достойно ответить лихачу. Ядра прочертили воздух. Знакомство состоялось.

Утром на палубу «Захария и Елизаветы» поднимались шумноватые жители Корфу.

— ...Мы просим вас, — протягивая руки к Селивачеву, перебил всех доктор Папонис, — не высаживайте на остров турок. Сейчас у нас почти все единодушны, все благосклонны к вашему императору. А имя господина Ушакова давно прославлено на наших островах и гремит по всему Средиземноморью. Не посылайте на острова турок!

Селивачеву стало неловко, турецкий офицер сидел рядом. Иван Андреевич потер подбородок, покряхтел и спросил:

— Сколько сможете выставить ополченцев?

Корфиоты зашумели, перебивая друг друга.

— Пять... Десять!.. Пятнадцать тысяч... Возьмем крепость...

Граф Булгарис величественно поднял руку, надеясь, что все сразу замолчат. Но корфиоты были уже другие, почтения к сановитости не испытывали, продолжали спорить, доказывать, не обращая внимания на поднятую руку. Граф не выдержал и тоже стал кричать, стараясь, чтобы русский капитан услышал его...

— Ну пятнадцать так пятнадцать, — успокоительно ответил ему Селивачев. И другим: — Вот прибудет командующий — и обо всех остальных делах договоримся. Главное французов в крепость, в котел загнать, так Федор Федорович сказал, и там сварить их, как раков. Так, соименник? — обратился он с улыбкой к Ивану Андреевичу Шостаку, командиру фрегата «Григорий Великая Армении», что присутствовал на встрече. Тот улыбки не принял, скептически посмотрел на островных гостей:

— Крепость — орешек твердый, крови прольется немало. Может, им предложить почетную капитуляцию?

Селивачев с удивлением глянул на своего соратника: он тоже об этом думал.

— Пожалуй, что и так, Иван Андреевич. Давай завтра испробуем. Ты и язык знаешь отменно. Съезди, авось уговоришь.

Выпроваживая гостей, приговаривал:

— Главное, не дать им на острове хозяйничать — вот приказ адмирала. Загнать в крепость! Загнать в крепость!

На следующий день на острове повсюду собирались дружины повстанцев. Французы к вечеру везде сняли свои предмостные

посты и гарнизоны, отступив в крепость, дабы не оставаться лицом к лицу с бушующей массой...

В доме у командующего французским гарнизоном генерала Шабо было тепло и уютно, горел камин, из окошка виднелся красивый изгиб бухты. Генерал, снявший мундир, вытянул ноги, поставил на подлокотник кресла стакан с вином и безразлично вслушивался как в болтовню комиссара, так и в прибаутки капитана «Женероса» Ле Жоаля, который поддразнивал кота кисточкой от шпаги. Кот пытался ухватить ее, зацепить коготками, но капитан ловко выдергивал кисть из цепких кошачьих лап. Игривость кота сменилась злостью: как обидно, что этот громадный человек успевает раньше его!

— Перебродят. Обломают зубы о крепостные стены и повернут свои косы против нобилей. Корфу снова запылает. Вот тогда мы и соединимся с повстанцами, — говорил, ощупывая взглядом висевший на стуле мундир генерала, комиссар Дюбуа. На досуге он любил портняжничать, поэтому всегда оценивал одежду.

— Вы ошибаетесь, комиссар. Мы больше не воссоединимся с ними. Вернее, они с нами. У них рядом появился единоверец.

— Полноте, полноте, генерал! Во-первых, мне известно, что греки боятся союзников русских — турок — и вот-вот выступят против них.

— Острая сабля — самый сильный довод в свою пользу у турок...

— Во-вторых, — не обращая внимания на реплику Жоаля, продолжал комиссар, — мы вскоре получим помощь и приятные известия из Анконы. Бонапарт покорил Египет. Он не сегодня завтра нанесет удар в подбрюшье Оттоманской Порты. Дни зловонного Неаполитанского королевства тоже сочтены.

— Хорошо бы... — лениво потянул вместе с вином генерал Шабо.

— А я надеюсь больше всего на себя. Надо уметь выскальзывать из цепких лап противника. — Ле Жоаль даже улыбнулся, когда кот снова промахнулся и сердито повел усами.

— Полагаться на себя можно, — усмехнувшись, отхлебнул вина генерал, — тем более наши стены позволяют вам это. Главное, лишь бы ожиревшая Директория не забыла, что у нее тут доблестные солдаты. — И Шабо резко опустил вниз руку со стаканом. Кот, отчаявшись опередить Жоаля, сделал прыжок к руке генерала.

— Паршивец! — уронил бокал Шабо. Красное пятно разлилось у его ног. — Вы, Жоаль, вечно всех возбуждаете, но от этого нет никакой пользы, только кровь, — слизывая ее капельки с руки, сердито выговаривал капитану генерал.

— Я сожалею о царапине, но что касается беспокойства, которое я приношу, то смею заметить, я не намерен взирать на то, как на мою шею наденут петлю. — Ле Жоаль встал и нервно пошел к выходу.

— Друзья! Друзья! Не стоит ссориться. Обратите внимание: к нам шлюпка под белым флагом, — позвал их к окну Дюбуа.

...Капитан-лейтенант Шостак, ощупывая ногой ступеньку, шагнул вниз и остановился.

— Снимите повязку! — раздался голос.

Комната, в которой оказался Иван Андреевич после следования по улицам крепости с повязкой на глазах, показалась светлой и просторной. Горел камин. За столом сидело несколько человек.

— Капитан-лейтенант Шостак! Явился сюда по поручению командующего эскадрой...

Дюбуа оценил ладно скроенный мундир. Жоалю понравилась уверенность офицера. Шабо внимательно всматривался в дерзковатого русского и старался представить себе грозного адмирала Ушакова. Он не совсем понимал, что здесь делают русские, как с ними вести войну. Он знал твердую поступь прусского солдата, разобщенность замыслов австрийцев, пламенную беспорядочность итальянцев, победоносное высокомерие англичан. Но что из себя представляет русский солдат? Нет, генерал не знал. Ясно, что русским не по плечу крепость. С суши? Но тогда надо набить весь остров войсками, нашпиговать артиллерией, а этого, по данным разведки, у эскадры нет. С моря? Оттуда такие крепости не берутся. Шабо снисходительно взглянул еще раз на офицера и с усталой улыбкой сказал:

— Я не понимаю, что нужно здесь вашему адмиралу? Ведь и невоенному человеку ясно: крепость не взять.

Шостак, «не заметив» язвительности, учтиво ответил:

— Адмирал уверен, что крепость падет. Только следовало бы избежать жертв! Поэтому он и предлагает почетные условия сдачи.

Шабо начал сердиться:

— Но я еще не вижу, кому сдаваться...

Дюбуа, ковырявший зубочисткой во рту, перебил генерала, игриво спросив у капитан-лейтенанта:

— Скажите, ваш адмирал здоров? У него не болят зубы?

Шостак с недоумением посмотрел на него и, думая, что он допытывается о состоянии эскадры, ответил:

— Адмирал здоров. На эскадре больных нет.

Продолжение на стр. 161

Сергей ЧЕРВОНОПИСКИЙ,
первый секретарь Черкасского горкома ЛКСМ Украины,
народный депутат СССР

НЕ ДАДИМ В ОБИДУ ДЕРЖАВУ

ЗАМЕТКИ ДЕПУТАТА

КАК НИ ГОРЬКО, как ни тяжко и муторно на душе, все равно я очень часто вспоминаю Афганистан. До глубины души ненавижу войну и смерть! Но мне ясно другое: когда идет бой, аморально отсиживаться в окопчике, как бы глубок и удобен он ни был, безнравственно наблюдать, как бьются твои друзья-товарищи. Бывая на митингах, общаясь с молодежью и убеленными сединой ветеранами, приходится слышать, что в нашей стране сейчас идет настоящий бой. И я полностью с этим соглашаюсь! Как половодье, ломая лед, очищает русло реки от всякого сора и мусора, так и перестройка не только оживила здоровые силы общества, разбудила национальное самосознание, но и в то же время выплеснула разнообразные силы и движения, чуждые нашему образу жизни и нашей морали. И верно сказано: сегодня идет битва за человека.

Находясь в Кремлевском Дворце съездов, я все чаще вспоминал фразу, произнесенную одним из героев нашего кинобоевика «Белое солнце пустыни», таможенником Верещагиным: «За державу обидно!» Именно с этого я и начал свое выступление на съезде. А как не расстраиваться, когда на 72-м году Советской власти в стране по талонам распределяются продукты, а с нынешнего года — смех и грех — мыло и стиральный порошок, что зияют пустыми глазницами окон тысячи деревень, что некогда кормившая пшеницей пол-Европы страна вынуждена теперь покупать зерно за границей, кланяться американским фермерам. Обидно, что и годы перестройки принесли мало утешительного. Наши перестроечные успехи так скромны, что о них почти не говорил ни один депутат съезда. Продолжается дальнейшее отставание в развитии материально-технической базы, как и раньше, с боем внедряются в народное хозяйство новая техника и технология. Зато ускоренно развивается «теневая» экономика, ожил черный рынок, идет активный подрыв стабильности и единства Советского Союза. Удручает упадок нравственности, культуры поведения, особенно среди молодежи, разгул преступности, культ наживы, взлет национализма, породивший сепаратистские центробежные тенденции.

Разве мог я предположить, что мое выступление на съезде по поводу политиканов из Грузии и Прибалтики, которые назвали убийцами и карателями советских солдат и которые готовят свои штурмовые отряды, разорвется, как мина? Разве мог я подумать, говоря об интервью академика А. Сахарова канадской газете, в котором он безосновательно обвинил советских летчиков в расстреле попавших в окружение наших солдат, что этим самым вызову убийственный шквал огня, поток писем и телеграмм, публикаций в газетах и журналах, на радио и телевидении? Причем, если в письмах содержатся противоположные, порой взаимоисключающие мнения, то в газетах и журналах удивительное единодушие.

«Тебе надо оторвать голову, а не ноги»; «Вас использовали как слепое орудие в кампании травли Андрея Дмитриевича Сахарова»; «Вы бросили академику Сахарову обвинение в том, против чего он боролся всю свою жизнь — во лжи и клевете» — вот одна группа писем. Другая — диаметрально противоположная: «Такие, как вы, спасут Державу, Родину, Перестройку»; «Мы, русские рабочие, проживающие в Прибалтике, просим: расскажите депутатам съезда, как издеваются над нами, потребуйте пересмотра выборов в этих республиках»; «Высылаю газету Интерфронта Латвии «Единство», в которой найдете подтверждение того, что создаются в Прибалтике штурмовые отряды»; «Вы правы и в отношении Сахарова, и насчет положения в Прибалтике».

Письма, письма, письма... Что ответить тем, кто угрожает? После ноября 1981 года, когда машина десанта наскочила на мину и меня ранило, я ничего не боюсь. Тех же, кто правильно понял мое выступление, особенно ветеранов Великой Отечественной войны и «афганцев», хочу поблагодарить: ваша поддержка прибавляет сил и энергии.

Еще раз повторю: на съезде я сказал то, о чем у меня болела душа, затронул те вопросы и проблемы, которые подсказала моя совесть. Не всем понравилось? Ну что ж, речь-то шла о делах серьезных. Коснулся я таких незыблемых и неистребимых понятий, как Родина, патриотизм, верность долгу. И тем более меня удивляет позиция некоторых печатных органов, которые буквально набросились на меня после выступления.

Первый выстрел, как ни странно, сделала «Комсомольская правда». Автор заметки «В споре ищут истину, а не врагов» Ю. Сорокин неуклюже попытался отвергнуть мое и моих товарищей-«афганцев» заявление по поводу выпадов академика А. Сахарова. Он повернул дело так, будто бы я обвинил А. Сахарова в «попытке вбить клин между партией, армией и народом». Ю. Сорокин принялся уличать меня в том, что я якобы нанес оскорбление народам Прибалтики и Грузии, заявив о формировании там штурмовых отрядов. Ну что тут скажешь? Похоже, Ю. Сорокин не очень внимательно

но слушал мое выступление на съезде. А дождаться выхода 4 июня стенографического отчета в «Известиях», видимо, не хватило терпения. Или, возможно, кто-то его торопил? Можно, конечно, посочувствовать журналисту, вынужденному гнать строку в номер. Но уж по крайней мере свою-то газету он должен читать. А ведь именно в ней была опубликована статья «Правда ли это?», комментирующая интервью А. Сахарова канадскому изданию.

Не обошли меня вниманием и «Московские новости». Л. Баткин 11 июня в статье «Встреча двух миров на Съезде депутатов» писал: «На трибуну вызвали комсомольского функционера из Черкасс, потерявшего обе ноги в Афганистане. Трудно было бы найти более подходящую кандидатуру для выступления, цель которого состояла в том, чтобы обвинить Андрея Дмитриевича Сахарова в посягательстве на честь Советской Армии. Заодно этот же депутат Червонопиский обвинил парламентариев четырех республик (Прибалтики и Грузии), протестовавших против использования войск для разгона митингов и убийства мирных граждан, в «политиканстве» и в том, что народные фронты готовят «штурмовые отряды».

Какое там «вызвали» на трибуну! С боем пробился! И зачитал письмо солдат, сержантов и офицеров Краснознаменного орденов Ленина и Кутузова II степени воздушно-десантного соединения имени 60-летия СССР, адресованное президиуму. Присоединился и я к этому письму. Л. Баткин же произвольно, по своему усмотрению расставил акценты, приписал мне некоторые слова и выражения, пытаясь убедить читателей в том, о чем я не только не говорил, но и не думал. Более того, автор «Московских новостей» героико-патриотическое воспитание, подготовку молодежи к защите Родины представил как военно-патриотический угар. Своей публикацией «Московские новости» лишний раз подтвердили, что противников у перестройки да и откровенных антисоветчиков у нас еще немало, и сейчас, как никогда, они имеют возможность пропагандировать свои взгляды.

К дружному залпу присоединилась и «Литературная газета». В интервью А. Сахарова журналист Ю. Рост даже не посчитал нужным указать мое имя, обозвав меня «безногим инвалидом». А с моей речью обошелся так же вольно, как и другие вышеназванные авторы. Я не особенно скрываю, что у меня нет ног, но хотелось бы напомнить редакции, что безнравственно переиначивать сказанное на съезде и тем самым преднамеренно вводить в заблуждение читателей. Впрочем, через месяц «Литературка», словно устыдившись, решила поинтересоваться у меня, что я читаю. Надо сказать, что журналист газеты С. Киселев вяло и скучно расспрашивал о том, что мною прочитано. Зато напористо, с пристрастием задавал вопросы, касающиеся моего выступления и особенно того, что связано с А. Сахаровым. «Вас, скажем, не смущает бурная овация делегатов съезда после вашего выступления против А. Д. Сахарова?» — спрашивал корреспондент. А почему, собственно, меня должна смущать овация депутатов? Ведь она свидетельствует о понимании ими тех проблем, о которых я говорил, озабоченности их будущим нашей Родины.

Одновременно с репортерами раздался стихотворный окрик «поэта-гражданина» Е. Евтушенко. В программе телевидения «Взгляд», а позднее на встрече с народными депутатами в Останкине он прочитал свое стихотворение «Письмо «афганцу», в котором, по сути дела, берет под защиту А. Сахарова, а «афганца», то бишь меня, представил этаким «обманутым малым», который не желает даже знать, «за что умираем на фронтовой полосе». (А мы-то, грешные, думали, что шли на помощь отстаивать афганскую революцию и интересы трудового народа!) Затем «стихотворное послание» «афганцу» появилось в журнале «Огонек» и очень быстро было перепечатано в прибалтийских газетах.

Я получил множество писем-откликов на вирши Е. Евтушенко. Не могу удержаться, чтобы не процитировать хотя бы некоторые: «16 июня в передаче «Взгляд» показывали митинг в Лужниках, и там выступал Евтушенко,— пишет житель Вильнюса.— Он неуважительно и развязно отзывался о вашем выступлении на съезде, очень зло говорил в адрес нашей страны. Мне невольно подумалось, что так могут выступать только космополиты, которым совершенно не дороги интересы нашего героического народа и нашей Родины».

«Мне кажется, что поделка Евтушенко оскорбляет ваше человеческое и депутатское достоинство. Нет ли оснований для иска к журналу «Огонек», его редактору В. Коротичу и пииту?» — спрашивает А. Мишенин из Красноярского края.

Прислали мне и стихи в ответ на вирши Евтушенко:

Успокой свои нервы, поэт,
Не цепляй ярлыков на солдата.
Неудобно писать мне ответ
Сочинителю и депутату.
Знай, «афганцы», сражаясь в горах,
Честно воинский долг исполняли,
Умирали от ран, иногда,
К сожалению, в плен попадали.

От себя я хотел бы добавить следующее. Уважаемый поэт! Что-то я не слышал ваших стихов в защиту А. Сахарова, когда он был в опале. Зато читал, как вы в пятидесятые годы прославляли «великого вождя». Знаком я и с некоторыми вашими стихами о любви и счастье периода застоя. Но вот критики этой эпохи не нашел в вашем поэтическом творчестве. Не слишком ли избирательна ваша муза? Что-то конъюнктурой от нее попахивает.

ПОСЛЕ съезда я раздумывал, отчего на меня обрушился такой шквал огня? Ведь не только потому, что отверг безответственное заявление А. Сахарова по поводу Афганистана, не потому, что сказал о злобных издевательствах над Советской Армией лихих ребят из телепередачи «Взгляд». Дело, думаю, в другом. Я один из немногих депутатов, кто заговорил о патриотизме, об утрате и забвении идеалов, во имя которых пролиты реки крови. Мы как-то забыли имена Александра Невского и Александра Суворова, многих других легендарных героев нашего славного Отечества. Когда посещаешь художественные выставки, вызывает ужас та «продукция», которая наводняет выставочные залы. И в то же время художники-патриоты не могут пройти через комиссии всевозможных творческих союзов для того, чтобы показать свои работы. А чем нас «потчует» телевидение? Чуть ли не каждый вечер на нас льется поток рок-музыки. Слово «патриотизм» стало ругательским. Все это напоминает 20—30-е годы, когда патриотизм служил мишенью для злобных обвинений. А во время Великой Отечественной войны, когда надо было бросаться под танки, о нем вспомнили, и без него трудно

было не только русским, украинцам, белорусам, но и всем советским людям и европейским народам! А ведь патриотизм исходит вовсе не из убежденности в собственном превосходстве, из требований преимуществ для себя за счет других и тем более не подходит под понятие «национализма» и «шовинизма». Нельзя спекулировать на этих словах, размахивать ими как дубинкой. Это вряд ли будет способствовать укреплению дружбы народов.

Мне кажется, в этом ряду стоят и нападки на комсомол. Причем чаще всего его деятельность критикуют огульно. Разумеется, не все гладко и однозначно сейчас в комсомольских организациях. Но нельзя не замечать, что за последние годы ситуация сильно изменилась. Появились центры научно-технического творчества молодежи с многомиллионным оборотом, молодежные жилищные комплексы — прообраз социалистического общежития, досуговые центры, трудовые производственные объединения.

Мы в городе организовали более полутора десятков военно-спортивных клубов. В них сейчас занимается несколько сот ребят. Занятия с ними ведут воины запаса, в основном интернационалисты. Они готовят не «пушечное мясо», в чем некоторые пытаются их обвинить, а физически крепких, психически уравновешенных, готовых к любым трудностям граждан нашего социалистического Отечества, руками которых будет строиться то обновленное общество, фундамент которого мы сегодня перестраиваем. Разумеется, у клубов немало проблем. Их зачастую не понимают и не хотят поддерживать бюрократы. Ребята вынуждены заниматься на птичьих правах в школьных спортзалах, каких-то сараях и не отвечающих никаким санитарным нормам подвалах. На заре Советской власти детям отдавали дворцы, а теперь мы загоняем их в подвалы! Но несмотря на такое положение, несмотря на то, что у клубов слабая материальная база, не хватает снаряжения, учебных пособий, мы радуемся, что сумели и этим заинтересовать подростков, вырвать их из цепких когтей пьянства, наркомании и преступности. В клубах мы сделали любопытное открытие: так называемые трудные, неуправляемые подростки — это самые смышленые, самые энергичные ребята. У них, как у всех, есть и честь, и достоинство.

Честно говоря, не все получается так, как планируешь. Некоторые очевидные вещи приходится пробивать с трудом и боем. Тратятся на это напрасно силы, уходит драгоценное время. Но, наверное, в этом жизнь. И поэтому очень важно не отчаиваться, не отступать, не останавливаться. Помните у Ф. М. Достоевского: «Но пуще всего, не запугивайте себя сами, не говорите: «Один в поле не воин» и проч. Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен. Не подражайте тоже некоторым фразерам, которые говорят поминутно, чтобы их слышали: «Не дают ничего делать, связывают руки, вселяют в душу отчаяние и разочарование!» и проч. и проч. Все это фразеры и герои поэм дурного тона, рисующиеся собой лентяи. Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра. Истинный деятель, вступив на путь, сразу увидит перед собой столько дела, что не станет жаловаться, что ему не дают делать, а непременно отыщет и успеет хоть что-нибудь сделать».

●

КОСТРЫ РУСОФОБИИ, УГАР АНТИСОВЕТИЗМА

Снимки, которые вы видите на этой странице, мы перепечатываем из газеты «Советская молодежь», органа ЦК ЛКСМ Латвии. Сделаны они около штаба Прибалтийского военного округа. На левой фотографии — национальный фольклорный герой Лачплесис под лозунгом «За свободу» сражается с трехголовым чудовищем, нависшая над ним рука с ножом подписана «Интерфронт», вместо головы на пружинке табличка «Я за перестройку». Правый снимок в комментариях, думается, не нуждается.

Подобные фото стали привычным атрибутом не только газет и журналов, но и многочисленных бюллетеней и листовок, выходя-

На развороте: листовка Вильнюсского горсовета «Венибе — Единство — Едность», рассказывающая о митинге в Нагорном парке Вильнюса.

Нагорный парк. 11 июня. На плакатах надписи: «Стоп коммунизму в Литве!», «Вечная слава литовским партизанам, боровшимся против советской оккупации», «Виновникам геноцида Прибалтики — второй Нюрнберг», «Время не узаконивает оккупацию».

ТОВАРИЩИ!

ВГЛЯДИСЬ В ЭТИ ФОТОГРАФИИ! ВЧИТАЙСЯ В НАДПИСИ НА ПЛАКАТАХ!

ВСЕ ЭТО ТЕБЕ ЗНАКОМО. ВСПОМНИ ФИЛЬМ «ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ», ВСПОМНИ, КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ.

ВЧЕРА ТЫ БЫЛ МИГРАНТОМ, ИНОРОДЦЕМ, СЕГОДНЯ ТЫ — ОККУПАНТ, ТЕБЕ ГРОЗЯТ ВТОРЫМ НЮРНБЕРГОМ! СЕГОДНЯ ЖГУТ ЧУЧЕЛО СОВЕТСКОГО СОЛДАТА, ЗАВТРА — ПРИДЕТ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ! ЭТО УЖЕ БЫЛО В СУМГАИТЕ, В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ... ОТ ОБЫКНОВЕННОГО ФАШИЗМА ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО НЕ СПАСЕТ.

ТВОЯ СВОБОДА — В ТВОИХ РУКАХ! ТОЛЬКО ВСЕ ВМЕСТЕ МЫ — СИЛА! НЕ ОСТАВАЙСЯ В СТОРОНЕ!

ЗАЩИЩАЙ СВОИ ПРАВА ГРАЖДАНИНА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЗАЩИЩАЙ ПРАВА СВОИХ ДЕТЕЙ! ЕСЛИ ТЫ ПРОМОЛЧИШЬ — ТЕБЯ РАЗДАВЯТ.

ПРОДЕМОНСТРИРУЕМ СВОЕ ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

ОБРАТИМСЯ К ПЛЕНУМУ ЦК КПСС ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ ПРОЙДЕТ!

Вильнюсский горсовет «Венибе — Единство — Едность»

щих в Латвии, Литве и Эстонии. Они красноречивее всяких слов говорят о том, что происходит в Прибалтийских республиках.

В кострах русофобии горят мундир советского солдата и флаг Советского Союза, в угаре национализма и антисоветизма выкрикиваются лозунги типа «Русские — вон из Латвии», «Эстония для эстонцев», «Мы хотим жить в свободной Литве». Настойчиво и напористо обеляется бандитское и националистическое подполье, так называемые «лесные братья», которые накануне Великой Отечественной войны готовили переворот в Латвии, активно сотрудничали с фашистами, а уже после войны безжалостно убивали тысячи ни в чем не повинных людей. Неумолимо перекраивается история. Дело дошло аж до — уму непостижимо! — установления в Эстонии памятника членам шпионско-диверсионной группы Абвер-2— «Эрна», которые в июле 1941 года были заброшены в Эстонию — проводить антисоветскую пропаганду, направленную на срыв мобилизации эстонцев в Красную Армию. Расправлялись диверсанты с местным советским и партийным активом, нашими воинами. На телах своих жертв они вырезали букву Е, а рядом оставляли окровавленный финский нож. «Эрновцы» были истреблены советскими бойцами. До сих пор их считали бандитами. Но вот недавно по инициативе Эстонского общества охраны памятников старины в местечке Каутла открыли памятник этим «павшим,— как было объявлено,— от истребительного батальона».

Сегодня уже ни для кого не секрет, что идейные вдохновители и организаторы подобных акций — всевозможные экстремистские организации, в том числе и члены Народных фронтов Прибалтийских республик. Совершенно открыто, без утайки и дипломатии проповедуют они имперскую политику, говорят о своих целях: достижение полной государственной независимости.

Вот, скажем, Народный фронт Латвии. Провозглашенный как интернациональная организация, ставящая своей целью преображение республики, возрождение и развитие народных традиций, он, объединивший практически только латышей, резко поменял курс, призвал своих членов бороться за «свободное политическое развитие». Обнародованы и методы достижения намеченной цели — «парламентская борьба». Ну а если этим путем не удастся добиться «полного государственного суверенитета», то вступят в действие «гражданские комитеты» — новая форма местного самоуправления. «Комитеты» необходимы для созыва «съезда граждан Латвии как законного представителя Латвийской республики». Предусматривается обеспечить на съезде и представительство латышей, находящихся в эмиграции. Таким образом, в противовес Съезду народных депутатов республики, который будет избран всенародным голосованием, предполагается созвать съезд «граждан Латвии» и представителей, подобранных «гражданскими комитетами» и эмигрантами.

Не спадает межнациональная напряженность и в Литве. На одном из пленумов ЦК Компартии Литвы отмечалось, что крайние позиции стали доминировать в деятельности «Саюдиса». Зародыши этого были зримы еще в начале становления движения, но тогда они рассматривались как болезнь. Однако со временем «болезнь» стала прогрессировать. Сегодня часть «Саюдиса» приблизилась к лозунгам явно антисоциалистическим. Его средства информации и прочих движений — а это более сорока изданий общим тиражом в полмиллиона экземпляров — все активнее публикуют провокационные, разжигающие неприязнь к компартии и советским органам власти

материалы. Их ловко используют антисоветски настроенные элементы. Они выдвигают лозунги от «этнической чистоты» до «выхода из СССР». Причем последний лозунг базируется на полном политическом невежестве и экономической авантюре: «нам помогут стать на ноги страны Запада», «на второй же день нас забросают японскими автомобилями». И хотя хозяйственный, рассудительный литовец весьма скептически оценивает эту «доктрину», на определенную часть незрелых людей демагогия оказывает влияние.

Но, пожалуй, дальше всех шагнули «комитеты граждан Эстонии». Созданные по инициативе некоторых экстремистских организаций, они добились того, чтобы Верховный Совет республики обсудил и принял дискриминационный по отношению к русскоязычному населению Закон о выборах в местные Советы народных депутатов. По сути, был введен ценз оседлости! Любопытно, что даже западные политические обозреватели, комментируя законодательные акты Эстонской ССР, обратили внимание на то, что они находятся в явном противоречии с тенденциями, четко определившимися в развитии парламентской системы в странах Запада. Демократическое движение в этих государствах в течение многих десятилетий добивалось расширения прав избирателей и избирательного корпуса, привлечения возможно большего числа людей к участию в политической жизни. Эта борьба не была безрезультатной. Например, в США сейчас в законодательствах 17 из 50 штатов, а также столичного округа Колумбия вообще не предусмотрено положений, требующих от избирателей проживать какое-то время на их территории. В тех же штатах, где ценз оседлости существует, он составляет в среднем 30 дней, причем в Алабаме и Канзасе — всего один день.

Президиум Верховного Совета СССР своим Указом признал внесенные изменения и дополнения в Конституцию Эстонской ССР и закон о выборах не соответствующими Конституции СССР.

Что и говорить, естественно и понятно желание каждого латыша, литовца, эстонца быть хозяином на своей исторической родине. Это законное право каждого народа, каждой нации. Однако и многотысячное русскоговорящее население сегодня уже тоже трудно назвать гостями в Прибалтийских республиках — их руками создана значительная часть национального богатства республик, у проживающих здесь выросли дети, внуки. Сомнительные же законопроекты их волнуют и вызывают обоснованную тревогу: а не хотят ли их выжить с земли, которую они тоже считают своей родиной?

Находятся и своеобразные «теоретики» национальных отношений. Например, в информационном бюллетене Народного фронта Латвии «Атмоде» некий Р. Евдокимов предложил ввести налог с не знающих государственный язык. «Ведь патриотизм,— рассуждает он,— стоит нескольких месяцев вычетов из зарплаты». А народный депутат из Эстонии Тайт Маде опубликовал в шведской газете «Свенска дагбладет» целый трактат под заголовком «Великорусский национализм», который направлен не на стабилизацию обстановки в этом регионе, а на разжигание национальной розни, антирусских настроений. В нем, в частности, написано:

«Русские столетиями жили под монгольским и татарским влиянием, и поэтому русские до сих пор в этническом плане многонациональная нация. Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет. Сегодня русский народ смешан с теми людьми, которые когда-то насиловали русских женщин».

«Русские частично имеют мазохистский характер. Русским нравится быть лучше других, делать свою «дружбу», диктовать свой стиль жизни. Даже в любви проявляется агрессивность, насилие. После изнасилования женщин приходит любовь и наслаждение».

«Русские сами должны почувствовать, что империя распадается. Надо, чтобы они испытали потрясения и поняли, что не являются центром земли. У них появилась плохая привычка жить за счет соседей и поэтому меньше работать и напрягаться».

Если отбросить некоторые двусмысленности, человеконенавистнические высказывания, которыми начинена статья Т. Маде, то можно определить одну его сокровенную мысль: русской нации в результате различных исторических катаклизмов уже нет, да и неизвестно, была ли. Те же, кто называют себя русскими,— угрюмые, агрессивные, нецивилизованные, высокомерные люди, любящие сладко поесть, мягко поспать и все за счет других. У Маде, похоже, нет сомнений в том, что русская нация — второсортная, особенно в условиях Эстонской ССР.

Представьте хотя бы на миг, что в Российской Федерации вдруг был бы брошен клич: «Россия — только для русских!» Оторопь берет. Но этого не было, нет и не будет! За свою более чем тысячелетнюю историю Россия дважды принимала на себя основной удар покорителей мира, тем самым спасая от уничтожения, геноцида многие и многие народы. А вот теперь, оказывается, и это ставится русским в вину! Поистине, как в пословице: «За мое же добро переломили ребро».

Особенно четко тень антирусских, антисоветских призывов легла на все происходящее в Прибалтике 23 августа, когда состоялась акция протеста «Балтийский путь» против подписанного в 1939 году советско-германского договора. Ее участники, взявшись за руки, стали на трассе от Вильнюса до Таллинна. В живой цепи находились сотни тысяч людей с наглядной агитацией: «Восстановление независимости Латвии — решение проблемы», «Свободу Эстонии!». А на митинге, состоявшемся в этот день в Нагорном парке Вильнюса, ораторы требовали перемены власти, устранить коммунистов от управления Литвой, вывести войска...

В тот же день в Москве на Пушкинской площади «Демократический союз» пытался провести несанкционированный митинг в поддержку «Балтийского пути». Дождавшись, когда в кинотеатре «Россия» закончился сеанс, лидеры «ДС» устроили настоящую свалку. Особое оживление наступило при появлении иностранных корреспондентов с фотоаппаратами, кино- и телекамерами. Взметнулись вверх антирусские лозунги и плакаты, какие-то молодчики в потертых, замызганных джинсах начали скандировать: «Свободу!»

Что ж, такова реальность сегодняшнего дня: «отделенческие» настроения, призывы к государственной самостоятельности, разжигание русофобии. Есть ли ей альтернатива? Конечно, есть. Это — партийные программы перестройки нашей федерации, утверждение истинного территориального хозрасчета. В этом видится один из путей к тому, чтобы разрядить накопившиеся обиды, сорвать набухшие гроздья гнева, погасить костры русофобии, разогнать угар национализма и антисоветизма.

«ТОВАРИЩ»

К 70-летию создания
Первой Конной армии

ВОПРЕКИ АМБИЦИЯМ ТРОЦКОГО

19 ноября 1919 года в жестоких боях с белогвардейцами родилась Первая Конная армия, оружие которой, как писал М. В. Фрунзе, «играло решающую роль во многих важнейших кампаниях времен гражданской войны».

У комкора С. М. Буденного мысль о создании такой армии возникла давно. И вот, 25 октября 1919 года он обращается к члену Реввоенсовета Южного фронта И. В. Сталину: «...создание Конной армии — это не пустой эксперимент, а назревшая необходимость. Она (Конная армия) явится не только серьезным противовесом белогвардейской казачьей коннице, но и могучим средством в руках фронтового и главного командования для решения задач в интересах фронта и, не исключено, в интересах всей Советской Республики».

Время шло, а ответа от Сталина не было. Буденный боялся, что это дело может затормозить Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий, с которым он уже разговаривал... Когда 3 ноября в Конный корпус прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин, Буденный изложил ему план создания Конной армии, а также сообщил ему о том, что две недели назад он доложил о своем замысле в Реввоенсовет Южного фронта и лично Троцкому, но тот идею создания Конной армии не поддержал.

— Значит, Конная армия! — задумчиво переспросил Калинин.— Интересно, весьма интересно!

— Пора нам наконец создать свою массовую кавалерию,— продолжал Буденный.— Нам нужны не мелкие кавалерийские части, наносящие противнику булавочные уколы, а крупные конные соединения, которые могли бы решать судьбу любой операции. Я вас очень прошу доложить об этом Владимиру Ильичу.

Калинин обещал поддержку. И как был рад Семен Михайлович, когда спустя несколько дней пришло сообщение о создании Первой Конной армии.

6 декабря 1919 года в село Велико-Михайловку, где находился штаб Первой Конной армии, приехал И. В. Сталин. Он провел первое заседание Реввоенсовета, в котором принял участие и командующий Южным фронтом, будущий Маршал Советского Союза А. И. Егоров.

— Наша задача заключается сейчас в том,— сказал, в частности, Сталин,— чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, расположенным на Украине, отойти на Северный Кавказ. В

этом залог успеха. А когда мы, разбив противника на две части, дойдем до Азовского моря, тогда будет видно, куда следует бросить Конную армию — на Украину или на Северный Кавказ. Нельзя закрывать глаза на то,— продолжал Сталин,— что Троцкий и ряд военспецов придерживаются мнения, что создание Конной армии надуманная, больше того, неграмотная в военном отношении задача. Они утверждают, что в первой мировой войне кавалерия себя не оправдала, что на смену кавалерии пришла подвижная техника. Но что делать, если у нас нет подвижной техники, если у нас не хватает даже винтовок!..

То было тревожное время. Генерал Деникин рвался к Москве. Первой Конной предстояло стремительным ударом через Донбасс на Таганрог расчленить Донскую и Добровольческую армии белых и во взаимодействии с красными 8-й и 13-й армиями разгромить врага.

Гибко маневрируя в условиях встречных боев, дивизии Конармии лавиной продвигались на юг. Освобожден Донбасс, Таганрог, Ростов... И вдруг у Батайска наступление Первой Конной застопорилось. Что же случилось! Буденный горел желанием преследовать врага, не дать ему возможности собрать новые силы после поражения. Но командующий фронтом В. И. Шорин, не оценив ситуации, неожиданно приказал форсировать Дон на участке Батайск — Ольгинская и прорвать оборону противника. Буденный насторожился: выходит, нужно наносить удар в лоб по главным силам противника, что было крайне невыгодным для Конармии. Если бы она даже и форсировала Дон, то попала бы в болота. Армия тут не пройдет, а рассчитывать на помощь соседних армий не приходится: они еще не успели перегруппировать свои силы.

Командир кавалерийской бригады Я. А. Левда (стоит справа) и военком Я. М. Блиох докладывают командарму С. М. Буденному, члену Реввоенсовета К. Е. Ворошилову и начальнику полевого штаба С. А. Зотову о выполнении боевой задачи.

Трое суток продолжались кровавые бои, но продвинуться к Батайску так и не удалось. Буденный мучительно думал о спасении армии. И он, не мешкая, решил обратиться к Ленину. Написал обо всем, что наболело на сердце, ничего не скрывая. В заключение он просил Ленина обратить «внимание на Красную Конную армию и другие армии, иначе они понапрасну погибнут от такого преступного командования».

В это дело решительно вмешался Сталин.

Шорин был снят, командующим Кавказским фронтом назначили М. Н. Тухачевского. Был принят план разгрома деникинских войск, предложенный Буденным. Конармия нацеливалась для удара на Тихорецкую, в стык Донской и Кубанской армий Деникина. Но и этот план по ходу боев умело корректировался командармом. По этому поводу у Буденного состоялся нелицеприятный разговор с Тухачевским, когда 13 марта он прибыл в Батайск, где стоял вагон командующего Кавказским фронтом. Тухачевский строго спросил, почему это он, Буденный, двинул Конармию не в направлении станции Мечетинской, а в район Торговой.

Молчавший до этого Орджоникидзе сказал Тухачевскому:

— Брось придираться. Нужно радоваться. Ведь противник разбит! Разбит в основном усилиями Конармии. А ты говоришь...

Потом были бои с белополяками, Врангелем.

Сейчас, в пору повышенного интереса к истории, нередко предпринимаются попытки извратить события тех лет. «Кто же создал Первую Конную армию! — спрашивает меня инженер из города Ростова-на-Дону В. Кошелев.— Со школьной скамьи я знал, что создал ее Буденный, а сейчас у нас в городе говорят, что это сделал Думенко, который командовал Сводным кавкорпусом. Где же истина!» Верно, Думенко активно участвовал в создании красной кавалерии. Буденный хорошо его знал, ибо был у него заместителем командира кавполка, потом дивизии. Но первый Конный корпус уже возглавил Буденный. Думенко в это время тяжело болел, а после выздоровления командовал другими частями. Позже корпус был преобразован в Первую Конную армию, и Буденный стал ее командиром. Но в Конный корпус, а потом и в Конную армию влились части кавалерии, которыми раньше командовал Думенко.

В другой публикации я прочел о том, что Буденный чуть ли не приложил руку к аресту Думенко, хотя это было делом рук Троцкого. Есть и другие крайности в публикациях. Так, говоря о заслугах Думенко, Н. Старов в «Известиях» (15 августа 1988 г.), и словом не обмолвившись о его политической незрелости, анархистских замашках, называет Думенко «первой шашкой республики», а Буденного едва ли не обвиняет в его трагической гибели.

Отнюдь не собираюсь обелить Буденного — в последующем он допускал серьезные ошибки. Встречались нарушения и в рядах Первой Конной. Были случаи партизанщины, мародерства, даже разоружение целой дивизии за нарушение ее бойцами социалистической законности. Но все это не может умалить значения Первой Конной в защите революции.

А. ЗОЛОТОТРУБОВ

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

ЧП НЕ БУДЕТ

Время от времени приходят тревожные сообщения о том, что в нашей стране в том или ином месте прогремел взрыв, кто-то заложил взрывчатку или оставил самодельное взрывное устройство. Вот одно из последних таких сообщений. В Ереване на улице Маркса взлетели на воздух «Жигули». Взрывом выбило витринное стекло гостиницы «Севан».

Не все, наверное, знают, что во Всесоюзном научно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел СССР есть специальный отдел, сотрудники которого не только обезвреживают взрывные самодельные устройства, но и по крупицам, оставшимся после взрыва, восстанавливают это устройство, отыскивают преступников. Работают в этом отделе и два лауреата премии Ленинского комсомола, кандидаты технических наук Александр Колмаков и Владимир Мартынов. Оба они специалисты в области теории взрыва и взрывных устройств.

— Был такой случай,— рассказывает А. Колмаков.— После взрыва на осколках обнаружили следы патрона токарного станка. Установили, что патрон польского производства. Поиск привел на один из заводов, куда поставлялись станки. Определили и сам станок. Ну а остальное, как говорится, дело техники.

Работа криминалистов связана с риском. Как-то Александр выехал на задание — нужно было обследовать бесхозный чемодан, из которого торчал кусок провода. Осмотрев его, Колмаков осторожно привязал к ручке чемодана капроновую бечевку, удалившись на безопасное расстояние, слегка потянул ее. Чемодан сдвинулся с места, однако ничего не произошло. Дернул еще раз,

теперь посильней. Но снова — тишина. Только после этого были осмотрены внутренности. Там оказалось взрывное устройство.

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

ИНИЦИАТИВА

О ПОДВИГАХ И СЛАВЕ

Мало кого оставляет равнодушным ратная история нашей Родины. Романы, повести и рассказы о героическом прошлом страны практически не залеживаются на прилавках. Объединить вокруг себя неравнодушных людей, владеющих литературным даром, умеющих ярко и эмоционально рассказать о военных подвигах своих предков и героев наших дней,— такую задачу поставило перед собой хозрасчетное военно-патриотическое литературное объединение «Отечество», созданное при Военном издательстве Министерства обороны СССР.

«Отечество» намерено готовить достойную смену признанным мастерам военно-приключенческого жанра. Для этого будут организовываться семинары, встречи с ветеранами и воинами. Объединение предоставит страницы своей серии «Золотая полка военных приключений» молодым авторам. Лучшие произведения предполагается отмечать литературными премиями.

Уставом «Отечества» предусмотрена и широкая благотворительная деятельность — пополнение фонда Центра реабилитации воинов-интернационалистов средствами, шефство над нахимовским училищем, СПТУ, средней школой, материальное участие в военно-патриотических программах ЦК ВЛКСМ и ДОСААФ СССР, создание семейного детского дома.

Адрес: 123829. ГСП, Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38. ВПЛО «Отечество». Телефон для справок: 195-20-24.

ЗАБОТЫ СТУДЕНЧЕСТВА — НА СЪЕЗД КОМСОМОЛА

Обострившиеся в стране социально-экономические проблемы больно ударили и по студентам. На митингах, прошедших в вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Новосибирска, Перми и других городов, они выдвинули требования — улучшить благосостояние, наладить быт, предоставить большую самостоятельность. Их решено обсудить на Всесоюзном студенческом форуме, который состоится в Москве в ноябре нынешнего года. О некоторых его задачах рассказывает руководитель рабочей группы подготовительного комитета, заведующий отделом студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ Владимир АФАНАСЬЕВ.

КАК ПРОЖИТЬ НА СТИПЕНДИЮ?

Когда год назад впервые было сказано о предстоящем форуме, взрыва энтузиазма со стороны студентов не последовало. Уж больно, видимо, приелись им различные собрания, совещания и иные подобные мероприятия, где в разговорах тонули дела. Но жизнь не стоит на месте. В течение нескольких месяцев, пока шла подготовка к форуму, в студенческом житье-бытье произошло столько изменений, что раньше их хватило бы на десятилетия! И заметьте, все они отнюдь не формальны. Например, восстановление отсрочки студентам от призыва на действительную воинскую службу и последовавшее затем постановление Верховного Совета СССР о досрочном возвращении в вузы всех студентов призыва 1988—1989 годов. А взять постановление Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению уборки урожая». От всех предыдущих постановлений оно отличается тем, что с этого года студенты участвуют в осенних сельскохозяйственных работах исключительно добровольно, причем между сельскохозяйственным предприятием и учебным заведением заключаются договоры.

Но, пожалуй, самые острые проблемы — социально-экономические. Они вызывают сильную напряженность в студенческой среде. Ведь студенты — категория молодежи, которая оказалась в числе наименее социально защищенных групп населения. Стипендия покрывает лишь треть расходов, к тому же 25 процентов студентов ее не получают вообще. Инфляция и рост цен по существу уже «съели» ту прибавку к стипендии, которую два года назад получили юноши и девушки, успевающие на «хорошо» и «отлично». После Съезда народных депутатов СССР в рабочую группу поступает немало писем от студентов. В них недоумение — почему депутаты от ВЛКСМ даже не пытались побороться за то, чтобы студенты, получающие стипендию гораздо ниже официально установленного прожиточного минимума, оказались в одном перечне с теми низкооплачиваемыми категориями населения, которым повысили размер пособий. Разочарование у студентов вызвало и постановление Совета Министров СССР «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и укреплению денежного обращения в стране в 1989—1990 годах и в тринадцатой пятилетке», согласно которому отодвигаются сроки осуществления ряда социальных программ, затрагивающих интересы студентов.

Для того чтобы довести стипендию до прожиточного минимума, необходимо около двух миллиардов рублей. Думаю, не обязательно во всем полагаться на государство. Комсомолу надо самому искать варианты решения студенческих проблем.

Скажем, в Казахстане начали осуществлять такие комплексные программы, как «Здоровье», «Питание», «Студенческая семья». Есть интересные начинания и в других регионах. Не надо забывать и о возможностях самих вузов. Справедливо будет, если часть фондов социального развития институтов будет расходоваться на решение социальных проблем студентов. Причем надо иметь в виду не только денежные надбавки к стипендиям, но и улучшение быта, досуга студентов. Вот, например, в связи с досрочным возвращением из армии студентов обострилась жилищная проблема. И без того четверть проживающих в общежитиях из-за плохих условий надо отселять, а тут придется уплотняться. Крепко подводят строители. В этом году сданы в эксплуатацию всего несколько общежитий.

В последнее время увеличился поток жалоб от студентов в связи с тем, что не назначают им стипендий. В чем дело? Недавно были приняты меры, запрещающие условный перевод студентов с курса на курс. В результате этого возросла успеваемость. Если раньше в технических вузах она еле-еле достигала 80 процентов, то теперь составляет около 95—96 процентов. Было также принято решение — дать стипендию всем студентам, уволенным в запас. Но стипендиальный фонд, к сожалению, остался на прежнем уровне, а кое-где даже уменьшился. Разумеется, это неправильная, вредная политика, с которой нельзя согласиться. Предвижу упрек: мол, отстаиваю не государственные, а групповые интересы. Но разве забота о будущем нации, ее интеллектуальном потенциале имеет что-нибудь общее с групповыми, корпоративными, ведомственными интересами?

Широкий простор для улучшения материального благосостояния студентов открывает право заниматься экономической деятельностью. Так, при комитете комсомола Казанского университета недавно открылось многоотраслевое хозрасчетное научно-производственное объединение «Альянс». С его созданием появилась реальная возможность для каждого студента укрепить свой бюджет. Что это и впрямь возможно для всех, а не только для избранных, свидетельствуют те направления деятельности объединения, которые уже обрели реальные очертания.

Ясно, что социальная проблематика займет особое место на Всесоюзном студенческом форуме. В этом легко убедиться, познакомившись с перечнем тематических дискуссионных центров, которые будут работать в дни его проведения. Они охватывают широкий круг вопросов — от большой политики до, скажем, отношения к религии. Причем студенты собираются не просто дискутировать, но и разрабатывать свои варианты решения ряда злободневных проблем, с которыми обратятся в Верховный Совет СССР, Совет Министров, министерства и ведомства, общественные организации. Это, кстати говоря, как нельзя лучше вписывается в нормы правового государства, к которому мы все сегодня стремимся.

БЕЗ ЛЕКАРСТВ И СКАЛЬПЕЛЯ

АНАТОЛИЙ Куксов воевал в Афганистане. В одном из боев получил ранение в позвоночник. Его демобилизовали. Дали ему пенсию по инвалидности. Несколько лет лежал, что называется, пластом.

— Однажды я услышал о том, что в Москве есть какой-то доктор, который ставит на ноги людей, в том числе и тех, у кого были травмы позвоночника,— рассказывал мне Анатолий.— Стал узнавать, кто это такой. Не без труда, но нашел. Помогли мне. Свет-то не без добрых людей. Смотрите, теперь свободно хожу, ношу кое-какие тяжести...

Мы сидели с Анатолием в приемной медико-инженерного центра по восстановлению органов и тканей. В это время открылась входная дверь и вошел невысокий молодой человек.

— О, кто пришел! — воскликнул мой собеседник. — Знакомьтесь, это мой товарищ по несчастью...

— Почему по несчастью, наоборот, по счастью,— перебил вновь пришедший.

— Он тоже «афганец»,— знакомя меня, сказал Анатолий.— Как и я, был прикован к постели. А теперь разве скажешь, что он когда-то лежал без движений. Огурчик да и только! А все благодаря Анатолию Григорьевичу Гриценко.

Пожалуй, вовсе не преувеличу, если скажу, что Гриценко делает чудеса. Разве не чудо вот такой случай. К доктору обратилась женщина, страдающая ревматоидным полиартритом. Где она только не лечилась! Чего только не испробовала! Но улучшения не наступало. Повезли ее к Гриценко в инвалидной коляске — сама она, как вы понимаете, передвигаться не могла, как, впрочем, не имела возможности и ухаживать за собой. Анатолий Григорьевич провел с ней несколько сеансов терапии. И — не поверите! — пропали головные боли, перестали болеть суставы. А в один из сеансов больная поднялась из коляски и прошлась по кабинету!

А как объяснить такое. Настя Толмачева родилась с врожденным вывихом бедра и с первых дней стала завсегдатаем больниц и клиник. Два года провела в гипсе. А нынче она резвится, прыгает, бегает... У Наталии Шаровой дела куда посерьезнее — опухоль мозга. Предложили ей делать операцию. Возможно, она бы и согласилась. Но тут узнала о Гриценко. Пробилась к нему на прием. Он отменил операцию, а опухоль после нескольких сеансов терапии исчезла. Были в практике Анатолия Григорьевича случаи и поинтересней. Например, Г. Асашвили из Грузии поступил с циррозом печени. И после лечения у Гриценко поправился.

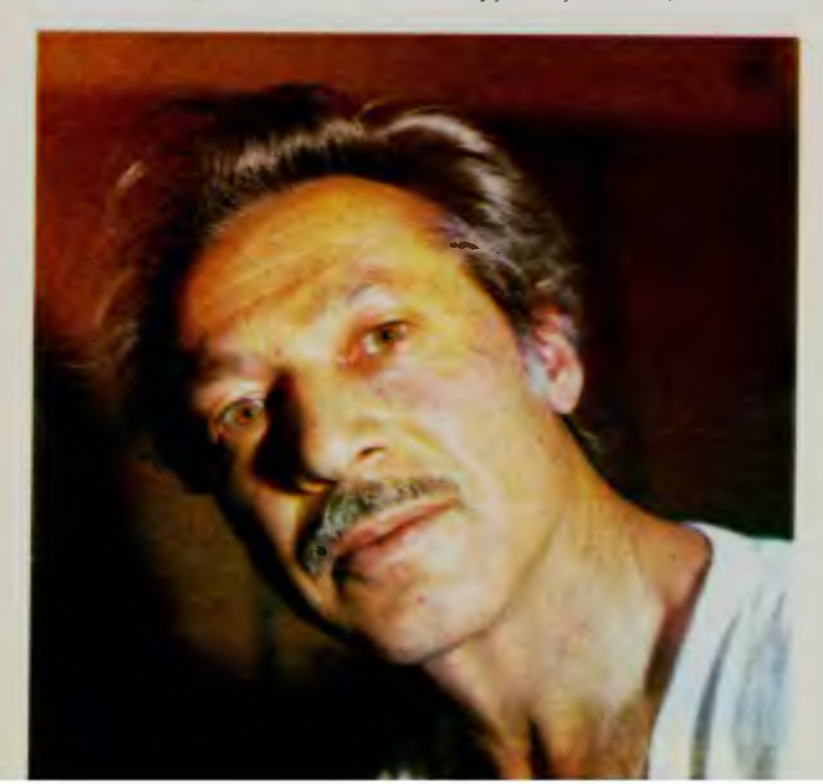
И вот я на приеме. В кабинете нет привычного стола, стульев, скрипучего топчана, покрытого клеенкой. В светлой просторной комнате по полу распластан красивый ковер. На нем специальное приспособление с твердым основанием. Вот входит очередной пациент. До этого Анатолий Григорьевич с ним ни разу не встречался, историю болезни его не читал. Начинается обследование. Доктор проводит рукой по позвоночнику, едва прикасаясь к телу. Несколько секунд — по крайней мере мне так показалось — и диагноз поставлен.

— Синдром позвоночной артерии. У вас, кроме того, была травма позвоночника...

— Да, была. После прыжка в высоту.

Руки доктора стремительны и неуловимы. Ладони ложатся на спину больного, и кажется, что они пышут жаром — такое впечатление остается у пациентов. А потом, после того как Анатолий Григорьевич попросит расслабиться, следует в определенную точку удар. Одна больная призналась мне: «Выхожу из кабинета словно побитая собака. Потом, правда, наступает облегчение...»

БОЛЕЕ двадцати лет назад Анатолий Григорьевич получил травму: на него обрушилась груда кирпичей. Дикая боль пронизала позвоночник, что-то хрустнуло в спине. Когда пришел в себя, почувствовал, что каждый вдох в груди тоже отдается болью. Врачи обнаружили целый букет болезней и среди них — искривление позвоночника. Что и говорить, невеселое время наступило. Пришлось помыкаться по больницам да клиникам. Казалось, выхода никакого нет. Но помог случай. Как-то, передвигая шкаф, Анатолий Григорьевич начал подталкивать его плечом и вдруг почувствовал, что стало



легче дышать, неожиданно исчезла боль. Он отстранился от шкафа. Боль снова приблизилась. Тогда он повторил сделанное движение — подналег на шкаф. Эффект был тот же — дышалось легко, боль как рукой сняло. Естественно, захотелось зафиксировать позу. Для этого смастерил приспособление, которое позволило придать телу нужное положение — коррегирующий массаж для лечения сколиоза.

В чем же суть разработанного А. Гриценко метода лечения?

— Известно, что в нашем организме все взаимосвязано,— говорит Анатолий Григорьевич.— И только изучив его как единое целое, можно определить условия, при которых риск заболевания будет сведен к минимуму. И если человеческий организм — единая система, то центр ее — позвоночник. Изучая причины болезней, их развитие, а также народную медицину, я пришел к выводу, что многие заболевания возникают в результате нарушения деятельности центров автоматического управления органами и тканями, расположенными в спинном мозге, то есть установил зависимость того или иного органа от управляемого им сегмента спинного мозга. Такие нарушения возникают вследствие деформации позвоночника, сдавливания спинного мозга и его структур: спинно-мозговых корешков, позвоночных артерий и вен, оболочек спинного мозга. Постепенно уменьшается защитная функция того или иного органа. И если болезнь вначале практически нераспознаваема, то затем она выступает с присущей ей симптоматикой. Метод, разработанный мной, позволяет установить и устранить причину болезней и одновременно начать борьбу с ее следствием, например, с микробом, вирусом, внедрившимися в орган на фоне его нарушенной функции.

ДУМАЮ, вам уже не терпится узнать, как А. Гриценко лечит больных? Если говорить о процедуре, то она занимает не так уж и много времени — минут пять-семь. На первый взгляд может показаться, что манипуляции, которые проделывает доктор, похожи на массаж. Но это далеко не так. Для каждого заболевания своя схема манипуляций, воздействие на определенные места позвоночника. Знакомые с мануальной терапией, которая широко применяется в мире, могут спросить: в чем отличие метода А. Гриценко? Ведь и доктор Касьян тоже применяет различного рода манипуляции на позвоночнике.

— Прежде всего в том, что воздействие направлено на конкретные участки позвоночника,— говорит Анатолий Григорьевич.— В связи с этим мне вспоминается случай, который произошел с академиком П. Капицей. В Англии его попросили устранить вибрацию в одном агрегате. Он осмотрел его, попросил молоток — и ударил по определенному месту. Вибрации как не бывало! Ученый знал, где ударить! Так вот, и я воздействую на позвоночник там, где находится тот или иной сегмент спинного мозга, который управляет определенным органом человека.

Некоторые с недоверием относятся к врачеванию нетрадиционными методами. Спешу заверить: методика А. Гриценко известна ученым и врачам. Она неоднократно проходила апробацию, причем самую строгую. Знают Анатолия Григорьевича не только у нас, но и за границей. Есть у него и пациенты-иностранцы. Итальянский бизнесмен Романо Фонтано и его жена Маргарита были тяжело больны. Романо ничего не мог есть, кроме рисовых катышков,— желудок отвергал любую пищу. Синьора Маргарита тоже пребывала в унынии: застарелая бронхиальная астма не давала покоя. Медики определили у нее, кроме этого, защемление диска, смещение головок бедра.

— Лучшие врачи Франции, Испании, Италии, практически всей Европы не смогли помочь,— рассказывала она.— Состояние было ужасное, вставать с постели каждый раз, словно подниматься на Голгофу...

Итальянцы, прослышав о докторе, разыскали его. Процесс исцеления супругов, снятый на пленку, был показан по Центральному телевидению в программе «Очевидное — невероятное». Миллионы телезрителей увидели улыбающегося Романо и его веселую супругу, которая продемонстрировала все, на что она теперь способна.

Долгое время доктор Гриценко мечтал о создании медико-инженерного центра по восстановлению органов и тканей по разработанной им методике. Сколько написано писем по этому поводу в различные инстанции! В каких только кабинетах за эти годы не пришлось побывать! И вот центр открыт! Еще не завершены строительные работы, но прием больных идет.

Прощаясь, спросил доктора:

— Анатолий Григорьевич, от каких недугов вы избавляете людей?

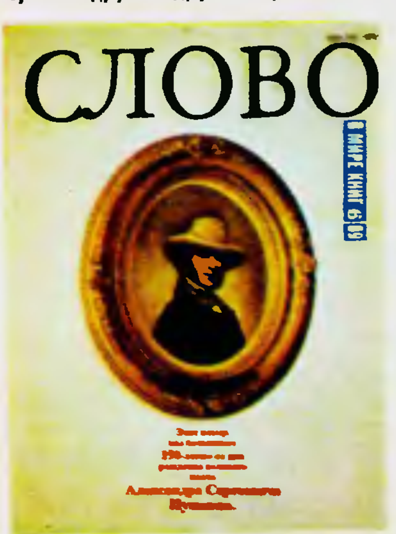
— Я, как вы понимаете, не чудотворец. Но тем не менее лечу глаукому, косоглазие, астигматизм, вегетососудистую дистонию, гипертонию, пародонтоз, невриты тройничного и слухового нервов, бронхиальную астму, острые пневмонии, стенокардию, язвенную болезнь...

В. ЕРШОВ

НОВЫЙ ОБЛИК ЖУРНАЛА

«О трех исповедницах слово плачевное» протопопа Аввакума, «Дневник Николая II» (1916—1918 гг.), фрагменты из книги Л. Фейхтвангера «Москва 1937», воспоминания А. Симановича, личного секретаря Григория Распутина, работа В. Хлебникова «В мире цифр», статья, посвященная 60-летию со дня рождения В. Шукшина, письма погибшего в Афганистане Павла Буравцева любимой — таковы лишь некоторые публикации последних номеров литературно-художественного ежемесячника «Слово», еще недавно известного книголюбам под названием «В мире книг».

«Что есть слово!.. Действительно, что за удивительный инструмент вложен в нас природой! Благодаря ему мы находим согласный язык, пробуждаем разнообразнейшие чувства друг в друге, выражаем себя, свою душу, ум, свой характер, характер своего народа, равно как и всего человечества,— пишет в обращении к читателям главный редактор журнала писатель А. Ларионов.— Ведь в слове — капля океана мирского, необъятного... Однако вернуть слову его первозданную ценность, одухотворенность — посильная ли задача в наше время!! Не слишком ли легковесны обещания к столь большим переменам! И стоит ли что-нибудь за ними!! Может, всего лишь желание избежать прежнего названия, сегодня уж ясно, назойливо функционального, лишенного каких-либо красок сердца и ума... Вот, мол, и вы сыскали словцо позвучнее, покраше, поглазастее... По правде сказать, и это было, хотелось вынести на обложку именно такое «словцо», однако наполненное душевной мелодией, широким, всеохватным смыслом, подвижной, гибколетучей мыслью...»



В ближайших номерах будет продолжена публикация книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», сопровождаемая цветными иллюстрациями шедевров мировой живописи. Читатель познакомится с работами С. Булгакова, П. Флоренского, В. Вернадского, В. Розанова, Н. Бердяева, К. Леонтьева, В. Соловьева.

В рубрике «Классики зарубежной литературы» они найдут произведения Р. Киплинга, Дж. Джойса, К. Гамсуна. Журнал намерен также опубликовать фрагменты из мемуаров представителей всех политических течений бурного 1917 года — А. Деникина, М. Родзянко, А. Керенского, А. Шляпникова, Л. Троцкого, И. Сталина...

Для тех, кого не оставили равнодушными планы ежемесячника «Слово», сообщим и ряд прозаических деталей — в розничной продаже журнала нет.

ВОЗРОЖДАЕТСЯ ЗАБЫТОЕ РЕМЕСЛО

В ГДР возрождается некогда забытое традиционное искусство кузнецов. При Берлинском университете организовано два факультета, где учатся старинному ремеслу. Курс обучения — около года. На первом факультете слушают лекции и проходят практику те, кто затем будет ковать детали декоративных садовых оград, уличных фонарей и старинных по форме предметов по заказам музеев и реставрационных организаций. На втором программа охватывает анатомию лошадей, практику изготовления и крепления подков.

ШВЕДСКИЙ ЗАПОВЕДНИК В КОСТА-РИКЕ

Поставить заслон хищническому уничтожению тропических лесов решили старшеклассники шведского города Фагервик. Они обратились с призывом к ученикам более двухсот школ страны — собирать деньги для их защиты. На собранные средства был куплен участок леса в Коста-Рике. Он объявлен заповедником. Охранять его взялись коста-риканские школьники. На участке запрещается вырубка деревьев, охота на птиц и зверей.

А ВЫ ЗНАЕТЕ ГЕОГРАФИЮ!

Американский институт общественного мнения Гэллапа попытался выяснить, хорошо ли юноши и девушки в возрасте от 18 до 24 лет знают географию. 82 процента опрошенных молодых людей, среди которых были бизнесмены, клерки банковских контор, юристы, не могли показать на карте, где находится ФРГ, и не знали, как эта аббревиатура правильно расшифровывается. 65 процентов путали Корею с Японией. Но больше всех не повезло Швеции — только 9 процентов молодых американцев знают, где она находится.

Сообщая об этом в печати, сотрудники института Гэллапа сделали справедливый вывод, что система образования в США страдает слабым преподаванием географии. Это сказывается даже на том, что в стране издаются карты с явными ошибками. Опять же не везет Швеции, которая в ряде случаев почему-то называется Швейцарией. Сотрудники института напоминают, что очень плохо разбирался в географии и прежний президент Рейган.

ВЕРНЕТСЯ ЛИ МЕТЕОРИТ В ГРЕНЛАНДИЮ!

Гренландия возбудила в международном суде дело о краже... метеорита. В 1897 году огромный камень весом 30 тонн был без разрешения вывезен американскими полярниками и сейчас находится в музее естественной истории в Нью-Йорке.

Гренландские специалисты считают, что метеорит обладает большой научной ценностью, и они настойчиво требовали вернуть его. Однако американцы воспротивились этому.

ЭСТРАДНЫЕ ЗВЕЗДЫ УСТУПАЮТ ПЬЕДЕСТАЛ

Французские газеты то и дело звездами страны называют футболистов, рок-певцов, киноактеров и актрис. Однако опрос населения высветил иную картину. Например, за последний год самым популярным человеком среди французов стал океанограф Жак Ив Кусто. На втором месте — ученые, занимающиеся прогнозированием землетрясений и извержений вулканов, а на третьем — врачи, борющиеся со СПИДом. Футболист Платини занял 15-е место, актриса Катрин Денев — 22-е, а эстрадная певица Мирей Матье — лишь 24-е.

Каких только замечательных архитектурных шедевров не оставили нам в наследство наши предшественники-соотечественники! И, безусловно, один из таковых в Москве — уникальный историко-мемориальный памятник, некрополь конца XVIII — начала XIX века, расположенный на заповедной территории охраняемого государством архитектурного ансамбля бывшего Донского монастыря, основанного в 1591 году в честь разгрома русскими войсками крымского хана Казы-Гирея.

Теперь же бывший монастырь — филиал Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева. Войдя в ворота, на одной из башен я увидел мраморную плиту с надписью: «Крепостные стены и башни Донского монастыря 1686—1698 гг.». А ознакомить меня с неповторимыми архитектурными достопримечательностями исторического памятника охотно взялась исполняющая обязанности заведующего филиалом музея З. Золотницкая.

Вадим ЦЕКОВ

МОНАСТЫРСКИЕ ТАЙНЫ

Для начала З. Золотницкая подвела меня к величественному зданию серого цвета.

— Церковь-усыпальница Первушиных! — пояснила З. Золотницкая.— Возведена в девятнадцатом веке...

Я поднял голову вверх: у куполов прямо из кирпичных стен росли ветвистые кудрявые деревья.

— Это что,— поразился я, указывая на деревья вверху,— так нашими предками было и задумано?

— Да нет же! — возразила моя спутница.— Просто время сделало свое... Вы же видите: и стены церкви рушатся, и крыши, и кресты на куполах сбиты... Впрочем, особо не удивляйтесь! Я вас познакомлю еще и не с такими экспонатами...

И точно же! Едва вошли в примыкающий к церкви-усыпальнице яблоневый сад, как тут же моему взору предстал величественный, но... обшарпанный обелиск. Кто, когда и в честь кого или чего его соорудил, сказать было невозможно. Ранее, видимо, была прикреплена к нему на винтах металлическая пластина, на которой, вероятно, обо всем этом и говорилось. Но пластину эту кто-то с остервенением сорвал. А о том, что она была именно из металла, свидетельствовал ее уголок, чудом оставшийся на одном из торчавших винтов.

Чуть поодаль на приземистых постаментах вальяжно возлежали обезображенные серокаменные печальные львы.

— Их давно сюда доставили из центра Москвы,— заметила З. Золотницкая.— Знаете здание на улице Горького, где сейчас Музей Революции? Так это оттуда...

За полуразрушенными угрюмыми львами среди деревьев виднелись желто-белые колонны с массивными, покрытыми ржавчиной, воротами — уникальное художественное чугунное литье русских мастеровых.

Подошли поближе. На одной из колонн на винтах едва держалась мраморная доска с надписью: «Ворота середины XVIII века из усадьбы Демидова на Шаболовке».

— У нас таких вот остатков былой архитектурной роскоши немало,— сказала З. Золотницкая.— Когда в недавнем прошлом громили церкви, соборы и все такое прочее, то кое-что из сохранившегося попало сюда...

Что верно, то верно! Прямо у разрушающихся монастырских стен и башен в беспорядке были свалены многочисленные, насквозь проржавевшие огромные кованые стальные ворота разных времен, назначения и конфигураций, которые, судя по всему, за ненадобностью вот-вот перекочуют на свалку или склад металлолома.

А в нишах тех же монастырских стен то тут, то там вмурованы жалкие остатки прежних архитектурных шедевров с разбитыми и «с мясом» выдранными разноцветными керамическими плитками-украшениями.

Возле одного из таких «фрагментов исторического прошлого» значилась надпись: «Наличник Собора монастыря в Калязине. XVII век». Возле другого «архитектурного остатка» читаю: «Наличник Сухаревой башни в Москве. Зодчий М. И. Чоглоков. 1692—1701 гг.». Возле третьего: «Наличник церкви» Благовещения в г. Юрьевце. 1701 г.». Возле четвертого: «Портал церкви Успения на Покровке в Москве. Зодчий Петр Потапов. 1696 г.». Идем дальше. В монастырскую стену вмурованы двустворчатые кованые ржавые ворота и рядом вывеска: «Портал Собора монастыря в Калязине. 1521 г.». Потом еще и еще надписи на прикрепленных к монастырской стене плитах: «Наличник трапезной монастыря в Калязине. Зодчий Аверкий Мокеев. 1633 г.». «Портал церкви Николы на столпах в Москве. Зодчий Иван Кузнечик. 1669 г.».

И все это выглядело неухоженным, заброшенным, бесхозным... Казалось, исчезли и эти «крохи» былых архитектурных шедевров, и можно даже засомневаться, а существовала ли вообще когда-либо на земле российской подобная красота?

— А это то, что осталось от русской святыни — храма Христа Спасителя!..— прервала мои мысли З. Золотницкая и указала рукой на величественные беломраморные скульптурные изваяния, контрастно выступающие из краснокирпичной монастырской стены.— Храм, как известно, воздвигли в Москве на народные средства в середине прошлого века в честь победы над Наполеоном, а взорвали в тридцатых годах нынешнего...

Я подошел поближе к одной из великолепных скульптурных групп и прочитал надпись: «Горельеф с храма Христа в Москве. Посещение Дмитрием Донским Сергия Радонежского перед походом против татар 1380 года...»

Затем З. Золотницкая познакомила меня еще с одной достопримечательностью вверенного ей исторического музея.

— Вот поглядите, что осталось от аллегорического изображения закона, милосердия, ремесла и искусства скульптора И. П. Витали! — сказала З. Золотницкая, когда мы подходили к сваленным

друг на друга огромным бесформенным глыбам грязно-серого известняка — А ведь это скульптурная группа с 1830 года украшала здание бывшего Сиротского института у Арбатских ворот...

Недалеко же от северного входа в монастырь З. Золотницкая обратила мое внимание еще и на остатки какого-то поржавевшего чугунного горельефа с прикрепленными рядом литыми плитами-пояснениями. На одной из них значилось: «Триумфальные ворота в ознаменование победы России в Отечественной войне 1812 года. Сооружены в Москве у Тверской заставы в 1827—1834 гг. Автор проекта архитектор О. И. Бове. Скульпторы: И. И. Витали, И. Т. Тимофеев». На другой же плите извещалось: «Триумфальные ворота разобраны в 1936 году...»

Я огляделся вокруг. Впечатление складывалось самое что ни есть прискорбнейшее. На территории монастыря сплошь пустыри, заросшие травой. У монументальных же памятников, которые пока еще не полностью уничтожены, снесены ограды, кресты, а где только можно, стерты и надписи...

— Мне хотелось вам сказать еще вот что.. — как бы разгадывая мои мысли, произнесла З. Золотницкая и посвятила меня в иные, нынешние монастырские таины.

Здесь в мемориальном некрополе похоронены: философ и поэт П. Я. Чаадаев, декабрист М. М. Нарышкин, М. М. Херасков, А. П. Сумароков, В.И. Майков, В. Ф. Одоевский, историк В. О. Ключевский, архитектор О. И. Бове, художник В. Г. Перов, «отец русской авиации» Н. Е. Жуковский и другие выдающиеся деятели русской науки и культуры. Некрополь является собранием произведений русской монументальной скульптуры XVIII—XIX веков—И. П. Мартоса, Ф. Г. Гордеева, С. С. Пименова, И. П. Витали, Г. Т. Замараева, В. И. Демут-Малиновского, М. М. Антокольского и других прославленных скульпторов. Короче, мемориальный некрополь представляет уникальную государственную, историческую, научную, художественную и культурную ценность и должен быть неприкосновенным для современных захоронений.

Остатки Триумфальных ворот в ознаменование победы России в Отечественной войне 1812 года.

Церковь-усыпальница Первушиных.

— А между тем, — сказала З. Золотницкая,— некрополю ко всему еще нанесен и наносится непоправимый ущерб незаконными захоронениями на его заповедной территории.

И моя собеседница была права. Оказывается, последние десятилетия тут умышленно и безнаказанно уничтожались и уничтожаются мемориальные могилы вместе с надгробиями, а на их месте производятся новые захоронения. Появилось бесчисленное количество современных стандартных бетонных надгробий, превративших историко-художественный некрополь в обычное кладбище. А иногда новые захоронения цинично и кощунственно производятся даже в чужих оградах и под чужими надгробиями.

Вот, к примеру, какие факты приводит в своем акте обследования некрополя общественный инспектор Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Н. Аполлонский:

«Плита черного гранита с чужой могилы. Сотрудник музея архитектуры Завитневич Александр Георгиевич...

Надгробие белого гранита с чужой могилы. Склифасовская-Яковлева Ольга Николаевна...

Надгробие старое с беломраморным крестом с чужой могилы. Ларина Любовь Григорьевна...

Под чужим надгробием черного гранита. Сергей Михайлович Жемочкин...

Надгробие с чужой могилы. Без указания года смерти. Гипиус Н. ...

Чужая гранитная плита. Савинцева Мария Неофитовна...

Под чужим железным крестом. Шарф А. Н. ...

Надгробие черного гранита с чужой могилы. Новский Алексей Владимирович...»

А всего общественный инспектор Н. Аполлонский только в этом акте упоминает свыше двухсот могил незаконного захоронения в заповедном некрополе бывшего Донского монастыря.

— Процесс активного «освоения» территории монастыря ловкими и предприимчивыми людьми продолжается и сегодня!.. — говорит З. Золотницкая.— А для маскировки захоронений многие теперь прибегают к скрытию года смерти...

И для вящей убедительности сказанного З. Золотницкая подвела меня к нескольким недавно появившимся надгробиям, расположенным совсем рядом со знаменитыми беломраморными горельефами храма Христа Спасителя.

— И сколько же по этим вопиющим фактам вандализма прокуратурой возбуждено уголовных дел? — спросил я.— Ведь монастырь охраняется государством?

— О чем вы говорите? — удивилась З. Золотницкая.— О каких уголовных делах?..

Тогда я позвонил в прокуратуру Октябрьского района Москвы, на территории которого находился филиал музея.

— Вас правильно проинформировали,— выслушав меня, спокойно произнес и. о. прокурора района В. Петров.— Пока что по бывшему Донскому монастырю уголовных дел нет...

И я подумал: если так дело пойдет и дальше, то от древнего православного монастыря уже в этом веке ничего не останется.

НЕ ПОГАСНЕТ ОГОНЬ В ГОРНЕ

Как известно, художественная обработка металла была высоко развита у наших предков еще во времена Киевской Руси. В XIV веке начинают появляться крупные центры этого ремесла — Москва, Ярославль, Великий Устюг... Позже мастера группируются при крупных оружейных заводах, таких, как тульский, сестрорецкий, златоустовский.

Со временем были утрачены секреты кузнечного мастерства. И лишь лет семь-восемь назад к нему проснулся интерес. Начали организовываться выставки художественной обработки металла, в подмосковной Балашихе был создан музей кузнечного мастерства. Здесь теперь проходят фестивали кузнечных дел мастеров. В этом году появился Союз кузнецов.

Выставки кузнечных мастеров становятся популярными. Недавно, например, экспозиция, посвященная русской художественной ковке, организованная Государственным Историческим музеем, с огромным успехом прошла в Париже. К изделиям из металла знатоки проявляют не меньший интерес, чем к золоту. Лучшее доказательство этого — таинственное и бесследное исчезновение с парижской выставки двух работ молодых художников по металлу, братьев Дмитрия и Льва Панченко. Специалисты считают, что похищенные изделия самобытны и представляют немалую ценность.

Братья Панченко в детстве даже не представляли себе кузнечное ремесло. Да и откуда они, городские жители, могли увидеть пылающий горн, услышать звон наковальни! Но вот чеканкой увлеклись. Полюбили и рисование. Поэтому выбор профессии был для них как бы предрешен. Сначала старший, Дмитрий, поступил на художественно-графический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина, затем пришел сюда учиться и младший, Лев. Они занимались различными видами прикладного творчества; одно время их привлекала «ювелирка», потом Лев заинтересовался эмалями. А семь лет назад у них появилось желание освоить художественную ковку. Первое, что они сделали,— начали искать литературу по этому вопросу, но таковой не оказалось. Тогда они пошли по другому пути — разыскали кузнецов. Нашли Басова в Суздале, Быкова в Ленинграде, затем появились адреса мастеров из Грузии, Прибалтики...

— Направились мы и на заводы, где были кузницы, наблюдали, как мастера обрабатывали болванки. Потом сами стали заниматься этим,— вспоминает Дмитрий.— На первых порах не все ладилось, но желание добиться успеха было огромное. Поэтому освоение кузнечного дела шло быстро. Как мы радовались первым работам!

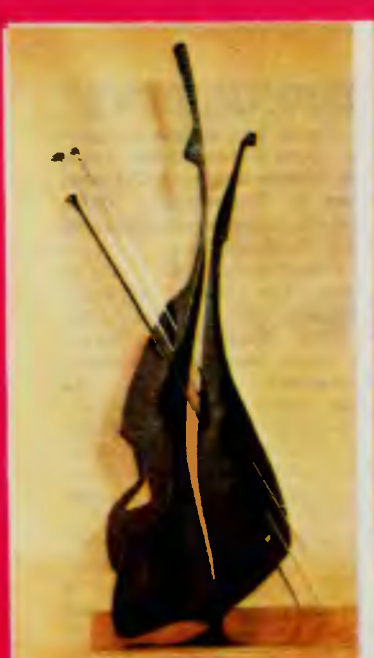
Все изделия братьев Панченко неповторимы, оригинальны. Поэтому неудивительно, что в художественных салонах они не задерживаются.

Как рождаются вещи! Сначала изготовляется эскиз, потом модель из пластилина. Благодаря этому можно увидеть, как изделие будет выглядеть в натуре. И уже после этого модель воплощается в металл.

Гудит горн, звенит наковальня. Чем удивят нас еще братья-кузнецы!

О. САНИНА

На первой странице обложки «Товарища»: первый секретарь Черкасского горкома ЛКСМ Украины, народный депутат СССР С. Червонописский. Его заметки «Не дадим в обиду державу» читайте на стр. 130.



«НЕ ПОГАСНЕТ ОГОНЬ В ГОРНЕ» (материал читайте на стр. 158).
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

Историческое повествование

Продолжение. Начало на стр. 45

Дюбуа прихохотнул и, причмокивая губами, подморгнул русскому офицеру:

— Я бы советовал адмиралу беречь зубы, он может поломать их о Корфу.

Комиссар заливисто расхохотался и встал, потирая руки. Шостак вспыхнул:

— Адмирал имеет десятки побед. Он не проигрывал сражений...

Шабо перебил его и тоже встал:

— Мне жаль, но ему придется прервать этот победоносный ряд, — сдержанно поклонился. — Еще раз выражаю благосклонность к вашим морякам и солдатам и предлагаю вам, дабы избежать того кровопролития, которое так противно вашему адмиралу, покинуть пределы Венецианского залива.

— Передайте это всем, кто послал вас сюда... на примерку, — опять прихохотнул Дюбуа.

Шостак понял, что другого ответа он не дождется, и тоже поклонился.

— Честь имею! К сожалению, я не увезу разумного ответа. Соболезную будущим жертвам. Они падут не по нашей вине.

А за окном разыгралась буря, шквал налетел на остров. Русскую шлюпку, привязанную у причала, бросало по волнам, грозило разбить.

— Капитан-лейтенант! — вдруг дружелюбно обратился к Шостаку Жоаль. — Волна перевернет вашу шлюпку в бухте. Следует переждать, мы приглашаем вас на ужин.

— Да, капитан, смотрите, брызги долетают сюда до третьего этажа. Ваш экипаж мы накормим, шлюпку вытащим пока на берег, — учтиво подтвердил Шабо.

— Благодарю за приглашение! Я готов разделить с вами ужин, господа!

— Вот и прекрасно! — бесцеремонно хлопнул Жоаль Шостака по плечу и без обиды поправил: — У нас говорят друг другу — гражданин, а не господин. Ужин отличный, вот увидите.

— Хорошее вино у чертей было, — докладывал на следующий день Селивачеву Шостак, потирая виски. — Сдаваться не собираются...

НА БАТАРЕЯХ

Всю ночь взлетала из-под лопат каменистая земля на холме у церкви Святого Пантелеймона, скрежетали колеса, слышались натужные голоса. Всю ночь с тревогой вслушивались в этот неразборчивый шум около деревни Беница французские часовые. У церкви что-то творилось...

...Инженер Маркати, бывший до недавнего времени на французской службе, желая доказать свою преданность русскому адмиралу, решил за одну ночь воздвигнуть позиции для батареи. Нет, он знал, что Ушаков приказал не спешить, проводить работы тайно, в ночное время, чтобы не насторожить врага, не вызвать его на схватку раньше времени. Ведь для охраны работ он смог выделить всего 12 солдат да нескольких канониров для установки пушек. Но чего бояться? Почти тысяча крестьян расположилась вокруг холма. Многие вооружены ружьями, правда, старыми, доставшимися от отцов, бывших раньше то моряками, то корсарами. Большинство же просто с кирками и лопатами, которыми они усердно трудились всю ночь. Нет, французы не сунутся, побоятся!..

Вероятно, и не сунулись бы, если бы не заговорила гаубица, не бахнули бы пушки, установленные на новой батарее. Так не терпелось Маркати обозначить свой инженерный успех. Ядро, пущенное из гаубицы, раздробило крепостной зубец, переломило древко с вызовом трепетавшего французского флага и угодило горделивому капралу Директории прямо в голову. С севера, от деревни Мандукио, тоже загромыхало. То подала голос первая батарея союзников, установленная раньше. Генерал Шабо понял: если русские ядра будут носиться над крепостью, выбирая себе жертвы, его солдаты долго не выдержат. Из крепостных ворот, стреляя на ходу, выбегали засидевшиеся в осаде солдаты. Греческие ополченцы стояли кучно, ждали команды, чтобы вступить

в бой. Французские ружья, отличавшиеся дальнобойностью, били точнее. Вот кто-то из ополченцев охнул и зашелся в смертельной дрожи, осел в кровавую лужу второй, ткнулся в терновый куст третий. Одни отступили за скалу, другие в дальний лесок, а третьи дрогнули и побежали, прыгая через камни, рытвины и заграждения, так и не сойдясь в рукопашной. Русские артиллеристы едва успели сделать два выстрела, как их окружили, выбили из рук оружие и, повалив, связали.

Впереди небольшой встревоженной группы пленников вели опутанного веревками Маркати.

— Предатель! — кричал французский офицер, толкая его в спину. — Ты поплатишься за свою измену!

Маркати молился вслух, знал, что в последний раз, ибо французы беспощадны к тем, кто изменяет их флагу...

...Красное обветренное лицо Ушакова исказилось и стало белым. Такое с ним случалось редко. Адмирал бледнел только от сильного гнева. Сейчас он был бледен от этого святого обмана, от восторженной невыдержанности греческого инженера, которая стоила жизни многим и могла сорвать план установки, так необходимой для общей победы батареи.

— Я же сказал! Я же приказал! Не вылезать! Сидеть тайно. Ждать сикурса! — отчитывал он доложившего о захвате фузелеров командира морского батальона Боаселя. Тот даже плечами не пожимал, понимая праведность адмиральского гнева. Ушаков же вдруг сразу остыл, лицо его снова приняло твердое и решительное выражение.

— Давай сигналы нашим на Мандукио. Французы поощрение получили, ободрились. Им захочется и там победу одержать. А две таких победы равны хорошему отряду подкрепления. Отбить надо у них охоту к вылазкам!

Сигнальщики с кораблей подали сигнал тревоги на батарею. С двух суден спустили шлюпки с фузелерами, подготовили адмиралтейский катер.

...Адмирал как в воду глядел. И с севера растворились ворота. Из крепости выскочили всадники. Эти-то откуда? Повалила пехота, нет, не повалила: три стройные колонны стали обтекать холм у Мандукио.

— Одна, две, три, пять... сотен, — считал командовавший десантом подпоручик Чернышев. — ...шесть, семь, восемь, девять... десять...

— ...Не сдюжим, — обронил стоящий рядом солдат.

— ...А чего их считать-то! — громко перебил все шумы ружейного треска капитан Кикин. — Их бить надо! — и пронзительным, слышимым у подножия холма голосом отдал приказ: —

Слуша-ай команду! По неприятелю... Слева и справа огонь беглый! Пали!.. По це-нтру... Пушкам картечью огонь!

Затрещали вразнобой выстрелы. У батареи споро распоряжался лейтенант Гофельд, подгоняющий канониров. Поднесли запалы, раскаливали ядра. Пушки дружно рявкнули, зачастили и фузелеры. Стройно идущие по центру французы смешались, несколько человек упало. Бегущие в деревню слева от холма греческие повстанцы остановились и снова пошли вперед. Сбоку врезались в колонну албанские пехотинцы во главе с отставным русским капитаном Кирко. Справа с криком «Алла! Алла» схватились с французскими солдатами турки. Французам все-таки удалось прорваться к батарее, но русские гренадеры отбросили их штыками. Три раза казалось французским офицерам, что можно посылать донесение об уничтожении батареи и три раза сгоняли их к подножию русские и турки.

Солнце начало уходить за горы, когда капитан Кикин выхватил шпагу и приказал горнисту протрубить сигнал ко всеобщей атаке. Напор десантников был неудержим. Бросая раненых, лошадей, оружие, французы бежали. На батарею истерзанные гренадеры возвращались молча, турки и албанцы переругивались из-за захваченных на поле сумок и оружия. Капитана Кикина на шинели вынесли на холм и положили у пушечной станины. Зажимая рукой рану, он огляделся и захрипел, увидев подпимающегося вместе с морским десантом Ушакова.

— Ну вот и сдюжили, господин вице-адмирал, а теперь и подавно. Вон с вами какой сикурс идет.

— Спасибо, братцы, за службу доблестную. Молодец, Кикин! — Адмирал пожал слабеющую руку капитана. — Нам эту батарею никак нельзя отдать. Без нее никакой виктории здесь у Корфу не одержим.

На холм трусцой поднимались все новые и новые солдаты и моряки. Крепость угрюмо молчала. Батарея наутро заговорила снова. Через несколько дней восстановили батарею и на юге. Шабо впал в уныние, он понимал, что артиллерия флота и батарей смертельна для крепости. Но он, правда, не знал, что у Ушакова не было зарядов.

ОСАДА

Зима 1799 года

Ушаков все туже затягивал петлю вокруг Корфу. Полукольцом расположил корабли, высадил десантные войска на берег, возводил батареи. Знал: не успеет к весне — выскользнут французы. Того хуже — соберутся в Анконе или Бриндичи, несколько тысяч подоспеет из Италии, и тогда неизвестно, кто у кого будет в осаде. Войск не хватало. А ведь нападающих по всем законам военного искусства требуется в несколько раз больше, чем обороняющихся. Число же войск в Корфу, считай, увеличивалось от непробиваемости стен еще вдвое. Перекрыть их можно было только искусно, скорее даже гениально, организовав осаду и штурм.

Днем и ночью искал Ушаков ходы для завершения главной части своей военной экспедиции. Одной из ключевых проблем осады было продовольствие. Ушакова оно беспокоило, вызывало подлинную тревогу. Турки особенно не раздумывали, посылали свои суда и обкладывали продовольственной данью близлежащие территории, а то и просто грабили греческое население. Так делали Наполеон в Египте, австрийцы в Италии, англичане в колониях. Командующий русской эскадрой пойти на это, конечно, не может. Он взывает к Петербургу, Одессе, Константинополю.

Уже в начале ноября бьет во все колокола, не беспокоясь о впечатлении, требуя улучшить снабжение. 10 ноября пишет Томаре: «Провианта весьма мало. Людей-то на корабли взяли «вдобавок» (для осады), а провианта на них не предусмотрели».

Эскадра в ноябре находилась в море более трех месяцев. Сухари уже рассыпались в порошок, солонина начинала портиться. Но и этого, доносит Ушаков, скоро не будет. «Экономией» можно просуществовать не более чем до середины декабря. Турки обещают, но ничего не делают. Возможно, это не злой умысел, а обычная реакция полунезависимых пашей на указы из Константинополя. Они их просто игнорировали.

Командующий встревожен, надо срочно принимать меры, но он не может не согласовать действий с турками. Обращается к Кадыр-бею: немедленно послать курьера к Морейскому паше, ведь тому же предписано Блистательной Портой снабжать их. Ушаков все разведал и знает, что на берегу пасутся стада волов, принадлежащие французам, следует только конфисковать их, забить и отправить на эскадры, Кадыр-бей обещал содействовать. Но наступил декабрь, а дело не сдвинулось. «Провизия... на эскадре... вся без остатка вышла в расход, служители терпят крайнюю нужду и стоит опасность терпеть голод и бедствие от оного». «Последнею экономиею питаются... теперь русские моряки», — мрачно констатирует он в письме к Кадыр-бею. Морейского пашу просит, «где только возможно собирать печеный хлеб, сушить его в сухари и... присылать сюда сколько и самой скорости поспеть можно...» Именем Блистательной Порты и султанского величества Ушаков потребовал «поставить и немало не

умеряя сухарей, булгуру, фасоли, водки или горячее вино, также красное вино и масла... и чтобы тем людей спасли вы от настоящего бедствия, которое есть неминуемо». Зная, что денег у него на расплату нет, говорит с пашой на понятном для того языке: «Кто же в недоставлении по сие время останется винною, Блистательная Порта и его султанское величество непременно сделает строго взыскание жестоким штрафом...»

Адмиралтейство же и подчиненные Мордвинова опять допустили халатность. На прибывших из Ахтияра судах «соленого мяса немало оказалось с червями, гнило и имеет худой и вредный запах», а уксус, будучи не в крепких бочках, дорогою почти половинным числом с вытечкою». Без особого рачения заботилось о моряках российское ведомство.

Ждать обещанного — означало погибать. Ушаков был не из таких. Теребит Кадыр-бея и начинает скупать где можно пшеницу. Приказывает жителям Корфу доставить для продажи мясо и зелень для щей. Обращается к Орио, главе местной администрации, чтобы островитяне взяли временно корабли, которые их охраняют, на свой кошт. Оплатить пообещал за счет Порты. Опасное, несогласованное решение принимал вице-адмирал. Ибо оплатит ли Порта его расходы, согласятся ли в Константинополе и Петербурге? Опасное для себя, но необходимое. Понимал, что моряка и солдата надо кормить. Не пренебрегал этим, не давал на откуп, занимался сам. Ходил в матросский камбуз, пробовал кашу, давал выволочку, если готовили невкусно. Страдал, если порция уменьшалась. Морякам такая забота была по душе, передавали друг другу: «Наш-то адмирал опять матросскую порцию отведал». К середине декабря Ушаков заболел от «тревожных мыслей и отсутствия продовольствия». Заболел, но не слег, продолжая придумывать ходы, чтобы накормить русских моряков, сохраняя эскадру боеспособной.

КЛЮЧ ОТ КРЕПОСТИ

Ветер хлестанул брызгами по палубе, забрался в рукава, захлопал углами парусов. Шлюпка, подходившая к «Святому Павлу», подскакивала на водяных гребнях, как щепочка, да и корабль, тяжело вздыхая, все сильнее раскачивался от мощных шлепков волн, то обнажая обшивку на макушке очередного вала, то запахиваясь в жабо пены.

Турок еле поднялся на борт, поддерживаемый матросами, и, приложив руки к груди, склонил голову перед, казалось, приросшим к палубе русским адмиралом. Не выдержал, подбежал к краю и опростался, вытерся халатом.

— Бывает, — добродушно успокоил Ушаков. — Волнушка разыгралась. Мутит. Прошу в каюту.

Гасан-эфенди, покачиваясь, спустился вниз. Ушаков степенно сошел за ним, пригласил садиться, выпить чаю. Гасан-эфенди с отвращением взглянул на угощение и стал торопливо излагать приветствия от имени Али-паши. Кадыр-бей, как всегда, оставался якобы безразличен к разговорам, прикрыл глаза. Ушаков знал эту его привычку скрывать интерес, придремывать, обдумывая сказанное.

— Хорошо, что Али-паша нам добрые слова шлет, еще лучше, если проявит внимание к просьбам нашим.

Гасан-эфенди закивал головой, с полным согласием глядя на адмиралов.

— Да, да! Верный слуга султана, Али-паша Тепелена, весь в заботах об оказании помощи доблестным союзникам.

— Каким?

— Что? — не расслышал Гасан-эфенди.

— Кому думает оказать помощь ваш паша? С кем хочет союзничать? Неужели он думает, будто мы не знаем о его переговорах с французами?

Гасан-эфенди укоризненно посмотрел на русского командующего.

— Мой господин чист и безупречен не только перед вами, султаном, но и перед Аллахом, не совершив ни предательства, не допустив даже помыслов о сотрудничестве с богомерзкими врагами всемилостивейших наших правителей — султана и императора.

Ушаков задышал прерывисто, встал, подошел к Кадыр-бею, коснулся плеча того и взглянул вопросительно. Кадыр-бей кивнул головой. Из шкатулки, что стояла на маленьком столике, растрепанными чайками полетели листки бумаги. Ушаков бросил их перед Гасан-эфенди.

— А это что? Чья подпись? Чья рука? Или вы думаете, мы не знаем подпись Али?

Посланник только раз бросил взор на письма и все понял. Да, это были письма самого Тепелены. Те письма, которые слал он командиру гарнизона Шабо осенью и где безбожно льстил французскому генералу, обещая союз, провиант и расположение за то, чтобы солдаты Директории стойко обороняли крепость от русской эскадры. Гасан-эфенди понял — попался. Сейчас же вознес руки в молении, придумывая, как лучше вывернуться, еще раз зыркнул на Ушакова и, склонившись в поклоне, запричитал:

— Знаменитый между князьями Мессийского народа, высокопочтенный между вельможами нации христианской, славнейший адмирал в Европе, знаменитый ревнователь к службе, превосходительный командующий наш! Не почти сии письма за истину, то просто прием обмана.

Ушаков не уразумел сразу, что Гасан обращался к нему, а когда понял — махнул рукой, перебил:

— Хватит! Ждем сына паши с войском. Продовольствие ждем. И козни пусть бросит. Ведь в наших руках сила отменная. — Ушаков дал понять, что разговор окончен.

Гасану-эфенди в туманную мглу идти не хотелось, но и оставаться перед грозным Ушак-пашой было страшно. Он поднялся, закивал и двинулся к двери задом, бормоча слова прощания.

— Да не бойся! Иди нормально, но Али передай: веры больше нет, если подведет.

— Славный и достопочтенный друг мой, — сбросил с себя сонливость Кадыр-бей, — должны вы знать: Али-паша один из своевольнейших пашей в Османской империи, мало повинующихся Порте. И оная в отношении его твердости не проявляет, как с другими своевольниками. Они в Константинополе на свои предписания не надеются и вам отдают право решать с ним все дела и вести их твердой рукой.

— Да права-то отдают, а мне бы лучше сухарей побольше и войско для осады. Я ведь здесь не хозяин — гость. А меня все кулаком заставляют стучать. А мне кулак-то для боя нужен. Собираю всю эскадру воедино, албанцев сколько можно на остров высаживаю. Пушки на остров свожу, две батареи на носу Шабо поставил. Но мало сего. Ведь послан я с кораблями воевать против флота неприятельского, а не крепостей. Сейчас же надо крепость взять. А где главный удар нанести? — Походил, пососал трубку и остановился перед картой, на которой вокруг острова была обозначена цепь русских и турецких кораблей. Блокада объявлена. Но как сломить осажденных? — Думаю, прежде остров Видео брать надо, — задумчиво сказал он и обернулся к Кадыр-бею. Тот не понял, взглянул на переводчика. Но и переводчик не понял, вопросительно согнулся к Ушакову.

— Предлагаю пройти мимо Видео. Там ключ от крепости... Найдем...

Задумано — сделано.

Несколько раз на флагмане и адмиральском катере прошел мимо каменистого задиристого Видео. Глаз подзорной трубы скользил по его скалистым бухтам, ощупывал выступы, скакал по вершинам. Морской служитель держал карту перед Ушаковым, а тот сверял все пометки, уточнял изгибы бухточек, отмечал места,

где чернели темнотой жерла батареи. Нанес четыре, потом в глубине за кустарниками обнаружил пятую. Нет, французы не сидели на острове без дела. С октября рыли траншеи, окружали рвами батареи, прорывали каналы. Массивные деревья, поваленные на склонах, ежом выставили впереди себя сучья, сквозь которые нелегко прорваться. У двух бухт, куда Ушаков замыслил высаживать десант, подозрительными казались торчащие концы каких-то жердей. Ночью послал на шлюпке гардемарина с матросами разведать, не перегородили ли? Шлюпка скользнула в темноту. На палубе зажгли мощные фонари для ориентира. Через два часа гардемарин докладывал:

— Бухта перегорожена сетями и бонами из остатков корабельных мачт и стеньг, связанных друг с дружкой цепями и канатами. Немного в стороне бон нет, но зато в песок зарыли заостренные пали. Одна из них, скрытая в воде, ударила шлюпку. Два матроса упали в воду, сломали весло. Задумали они тут хитроумную заманку, чтобы шлюпки десантные на них напоролись и дальше не прошли.

— Молодец, гардемарин! — похвалил Ушаков, наклонившись над картой. — Мы сие тоже пометим.

К началу февраля он знал Видео не хуже, чем Ахтияр и все Крымское побережье. Оступиться не мог, не имел права. Должен был действовать тут безошибочно. Предстоял штурм, и он понимал, что, не взяв Видео, не покорит Корфу.

НАКАНУНЕ

Французские подзорные трубы были постоянно нацелены на русские корабли. Дорого бы заплатили главный комиссар Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, чтобы узнать, о чем совещается со своими и турецкими капитанами адмирал Ушаков. Все могло быть. Он мог, наконец, понять, что крепости Корфу неприступны, и снять бессмысленную осаду. Он мог бы повести и какой-то торг с ними о почетном завершении операции. В гарнизоне же все больше чувствовалась тревога и неуверенность. Ушаков ведь мог решиться и на штурм. Но, черт побери, наверное, и чудаку понятно, что крепости флотом не берутся. А Видео и мощные крепостные батареи расстреляют приблизившиеся к суше корабли. Правда, в этом французские командиры убеждали себя без прежней уверенности. О чем же помышляет этот упрямый русский адмирал?

Ушаков же давно все продумал. Сегодня он отдал приказ.

На корабль прибыли все капитаны. Первым поднялся Пустош-

кин, быстро проследовал в адмиральскую каюту. Зашел, протянул руки.

— Ну, Федор Федорович, здравствуй. Все верно и точно! Вчера со своим капитаном разбирал твои предписания. Места сомнениям нету. Все выверено. В бой пора.

— Не спеши, Павел Васильевич. Я вот вчера проехал по батареям, а там зарядов — кот наплакал. Если будем три дня возиться, они и выдохнутся. Тогда их голыми руками бери.

— Ну, Федор Федорович, мы быстрее управимся. А голыми руками им батареи ни в жисть не взять, там один Кикин полк расшибет.

— Да, славный воин. Вчера показал, где подкопы делает, где фугас заложил. Они там шуму натворят, а нам надо Видео брать в это время. Назначаю тебя командиром авангардии.

Ушаков еще раз задумчиво посмотрел на карту и приказал дежурному офицеру пригласить капитанов в каюту.

Шум быстро затих. Все понимали: адмирал сегодня скажет главное. Его славные капитаны, турецкие союзники, греческие вожаки, командиры батарей и штурмовых групп замерли. Адмирал как бы отделился от всех, встал и четко зачитал:

— При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часу, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видео; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных господам командующим...

Все командиры склонились над планами. Вырисовывалась картина, как пойдет в бой «Казанская богородица» к первой батарее и ударит по ней всеми своими орудиями, как поддержит ее турецкий «Херим капитан» и «Св. Николай», как должны они потопить малые суда в бухтах, разбить укрепления, подавить неприятеля и тоже стать на якоря в предназначенных им местах. И дальше предписано было каждому место и действие: стрелять по батареям во все потребные места, стать на якоря, очистить места для десанта и по приказу гребным судам везти на высадку солдат.

— Не все вдруг! Не все суда посылайте. Пусть не теснятся, не попадают под ядра. А вашему десанту, господа Скипор и Боасель, побольше лестниц и досок тащить, перебрасывать их и мостки творить через рвы для атаки.

По десятку раз проводили пальцами капитаны по адмиральской карте, сверяли со своей, изучали диспозицию, вымеряли расстояния от батареи к батарее, которые Ушаков знал до метра.

— Ну вот, теперь все вам ведомо. Прошу сказать слово. Можем мы завтра штурмовать или еще пережидать будем?

Стало тихо. Вроде и ясно, что штурм завтра, но прямой вопрос командующего заставил всех еще раз задуматься. Все ли готово? Все ли понятно? Все ли исполнят свой долг до конца? Надежны ли союзники? Было тихо и тревожно. Встал капитан-лейтенант Шостак.

— Мы предлагали французам: дабы избежать ненужного кровопролития, крепость сдать. Они в гордыне и в надежде на вызволение отвергли человеколюбивые предложения. За сие наказание получить должны. Все в плане разработано до мельчайших подробиц. Сейчас нам самим команды привести в порядок, сообразный предписанию, надо. К утру к бою готовы будем и мы. Веди нас к победе, славный адмирал наш Федор Федорович!

Все задвигались, поддержали в голос: «Правильно!», «Добро!», «Все готовы!», «Ждем сигнала!» Сказали и его капитаны, и греческие командиры. Турки молчали. Поглядывали на Кадыр-бея. Тот вздохнул и готов был начать, но вскочил Шеремет-бей и развел руками:

— Я не знаю, как достопочтенный адмирал думает взять саму крепость Корфу. Пусть даже, истратив боевой запал, он возьмет Видео. Но как взять бастионы и башни, как вскарабкаться на стены? Наши матросы еще не научились летать, чтобы вспорхнуть на стены с кораблей. А с суши вряд ли можно с нашими силами штурмовать неприступные стены. Надо продолжать осаду, пока не придут наши союзники — англичане. Мы в Турции знаем, что камень деревом не прошибешь!

Ушаков помрачнел, этого препятствия он не ожидал и перевел взор на Кадыр-бея: клялся ведь, что будет вместе в самых тяжких боях. Турецкий адмирал отвел взор, посмотрел на Шеремет-бея и вдруг, словно решившись на что-то важное, с необычной для себя легкостью встал и сказал:

— Предприятие сие кровавое и опасное. Однако мы знаем, удача всегда сопутствует нашему доблестному другу, адмиралу Ушак-паше. Отдадимся же без оглядки под его командование. И да сбудется воля Аллаха!

Турецкие капитаны склонили головы в согласии. Шеремет-бей смотрел в сторону.

Ушаков вышел из-за стола, оперся о спинку стула. Его торжественный голос наполнил каюту:

— Мои боевые други, адмиралы, капитаны, доблестные союзники, командиры греческих ополченцев. Настал час! Завтра корабли и войска штурмуют бастионы крепости. Предстоит беспримерная морская операция. Флотом своим мы обязаны взять крепость приморскую. Войне сухопутной помочь должны.

Федор Федорович шагнул вперед, медленно оглядел сидящих и твердо закончил:

— Прошу именем Отечества нашего, императорской и султанской волей, для принесения многострадальным сим островам освобождения — явить завтра доблесть и мужество. Не жалеть живота своего, но понапрасну людей не губить. Не безрассудство надобно, а малокровный успех. Виктория принесет нам славу, чины и ордена и скорое возвращение домой. Завтра по установлению ветра подниму на «Святом Павле» флаг, что будет означать: «Всей эскадре приготовиться к атаке острова Видео». Сигнал к общей атаке — два пушечных выстрела. С богом, друзья! И будет завтрашний день вратами к славе и доблести многих. До свидания в крепости!

ШТУРМ

18 февраля 1799 года

Все явственнее становилось — надобно предпринимать штурм крепости. Иначе вся операция закончится крахом. «...Ежли мы не успеем скоро взять Корфу, также должно худых последствий ожидать, — пишет 27 января с корабля «Св. Павел» Ушаков Томаре. — Италия теперь в худом и сомнительном положении, ежли французы осилят неапольское владение, приблизятся к здешним краям к Бриндичам по тракту и когда застанут нас, атакующих Корфу при высадке с кораблей наших многих людей на берег, буде мы не обезопасим весь остров кругом от десанта, а буде они как-нибудь прорвавшись к острову, в том или другом месте высадят десант на берег тысяч пять или шесть, то могут оные прорваться к крепости и тогда взять ее будет не можно».

К середине февраля Ушаков сделал все возможное для штурма: собрал сколько мог турецких и албанских войск на Корфу, сберег имеющиеся заряды для артиллерии, провел необходимую разведку, отработал сигналы, взаимодействие кораблей, артиллерии, пехоты. Умельцы-плотники сбили лестницы, подготовили щиты и доски. Много дней изучались подступы к крепости, побережье острова Видео, готовились подкопы и минные взрывы. В крепости росла тревога: пугала неизвестность, ибо ни один корабль противника в феврале в Корфу не прорвался. Но о капитуляции там не думали. Ушаков принимает решение — штурм.

...15 и 16 февраля необычно оживленно было на флагмане русской эскадры «Св. Павел». К его борту непрерывно приставали шлюпки с офицерами от каждого корабля. Не успевали они отойти, как подходили другие со штурманами этих же кораблей.

Утром 17-го сам командующий эскадрой отбыл на остров, объехал батарею, совещался там «в виду крепости» с командирами десантной команды капитанами Дмитриевым и Кикиным, артиллерийским капитаном Юхариным, приглашал вожака повстанцев графа Булгариса и предводителей албанских и турецких войск Ибрагима-паши и Али-паши. Вернувшись на корабль, до глубокой ночи разбирал он с офицерами маневр каждого корабля и отпустил их на заре с приказом капитанам кораблей, артиллерийским командирам, штурманам прибыть к 10 утра на флагман. Совет провел быстро, все было уже обсуждено, согласовали действия с Кадыр-беем и всеми турецкими кораблями.

Наступила тревожная ночь 18 февраля. Как записано в шканечном журнале корабля «Св. Павел», в час ночи — «ветер тихий, временно с нахождением шквалов», в пять утра — «ветер тихий, небо облачно, изредка блестящие звезды». «Их расположение благоприятно для вас», — мог бы сказать Ушакову посланник Томара, любивший гадать. Но не на звезды надеялся Ушаков, не зыбкое их мерцание порождало уверенность адмирала. Он уверен был в русском моряке, в опытности своих командиров, в их боевом умении, в четком и продуманном до мелочей плане военных действий.

В шесть утра взошло солнце. Как обычно, его приветствовал пушечный выстрел, в 6 часов 15 минут затрепетали флаг и гюйс. На всей эскадре прошло заметное шевеление. В 6.30 сигнал повторился. Один за одним поднимали якоря русские и турецкие корабли. Сигнал и два пушечных выстрела вызвали канонаду южной и северной батарей.

Да, так начался победоносный штурм Корфу, так началась одна из самых знаменитых баталий Российского флота. Вначале вперед выдвинулись фрегаты «Казанская Богородица», «Св. Николай» и «Григорий Великая Армении» в сопровождении турецких кораблей. 130 сигналов с адмиральского корабля отличались лаконизмом и четкостью. Их значение было расписано заранее.

...атаковать первую батарею острова Видео...

...сбить пушки и отогнать людей от пушек...

...атаковать вторую батарею... сбить пушки... отогнать людей от пушек...

...поднять всей эскадре марс-реи...

...идти всем своим курсом...

...атаковать третью батарею...

...встать на якоря и бить по батареям...

Видео кипел как в котле. Русские корабли выстроились полу-

кружьем, развернулись пушечными бортами к берегу и опоясались вспышками. Ядра огненными стрелами проносились в ту и другую сторону... снесло земляное укрытие у второй батареи... перевернуло пушку на третьей... картечью скосило десять стрелков на вершине холма.

...Содрогнулся «Святой Николай», полетели щепки от грот-марса-рей... раскололась лодка с десантными орудиями... пошли на дно пушки, банники, пыжевики, пороховые картузы... отстегивая портупеи, сбрасывали подсумки, вырывались из водяного плена солдаты десанта.

Бой разгорался, но вот что-то в нем изменилось. Ушаков почувствовал: вторая и третья батареи стреляют вразнобой и реже. Отдал сигнал:

— Всей эскадре вести десант между второй и третьей батареями...

Через несколько минут отдал второй:

— Эскадре вести десант между третьей и четвертой батареями...

Французы, загнанные на середину острова, спасаясь от турок, бежали к русскому флагу. И было от чего. За голову француза турецкие командиры выдавали несколько золотых монет. Немало для горца из бедного селения, да и для регулярного солдата вполне прилично. Все деньги раздали им русские офицеры, да и солдаты выскребли карманы, спасая от усечения головы бывших врагов. Генерал Пиврон, что командовал уже сдавшимся гарнизоном, озирался на кровавое пиршество войны. Его самого только что вытащили из бочки, куда он спрятался от турецких ятаганов...

— ...Кейзер-флаг на первой батарее! Видео наш!

Ушаков кивнул и повернулся в другую сторону, там, на «Богоявлении господнем», приходилось тяжко. Он сражался с «Леандром» и фрегатом «Струне», не пускал подкрепление на Видео, бил по крепостным пушкам.

В крепости же не знали, откуда ждать основной десантный удар. Оттуда, снизу, от батарей, или отсюда, из трюмов кораблей, что добивали Видео. Солдаты вели стрельбу на севере, на юге, здесь у моря и, казалось, уже вся крепость в огне и опасности.

К вечеру стало тише. С кораблей на «Св. Павел» прибыли с донесением посыльные, получили новые задания от Ушакова. С зарей предстояла атака...

...Но она не состоялась. В восемь утра в заливе перед Видео показалась шлюпка под андреевским флагом и флагом французского командующего. Адъютант вручил письмо Ушакову, подписанное Дюбуа и Шабо.

«Господин адмирал! Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат в борьбе за обладание Корфу. Вследствие этого мы предлагаем вам перемирие на срок, который вы найдете нужным для установления сдачи этой крепости. Мы предлагаем вам сообщить нам ваши намерения по этому поводу, чтобы прекратить пролитие крови. Если вы желаете, мы намерены сделать, если вы не предпочтете предъявить нам ваши. Дивизионный генерал Главный комиссар Дюбуа, Главнокомандующий французскими силами Шабо».

Ушаков задержал посыльных, послал шлюпку за Кадыр-беем и положил сроку для капитуляции 24 часа.

20 февраля на корабле «Св. Павел» вице-адмирал Ушаков, капитан Кадыр-бей, Главный комиссар исполнительной Директории Французской республики Дюбуа, дивизионный генерал Шабо подписали статьи о сдаче крепости.

Над крепостной башней были подняты русский и турецкий флаги.

ЗА СТОЛОМ ПОБЕДИТЕЛЯ

Ушаков попросил всех своих капитанов «помести по сусекам». Пригласил на прием Дюбуа и Шабо. Не хотелось в грязь лицом перед побежденными ударить. Ненависть и злость господствовали в его душе во время осады, а сейчас проявились добродушие и мягкосердие: сдались все-таки. Ставил себя на их место и отвечал твердо: «Нет, я бы не сдался». Но почему? Ведь безнадежно губить людей бесчеловечно. Он военный и знает, что потери неизбежны. Его дело воевать. Но воевать разумно. Нет, он не сдался бы, потому что не допустил бы взятия Видео, сбил бы батареи у Мандукии и святого Пантелеймона, не обозлил бы жителей налогами, притеснениями, грабежами. И дождался бы помощи извне.

Рассмеялся. Каков? Мыслит за французов. А они-то что сами думали? Вот и попытаем.

Французы прибыли точно вовремя, Дюбуа зашел первым и живо, обращаясь к Шостаку, который сразу переводил, прожурчал:

— Точность — вежливость королей, поскольку у нас королей нет, то наш генерал, — махнул в сторону Шабо, — считает точность обязательной для людей военных. Я с ним согласен.

Шабо хмуро взглянул на Дюбуа, кивнул Ушакову и добавил:

— Тем более это обязательное правило для побежденного.

— Ну, господа, — перебил их Ушаков. — Давайте забудем о предыдущих ролях. Та пиеса завершилась. Сегодня встречаются коллеги, кои могут отвлечься от драматической постановки.

— Однако же, адмирал, разница в том, — перебил решительно Шабо, — что постановщиком этой пьесы были вы.

— Разница в другом, — строго добавил Ушаков, — погибло немало людей, которые могли остаться живыми.

— Не хотите ли вы сказать, — с вызовом спросил Дюбуа, — что нам не следовало сражаться, адмирал? Ведь мы же дали присягу.

— Нет, я хочу сказать: вам следовало бы сдаться раньше. Ведь приезжал же Шостак еще в октябре... А впрочем, давайте пообедаем.

Ушаков пригласил гостеприимным жестом за стол. Дюбуа не заставил себя ждать и, воссевши на стуле, прицениваюце оглядел закуски. Ушаков поднял бокал.

— Выпьем, господа, за ваших родных и близких, которые ждут вашего возвращения и будут рады видеть вас живыми, ибо жребий войны коварен и мог выбросить любые кости каждому из нас.

Французы молча выпили.

— Недурное вино. Русское? — поинтересовался Дюбуа.

— Нет. У нас, пожалуй, нет хороших вин. А горячее вино пришло к нам из Пруссии. Эта прусская водка — вещь тяжелая. Я бы вас медовухой угостил, но здесь меду не достанешь. А французские вина лучше этого?

— О! — закатил глаза Дюбуа. — Прелестнее могут быть только молодые блондинки из Гавра. — Комиссар захохотал, довольный своей шуткой. — Хотя, — поднял он палец, — некоторые уверяют, что старые вина лучше, но я думаю, что вино должно быть не старше женщин. Те, кто думает, что вино пятидесятилетнее лучше вина двадцатилетнего, ошибаются. Вино хорошо в том возрасте, когда хороша женщина, — тоном знатока продолжал Дюбуа. — Дальше оно становится безвкусным, выцветшим, без букета, дряблым, с густым осадком — так же, как и женщина.

Ушаков несколько опешил от таких глубоких познаний комиссара, перевел глаза на Шабо и спросил:

— Скажите, генерал, сколько вы еще могли продержаться. И если не секрет, в чем увидели основную опасность для себя?

— Какой тут секрет! Вы сами все это знаете. Во-первых, ваша морская блокада. Она была непроницаема, и это породило в гарнизоне неуверенность и даже страх. Во-вторых, вы правильно поняли, что Видео — наша главная защита. Взяв его, вы могли свободно расстрелять нас артиллерией морских кораблей. И третье — суша. Вы создали там ад для нас. Повстанцы, албанцы, батареи. Вы великий флотоводец и стратег, адмирал. За ваше здоровье!

— Я охотно присоединяюсь к словам генерала и сделал бы это еще с большим удовольствием, если бы в роли победителей выступали мы. Но судьба благосклонно улыбнулась вам, адмирал! За вас это шампанское. — Дюбуа опорожнил бокал и хитро сверкнул глазами: — Но вот в деле шампанского Франция непобедима. Вы знаете, что еще римские императоры ценили лозу и вина наших земель. Потом божьи слуги — епископы, прелаты и монахи — продолжили виноделие, спасибо им за это. Особо отличился монах Периньон, которому мы обязаны вот этими пузырьками. В 1670 году он не так закупорил бутылки, и мы имеем с тех пор «шипучее». Он же открыл и то, что из разных лоз можно добывать разное по вкусу вино. Периньон ослеп, но до конца дней своих оставался хранителем подвалов братства святого Петра. Секреты он передал своему помощнику — монаху Рюинару. Сия фирма, хотя и была потрепана в дни революции, существует и по сей день. Не хотели бы вы, адмирал, стать виноделом? — Видя, что Ушаков недоуменно пожал плечами, разочарованно закончил: — А жаль, мы бы с вами организовали великолепную компанию по сбыту вин в Америке и России.

Федор Федорович развел руками:

— Торговец из меня плохой. Я до конца дней своих флотом буду заниматься, — и засмеялся, — вот монахом разве, на склоне лет, может, и заделаюсь. Птиц послушаю в саду. Я ведь не слышал птиц-то с детства, считай.

Когда Шостак перевел ответ, Шабо посмотрел на него с удивлением. Этот русский адмирал становился все более и более симпатичен ему. Он, наверное, и сам не предполагает, сколь блестящую победу одержал.

— Адмирал учел, по-видимому, наш горький урок при осаде Гибралтара вместе с испанцами еще в 1779 и 1783 году. Он бывал там...

— Да, я слышал пушки Гибралтара. Вначале хотел даже соорудить плавучие батареи, как это пытался адмирал Морено, но их опыт, как вы помните, был печален: они сгорели и потонули на виду англичан. Поэтому роль плавучих батарей я отвел кораблям.

Шабо принял как должное познания русского флотоводца. Но в глубине души он поражался тому, как бывалый русский

моряк отверг укоренившуюся теорию о том, что флот с моря может лишь блокировать приморские крепости. Шабо и сам до сих пор находился в плену узких известных всем морским и сухопутным командирам взглядов.

— Знаете, адмирал, республиканский флот и гвардейцы не раз штурмовали крепости. Но им редко удавалось справиться с ними. Вы слышали о блокаде крепости Кальяри на Сардинии?

— Да, помню: она окончилась неудачно в 1793 году, хотя там высадили на остров такой же десант, как и мы.

— Не такой, а больше. Всего пять тысяч человек. Флот-то наш действовал там хорошо, но подкачали марсельские волонтеры, они запаниковали и потребовали отправить их во Францию. Да вдобавок шторм, и чуть все не накормили рыб.

— Что же произошло? — поинтересовался Ушаков. Его глубоко интересовали уроки побед и поражений флота. Да и знал он, что предстоит еще не раз штурмовать приморские крепости.

— Я не был там. Но, говорят, что стоял неудачный месяц. Февраль.

Ушаков усмехнулся, и Шабо понял, что это неубедительно.

— Ну еще отсутствовало согласие между адмиралом Трюге и сухопутными командирами. Дисциплина в войсках и экипажах ослабла. Все разболтались. Был период до революции, когда наши офицеры благодаря «чрезмерному» образованию чересчур пропитались ходячими теориями, для них солдат ничего не значил. Сейчас же, к сожалению, наоборот, офицер не знает ни теории, ни тактики.

Дюбуа нерешительно возразил:

— Однако с солдатами и матросами стали обходиться человечнее, во флот пришло немало людей смелых.

— Да, они смелы, но неопытны и необразованны. Система разрушается быстро, но восстанавливается долго. Наши революционеры у отличной организации флота, которую продумал Кольбер, заимствовали только те положения, которые достойны сожаления. Это ниспровержение истинных правил иерархии, смешение военного флота с коммерческим, уход военных элементов из портов, невежество вместо знания. Никто уже больше не слушает морских офицеров, чиновников, инженеров. А ведь должна же поддерживаться дисциплина! — неожиданно обратился Шабо к Ушакову.

Русский адмирал с интересом слушал о том, что происходило во французском флоте. Переспрашивал Шостака. Попросил сменить блюда и принести сладости, шербет, кофе. Закончив распоряжаться, ответил на вопрос:

— Без дисциплины побед не добиться. Но с солдатами и матросами звереть негоже. От их духа и бодрости, от доброты к ним победа тоже зависит. Да еще от умения командирского, от снабжения, от ветров попутных, от кораблей хороших, от пушек скорострельных, от умения, от храбрости. Да мало ли от чего. Все это, правда, в один узел редко стягивается. Так вот и зависит все от матроса до командира, от командира до матроса... Ну ладно об этом. Как мы условились в соглашении, вы, Дюбуа, едете в Тулон, и мы даем вам двадцатипушечник, а вот Шабо в Анкону. Не так ли? Какие просьбы? У вас, Дюбуа?

— Я хотел бы взять с собой мебель, изготовленную венецианцами.

— Хорошо, если это не чужая собственность. А вы, Шабо?

— А я хотел бы иметь на память от победителя небольшую памятную вещь. Не откажите в любезности.

— Ну что вы, генерал. Я рад был с вами познакомиться здесь, за чашкой кофе, больше, чем у крепостных стен. Но если вы серьезно, то вот держите эту вещицу. — И Ушаков протянул Шабо табакерку. — Давайте больше не встречаться в боях. До свидания.

АМНИСТИЯ

...Дни после падения Корфу летели еще быстрее, чем до штурма. Каждый день приносил адмиралу заботы, хлопоты и опасности. Сегодня за длинным, потемневшим от времени столом собрались те, с кем он хотел посоветоваться. Решение для себя уже принял, но надо было проверить его на людях, опереться на их мнение, определить угрозы к исполнению. Народ сошелся разный — его соратники, боевые командиры кораблей, руководители греческих повстанцев, высокородные нобили, пылкие второклассные. Тяжело опустил на стол свои мужицкие руки священник Дармарос, ножичком сосредоточенно чистил ногти Граденигос Сикурос ди Силлас, живо жестикулировал Палатинос. Пожалуй, за каждым из них и стояла та сила, мнение которой хотел знать Ушаков.

— Достопочтенные господа! Свершилось событие великое. Корфу, как и все Ионические острова, ныне освобожден эскадрой союзных войск! Волю императора нашего объявляли мы уже не раз, Россия здесь выгод своих не ищет и не претендует на приобретение земель. Но претендует она на то, чтобы восстановить на островах порядок и спокойствие. Было до сего времени здесь немало злоупотреблений и своевольства. Но не все действовали по злому умыслу. Обстоятельства молодых людей ввели в по-

грешность, если сие так назвать можно, но раскаяние их освобождает и делает вновь достойными общества. Я от них соболезную и с удовольствием в погрешностях их прощаю.

Адмирвл обвел взглядом присутствующих. Все напряженно слушали. Дармарос разжал кулаки, Сикурос ди Силлас сложил ножичек и спрятал его в футляр, Палатинос что-то стал записывать на клочке бумаги. Адмирал, чувствуя важность момента, встал и торжественно объявил:

— С сего дня, как и заявляли мы перед низвержением тиранического режима, объявляем амнистию. В прокламации союзнического командования мы призвали прекратить распри, забыть обиды и простить содеянное. Так и написали там: «Люди всех сословий и наций, чтите властное предначертание человечности. Да прекратятся раздоры, да умолкнет дух вендетты, да воцарятся мир, добрый порядок и общее согласие на всем острове». Амнистию таковую мы завтра и объявим на островах!

Адмирал сел. Палатинос захлопал в ладоши: «Мудро! Великодушно!» — выкрикнул он, не дав установиться тишине.

Сикурос ди Силлас выждал паузу и, склонив голову к плечу, медленно растягивая слова, чтобы дать перевести, спросил:

— Значит ли это, что не будут наказаны бунтовщики и мятежники, захватившие земли и имущество почтенных граждан?

Ушаков хладнокровно ответил:

— Подобные дела надо предать забвению и примирить.

Сикурос ди Силлас хотел было возразить, но Ушаков не дал и слова сказать.

— Противу сего я не хочу слушать никаких доводов.

Булгарис, назначенный руководителем, стал решительно поддерживать русского адмирала. Амнистия необходима, говорил он, чтобы не дать рассыпаться лишь только освобожденному обществу. Все осложнилось в этом мире. Для того, чтобы он не рухнул и не погреб под своими обломками всех, нужно простить бунтовавших.

Сикурос ди Силлас снова возразил:

— Прощение — разрешение новых бунтов и беспокойств. Надо посадить бунтующих, зачинщиков расстрелять, а все забранные земли отобрать.

Орио неодобрительно покачал головой. Дармарос поднял руки, как бы сдерживая ненависть и злость, и, обращаясь к Ушакову, уважительно сказал:

— Господин адмирал, великая мудрость движет вами. Кровь породит новую кровь. Наказание — новых обиженных. Островная церковь благословляет вас на сей богоугодный акт.

Ушаков удовлетворенно кивнул и посчитал разговор законченным. Дежурный офицер подошел и что-то тихо доложил ему.

— Пусть заходит. Послушаем на прощание эту просьбу.

В комнату поддерживаемый двумя пожилыми греками вошел древний старец. Он поводил головой по сторонам, нашел сидящего в торце стола Ушакова и упал на колени. Адмирал жестом руки приказал встать.

— Говори!

Старец вытер слезу и четко по-русски сказал:

— Благородный адмирал. Прости моих оболтусов. Закружила им голову французская зараза. Думали, волю Греции несут и пошли вослед им. Сейчас их арестовали. Судить хотят. — Старик горестно вздохнул. — Не враги они нашей единоверной России. Не враги, а глупцы. Помилуй их. Отпусти с богом. Прикажу им, так же как сам, много лет в Черном море служить верой и правдой русскому флагу.

Старец снова упал на колени. Ушаков торопливо вышел из-за стола, поднял его под руки и спросил:

— Как звать-то вас, отче?

— Афанасий! Афоней ваши моряки кликали.

— Вот что! — повернулся к адъютанту. — Передай майору Дандрии! Пусть приведет младых сих карманьолов к присяге, а после того непременно их простить... подобных им сделать свободными, а подобные дела предать забвению и примирить. Ты же, отец, будь спокоен. Был ты честен и долгу своему предан, и мы этого не забудем! Ступай! Все свершится по-доброму!

Старик низко кланялся, отступая, до самой двери, и там, перекрестив адмирала, удалился. Ушаков повернулся к сидящим и тихо сказал:

— С таковыми несчастными, какой сей старец, обще я соболезную об их состоянии... Какова тут может быть кара! Прощать надо. Они нашими самыми большими друзьями станут...

...На островах объявили об амнистии.

ПАРАДОКС КОНЦА XVIII ВЕКА — ИОНИЧЕСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Пороховой дым над крепостью Корфу оседал, четко вырисовывались неприступные доселе бастионы и башни, кое-где зияли бреши, выступали острые каменные обломки зубцов. Однако в целом крепость сильно не пострадала и снова превращалась в неприступную твердыню, но на этот раз уже союзнических войск России и Оттоманской Порты.

А вот вся система управления Ионических островов лежала в развалинах. Многовековая венецианская власть рухнула, новые французские порядки рассыпались. Нобили с облегчением вздохнули. Наконец-то им вернут все их земли, имущество. Они безраздельно будут властвовать в Генеральном совете. Только родовитость и знатность дает право на власть, на управление и привилегии. Всех второклассных, простых, «черный» люд надо призвать к порядку, приструнить, наказать, чтобы неповадно было покушаться на чужую собственность и права аристократов. Сомнений в установлении строгих порядков не возникало, ведь эскадра, которая их освободила, послана двумя самыми абсолютными монархами, сохранившими свои привилегии в неприкосновенности от французского республиканства и заразы либерализма.

Все так. Но события на островах разворачивались по-иному. Потому что во главе сил союзников стоял адмирал Федор Ушаков. Не приходится сомневаться в его державных убеждениях, приверженности существующим порядкам. Но не приходится сомневаться и в его аналитическом уме, рассудке, практическом и гибком понимании обстоятельств, способности трезво взвесить общественные и политические факты, сделать самый точный и необходимый вывод из ситуации. На Ионических островах Федор Ушаков предстает перед нами как умный и тонкий политик, как расчетливый управитель, умелый организатор.

Федор Федорович Ушаков, человек слова, при установлении верховной власти Порты в немалой степени тревожился, что «островные греки» посчитали бы его пустословом, «обещалкиным», нарушителем обязательств, данных в «пригласительных письмах». Принципы же свои он ценил высоко: «А я всякое данное мною слово старался сдержать верным, через то и имеют ко мне наилучшую склонность и веру, это мне много помогает в моих деятельностях».

Да, это было кредо Ушакова, тоже делавшее его замечательным человеком.

Трудно отказываются от привилегий в этом мире, мало у кого хватало ума сделать это по своей воле. Лишь буря революции и решительная власть жестоко перекраивают обстоятельства по-своему. Ушаков хотел силой власти подправить несправедливость, очевидную для многих. Избранные объявили войну русскому адмиралу. Он — освободитель Ионических островов, одержавший блистательную победу под Корфу, непререкаемый флотоводческий авторитет — стал ненавистной фигурой для бывших венецианских аристократов, для закостенелых в своих консервативных взглядах подданных Российской империи, ее дипломатических представителей.

...Ушаков решительно отверг тактику репрессий. Нет, он принимал «под защиту» нобилей, распускал после взятия крепостей крестьянские отряды, по настаивал в большинстве случаев на прощении тех, кто громил в свое время нобилей. Более того, он не требовал обязательного возвращения ими земли и имущества, захваченного у нобилей. Хватит, считал он, насилия и крови, нужны мир и согласие. «Мы всех бывших в погрешностях по таковым делам простили и всех островских жителей между собой примирили, потому и имения от них или от родственников их отбирать не надлежит».

* * *

В мае 1799 года на островах состоялись выборы в Сенат, главной задачей которого являлась разработка новой Конституции. И здесь сказалось влияние Ушакова: рядом с нобилями заседали второклассные. Президентом Сената, по рекомендации Ушакова, избрали графа Орио. Любопытно, что граф, католик, чистый венецианец, отнюдь не безупречен в иерархии нобилей. Ушакова, по-видимому, привлекло в нем безоглядное желание служить новой силе, умение приспособить свои аристократические устремления к реальной возможности, а также его дипломатическая гибкость, отсутствие при необходимости «венецианской спеси», желание сотрудничать со второклассными. Такой гибкий политик устраивал Ушакова, да к тому ж тот и сам в прошлом — контр-адмирал венецианского флота. Так что нашлось о чем поговорить, о чем поразмышлять двум морякам, двум капитанам. Правда, макиавеллиевскую школу венецианских политиков, которой в немалой степени следовал Орио, так и не принял русский адмирал, ибо она была противна его существу.

Предварительный план управления освобожденными от французов бывшими венецианскими островами — («План временного правления» — «Временный план об учреждении правления») — новая конституция разрабатывалась при активном участии Орио и, конечно, самого Ушакова.

Временный план ничего не отменил в сословной наследственности, но он поставил убийственный для аристократов вопрос о возможности приобретения дворянства: при большой собствен-

ности и за личные заслуги. То есть отныне законную силу получало «не от бога идущее», не только извечное владение титулом и званием, а и приобретенное, полученное из рук новой республики. Рискованными представлялись последующие вопросы: а что будет дальше? а где граница в овладении правами?

Ушаков вел дело управления мягко, но настойчиво, не допуская несправедливости. Уважительно обращается он в Сенат Ионических островов в Корфу с «Предложением» (вот ведь не приказ, не указ, не требование, а предложение): «Прошение сие препровождаю я в Сенат Ионических островов и предлагаю оному повелеть капитану Герасиму Кут и брату его Паниоту Кут судно просимое монахом Симеоном принадлежащее монастырю — Хилендарской обители возвратить и отдать безпрекословно оному монаху Симеону, ибо он действительно принадлежит той обители, в чем Герасим Кут, будучи у меня на корабле, лично мною спрашиваем и лично в том признал, что действительно судно то принадлежит той обители... и утвердительно обнадежил меня, что оно возвращено ему будет, теперь же оно находится в Ливорно. Почему-то не отдано... прошу приказать безпрекословно просьбу монаха Симеона выполнить и доставить удовлетворение как следует по справедливости, а не принимая какие облыжные отговорки и ябеды напрасные... Адмирал Ушаков» *.

И еще одна из существенных сторон новой конституции. Она ознаменовала собой появление греческой национальной государственности в новое время. Еще ограниченное, еще не полноценное, но самостоятельное, автономное греческое государство, с введением греческого языка порождало рост самосознания у островных греков и всего населения Пелопоннеса.

Нет, не только просветительские западные идеи лежали в основе политики Ушакова. Русская народная практика, народное мировосприятие, матросская взаимовыручка, пробивавшаяся под религиозной оболочкой, и стремление народа к социальной справедливости и лучшему будущему не могли не повлиять на образ мысли и действия близко стоящего к народу русского адмирала. Отсюда проистекают его принципы, его защита «многих», его требования соблюдать «пользу общественную» так, чтобы «народ, многие тысячи» не страдали от «немногих» (нобилей). Он — представитель верхушки власти — отнюдь не потворствовал сословной спеси и социальной нетерпимости аристократов, резко выступал против «венецианской гордости», которую считал отнюдь не национальным свойством. Свою линию он видел в уравновешенности, соблюдении равновесия между нобилями и «многими тысячами». При его терпимости, человечности, стремлении осуществлять власть «без потери людей», великодушии, верности слову — это была безусловно прогрессивная, демократическая политика.

* Этот, а также другие документы обнаружены и взяты автором при поездке на остров Керкира в архивах острова и Сената.

Россия и Греция. Между народами этих стран всегда существовала взаимная симпатия и расположенность. Греческая культура — животворный источник для воссоздания одной из самобытных национальных культур мира. Греческая мифология помогала создавать в XVIII веке образы новых героев: «Россов непобедимых», отверзших врата и окна в Европу, вставших на Балтике и Черном море, на Аляске и Каспии. Русские паломники, останавливаясь на Афонской горе, с горечью и сочувствием оглядывали далекие окрестности некогда светоносной Эллады, находившейся под тираническим гнетом шатающейся, но еще прочной Османской империи. Греция периодически подвергалась опустошительным набегам, из ее вен выкачивались молодость, знание, богатство. Казалось, неотвратимо угасание на этих безрадостных и гибельных дорогах истории, но греческий народ сохранил дух, веру, надежду на будущее возрождение. И его естественным союзником и другом выступала Россия. Но немало значило, конечно, и единоверие, борьба против единого врага. Внешняя политика по отношению к Греции в России только вырабатывалась, и Федор Федорович Ушаков был ее зачинателем. Линия на дружбу, взаимное доверие, уважение мнения народного — разве не дороги эти его принципы и нам сегодня, разве не руководствуемся мы этими драгоценными правилами, утверждавшимися в наших взаимоотношениях и Ф. Ф. Ушаковым.

КОЗНИ ФОРЕСТИ

Форести, многолетний консул англичан, снова ревностно заработал на Ионических островах. Его преданность далекой Англии завоевала известность. Правда, никто не искушал ее (преданность) более высокой платой. Французы просто изгнали его, австрийцам было не до его связей, турки решали эти вопросы обычно лезвием ятагана, Ушаков же, блюдя союзнические обязательства, крепость веры консула на блеск золота не пробовал. А зря. Золото Форести любил и многое сделал бы за него. Ушаков же золота на подкуп не имел и как бы не замечал Форести. И опять зря, ибо такие люди пренебрежения и даже безразличия не прощают. Форести верно служил Англии и добросовестно насаждал на островах английскую агентуру, а еще стремился досадить этому большому русскому адмиралу. Распускал

о нем слухи, поддерживал ревность у Горацио Нельсона, извращал намерения русского адмирала. Да знал ли он их? Почти не знал, ибо сам пользовался доносами своих агентов, а Ушакова смертельно боялся. Ненавидел и боялся. Форести нередко появлялся на турецких кораблях. Его любимыми собеседниками были Махмуд Раис-эфенди и Шеремет-бей. В разговорах с ними он не щадил русских союзников. С Раис-эфенди они отводили душу, говоря по-английски, вспоминали лондонский стиль жизни, увеселения. Шеремет-бею Форести расписывал высокие качества адмирала Нельсона, его преданность устоям, аристократическим порядкам. Любимым занятием всех троих было ругать Ушакова. Тут уж смешивались все три стиля: турецких беев, греческих торгашей, английских напыщенных аристократов. «Этот русский медведь (им казалось, что страшнее и безобразнее зверя, чем медведь, нету) опять ругает достойных людей, опять завел дружбу с чернью. Сомнительно как-то, что он принадлежит к вершинам русской власти», — обычно с этого начинал свои нападки на Ушакова Форести.

— Англичане никогда бы не поручили командование такой сложной экспедицией столь низкородному человеку (Махмуд Раис-эфенди вроде бы и забыл, что Нельсон — далеко не родовитый аристократ).

— Он окружил себя смутьянами, заговорщиками, не советуется с союзниками, все решает единолично (Шеремет-бей как бы и не знал, что Ушаков часто приезжает к Кадыр-бею, собирает совместные советы).

Злость и желчь затуманивают рассудок, лишают многих людей объективности и порядочности. А потому ни тем, ни другим в отношениях к Ушакову Форести, Махмуд Раис-эфенди и Шеремет-бей не обладали.

— Думаю, высокочтимый султан Селим III пройдет сквозь все соблазны союзничества с Россией и выйдет на дорогу доброго сотрудничества и дружбы с великой английской державой. Ибо только она может предложить султану и лучшие пушки, и лучшие советы по ведению державных дел.

Форести знал: в султанском серале вели поиск новых решений, которые должны облегчить участь разламывающейся империи. Лишь на пути следования английской традиции, считал он, может укрепиться государственная власть османов. В этом был убежден и Махмуд Раис-эфенди. Шеремет-бей сомневался в том, что на турецкой почве могут привиться европейские порядки. Он не любил этих необрезанных гяуров и только по жесткой необходимости общался с ними. Особенно его раздражал Ушаков. Он раздражал его своими победами, славой, которая сопровождала

адмирала всюду, обожанием, которое выказывали ему греки, своим неторопливым и основательным умом, дружбой с Кадыр-беем, независимостью, которую он, бей, не мог себе позволить. Шеремет-бей видел в англичанах ту силу, с помощью которой можно попридержать размах Ушакова, ограничить его влияние, а на ссоре двух гигантов и выиграть что-нибудь. Посмаковав кофе, он сказал, как всегда, не то, что думал:

— Да, английские порядки достойны подражания. Англия обладает великими полководцами и победоносным флотом. Надеемся, он скоро возьмет крепости Мальты, — Шеремет-бей саркастически улыбнулся, — хотя генерал Бонапарт и адмирал Ушаков провели атаку морских крепостей более стремительно и успешно.

Раис-эфенди не дал докончить мысль, опасаясь обиды английского консула, перебил Шеремета:

— Известно, что они действовали обманом. Бонапарт усыпил мальтийских рыцарей, распространял слух о том, что высадится на Балканах, а Ушаков пользовался английскими советами и спешил взять Корфу без их естественной помощи.

«Отнюдь не так», — подумал про себя Шеремет-бей, но опять вслух сказал другое.

— Конечно, Ушак-паша везде пытается действовать самовластно. Но почему бы, — обратился он к Форести, — и нашим союзникам не отказаться от помощи Ушакова, не атаковать самим Мальту. Зачем адмирал Нельсон шлет письма русским с просьбой послать на Мальту десант. Вы представляете, что там будет, если русский флаг поднимется на крепости Ла Валетты?

Форести занервничал, он и сам опасался этого. Неужели там, в Уайт-холле, и Нельсон не понимают, что русские пользуются популярностью у мальтийских островитян, что их император всерьез себя считает покровителем рыцарей-мальтийцев.

— Надо не допустить восстановления ордена этих придурков, — вслух поразмышлял он. — Вот ведь и ваш султан будет доволен, если их корабли уберут из Средиземного моря.

Раис-эфенди встал и, подражая своим британским друзьям, походил, держась за лацканы мундира.

— Надо сделать все, чтобы русская эскадра не зацепилась за Мальту. И вы, господин консул, доведете до сведения английских высочайших лиц то, что в этом вопросе вы найдете понимание среди турецких военачальников. — Он вопросительно взглянул на Шеремет-бея, но тот опередил его и закрыл глаза, дабы не принимать лишних обязательств. Он знал: и без их согласия Англия не горит желанием делиться плодами победы с русскими. Но победы-то не было. И для нее, пожалуй, англичане могут скрепя сердце пригласить Ушакова в Италию и на Мальту.

— Попробуйте вот это ореховое варенье, — вдруг встрепенулся он, — не кажется ли вам, что скоро его не отведаешь на островах, ибо адмирал Ушаков под корень решил вывести самых крупных земельных владельцев. Его союз со второклассными удручает.

Форести, казалось, только этого и ждал. Из благообразного англичанина, которым ему хотелось себя представить, он превратился сразу в толстого и крикливого греческого торговца. Лицо его пошло пятнами, одна рука задергалась и нервно стала перебирать край сюртука.

— Вы должны знать, что нобили острова недовольны, нет, ненавидят Ушакова. Он сотворил заговор с целью их уничтожения, а теперь... — Форести приглушил голос и, склонившись к Шеремет-бею, произнес по-турецки: — Он решил организовать с помощью второклассных переворот и выступление против турецкого гарнизона. Турков вырежут. Он заявит, что надо вывести турецкие гарнизоны, и станет единовластно править на островах.

Махмуд Раис-эфенди с полным согласием кивал головой, а Шеремет-бей, прищурив один глаз, изучающе смотрел на английского посланника. Форести, чувствуя недоверие, заторопился:

— Да, да. Мы имеем сведения из окружения Ушакова. Нам это недешево стоит, но мы знаем все его планы. Думаю, вашему адмиралу Кадыр-бею надо поставить в известность двор султана, надо остановить возвращение к французским порядкам.

Махмуд Раис-эфенди продолжал кивать головой, Шеремет-бей прикрыл глаза.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Александр ИГОШЕВ

СИЛА ЗЕМЛИ

Я помню Магнитку, Урало-Кузбасс,
и серп наш повсюду, и молот,
и Чкалова взлет,
и терзающий нас,
со света сживающий голод.

И нищего труп на снегу ледяной.
Сусек — оголенно-пустынный.
И горек был хлеб
из мякины льняной,
как будто из сечки полынной, —

и той не хватало, не то чтоб муки.
Я видел — такое бывало:
с колхозных амбаров
сбивали замки,
кто встал на пути — убивали.

Застойная сушь ли,
мочливый ли дождь,
другие ль пристигли
нас беды...
В те самые годы
восславил наш вождь
колхозного строя победы.

Я помню, корова слегла средь зимы —
кормилица наша святая.
И в страхе бежали из Вологды мы
в пшеничные степи Алтая.

В те трудные годы,
когда — вот судьба! —
царь-голод пробрался на царство,
кормили
с колхозного тока хлеба
не только свое государство.

Какая могутная сила земли
в крестьянстве таилась с избытком,
коль выжили мы
и одни возвели
Урало-Кузбасс и Магнитку.

Коль дикие орды сумели смести
с земли нашей, мудрой и древней...
Деревня спасла нас.
Неужто спасти
не сможем
всем миром деревни?

КОГДА ГРЕМЯТ АПЛОДИСМЕНТЫ...

Он по-актерски не блистал,
но были у него моменты —
вождь обожал аплодисменты;
и, стоя,
зал рукоплескал.

Но, видно, наша в том вина,
что мы рукоплескали много?
И стала верить,
словно богу,
ему великая страна.

Надежда вся *на одного*
ввела в обман
другого рода:
творцом всех благ,

отцом народа
считали именно его...

Я суеверным становлюсь
теперь
в подобные моменты:
когда гремят аплодисменты,
я культа нового боюсь!

ЯРЛЫКИ

Послышался опять
знакомый голос бойкий:
— Он — враг!
Он смотрит вспять!
Он — против перестройки!

Но это — ей же ей —
уже бывало в силе.
Так на своих друзей
давно ли доносили?

Нужна нам в спорах страсть,
но не в таком пределе.
Привычки этой власть
мы не преодолели.

Есть опыт.
Он таков
по тем больным вопросам:
побойтесь ярлыков,
они — сродни доносам.

ВОПРОС

Гений и злодейство —
Две вещи несовместные.
А. С. Пушкин

Когда он умер,
стар и млад рыдали,
не ведая, что будет впереди.
Его чеканный профиль на медали
мы и поныне носим на груди.

Шли толпы в Мавзолей на поклоненье.
Прилег он в нем, казалось, насовсем.
Был долог путь
от плача до прозренья.
Оно пришло
и ныне не ко всем.

Познанья корень
не всегда и сладок,
не каждому доступен из людей...
Решит ли век
загадку из загадок:
кто был *он* в жизни —
гений иль злодей?

Все жарче споры. Горячее злоба.
И мудро ли,
обычай не щадя,
как дохлого медведя,
по-за гробом
пинать когда-то грозного вождя?

Москва

ПОЭЗИЯ

Николай ШАМСУТДИНОВ

ПО ТУНДРЕ

ВАТТО

Искусствоведу Людмиле Савельевой

Молчит каюр в заиндевевшей
шапке...
И Люда, зябко кутаясь в пальто,
Прижалась к переборке —
В тесной папке
Мерцает ослепительный Ватто.
Горит в иллюминаторе, как в лузе,
Студеная луна, спешит вослед.
С рассказом о прославленном
французе
К монтажникам
Летит искусствовед.
...Аэродром...
Нас в «газик» — и помчали
Скорей в рабочий клуб.
И — вот те на! —
Там пустота,
И в полутемном зале
Застуженная киснет тишина.
Рассказывать кому? —
И виновато
Глядит искусствовед перед собой...
Да погоди грустить! А вдруг ребята
Все еще там, на дальней буровой?
А вдруг, едва ударили морозы,
Пошел буграми на речушке лед,
А тут метель, и снежные заносы —

И в них устав, буксует вездеход.
(Шофер вздыхает за спиной: «Зада-ачка...»)
А может, согревая душу в снах,
Ватто оттерла, ну, к примеру, дачка,
Разбухшая на северных рублях?
Вот так вот, Люда,
И не до искусства...
Не потому ли страшно нам, когда,
Словно озера, усыхают чувства,
И красота уходит, как вода,
Глухой зевотой душу разъедая?..

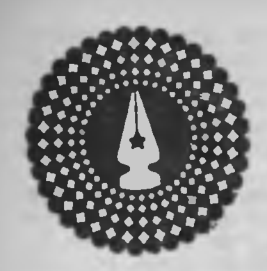
Уже двенадцать бьет.
«Ну, что ж, пора!
Ты как считаешь, Люда?»

«Я?.. Не знаю...
А впрочем, буду ждать... хоть до утра!»

ТЮМЕНЬ — НАДЫМ

Нас полудремой спеленало утро...
Но — взлет, и вот мы по небу плывем.
Путь самолета в облаках, но будто
Он зреньем потаенным наделен.
И, углубясь, как щуп, в слои слепые,
Он к синеве стремится, а пока
Вокруг нас — кочевые, кучевые,
Взбухая, громоздятся облака.
Лишь в синие проталины — их мало! —
Припав к окну, мы видим под собой:
Стежок бегущей мотонарты ало
Сшивает небо с дальнею землей,
Стекают взгорья в емкие низовья,
В студеном забытьи лежит вода,
В снега вмерзают редкие зимовья —
Приземистые, темные гнездовья, —
По тундре мерно тянутся стада.
И, просекая небо, налитое
Тяжелой белизною — в скорость влит —
Сомнений нет: и я — звено живое
В цепи извечной неба и земли...

Сургут



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий МОЛОКАНОВ
кандидат технических наук

ГРАБИТЕЛИ СВОИ И ЧУЖИЕ

«Фактически уже длительное время наша страна стала как бы паразитом мирового прогресса — она усваивает, заимствует его результаты, но сама уже не является техническим участником общемирового технического прогресса» («Век XX и мир», № 1, 1989, с. 20).

Прочитает юноша, вступающий в жизнь, такие обидные слова в современном журнале, и у него может создаться неверное представление о наших возможностях. Непосредственные участники и свидетели технического прогресса 60—70-х годов знают другое. Для них идея преимущества социализма над капитализмом, в особенности при создании новых технических средств, не была лишена смысла. Они знали и гордились тем, что наши самолеты летали дальше всех и выше всех, что в нашей стране создали лучший в мире танк, ошеломили мир фантастическими «катюшами», запустили первый в мире космический корабль. Еще не так давно мы признавали свое отставание разве что в области сервиса, что же касается новых идей и гипотез, оригинальных технических решений, то тут нам всегда было чем гордиться.

И вдруг в эпоху гласности и перестройки — ушат холодной воды на головы пат-

риотов: оказывается, еще с начала семидесятых годов технический прогресс в нашей стране затормозился, а потом и вовсе остановился. И сегодня чуть ли не по всем направлениям мы оказались далеко позади промышленно развитых стран мира. Что же случилось с нашими изобретателями и разработчиками новой техники? Почему они вдруг перестали «выдавать на-гора» крупные технические идеи?

Вот, скажем, одно из основных направлений технического прогресса — поиск полезных ископаемых высокоэффективными геофизическими методами. Еще в двадцатые годы применили эти методы для исследования Курской магнитной аномалии, по праву заняв одно из лидирующих мест в мировой геофизике. Отечественные магнитометры и гравиметры — приборы, без которых немыслим поиск полезных ископаемых, — ничем не уступали лучшим зарубежным образцам. А в области сейсморазведки мы вообще вышли в лидеры: первыми освоили так много говорящие для геофизиков методы отраженных волн, корреляционный метод преломленных волн, разработали один из лучших сейсмоприемников, вполне на мировом уровне освоили серийное производство многоканальных сейсмостанций с осциллографической, а затем и с магнитной записью, лидировали в области применения поперечных волн и комбинированного использования геофизических методов.

А что сегодня? В статье «Хватит колотить куклу», опубликованной в «Литературной газете» в июня 1988 года, рассказывается о порядках на краснодарском заводе «Моргеофизприбор», который входит в головное геофизическое предприятие страны — научно-производственное объединение «Союзморгео». Предприятие выпускает низкокачественную устаревшую сейсморазведочную технику, а добросовестный начальник ОТК, пытающийся поставить заслон бракоделам, третируется и увольняется с работы. Это не единственная критика в адрес «Союзморгео», разбросавшего свои экспедиции по акваториям северных, южных и восточных морей. За последние два-три года в центральной прессе появилось еще с полдюжины подобных статей. Например, в «Правде» (от 22 февраля 1987 года, «Не отрываясь от пляжа»), в «Советской России», в той же «Литературной газете»... Во всех публикациях говорилось о выпуске устарелой техники, всяческих злоупотреблениях и махинациях. Автор упомянутой статьи в «Литературной газете» сетует: руководители НПО позволяют критиковать себя (очевидно, чтобы возмущенные люди могли получить разрядку), но все там остается по-старому. Потому и получила статья такое не совсем обычное название: сколько же можно избивать куклу НПО!

Не реагирующее на критику объединение, сумевшее за какие-то 10—15 лет «разделать под орех» отечественную геофизику, было создано на базе весьма благополучного геофизического НИИ, в котором я работал. Он был организован в начале 60-х годов как Краснодарский филиал ВНИИГеофизики. Филиал создавался главным образом для разработки новой сейсморазведочной техники и до 70-х годов вполне справлялся со своей задачей. Его коллектив (да простит меня читатель за обилие техницизмов, но иначе тут не скажешь) первым в отрасли освоил технику и методику автоматизированного ввода сейсморазведочных данных в ЭВМ, создал первый в стране работоспособный вибросейсмический комплекс для разведки на нефть и газ, подготовил техническую

документацию на выпуск первого сейсмического вибратора, впервые в стране получил сейсмическую информацию кодоимпульсным методом, создав для этой цели оригинальный аппаратурный комплекс... За эти и некоторые другие достижения, значимость которых понятна геофизикам всего мира, филиал неоднократно отмечался в отрасли как один из передовых.

В начале 70-х годов было принято решение реорганизовать филиал в НИИ морской геофизики. Для тех, кто работал тогда там, это было как снег на голову. Ведь сейсмические или электрические поля на суше существенно отличаются от аналогичных полей в море, сейсморазведочная техника для суши — это совсем не то, что техника для моря. Так кардинально перестроить работу взявшего разгон НИИ, было все равно, что круто повернуть мчащийся автомобиль. Все самое ценное, весомое окажется за бортом или испытает разрушительные нагрузки.

А тут пришла мода на научно-производственные объединения. И на институт сначала повесили вывеску «Южморгео», а потом и «Союзморгео». При этом его директора, кандидата технических наук В. И. Прийму, под руководством которого трудился коллектив предыдущие годы, не повысили, а, наоборот, лишили самостоятельности, дав руководителей со стороны. Сначала И. А. Гарkаленко, а с конца 70-х годов генеральным директором стал представитель академической науки, тогдашний кандидат геолого-минералогических наук Янкиф Панхусович Маловицкий, который возглавляет НПО и по сей день.

Ущерб от его и некоторых подчиненных ему руководителей технической политики для геофизической отрасли исчисляется уже, по самым скромным подсчетам, в сотни миллионов рублей, не считая морального ущерба и подрыва авторитета страны. И что самое удивительное — все они как ни в чем не бывало продолжают вести отечественную геофизику к «новым победам» и шутя переносят комариные укусы прессы. Именно это обстоятельство и имел в виду автор статьи «Хватит колотить куклу», когда с горечью писал: «Кто же проявил столь трогательную заботу о людях, разваливших отечественную геофизику, пустивших миллионы рублей на ветер для того, чтобы иметь потом повод заплатить валютой за такую же технику?»

Прочитав такое, невольно задаешься вопросом: кому служит ведомственная бюрократия? Ну а если к тому же знать, что из НПО выживались прежде всего специалисты, работавшие по тем направлениям, которые были конкурентоспособны по отношению к западной технологии, что руководители ведомств совместно с руководством НПО, как бы лишившись разума, прекращали наиболее перспективные и важные для страны разработки, как будто специально травили тех, кто мешал им покупать за реки золота технику за рубежом, технику, которая нередко была хуже нашей, то и ответ готов слететь с языка. Только не стану я делать того, что не в моей компетенции... Поделиться же своими сомнениями, мыслями — пожалуйста. Тем более что мои доводы основаны на тех фактах, которые хорошо знаю, на примере таких технических разработок, в которых лично участвовал или которыми руководил.

Начну с того, что в Краснодарский филиал ВНИИГеофизики я пришел в 1964 году для прохождения преддипломной практики,

да так и остался работать там инженером в «Лаборатории новых конструкций». Считаю: мне повезло. Лабораторией руководил молодой талантливый изобретатель инженер А. М. Седин. Мы с ним быстро нашли общий язык, дружно потянули очень нелегкий воз создания и внедрения новой техники. А с конца того же, 1964 года начали разработку совершенно уникального вибросейсмического комплекса для сейсморазведки на нефть и газ, на который А. М. Седину выдали авторское свидетельство как на изобретение.

Идея новинки была проста: заменить взрыв, как источник зондирующего сейсмического колебания, работой группы синхронных вибраторов с переменной частотой на поверхности земли. Выгоды от внедрения комплекса А. М. Седина были явные. Не требовалось ни взрывчатки, ни специальных складов под нее, не наносилось вреда природе, не нарушался уровень грунтовых вод... К тому же и за рубежом тогда о столь оригинальной модификации вибрационного метода поиска полезных ископаемых не слышали. И если бы нам удалось «вдохнуть жизнь» в это изобретение, мы бы заняли лидирующее место в мировой сейсморазведке. Нужно отдать должное прозорливости тогдашнего директора филиала В. И. Приймы, тоже крупного изобретателя в области технической сейсморазведки. Он сразу по достоинству оценил значимость новинки и без промедлений «выбил» нам необходимые ассигнования.

Не все у нас выходило гладко и не все сразу получилось. Вибрационный комплекс — это сложная техническая система, размещенная на нескольких автомашинах. Создавать его следовало бы целому институту, а нас, ведущих инженеров, у А. М. Седина было всего четверо. Разработка новой тогда теории, воплощение в жизнь технических схем, материальное обеспечение, модельные эксперименты, лабораторные и полевые испытания — все лежало на нас. Но главная трудность: были скептики, особенно из числа «деловых людей» Министерства геологии СССР.

В 1969 году в развитии мирового вибросейсмического метода наблюдался глубокий спад. Зарубежные «специалисты» изо всех сил старались доказать нам бесперспективность подобного поиска полезных ископаемых и даже предлагали нашему ведомству купить их вибраторы по дешевке. Зная, что там ничего не делается за здорово живешь, нам бы и дать карты в руки. Но вместо помощи в Краснодар послали комиссию под руководством крупного ведомственного специалиста М. Б. Шнейрсона. Накануне его приезда мы проводили решающие эксперименты на полигоне под Краснодаром и получили уже вполне приличные результаты. Ни наш комплекс, ни первые, сулящие большие выгоды народному хозяйству, вибросейсмопрограммы Шнейрсона, видимо, не заинтересовали. В своем заключении комиссия отметила, что полученные результаты неубедительны, работы бесперспективны и с финансирования на 1970 год нас нужно снять. После такого неожиданного поворота дела некоторым товарищам по работе пришлось покинуть наш коллектив. Остались мы с Сединым вдвоем, без средств и помощников, но с многочисленными авторскими свидетельствами на изобретения, связанными с созданием комплекса да с верой, что, как бы не говорили на Западе и не повторяли у нас, за вибросейсморазведкой будущее.

В успехе не сомневались и, несмотря ни на что, продолжали прерванные было эксперименты. Вскоре, как и ожидали, сумели-

таки удачно заглянуть в глубь земли — получили, как у нас говорят, убедительный «сейсмический разрез» на глубину около полутора километров. Такого в практике отечественной вибросейсморазведки на нефть и газ еще не было. Кое-кому после этого пришлось развести руками и разыграть, как я считаю, небольшой конфуз. Для нас же не только в срочном порядке нашли средства для продолжения работы, но и присвоили нам с А. М. Сединым ученые степени кандидатов наук.

Но радовались мы недолго. Как могу теперь предположить, о нашем успехе узнали не только в отрасли... И почему бы нет? Ведь зарубежные фирмы предлагали тогда министерству выгодную для себя сделку: приобрести изготовленный ими вибросейсмический комплекс в серийном исполнении за полмиллиона рублей. Им как кость в горло было, что мы на все исследования и на изготовление гораздо лучшего комплекса потратили немногим более 200 тысяч. Тем самым не только лишали их немалых барышей, но и доказывали, что можем трудиться продуктивней.

Мы работали и одновременно учились, осваивая совершенно новые для нас дисциплины. Успевали сдавать кандидатские экзамены по разведочной геофизике, защищать научные отчеты. Наш рабочий день продолжался по 12—14 часов, у нас не было времени для отпуска. Но зато за пять лет мы как бы прошли вибросейсмическую академию и превратились в ведущих специалистов новой и крайне важной для отрасли профессии. И квалификация наша подтверждалась убедительными результатами. Как поступил бы тут заинтересованный в процветании своего предприятия хозяин? Казалось бы, ясно как: дал бы зеленую улицу, усилил группу, выделил заводские площади, создал бы на базе нашей группы, как минимум, отдел из нескольких лабораторий, позволил набрать учеников для передачи опыта и знаний. Но это заинтересованный. У нас же такового, к сожалению, не нашлось. На самом высоком чиновничьем уровне (не знаю точно, на каком, но знаю, что на более высоком, чем уровень дирекции ВНИИГеофизики или геофизического главка Мингео СССР) было принято парадоксальное решение: работы по созданию отечественного комплекса и оригинальной модификации вибросейсморазведки в Краснодаре прекратить, весь «накопленный задел» передать в институты АН СССР!

О чем думали те, кто принимал такое несуразное, казалось бы, решение, перечеркивавшее все наши усилия и отбрасывавшее советскую вибросейсмику на исходные рубежи? Ведь лучшей услуги для западных фирм, ведущих разработку вибросейсмической аппаратуры по нашим стопам, невозможно было и придумать: с их пути устранялся опасный конкурент!

Итак, наш комплекс отправили на свалку, нам разрешили заниматься только разработкой к нему вибратора. Седина понизили в должности и сделали старшим научным сотрудником. Заведующим вибросейсмической лабораторией поставили совершенно нового человека, который к вибросейсмике не имел никакого отношения, но слыл «сильным администратором». Научным же руководителем этих работ каким-то образом стал заместитель директора НПО Ю. Ф. Матусевич, специалист не только далекий от вибросейсмики, но и никогда ранее не занимавшийся разработкой аппаратуры.

Могут спросить, а куда смотрел директор В. И. Прийма? К этому

времени он уже не был директором, ибо назначили генеральным директором созданного на базе Краснодарского филиала НПО «Южморгео» И. А. Гаркаленко. Того же, кто на деле доказал свою способность поддерживать высокий уровень технических разработок в геофизике, кто, можно сказать, на пустом месте создал институт, составивший опасную конкуренцию для западных фирм, перевели в заместители генерального директора по науке.

Новый «хозяин» вибросейсморазведки (вернее, главный получатель государственных кредитов на развитие этого метода), Институт физики Земли АН СССР, как мы и ожидали, отказался от нашего «задела». Столичные доктора наук и академики не захотели «занимать ума» у инженеров с периферии. И хотя статьи о наших исследованиях были опубликованы («Разведочная геофизика», № 41, 55 и другие), отсчет рождения вибросейсморазведки в стране они повели с 1972 года — с того года, когда формально был передан им наш «задел».

А вскоре нас поссорили и с А. М. Сединым. Злые языки подогрели его самолюбие... Мы стали работать врозь, а затем он уволился. Я предлагал руководству ВНИИГеофизики продолжить работы по созданию всего комплекса и по собственной инициативе послал им программу работ в этом направлении. Но там не посчитали возможным конфликтовать с Академией наук, в которой по нашей теме уже начали защищать диссертации и издавать труды.

К этому времени у меня созрело решение заняться разработкой принципиально нового невзрывного сейсмического источника, более совершенного, чем прежний вибрационный.

Не стану забивать голову читателя довольно сложным для непосвященного описанием моего «детища» (кто интересуется, может заглянуть в специальную литературу). Скажу только, что новый виброударный комплекс был более простой конструкции, удобнее и надежнее в работе, намного легче по весу, чем прежний виброударный. За 1972 и 1973 годы мы не только создали его, но и успели испытать «в поле», обсудить на различных уровнях в десятке организаций. И везде неизменно нашу новую работу оценивали высоко. Говорили, что положенный в его основу так называемый резонансный виброударный источник для суши — нечто совершенно новое в мировой разведочной геофизике, что наша страна вновь выбивается в лидеры. Начальник геофизического главка В. В. Федынский — ученый с мировым именем — предложил даже мне поскорей написать докторскую диссертацию. На базе моей группы создали самостоятельный сектор механических импульсных источников и назначили меня его руководителем.

Наша группа вновь доказала свою способность создавать технику, не уступающую лучшим мировым образцам. Тут бы по логике вещей и сменить по отношению к нам гнев на милость. Дать наконец-то краснодарцам необходимые права, выделить заводские мощности и хотя бы часть одного из КБ Мингео СССР. Но не тут-то было. С начала 1974 года и эту тему... сняли с финансирования! Все знали, что нам выделено 100 тысяч рублей, мой непосредственный начальник Ю. Ф. Матусевич, заправлявший финансами по науке, заверил, что деньги будут, под них я нашел уже

подрядчиков с Тольятти, заключил с ними договора, и вдруг денег не оказалось.

Незадолго перед тем случилось еще одно странное происшествие. Возможно, это было случайным совпадением, но у меня как раз накануне пропал секретный отчет. Целые дни я проводил тогда на полигоне, ночевал там, в одном из вагончиков был мой полевой «кабинет», где лежало немало книг и виброграмм. Там же находился и отчет. Полигон охранялся, чужой человек попасть туда не мог. Но не могли же и те, кого я знал как порядочных людей, сделать такое! В общем, у меня были крупные неприятности, и я остался на своей должности заведующего сектором только потому, что в нашей работе были уж очень весомые успехи.

Впрочем, как и в истории с вибросейсмическим комплексом, через несколько месяцев деньги для нас все-таки нашли, и работы продолжились. Наше институтское КБ стало готовить техдокументацию на источник ГУК-1 для его серийного выпуска. Но каким холодом веяло в это время от генерального директора! Все трудней удавалось выбивать у него необходимые материалы и технические средства. Моим помощникам заморозили зарплату на уровне 130—140 рублей, и наш куратор Матусевич, которому я писал докладные, даже слушать не хотел о повышении окладов. Зато когда один из вновь принятых в наш сектор инженеров, не привыкший работать добросовестно, написал на меня вздорную жалобу, ей тут же дали ход. Вдобавок ко всему — тут на что хочешь подумаешь — после автомобильной катастрофы я оказался в госпитале с переломанной ногой. И пока там лежал, дали команду: прекратить работы в КБ.

Я метался под градом этих ударов, писал докладные записки и протесты, объяснения и заявления. А тут еще мне, научному руководителю крупной темы с финансированием свыше 100 тысяч рублей в год, видимо, «в пику» урезали штат сектора таким образом, что приходилось совмещать обязанности и ответственного исполнителя, и ведущего теоретика, и технического руководителя, и главного конструктора, и главного администратора. Сторонние наблюдатели, похоже, ждали: или я «надорвусь», или мои помощники разбегутся...

Несмотря на все эти препятствия и искусственно созданные трудности, мы сумели запустить в синхронном режиме два новых ударных вибратора и снова совершили чудо, получили впервые в практике отечественной сейсморазведки читаемые записи кодоимпульсным методом (см. ст. в «Разведочной геофизике», № 91). Геофизический главк Мингео СССР провел специальное совещание по итогам наших работ с ГУК-2 (так мы назвали новую пару быстродействующих излучателей). На нем о нас очень лестно отзывались. Из главка в категоричной форме потребовали от нашего непосредственного руководства ускорить работы, крайне перспективные и многообещающие. Одновременно В. И. Прийма, который помогал нам, когда имел возможность, передал в экономическую лабораторию материалы для расчетов эффективности ГУК, и там определили: годовой эффект от внедрения в народное хозяйство нашего детища составит свыше миллиона рублей!

Но кому-то и этот наш успех мешал жить спокойно. В январе 1976 года, спустя всего две-три недели после успешной защиты работ на ученом совете, приказом генерального директора НПО

И. А. Гаркаленко с формулировкой «из-за отсутствия необходимого финансирования» тему ГУК закрыли, наш сектор расформировали, а «задел» в виде двух громоздких излучателей и нескольких томов исследований в очередной раз передали в Москву, в головной ВНИИГеофизики.

Как решился пойти И. А. Гаркаленко против воли члена-корреспондента АН СССР, заведующего кафедрой геофизики МГУ В. В. Федынского и руководителей геофизического главка Мингео СССР? На этот вопрос ответить не могу. Скажу только, что «сработал» он грубо. Самоуправство и беззаконие были для всех очевидными. Над Гаркаленко сгущались тучи. В Мингео СССР готовился приказ о снятии его с должности генерального директора. Так бы, видимо, и произошло, если б по непонятной для меня причине в последний момент геофизическое НПО не передали в совершенно другое министерство — Мингазпром СССР. К тому же незадолго перед этим скоропостижно (дома) умерли директор ВНИИГеофизики М. К. Полшков и заместитель начальника геофизического главка по новой технике Ю. К. Грачев, наиболее активно поддерживавшие нашу тему. Перетянув свое НПО в другое министерство, тоже скоропостижно (в поезде) скончался и И. А. Гаркаленко. Так что трудно сегодня распутать тугие узлы, образовавшиеся вокруг нашей авангардной темы ГУК.

Меня вновь лишили возможности заниматься созданием конкурентных для западных фирм образцов отечественной техники, и в полном расцвете сил я оказался фактически без работы. На протяжении двух лет после этого мое положение было тягостным и неопределенным. Меня понизили в должности до старшего научного сотрудника, никаких заданий не давали. Когда же я приходил к Матусевичу, то он, отводя глаза в сторону, ласково говорил: «Ты же крупный ученый, должен сам себе работу находить». Но если я что-то предлагал, то это неизменно отвергалось или откладывалось в долгий ящик.

Положение было тупиковое, мне явно указывали на дверь. Но я все же нашел, как мне казалось, выход из этого положения.

Оставив вибросейсморазведку и ГУК, начал все сначала. Для этого пришлось в короткий срок освоить морскую сейсморазведку. С технической стороны в ней все иное по сравнению с сухопутной, но и здесь очень важно добиться возбуждения управляемых упругих сейсмических колебаний. Я перебрал различные способы их возбуждения и остановился на пушке, которая выстреливает в воду перегретым паром, придумал оригинальную конструкцию, которую называют электропаровым сейсмическим источником, написал заявку на изобретение, получил положительное решение, а затем решение и на дополнительное изобретение.

Пришел с этими документами к генеральному директору (И. А. Гаркаленко в то время был еще жив). Он скептически головой покачал: неосуществимо, дескать. Попросил его: дайте денег, людей, сделаем, будет работать. Ответил: нет у меня лишних денег, сделай сам модельку.

Сделал за полмесяца простенькую модельку, в ванне испытал — работает. Снова напросился на прием к генеральному, показал конструкцию, сказал: работает. Все равно скептически головой покачал: что ты мне спичечный коробок показываешь?

Генеральному было нужно, чтобы я изготовил конструкцию, которая бы в водоеме работала и чтобы возбуждаемые колебания приборами специальной станции были зарегистрированы не менее чем с полукилометровой глубины. Одним словом, требовалось, чтобы я в одиночку создал полигонный вариант источника, сложную научно-исследовательскую разработку. Для этого дела нужна группа человек десять и финансирование тысяч в сорок. Но где людей и деньги взять? Пришлось в одиночку готовить полевой макет источника.

Сам провел трудоемкие теоретические исследования и расчеты, выполнил рабочие чертежи, разработал и изготовил электрическую схему управления, сам собрал конструкцию, а потом в течение месяца проводил испытания взрывоопасного источника в специальном помещении. Потом составил программу полевых испытаний. К испытаниям на полигоне готовился с особой тщательностью. И добился своего. В первых же испытаниях были получены вполне убедительные результаты.

Но Гаркаленко этих результатов уже не увидел: его похоронили, а у нас на протяжении нескольких месяцев получилось «междуцарствие». Я, не теряя времени, собрал все теоретические, аппаратурные и полигонные исследования в один том, отдал на отзыв нескольким ученым, потом доложил обо всем на секции сейсморазведки НТО, где единодушно рекомендовали электропаровой источник для включения в планы работы института.

Мне казалось, что все мои беды позади. На руках был лестный протокол заседания секции, куда входили ведущие ученые нашего НИИ, я уже наладил контакты со всеми возможными соисполнителями и в успехе не сомневался. Мечтал даже, как, вопреки воле западных фирм и нефтяных монополий, у нас в стране будет создан свой оригинальный отечественный морской паровой источник, более простой и удобный, чем громоздкие, паровые пушки, которые в это время делались за границей. Мы, рассчитывал я, снабдим новой техникой не только геофизиков своей страны, но и наводним ею мировой рынок, поубавив прибыли монополий. С этими соображениями и с результатами своей работы я и пошел к новому генеральному директору НПО «Союзморгео» Янкифу Панхусовичу Маловицкому.

Новый «генерал», выслушав мои доводы в защиту электропарового источника, понимающе кивнул головой: «Да, принципиально новые разработки нам нужны. Мы не можем все время копировать заграницу...» Я ушел от него обнадеженный, оставив свой отчет.

«Соломоново решение» этого крупного деятеля академической науки поразило меня как гром. Его не удовлетворили ни полученные мною результаты, ни решение секции. Вычитав из представленных мною материалов, что паровой источник идет на смену пневматическому, он передоверил судьбу новой разработки именно специалисту по пневмоисточникам.

Представим такую ситуацию: Эдисон изобрел лампочку накаливания, а составить отзыв о преимуществах и перспективах этой лампочки поручили бы специалистам газовой компании, которая после внедрения изобретения Эдисона потеряла бы рынки сбыта для своих светильников; можно ли было ожидать объективного положительного отзыва от работников этой компании? Наверняка нет. Точно так же поступил и представитель ведомственной науки, московский специалист по пневмоисточникам М. И. Балашканд. Он посчитал разработку парового источника делом ненужным и

даже не рекомендовал проводить какие-либо исследования в этом направлении. И Маловицкий вполне удовлетворился этим решением, оставив без внимания все другие многочисленные положительные отзывы.

Я не знал, что думать. Иногда и среди директоров попадаются «дубы» — невежественные, малообразованные люди, неизвестно как занявшие высокий пост. Но Маловицкий был умным человеком. Он ведь понял и конструкцию источника, и реальность его создания, и его конкурентоспособность. Почему же он поступил как «дуб»?

Решил еще раз записаться на прием к генеральному и попытаться с ним объясниться. На этот раз он был не столь любезен. На мои попытки объяснить, что нельзя верить одному человеку, да еще лично заинтересованному, он ледяным тоном ответил: «Отзыв дал крупный специалист, и у меня нет оснований ему не доверять».

Как правило, принципиальное новшество требует для разработки и внедрения минимум пять лет. Предполагая, что Маловицкого не устраивает именно моя скоропалительность, я подготовил план параллельных работ по созданию упрощенного парового источника на базе отечественного парового котла, что позволило бы начать внедрение этой разработки в народное хозяйство через полтора-два года. Маловицкий заинтересовался расчетами, и мне снова показалось, что он понял все правильно: «Хорошо, оставьте, мы подумаем».

И подумал. Да еще как! Недели через три после нашего разговора мой приятель, вернувшись с закрытого партсобрания, рассказал: «Маловицкий тебя высмеял. Сказал, что в нашем институте есть такой горе-изобретатель, ха-ха, который предлагает установить на судне паровоз!..»

Во мне что-то оборвалось. Если генеральный директор публично высмеивает рядового научного работника — это у нас высшая мера наказания, гражданская казнь. Ответственный разработчик десятками нитей связан со многими службами, которые теперь сориентированы должным образом. Даже Гаркаленко не позволял себе такого. Что я сделал плохого Маловицкому?..

После этого я не спал всю ночь, размышляя о коварном ударе «ниже пояса». В «паровозе» не было ни капли правды, потому что подобные «паровозы», купленные за рубежом, уже работали на наших судах. Маловицкий это прекрасно знал. И вообще во всей этой истории не было ни капли, как мне казалось, здравого смысла. Принял НПО новый директор только что. В объединении у него еще нет ни любимчиков, ни врагов. Меня он мог знать только по опубликованным работам и изобретениям. Их у меня накопилось немало: десятка два научных статей в центральных изданиях, более десяти изобретений, восемь защищенных научных отчетов, мое имя появилось в учебнике... Какая же выгода генеральному резать курицу, несущую для него золотые яйца?.. И как расчетливо все сделано! Хула произнесена на закрытом партсобрании, я беспартийный, значит, не должен знать. А если узнаю, буду молчать, чтобы не подставлять под удар тех, кто мне сообщил. А если пожалуюсь, то я «жалобщик и скандалист» и к тому же плохой товарищ, не умею хранить то, что передано «по секрету».

Но, может, не угодил Маловицкому тем, что предложил создать аппаратуру, существенно уменьшающую барыши зарубежных гео-

физический компаний?.. Так у меня впервые возникла та самая «крамольная» мысль, которую «Литературная газета» публично высказала в 1988 году: на кого работает руководство НПО и покровительствующая ему министерская бюрократия?

Сейчас времена перестройки и гласности, корреспондент «Литературной газеты», да и я тоже можем высказывать свои предположения. Но десять лет назад такое было немыслимым. Я был подавлен своей догадкой. **Неужели такое может быть! Ответственные руководители отрасли и вдруг служат не Советскому государству и народу, а зарубежным предпринимателям!** Может, это происходит не умышленно? Я снова и снова перебирал в уме известные мне факты, анализировал деятельность нового руководства.

Крупные оригинальные темы, которые могли бы украсить отрасль любой страны, стали вдруг не в почете. Зато как расцвели мелкие подражательские разработки, основанные на рационализации западных конструкций!..

Вторая половина семидесятых годов — время массовой эмиграции крупных специалистов из нашей страны. Уезжали доктора наук, главные специалисты. Один мой сослуживец-еврей, руководитель заурядной темы, в порыве откровенности как-то сказал: «Наша страна варварская, в ней живет дикий, отсталый народ, у нас процветает отжившая форма восточной деспотии — что же удивительного, что цивилизованных людей тянет вон отсюда?» Разговор шел наедине, и сослуживец ничем не рисковал, тем более что его дела при новом генеральном резко пошли в гору, ему расширили штат, дали для работы еще одну комнату...

Оклады ответственных работников министерства, включая и генерального директора НПО, не превышают 500—600 рублей в месяц. Но ведь, по заграничным меркам, это зарплата самого захудалого рабочего. Наши менеджеры часто посещают заграницу, встречаются там с менеджерами иностранных фирм, видят и понимают, что ничем не уступают им, а вот зарплата у них раз в десять меньше. Но во имя чего такие жертвы. Во имя «варварского народа», «отжившей формы восточной деспотии»? Для меня и моих товарищей здесь не может быть двух ответов. Мы намертво привязаны к Родине, своей земле, могилам предков. Жертвовать своим, личным во имя укрепления государства стало нашей второй натурой. Но ведь, как я убедился, не все такие. Длительное время Россия считалась «тюрмой малых народов»; чуть ли не до самой революции у нас, читал, была «черта оседлости» в отношении, скажем, тех же евреев и оскорбительный для них трехпроцентный балл при приеме в высшие учебные заведения. Такое забывается не скоро, и многие представители этого народа по понятным причинам не хотят жертвовать во имя государства, притеснявшего их предков и остающегося по преимуществу государством русских...

Плохо защищена наша экономика и от зарубежных корпораций, накопивших вековой опыт поглощения конкурентов. И достаточно при такой ситуации хотя бы одному из сотен низкооплачиваемых министерских чиновников взять на вооружение нехитрую «науку сознательного служения передовому западному обществу», да еще начать получать крупные «подарки» от «доброй» фирмы — последствия для отрасли будут катастрофическими...

Кому можно было рассказать о своих предположениях и догадках во времена безграничного единоначалия и господства команд-

но-бюрократических методов? Разве что жене да еще нескольким близким друзьям. Но даже они, не узнав и не испытав, как говорится, на собственной шкуре всего того, что пришлось узнать и испытать мне, не могли поверить, что такое у нас возможно. И все же мне стало легче. В груде фактов ужасающего антигуманизма, в которых я готов был обвинить «империю зла», появился какой-то смысл, упорядоченность. Социализм, оставленный нам в наследство величайшими гуманистами человечества, оказывается, ни при чем. Виновато частнособственническое общество, окружающее нас со всех сторон. Умным дельцам оно обещает особое место под солнцем (как будто солнце не нужно другим людям и всему сущему на Земле), глупых оно прельщает возможностью малым трудом достичь больших благ и, не трудясь, жить в неге и роскоши. Вкусивший от такого «древа познания» умный становится сознательным врагом — почти неуловимым «Штирлицем», а ограниченный человек — его естественным союзником.

...Уволился из НПО не сразу. Еще некоторое время пытался бороться. Выступал на собраниях с резкой критикой, губительной для объединения и страны технической политики, проводимой в объединении. На политических семинарах говорил об идеологической диверсии империализма. Потом подготовил по линии общества «Знание» лекцию о сионизме и стал выступать с ней.

Но силы были слишком неравны... Мне пришлось уйти. Вслед за мной из НПО уволились многие: изобретатель гидравлических источников, кандидат технических наук В. В. Михайлов, мой помощник, кандидат технических наук Ю. П. Костыргин, защитивший диссертацию по теме ГУК, создатель одной из первых в стране голографических систем, кандидат технических наук В. Б. Гаврюшин, еще десятки изобретателей, разработчиков новой техники, ученых. Всем, кто умел и хотел работать, при новом руководстве стало неуютно. Краснодарский геофизический НИИ, опасный для западных фирм и монополий конкурент, перестал существовать.

Зато как мастерски создавалась в объединении видимость работы! Чего стоит только перевод его управления в Мурманск, за полярный круг, где платили «северные». Только вдуматься: морские экспедиции НПО работают в Одессе, Геленджике, Каспийском море, на Дальнем Востоке, в Краснодаре сложился традиционно «центр кристаллизации», там и крупный вычислительный центр, и завод «Моргеофизприбор», а управление и многочисленные теоретические темы переведены за полярный круг, «на край света». «Поближе к месту главных работ, — патетически заявлял Маловицкий. — Мы не боимся морозов». А на деле, как писала «Правда» в фельетоне «Не отрываясь от пляжа», все по-другому. Скажем, тот же Маловицкий оставил за собой квартиру в Геленджике, где проживает его семья, месяцами проводил время, не отрываясь от теплого Черного моря, и в то же время получал полярную зарплату и вдобавок командировочные!

Один из ученых НПО, который не уволился вслед за другими, а остался и был очевидцем этого беспрецедентного разбазаривания государственных средств при полной безнаказанности, в сознании своего бессилия даже написал по этому поводу поэму и стал ее распространять на правах «самиздата». В ней он сравнивает НПО с кораблем, а генерального директора с капитаном. В стихотворной форме описывается печальная история деградации «команды».

Но наше правосудие, которое еще вчера рубило головы невинным людям за одно одобрительное слово в пользу западной технологии, сегодня бросилось, как видно, в другую крайность. «Презумпция невиновности!» — нельзя наказывать человека, если нет уверенности в его виновности. В газетах пишите, догадки стройте, а наказать — нет. Видимо, слишком муторное дело искать тут улики и доказательства нарушения закона.

Два десятка лет находился я на передовом рубеже научно-технического прогресса, где были сконцентрированы многие его противоречия и парадоксы, и могу сказать: сегодня мы действительно превратились как бы в паразита мирового технического прогресса. Но не потому, что у нас плохой строй и никчемные специалисты. Ведь еще два десятилетия назад, несмотря на командно-бюрократические методы управления и безгласность, худо-бедно, но работали. Во всяком случае, в нашей отрасли.

Иной ироничный читатель может тут усмехнуться: «Опять речь идет о мировом заговоре масонов и сионистов». Дело не в заговоре, я в него тоже не очень верю. Дело, мне кажется — к этим моим словам во времена гласности и плюрализма мнений я прошу прислушаться, — **в обыкновенной капиталистической конкуренции.** Ведь что мы о ней знаем? Очень мало, ибо формы этой борьбы фирмы держат в глубоком секрете.

У большинства людей сложились крайне наивные и безобидные представления о конкуренции частнособственнических фирм: одна фирма обеспечила выпуск продукции более высокого качества с низкой себестоимостью и разорила другую фирму, от которой ушли покупатели, вот и все их познания в этой области.

В действительности все гораздо сложней и драматичней. В печати все чаще появляются сообщения, что даже борьба наших кооперативов — этих маленьких, только нарождающихся советских фирм, — в некоторых случаях доходит до физической расправы и поджогов, когда дело касается прибылей и рынков сбыта. А что говорить о корпорациях, накопивших вековой опыт конкурентной борьбы?

Крупная фирма, скажем, нефтяная корпорация — это суперорганизация, бюджет которой не уступает бюджету среднего государства. А ее разведывательные и подрывные службы мало в чем уступают службам ЦРУ. Время от времени в печати появляются весьма правдивые публикации о формах конкурентной борьбы на Западе. Фирмы там не только стараются завоевать рынок качеством своей продукции, но занимаются промышленным шпионажем, а в некоторых случаях идут на прямые преступления, чтобы расстроить дела конкурентов.

Вот некоторые из тайных форм конкурентной борьбы, о которых говорилось в нашей печати.

Переманивание ведущих разработчиков и «генераторов идей» соседней фирмы, а если это не удается, то дискредитация этих людей или даже их физическое уничтожение.

Подкуп менеджеров конкурирующей фирмы или лиц аппарата управления. Один подкупленный работник аппарата способен полностью дестабилизировать предприятие, привести конкурирующую фирму к банкротству. Поэтому состав управленческого аппарата любой фирмы крайне ограничен, зато оклады управленцев огромны.

Намеренное раздувание авторитета через «своих» из прессы

малоспособных людей с целью выдвижения их на ведущие должности в конкурирующей фирме при одновременном оттеснении на второй план подлинно талантливых людей.

Дезинформация о перспективных направлениях технического прогресса в фирме. Например, во второй половине 60-х годов зарубежные фирмы шумно разрекламировали успехи морской вибросейсморазведки, а вслед за этим почти полностью свернули работы в этом направлении.

И особенно мы должны выделить лоббистские методы, позволяющие той или иной корпорации добиться принятия выгодных для нее законов и правительственных постановлений.

Наша страна и ее промышленные объединения, тем более на важнейших направлениях научно-технического прогресса, — это крайне опасный для западных фирм конкурант. Ведь своими успехами мы не только подрываем экономическое могущество зарубежных фирм, но и сотрясаем основы капиталистического мира, демонстрируя преимущества общественной собственности на орудия и средства производства. Так было, например, в 60-х годах, когда весь капиталистический мир был ошеломлен нашим выходом в космос. Почему же мы должны думать, что нефтяные монополии, геофизическое фирмы и корпорации питают к нам лишь дружеские чувства, не стремятся подорвать могущество самого главного и опасного из своих конкурентов?

Следует сказать и о парадоксах, относящихся к нашим средствам информации и пропаганды. Если западная печать в изобилии наводнена литературой о промышленном шпионаже социалистических стран и «происках вездесущего КГБ», если в США чуть ли не на каждом столбе вывешено предложение незамедлительно позвонить по такому-то телефону, если возникнет малейшее подозрение о «шпионе из коммунистических стран», то в нашей печати господствуют как раз противоположные тенденции. Судя по содержанию многих газет и журналов, мы гостеприимно распахиваем двери нашей страны для представителей любой фирмы, демонстрируем свое искреннее к ним уважение, боимся обидеть их недоверием и подозрительностью, с готовностью навешиваем ярлыки «паникеров, пугающих мировым заговором», на каждого, кто пытается говорить о бдительности. Зато даже самых подозрительных перебежчиков встречаем с распростертыми объятиями, выделяя им вне очереди благоустроенные квартиры и льготную работу. Знакомясь с подобными сообщениями, невольно задумаешься: на кого работают, кому служат и некоторые журналисты?

По воле некоторых органов средств массовой информации сегодня широко распространяется дезинформация, что мы такая отсталая в техническом отношении страна, что западным фирмам у нас просто нечего воровать и что у нас нечего от них охранять. И почему-то совершенно без внимания остался такой, например, факт: **одна японская фирма не так давно предложила нашему Госкомизобретений много миллионов долларов за архив отклоненных заявок. И еще: почти никто не знает, что многие из тех технологий, которые мы сегодня покупаем за рубежом, родились, как признаются за рубежом, в России.**

А что мы знаем о лоббистских методах, которые, вне всякого сомнения, применяются и в нашей стране? Почему заглохло дело о незаконной отправке за рубеж миллионов кубометров строевого леса под видом отходов? Почему «спустили на тормозах» очень поучительную в смысле пропаганды бдительности историю об экспорте черной икры под видом бычков? Почему никто не прокомментировал и не заинтересовался сообщением зарубежного радио, что против одной из западных фирм возбуждено уголовное дело за то, что она дала кому-то взятку за разрешение выпускать «кока-колу» в нашей стране?

Молодежь, вступающая в жизнь, не должна строить иллюзий, а должна знать реальность. Руководители капиталистических фирм — это не прекраснодушные гуманоиды, которые убивают время на лучших курортах мира и занимаются благотворительной деятельностью. Это умные, расчетливые и беспощадные дельцы, которые тщательно изучают своих конкурентов, в особенности наши министерства. Почти не сомневаюсь, что спецслужбы фирм имеют картотеки на всех сколь-нибудь выделяющихся работников советских конкурирующих с ними министерств, прорабатывают свои «пятилетние контрпланы», перетасовывают картотеку, намечая выгодные для них передвижки наших кадров. Разве нельзя предположить, что благодаря такой деятельности зарубежных фирм происходят многие наши беды?

При Сталине существовал «железный занавес», препятствующий проникновению эмиссаров капиталистических фирм в нашу страну. Кампания против «культа личности» разрушила этот «занавес». Но к этому времени интерес к нашей экономике, науке, технике во всем мире резко возрос. Наши успехи в освоении космоса развеяли миф западной пропаганды о неспособности «примитивной страны» стать вровень с лидерами капиталистического мира, а тем более обогнать их.

Вот тогда и потянулись, как я думаю, шупальца западных фирм в нашу страну, опутав сегодня бюрократический командный аппарат союзных министерств, академической науки и других органов нашего государства, а также некоторых средств информации. Если это так, то западные фирмы, а не мы во многом определяют сегодня основное направление деятельности министерств и ведомств, которую писатель В. Распутин справедливо приравнял к деятельности оккупантов в завоеванной стране.

С политикой репрессий, кулака и грубого диктата, мы надеемся, покончено навсегда. Так же как с политикой военной самоизоляции. Наша страна превращается в открытое, свободное, демократическое общество. Но в условиях демократии и гласности мы жить еще не умеем. А они умеют. Мы — богатырь, грудь колесом, наивная вера в мощь бицепсов социализма. А они — опытный боец, приемы знает, и не успели мы опомниться, как уже на лопатках. И коварства их приемов никто не замечает, и мускулов дряблых, и оскала хищного — победителей не судят. Наша страна уже почти в сырьевую базу империализма превратилась и в мировую свалку радиоактивных и химических нечистот, а мы в этом все еще только самих себя виним. Или клянем благоглупость бюрократических законов, принятых при Сталине. А некоторые уже успели построить радужные картины относительно выгод капиталистической экономики и даже от социализма отказаться готовы.

Не научились мы еще защищаться от капиталистических монополий и фирм, умеющих с высоким мастерством, неназойливо и даже вежливо заглатывать своих конкурентов, вот и пожинаем плоды своей неграмотности, наивности и беспечности.

ОБРУБИТЬ ЩУПАЛЬЦА СИОНИСТСКОГО СПРУТА

(ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ)

В последнее время в прессе появились сообщения об активизации в Москве сионистских элементов — на фоне участившихся визитов в нашу страну эмиссаров международных сионистских и еврейских организаций. Этой теме посвящено и письмо москвича В. Михайлова, опубликованное в восьмом номере «Молодой гвардии».

Сразу после выхода журнала в редакции стали раздаваться телефонные звонки: читатели интересуются причинами наглых происков сионистов, просят подробнее рассказать о международных сионистских организациях, добивающихся легализации своей деятельности в СССР.

Эту цель, в частности, преследует организация «Б'най Б'рит». В конце прошлого года ее представители совершили официальный визит в нашу страну. Отчет о нем вышел в февральском номере журнала «Jewish monthly» («Еврейский ежемесячник»). Предлагаем его вашему вниманию (в сокращении).

МИССИЯ «Б'НАЙ Б'РИТ» в МОСКВЕ

(ПРОВЕРКА РЕЖИМА ГОРБАЧЕВА)

В конце 40-х и в начале 50-х годов советская печать изображала «Б'най Б'рит» как одно из подразделений в системе международного сионизма. В связи с этим организацию обвиняли в участии в печально известном «деле врачей», сфабрикованном врачами «заговоре» с целью убить И. Сталина, после которого было арестовано большое число советских евреев. С тех времен «Б'най Б'рит» рассматривалась как враждебная Советскому государству организация.

В конце 1988 года делегация «Б'най Б'рит» села за стол переговоров с представителями советского Министерства культуры. Было подписано соглашение об открытии в Москве представительства организации, которое поможет полнее удовлетворить культурные потребности 400 тысяч москвичей еврейской национальности. Около 40 лидеров московской еврейской общины выразили заинтересованность в сотрудничестве с «Б'най Б'рит».

Идея этой беспрецедентной поездки зародилась в начале 1987 года, когда президент «Б'най Б'рит» Сеймур Рейх начал предпринимать попытки договориться о визите своей делегации в Советский Союз.

Доктор Уильям Корей, руководящий в «Б'най Б'рит» исследованиями в области международных отношений, много лет изучает советский политический курс, а также проблему прав человека в СССР. Он согласился с Рейхом в том, что, принимая во внимание политику М. Горбачева, направленную на более полную открытость во внутренних делах, это самое подходящее время для того, чтобы проверить новый курс Москвы на прочность. Иными словами, выяснить реакцию советских властей на предложения о расширении эмиграции для евреев, которые решили покинуть СССР, и о придании больших прав тем евреям, которые хотят остаться в стране. Это мнение совпадает с резолюцией, оглашенной Билли Голдбергом, представителем от Хьюстона, штат Техас, на заседании правления «Б'най Б'рит» в феврале 1988 года в Вашингтоне. В резолюции говорилось о необходимости «присутствия» «Б'най Б'рит» в Москве.

Последовала серия встреч с советскими официальными лицами, увенчавшаяся личной беседой Рейха с послом Юрием Дубининым. Дубинин приветствовал визит делегации в Москву.

* * *

Владимир Кислик — физик. Он является «отказником» 15 лет, провел 4 года в заключении и сейчас один из руководителей движения «отказников». В тот вечер, когда мы посетили его в тесной московской квартирке, он ожидал счастливого завершения своей эпопеи. Накануне ему сообщили о снятии с него ограничения на выезд, связанного со «знанием государственных секретов», и ему было предложено подать новое заявление.

В квартире Кислика голые стены, лишь на одной из них висит плакат американо-советского еврейского движения с его собственным портретом, на который наложено изображение тюремной решетки. Для него и для других лидеров движения эмиграция в Израиль это единственный выход. Когда его спросили, задумывался ли он о выезде в США или другие страны, он ответил: «Нет. Почему я должен менять одну диаспору на другую?»

Номинальный руководитель движения «отказников» — Юлий Кошаровский, инженер, находящийся «в отказе» более 17 лет. Как Кислику и другим лидерам «отказников», ему отказали в выездной визе на основании причастности к «государственной тайне», пункту, снятому в большинстве случаев накануне недавнего визита М. Горбачева в Нью-Йорк.

Кошаровский — пользующийся доверием и уважаемый лидер движения «отказников». В один из дней нашего визита он председательствовал на встрече, в которой приняли участие как представители «отказников», так и руководители Еврейской культурной ассоциации Москвы. Рейха пригласили рассказать о «Б'най Б'рит».

За окном падал снег, а собравшиеся с удовольствием пили горячий чай с шоколадным тортом, внимательно слушая рассказ о «Б'най Б'рит». Они горячо поддержали все наши старания и выразили заинтересованность в сотрудничестве. Собравшиеся находились в приподнятом настроении, так как многие из них уже получили или скоро получат выездные визы.

Кошаровский сказал, что, несмотря на такие «хорошие известия», огорчает то, что в связи с эмиграцией сильно поредеет руководство движением. Необходимы будут новые люди, чтобы занять место прежних лидеров. Он выразил надежду на то, что изучение иврита получит еще больший размах, невзирая на последние правительственные ограничения и недостаток учебных пособий. Евреи Запада должны направлять к нам преподавателей и раввинов, если они хотят укреплять единство всех евреев, сказал Кошаровский. Он заявил, что предстоящий Пленум ЦК КПСС по национальным вопросам станет важным фактором в определении будущего еврейской культурной деятельности.

* * *

Хотя официальные власти сняли статью «о государственной тайне» примерно с сорока «отказников», более 650 семей все еще не получили разрешения на выезд.

Противоречивость советской эмиграционной политики проявилась еще более отчетливо, когда мы пришли в гости к Юлиану и Виктории Часиным, которые накануне получили разрешение на выезд. Они также направляются в Израиль. Юлиан возглавляет Клуб люби-

телей еврейской книги в Москве. Недавно он стал членом местного отделения «Б'най Б'рит» в штате Нью-Джерси. Рейх и Томми Баер вручили Часину его членский значок во время импровизированной церемонии, проведенной у него дома.

* * *

Хотя в последние 18 месяцев количество покидающих страну сильно возросло, многие евреи не собираются эмигрировать из СССР. Среди них есть люди, прилагающие все усилия к тому, чтобы советская еврейская община сохраняла свое единство и индивидуальность.

Михаил Членов, этнограф, снискавший мировую известность, возглавляет Еврейскую культурную ассоциацию Москвы (ЕКА). В ассоциацию входят историческое общество, группа по изучению идиша, библиотеки, детский исторический клуб, информационный центр и религиозные группы. Каждая организация автономна, но все они работают под флагами ЕКА. В их деятельность вовлечены сотни, а возможно, и тысячи людей.

Рейха пригласили для выступления на специальном заседании совета ЕКА. Выступление Рейха от имени «Б'най Б'рит» вызвало немедленную реакцию — присутствующие единодушно одобрили предложение о сотрудничестве.

Более двух часов длилась содержательная беседа об истории и деятельности «Б'най Б'рит», ББЮО, Хиллел, АДЛ *, лекционного бюро, нашего клуба любителей книги. Выступления представителей «Б'най Б'рит» в Москве ничем не отличались от беседы на окружном собрании где-нибудь в Канзас-Сити.

Были и вопросы, причем весьма острые. («Много лет мы слышали, что «Б'най Б'рит» имеет отношение к масонам. Правда ли это?» Ответ: «Нет. Этого никогда не было. Вы получали неверную информацию о нас».) И был интерес, огромный интерес и желание принадлежать к организации, которую до недавнего времени чернили в СССР почти ежедневно.

Руководство ЕКА долго думало перед тем, как организовать встречу с «Б'най Б'рит». Жак Лури, который побывал в СССР до этого, вспомнил о недалеком прошлом, когда любое открытое собрание евреев разгонялось в считанные минуты.

Местом встречи стало кооперативное кафе «Влтава», в центре Москвы. Около 50 гостей, включая двух членов консульской делегации Израиля, разбились на небольшие группки, как это бывает на празднике Онег Шабат в синагогах в Соединенных Штатах. Громко играла еврейская музыка. После еды Кошаровский призвал собравшихся перейти к делу.

Основным докладчиком был Рейх, Юдит Лури — переводчиком. Волнующий момент. Глава крупнейшей в мире еврейской организации выступал перед руководителями московской еврейской общины в стране, причинившей столько боли нашему народу.

Рейх сказал, что «сегодня с гласностью и перестройкой мир стал иным. Подобная встреча не могла бы состояться всего лишь год назад. Но хотя некоторые вещи изменились, многое осталось прежним. Евреи в Советском Союзе все еще не имеют равных с другими народами прав, а СССР все еще не установил дипломатических отношений с Израилем. Все же мы горды тем, что представители Израиля находятся сейчас среди нас. Их присутствие символизирует собой то центральное положение, которое занимает в нашей жизни Израиль».

Рейх объяснил, что «Б'най Б'рит» выступает за безопасность, единство и преемственность еврейского народа. «Точно так же, как мы выступаем за безопасность советских евреев, мы боремся за право Израиля оставаться свободным и независимым государством».

Он отметил, что «советские евреи — предмет серьезного беспокойства для евреев на Западе. Мы хотим, чтобы советские евреи имели свободу выбора: покинуть страну или остаться здесь и быть свободными».

Рейх также сообщил о результатах переговоров с советскими официальными лицами по вопросам эмиграции и легализации культурных обществ и изучения иврита. Также обсуждалась перспектива открытия филиала «Б'най Б'рит» в Москве, в котором бы сотрудничали активисты еврейского движения.

Рейх добавил, что перед переговорами он встретился с членами общины и предложил всем желающим вступить в «Б'най Б'рит», присоединившись к ее новому формирующемуся сейчас звену. «Б'най Б'рит» — большая организация, у нас всегда найдется место для вас».

«Все семь членов нашей делегации отвечали на вопросы, вписывали новых членов общества, прикрепляли членские значки. Был образован комитет для выработки программных документов. Около 40 человек сдали ежегодный взнос в размере 10 рублей. Все эти деньги останутся в СССР на нужды местной общины».

* * *

Государственный Совет по делам религий СССР — это не бюрократический аппарат, где сотни сотрудников следят за терминалами компьютеров или прохаживаются вдоль длинных коридоров.

Председатель Совета Константин Харчев пригласил нашу делегацию в конференц-зал. Фигура Харчева становится все более заметной в области взаимоотношений Советского Союза с Западом, так как благодаря гласности вопросы, затрагивающие интересы различных религиозных групп, все больше всплывают на поверхность.

Рейх поставил на повестку дня следующие вопросы: необходимость регистрации учебных групп и преподавателей иврита; доступность учебных пособий, регистрация культурных обществ; взвешенная политика по отношению к государственной тайне как препятствию к эмиграции; роспуск Еврейского антисионистского комитета, а также озабоченность по поводу деятельности «Памяти», откровенно антисемитской русской националистической группировки.

Харчев ответил, что группы по изучению иврита образованы при московской хоральной синагоге (непопулярной среди большинства советских еврейских активистов) и что делается все возможное, чтобы воспрепятствовать антиеврейской деятельности общества «Память».

Рейх продолжил беседу об обучении ивриту, коснулся других вопросов, а затем обратился к Харчеву с предложением об открытии представительства «Б'най Б'рит» в Москве: «У нас есть представительства в 41 стране. Мы хотели бы, чтобы вместе с СССР таких стран стало 42».

В конце нашего визита мы еще раз встретились с Харчевым. Во время этой беседы Рейх выступил с предложением направлять раввинов и преподавателей из Соединенных Штатов в Советский Союз на год или на два. Харчев в принципе одобрил эту идею. Мы решили немедленно, по горячим следам начать осуществление этой программы с помощью группы «Хиллел», входящей в «Б'най Б'рит».

Министерство культуры СССР расположено в живописном доме в конце модной улицы Арбат.

Нас принимал заместитель министра Юрий Хильчевский, бывший советник по культуре советской миссии в ООН. За чаем Хильчевский заговорил о вкладе евреев в советскую культуру. Он отметил, что, хотя евреи в СССР стоят на 16-м месте по количеству населения, они вторые или третьи по качеству, имея в виду их вклад в культурную деятельность страны.

Как и на всех остальных встречах, мы начали беседу с выражения сочувствия в связи с трагедией, вызванной землетрясением в Армении.

Хильчевский согласился рассмотреть нашу просьбу об открытии отделения в Москве, но не смог сразу дать определенный ответ. Впрочем, для «Б'най Б'рит» это уже было большим достижением.

Наша делегация также предложила проводить музейные обмены. (В различных местах Советского Союза собраны ценнейшие коллекции еврейских книг.) Еврейские книги и манускрипты будут выставлены в нашем музее «Ключник», а также показаны по всем Соединенным Штатам. В свою очередь, в советских музеях пройдут выставки, посвященные жизни американских евреев. Более детальное предло-

* Секции «Б'най Б'рит»: молодежная, фонд Хиллела и антидиффамационная лига (от слова «диффамация» — распространение порочащих сведений), специализирующаяся на борьбе с антисионизмом. — Ред.

жение будет вскоре направлено в министерство.

Эд Яловиц, председатель комиссии по делам молодежи «Б'най Б'рит», поинтересовался возможностью организации молодежных поездок по обмену между американскими и советскими евреями. Хильчевский ответил, что подобные обмены уже существуют неформально. Все же он обещал рассмотреть и это наше предложение.

Затем Хильчевский порекомендовал нам присылать побольше своей литературы и религиозных материалов, которых, по его словам, очень не хватало. Мы согласились выполнить это указание заместителя министра.

* * *

Всего делегации «Б'най Б'рит» за одну короткую неделю приняла участие в 25 различных встречах.

Томми Баер и Билл Пейрес встречались с помощником генерального прокурора Владимиром Андреевым. Обсуждались проблемы преследования нацистских преступников и, в частности, дело Рауля Валленберга, отчет о котором нам обещали представить в самое ближайшее время. Посол США Джек Мэтлок принял нашу делегацию в своей резиденции Спасо-хаус, где мы обсуждали значение гласности и перестройки.

Мы посетили посольство Нидерландов и встретились с членами израильской консульской группы, разместившейся в крохотном помещении. Мы видели толпы евреев, выстроившихся в очереди внутри и снаружи посольства и ожидающих получения израильской визы. Важнейшим событием стал первый за последние двадцать лет приезд израильской консульской группы. И мы надеемся, что скоро вновь откроется посольство Израиля в Москве.

На ночном поезде Москва — Ленинград мы отправились с визитом во вторую по величине еврейскую общину.

Мы встречались со многими долгосрочными «отказниками», некоторые из которых только что получили разрешение на выезд. <...>

* * *

Трудно переоценить успех нашего визита. Нашей делегации удалось проделать громадное количество работы, тем более что это был первый визит на официальном уровне. Поэтому, наверное, не все гладко проходило на переговорах с официальными лицами. Но нам нужно будет просто поближе познакомиться с ними и лучше узнать друг друга. Нас пригласили вновь для проведения дополнительных переговоров по каждому из вопросов.

Уже ясно, что «Б'най Б'рит» будет пользоваться популярностью среди евреев в СССР. Быстрый и позитивный отклик на нашу программу и нашу миссию — прекрасный показатель этого. Принадлежать к еврейской организации, истинно международной, — для советских еврейских активистов это подобно утолению многолетней жажды. Официальное разрешение открыть в Москве отделение «Б'най Б'рит» поможет нашей популярности не только в Москве, но и в Ленинграде, Киеве и других городах. Тем временем мы создали здесь небольшую членскую группу и начнем оказывать ей содействие и помощь.

Советские евреи идут двумя дорогами — одни хотят эмигрировать, другие собираются остаться. «Б'най Б'рит» должна стараться служить нуждам обеих групп, используя при этом все наши ресурсы и силы всех членов нашей организации. После обеспечения покоя и безопасности Израиля нет важнее задачи для нашего общества. С помощью своего визита мы начали самым активным образом решать эту задачу.

Д. МАРЯШИН *.

* * *

Итак, «Б'най Б'рит» впервые совершила официальный визит в Москву. Событие это настолько важно для организации, что ее информационный директор не скупится на описание мельчайших

* Директор информационной службы «Б'най В'рит».

подробностей встреч. О деталях мы еще поговорим, но начать надо с главного — с того, о чем тщательно умалчивают «бнайбритовцы» — о масоно-сионистской сущности организации.

Как видно из публикации, президент «Б'най Б'рит» С. Рейх отрицает причастность организации к масонам. «Вы получали неверную информацию о нас», — был его ответ. Не в пример доверчивым слушателям из Еврейской культурной ассоциации, усомнимся в откровенности президента.

Созданная в 1843 году в Нью-Йорке евреями-эмигрантами, «Б'най Б'рит» в настоящее время является мощной сионистской организацией, имеющей филиалы в 41 стране мира и насчитывающей более пятисот тысяч человек. О принадлежности «Б'най Б'рит» к системе международного сионизма не раз сообщалось в советской печати. Так, в книге Е. Черняка «Невидимые империи», выпущенной в 1987 году издательством «Мысль», сообщается: «В США имеются масонские и полумасонские ордены, вербующие своих членов в пределах национальной общины. Большим влиянием пользуется... независимый орден «Б'най Б'рит». В наши дни «Б'най Б'рит» занимает крайне реакционную сионистскую позицию».

Известный журналист-международник В. Большаков в книге «Сионизм на службе антикоммунизма» (Политиздат, 1972) приводит наиболее полную информацию об ордене: «Б'най Б'рит» организуется по принципу масонских объединений, отмечает автор. В международном масштабе действует 4099 лож.

Для подрывной работы против социалистических стран и, в частности против СССР, «Б'най Б'рит» содержит специальный руководящий центр в Западном Берлине.

В своих рядах «Б'най Б'рит» объединяет представителей финансовых, государственных, политических, литературных, журналистских, научных кругов — так называемой «еврейской интеллектуальной элиты». Устав разрешает членам союза вступать в любые партии и организации, так же как и масонам... Точно так же, как у масонов, «Б'най Б'рит» требует от своих членов абсолютного подчинения и безусловного сохранения тайн. Для опознания друг друга незнакомые члены «Б'най Б'рит» пользуются специальными знаками и паролями... Парадные вывески помогают «Б'най Б'рит», как, впрочем, и другим сионистским организациям, избегать уплаты налогов и тем не менее активно вмешиваться не только во внутреннюю, но и во внешнюю политику США и ряда других государств.

«Б'най Б'рит» можно с полным основанием назвать одним из руководящих центров координации действий международного сионизма», — делает вывод В. Большаков.

«Б'най Б'рит» — активный участник крупнейших международных антисоветских сборищ. Она сыграла важную роль в подготовке и проведении наделавшей в свое время много шума Брюссельской конференции, посвященной положению советских евреев. Свыше 760 видных сионистов, в том числе «бнайбритовцы», потребовали от правительств «прекратить переговоры с СССР, организовать экономический бойкот нашей стране, установить контакты со всеми антисоветскими партиями и движениями в мире» *.

«Ни для кого в США не тайна, что «Б'най Б'рит» пользуется огромным влиянием в вашингтонских «коридорах власти», члены

* «Международная жизнь», 1971, № 6.

ордена заняли самые высшие ступени деловой и официальной Америки» *, — писала «Комсомольская правда».

Не случайно именно перед руководителями организации в 1984 году выступил с речью тогдашний президент Р. Рейган, заявивший о решимости США продолжать прежнюю американскую политику на Ближнем Востоке» **.

Имея прочные позиции в Вашингтоне, других столицах, «Б'най Б'рит» стремится распространить свое влияние и на Москву. По словам Д. Маряшина, организация проверяет на прочность «режим Горбачева». Откровенно, но не оригинально. В последние годы у нас многое из того, что складывалось десятилетиями и даже веками, испытывается на прочность: целостность страны, преемственность поколений, нравственность, даже такое врожденное чувство, как любовь к Родине. К разрушительной работе подключаются все новые и новые силы, начертавшие на своих знаменах слова «перестройка» и «гласность».

Почуяв ветер перемен, пришли в движение и сионистские круги Запада. Вчера еще посылавшие проклятия в адрес нашей страны, ныне они обивают пороги официальных учреждений, добиваясь расширения эмиграции евреев и «придания больших прав тем евреям, которые хотят остаться в стране». Фактически речь идет о попытках сионизма легализовать свою деятельность в СССР.

Проблема эмиграции поднималась на встрече с заместителем министра культуры СССР Ю. Хильчевским. Как сообщил нам Юрий Михайлович, он порекомендовал гостям побывать у американского посольства в Москве, где регулярно собираются те, кто, получив разрешение советских властей, не может уехать из-за отказа американской стороны. После такого ответа гости перевели разговор на другую тему — якобы имеющейся у нас дискриминации евреев в культуре. Ю. Хильчевскому не составило труда доказать абсурдность этого обвинения: если и существует у нас дискриминация, то не евреев, а других наций, непропорционально представленных в культурной сфере.

Показательно, что автор публикации извратил содержание беседы, представив заместителя министра чуть ли не патроном своей организации. Как иначе воспринимать приписанную Ю. Хильчевскому мысль о необходимости увеличить поставки литературы по иудаизму и реакцию «Б'най Б'рит»: «Мы согласились выполнить это указание заместителя министра»?

Опроверг Ю. Хильчевский и информацию относительно неформально практикуемых обменов-поездок между советскими и американскими евреями. «Поездки, безусловно, нужны, — говорит Ю. Хильчевский, — но только не по принципу национального подбора».

И уж совсем лживо, по его словам, заявление о якобы достигнутом с Министерством культуры СССР соглашении открыть в Москве представительство «Б'най Б'рит»: решение этого вопроса не входит в компетенцию министерства.

Думается, многое могла бы прояснить и встреча с председателем Совета по делам религий К. Харчевым, но в настоящее время он перешел на другую работу.

Важной целью поездки делегации «Б'най Б'рит» в Москву, как

* 16 марта 1977 г.
** Е. Черняк. с. 184.

видно из публикации, было установление контактов с руководителями еврейских общин, движением «отказников» и культурных объединений. В их среде уже начата вербовка членов московского филиала «Б'най Б'рит», действующего пока неформально. «Выступление «Б'най Б'рит» в Москве ничем не отличалось от беседы на окружном собрании где-нибудь в Канзас-сити», — радостно заявляет Д. Маряшин, и в данном случае он, по-видимому, прав.

И за океаном, и в Москве раздаются сетования о положении советских евреев, которые «не имеют равных с другими народами прав». Ох, уж эти правозащитнички! Неравноправие Российской Федерации среди союзных республик, участь турок-месхетинцев, ущемление законных интересов русскоязычного населения Прибалтики и Молдавии они в упор не замечают. Зато когда заходит речь о евреях, то любой частный факт может принять вселенский размах. «Советские евреи — предмет серьезного беспокойства для евреев на Западе, — утверждает С. Рейх. — Мы хотим, чтобы советские евреи имели свободу выбора: покинуть страну или остаться здесь и быть свободными». Сколько тут лицемерия и фарисейства! Говоря о свободе, президент «Б'най Б'рит», похоже, и не подозревает, что советские евреи, быть может, вовсе не желают подчиняться диктату интернационального сионизма, который, как известно, всегда был злейшим врагом евреев, главным их угнетателем.

Вряд ли согласятся многие советские писатели еврейского происхождения вдруг перейти на идиш, а простые евреи — отдать детей в учение раввинам. Сегодня, во всяком случае, у них есть выбор. При активизации сионизма, стремящегося повернуть советских евреев лицом к Израилю, иудаистской культуре, они его могут лишиться: сионизм располагает достаточным арсеналом средств, чтобы добиться безропотного подчинения. Так что подлинной свободой для большинства советских евреев будет избавление их от назойливой заботы «Б'най Б'рит».

Но нельзя закрывать глаза на тот факт, что сионистские идеи находят поддержку у части советских евреев. Это особенно заметно в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове и некоторых других городах. Именно оттуда чаще всего исходят призывы установить дипотношения с Израилем.

А хотят ли этого миллионы советских людей?

Словно по команде, к работе по прорубанию двери в Израиль дружно подключились звезды эстрады. Под стоны расстреливаемых израильтянами арабов проходят концерты А. Пугачевой, М. Жванецкого, А. Розенбаума, Г. Хазанова; гастроли московских театров, рижского балета. В стране обетованной вдохновенно читают стихи Е. Евтушенко, Б. Окуджава... Собирают в Израиль реквизит театры имени Ленинского комсомола и на Таганке. А завершили этот небывалый парад звезд мастера Большого театра.

Кто же организует эти акции? Министерство культуры? Оказывается, нет. Обыкновенные советские кооператоры, сманивающие наших исполнителей и поэтов солидным кушем. Но было бы наивно полагать, что дело только в деньгах.

Наконец пришло время для идеологического обоснования странного сближения, чем и поспешил заняться В. Коротич. В репортаже «Не все так просто» («Огонек», № 33) он всячески пытается вызвать у читателей симпатию к Израилю. В одну кучу собирается все: помощь Армении, наши артисты, русская речь на улицах

Тель-Авива (а у нас всячески пропагандируют идиш и иврит). «Мало у кого из эмигрантов я встречал откровенную нелюбовь к покидаемому советскому дому», — заверяет читателей В. Коротич. А раз так, то почему бы людям, выезжающим в Израиль на постоянное жительство, не сохранить советское гражданство? — подкидывает он смелую мысль.

Проверка на прочность успела коснуться и этой сферы. Главный режиссер Театра на Таганке Ю. Любимов недавно получил сразу два гражданства: возвращенное советское и почетное израильское. Не удивлюсь, если в скором времени слово «почетный» исчезнет в его документах.

Да, сложным делом занялся В. Коротич. Ведь пишет не откуда-нибудь, а из столицы государства, двадцать с лишним лет проливающего кровь соседей. «Понятно, что Советская страна никогда не примет шовинистической, агрессивной политики Израиля в отношении арабов», — заключает В. Коротич, хотя этот вывод вовсе не следует из его репортажа, скорее противоречит ему. Да и сразу за этими строками — туманные намеки на «политические реалии», которые требуют «гибкости, умения спорить». И что-де этот спор зачастую усиливает, а не снижает государственную принципиальность.

Политика — политикой, но как быть с сионистской, человеконенавистнической идеологией Израиля? Сделать вид, что ее нет? На такое у В. Коротича не хватает духа. Но выход он нашел. Митинги сионистов выглядели точь-в-точь, как «патриотические радения «Памяти», — поражает он читателей необычным сравнением. Еще бы: на одну доску поставлены носители идеологии расизма и расовой дискриминации, являющейся главной причиной многолетней напряженности на Ближнем Востоке, и люди, самый большой грех которых едва ли не в том, что в ходе предвыборной кампании они выступили против кандидатуры главного редактора «Огонька».

«Полюса смыкаются», — резюмирует В. Коротич. Смыкаются, это верно, но только те ли полюса?

Почти одновременно с огоньковским материалом в печати появились сведения о создании в Москве сионистской партии с военизированной молодежной организацией «Бейтар»*. Ширмой для своих действий сионисты избрали «союз преподавателей иврита в СССР». Система клубов, зарегистрированных через кооперативную систему в арендованных помещениях или незарегистрированных — на больших частных квартирах, — говорится в его документах, — должна подпитывать организацию людьми и ресурсами.

Та же газета 3 августа подробно цитирует статью Л. Городецкого, одного из руководителей этого союза, «О восстановлении сионистской организации», помещенную в одиннадцатом номере «Информационного бюллетеня союза преподавателей иврита в СССР»:

«1. Речь идет о создании **политической** структуры, осуществляющей на всех уровнях представительство и защиту сионистски ориентированных групп, а также отдельных людей.

2. Эта организация должна явиться адресатом внутри СССР для обращения за соответствующей помощью и информацией. Она должна отлаживать каналы алии (например, в настоящее время — систему вызовов для едущих в Израиль) и систему многоплановой подготовки к алие. <...>

3. Очень важной функцией Сионистской Организации должна являться — при принципиальном неучастии в переустройстве жизни в СССР — борьба за выживание здесь евреев как народа. Тут нет парадокса. <...> Еврейская цивилизация в СССР уничтожена, полностью снят и ликвидирован тот плодородный слой, который может воспроизводить культуру народа. Восстановление этого слоя, если это вообще возможно, потребует не лет, а поколений. Этого времени у нас, похоже, нет. Поэтому я глубоко убежден: единственное, что может спасти остающихся здесь евреев от ассимиляции — это мощная ориентированность на Израиль, на ивритскую израильскую культуру, на идеологию религиозного сионизма. Проводником этой «сионизации», «израилизации» здешнего еврейского населения должна быть, безусловно, разветвленная сионистская организация».

Вряд ли была бы необходимость обращаться к этой статье, если бы она не явилась платформой прошедшего в Москве в начале августа учредительного съезда общественно-политической организации «Союз сионистов», в задачи которой, как подчеркивалось в заявлении Антисионистского комитета советской общественности, входит «мощная ориентированность на Израиль, на еврейскую израильскую культуру, на идеологию религиозного сионизма»*.

Участников съезда поздравил президент Всемирной сионистской организации, заверив, что «новое образование может рассчитывать на помощь и поддержку сионистов Запада».

Действительно, полюса смыкаются. Да так сильно, что уже не видно различий между ними... И что больше всего тревожит — отсутствие официальной точки зрения на весь этот процесс.

В разговорах с людьми порой слышишь вопрос: неужели у нас нет более важных проблем, чем наводить мосты с расистским Израилем? Или мы хотим, чтобы Москва, некогда именовавшаяся третьим Римом, стала, вслед за Вашингтоном, третьим Тель-Авивом?

Процесс демократизации и гласности всколыхнул различные общественные силы. Во всеуслышание заявляют о себе те, кто еще вчера находился в глубоком подполье. В их числе — просионистски настроенные элементы, мечтающие повернуть перестройку в свое русло. Эту же цель преследует международный сионизм. Поэтому и тянутся в Москву щупальца спрута — поддержать своих единомышленников, используя любые каналы, не жалея благотворительных миллионов.

Видеть это и не принимать мер — преступление перед собственным народом.

В. ЕРОХИН

* «Московская правда», 1989, 23 июля.

* «Правда», 1989, 9 августа.

АРМИЯ ЗАЩИЩАЕТ НАС, А КТО ЗАЩИТИТ АРМИЮ?

Пишу вам с горьким чувством. Я офицер, около восемнадцати лет ношу флотскую форму. Все эти годы убежден, что, как и тысячи моих товарищей по воинскому строю, занимаюсь важным, почетным делом, без которого пока не обойтись ни нашему народу, ни нашей стране. Однако недавняя встреча с однокашниками, которые нынче служат в том самом училище, где тринадцать лет назад мы вместе получили лейтенантские погоны и кортики, породила много грустных мыслей. Оказывается, комплектование училища курсантами становится все более обостряющейся проблемой. Не слишком охотно нынче идут сюда юноши. И это в Севастополе, городе нашей воинской славы, городе-легенде, ставшем таковым благодаря подвигам русского солдата и матроса, городе, где практически каждый так или иначе связан с флотом и морем.

Но ведь я же знаю, что еще совсем недавно все было совершенно иначе. Я помню свой десятый класс в одной из севастопольских школ. Из полутора десятков моих одноклассников на вступительные экзамены в военно-морские училища не пришли только те, кому здоровье явно не позволяло преодолеть строгий отбор медицинских комиссий. Да и конкурсу среди мечтавших в тот год стать офицерами флота — двенадцать человек на одно место — могли бы позавидовать иные столичные вузы. Курсантскую бескозырку и форменку с золотистыми «галками» на рукавах надевали достойные парни. Потому, видимо, и не было для большинства юных севастопольцев ничего престижнее курсантского звания.

Что же произошло за эти годы? Почему теперь далеко не каждый оголец смотрит на училищные ворота мечтательным взором?

Причин, думаю, много. Но той, которая представляется мне одной из главных, хотелось бы поделиться.

Не раз и не два я встречался с самыми чтимыми и заслуженными на флоте людьми — командирами кораблей, в том числе и с атомниками, отмеченными званием Героя Советского Союза. За плечами у каждого годы самоотверженной службы, вместившие в себя бессчетные бессонные ночи, сотни тысяч океанских и морских миль, годы, проведенные в разлуке с домом, семьей. В большинстве своем эти люди преданы флоту и долгу — другим не доверяют корабельные мостики. Так вот, почти всегда я задавал им вопрос: что привело вас, зачастую живших вдали от моря, на флот? Конечно, ответы были разными. Но очень много таких: случайно виденная по телевизору или в кино картина торжественной встречи корабля из океанского плавания, книга о красоте и благородстве старых морских традиций, рассказ в газете или журнале о соленой моряцкой романтике... Так формировался у них, тогда еще ребят, образ трудного, но почетного дела, которому они решили посвятить жизнь.

Я ставлю себя на место сегодняшнего семнадцатилетнего парня. Что нынче сумеет он почерпнуть об армии и о флоте из газет и журналов, радио, телевидения? Бесконечные разговоры о «дедовщине» и офицерском хамстве, о том, что воинская служба отупляет и нивелирует характеры? Дрыгающиеся рок-ансамбли, особенно популярные у юных, обрушивают на их головы хриплеголосые песни, призывающие ненавидеть все, что цвета хаки. Серьезные мужи с экрана и со страниц печатных изданий горячо убеждают в том, что надо ввести альтернативную службу на западный манер, что служить следует никак не далее границ родной республики. При этом их нисколько не смущает такой вопрос: а кто должен тогда ходить в дозоры, к примеру, на Чукотке? Неужто только те, кто живет там испокон века? Много ли таких? Кто должен уходить в восьмимесячные океанские плавания, скажем, на подводных лодках Тихоокеанского флота?

Что еще может почерпнуть наш семнадцатилетний юноша из многих средств массовой информации? Ну, к примеру, что военная история нашей армии и флота, на героике которой воспитаны поколения, — на деле цепь сплошных интриг, ошибок и преступлений, оплаченных реками народной крови. Сами понимаете, на таким образом удобренном поле народной нравственности ростки патриотизма всходят с большим трудом. А вот чертополох бездуховности и нигилизма цветет пышным цветом.

Быть может, армия нам уже не нужна, коли значительная часть средств массовой информации в организованном порядка пытается произвести духовное разоружение и армии, и молодежи в целом? Не думаю, что многие прабывают в этом опасном заблуждении. Монбланы оружия, накопленные в мире, пока что очень незначительно потеряли в высоте. И кинокумир многих заокеанских па-

ней Рембо аще стреляет с бедра из автомата в экранных же тупых и жестоких «советских» и вьетконговцев. Пальмовая ветвь — не лучшее средство отмахиваться от его пуль. Реальность нашего времени такова, что было бы опасной наивностью полагать, будто военная угроза для Советской страны и ее союзников уже навсегда ликвидирована. Выходит, и наши воинские знамена преждевременно сдавать в музейные экспозиции. Их, как и раньше, следует вручать в крепкие и надежные руки.

Но почему же, почему тогда столь оголтело нападают на Вооруженные Силы, на советского солдата и офицера иные писатели, публицисты, историки, печатные органы, телевидение? Полагаю, не в последнюю очередь в погоне за сенсацией, «жареными фактами», которые вдруг обнаружились за закрытыми от общественности прежде и широко распахнутыми теперь для гласности воротами военных городков и гарнизонов. Есть, наверное, и другое. Кто-то, воспринявший начало перестройки как сигнал к атаке на наши духовные ценности и идеалы, видит в Вооруженных Силах, видимо, мощный противовес своим устремлениям. Эти-то, конечно, вполне отдают себе отчет в том, что Советская Армия — это не просто некая вооруженная сила. Прежде всего это сила духовная и культурная, испытанная школа воспитания патриотизма и интернационализма. И хотели бы, безусловно, если не уничтожить такой противовес вовсе, то хотя бы всемерно ослабить в моральном и нравственном отношении. Очернительство всего и вся для этого, нет сомнения, средство, достойное цели.

Только такими резонами могу я объяснить публикацию, скажем, в журнале «Юность» первой части романа-анекдота Владимира Войновича «Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина». Показательно, что начинание редколлегии журнала незамедлительно получило благожелательный отклик и в «Огоньке», и в «Московском комсомольце», по моему глубокому читательскому убеждению, особого уважения к нашей армии и военным, мягко говоря, не испытывающим. А кинорежиссер Эльдар Рязанов, без стеснения рассказавший в свое время с телеэкрана миллионам зрителей веселую, по его мнению, байку о том, как ему в молодые годы удалось увильнуть от воинской службы, тут же заявил о готовности снять фильм о похождениях Чонкина.

Я и многие мои товарищи-офицеры пытались в письмах высказать свою оценку произведения Войновича редколлегии «Юности», ее редактору Дементьеву. Ни одно из них не было опубликовано. Поэтому попытаюсь вкратце здесь высказать мою точку зрения.

Мне было бы понятно появление такого рода произведения в Мюнхене, где живет Войнович, выдворенный в свое время из нашей страны. Возможно, многим в Мюнхене не за что любить наш народ, нашу армию, нашего солдата. Карикатурный образ недотепы в пилотке со звездой, полагаю, куда более по сердцу части тамошних читателей, чем величественная фигура воина-освободителя в берлинском Трептов-парке. Однако зачем этот анекдотец в Москве?

Удивляет, возмущает, заставляет задуматься и другое. Зачем, по-вашему, автор столь рискованно расположил действие романа у черты, отмеченной в народной памяти величайшей трагедией гитлеровского нашествия? Почему бы не повеселить нас Чонкину вкупе с Войновичем, допустим, из тридцатых или начала пятидесятых годов? Не нахожу иного ответа: только затем, чтобы запустить из Мюнхена в наш народ камень потяжелее. А коли так, это кощунство по отношению к тем, кто защитил Родину, да и всю Европу от фашизма.

Такой шаг журнала «Юность» тем более небезобиден еще и потому, что его читатель — человек, как правило, молодой. И быть может, для кого-то, еще не читавшего «Живые и мертвые» К. Симонова или «Судьбу человека» М. Шолохова, книга Войновича станет первой о той войне. И пусть потом ему рассказывают на уроках истории или литературы о Великой Отечественной войне как о глубоком роднике народного мужества и патриотизма, питавшем нашу Победу. Этот наш гипотетический юный читатель, не исключено, будет кривить в усмешке губы: знаем, дескать, кем был на деле русский солдат. Чонкиным! Так тоже формируются образы и стереотипы.

Что еще узнает наш семнадцатилетний из сегодняшней периодики об армии? Скажем, из «Комсомольской правды», которая ему адресована? Конечно, он прочитает нашумевшую в свое время статью «Случай в спецвагоне» (29 июля 1988 года). Ту самую, которая названа самой газетой материалом года, ибо получила более 14 000 откликов. И ужаснется, видимо, тому, что, возможно, ожидает его в армии.

Вокруг этой статьи сломано немало полемических копий. Что, кстати, тоже свидетельствует о большом общественном потрясении действительно диким случаем в спецвагоне. Напомню: доведенный до отчаяния бесчеловечными издевательствами со стороны распоясавшихся сослуживцев, рядовой внутренних войск А. Сакалаускас взял на себя роль и судьи, и прокурора, расстреляв семерых караульных и ни в чем не повинного проводника вагона.

Страшно? Да. Даже чудовищно. Есть такая проблема в армии и во внутренних войсках — «дедовщина»? Есть, и весьма больная. Однако, даже осознав справедливую бесспорность этих выводов, наш читатель, не исключено, так никогда и не узнает одной большой неправды, заключенной в статье. А именно: нигде и никогда, ни в армии, ни во внутренних войсках, за измывательства над солдатом никого, особенно командиров и политработников, не гладят по головке и не «журят слегка», как утверждает «Комсомолка». Самые строгие приказы, подкрепленные многочисленными проверками, требуют и о куда менее трагических случаях тотчас сообщать прокурору. Ибо карают за «дедовщину» строго, и никто из людей в офицерских погонах не заинтересован в сохранении этой заразы в казарме. А вот погонами за нее поплатились многие. И не только погонами.

Можно назвать и другие подобные публикации этой газеты, появившиеся за последние год-два, посвященные армейской теме. Скажем, «Бравый солдат» (20 мая 1989 года). Или статья «Совесть по уставу» (18 августа 1988 года). Диву даешься, осмысливая приведенные в ней факты. Рядом с караульным помещением погибает подорвавшийся на случайно обнаруженном боеприпасе мальчик, а советские солдаты и офицеры, зная об этом, хладнокровно не вмешиваются, позволяя ему умереть. Так и хочется воскликнуть: да люди ли эти, в погонах? Думаю, многие читатели, как и я, отказались в такое поверить. И правильно сделали. Потому что чуть позже в «Красной звезде» появилась корреспонденция «К вопросу о совести», которая все расставила по своим местам. Ока-

залось, что суть происшедшего грубо искажена «Комсомольской правдой». Но не автором, нет. Самые разоблачительные детали добавили в редакции. Что это: произвол над истиной, бездумное желание любой ценой отыскать сенсацию даже там, где ее нет, а быть может, очернительство?

Точно так же, на мой взгляд, обстоит дело и с еженедельным приложением к «Комсомольской правде» — «Собеседником». С той лишь разницей, что негативное отношение к военным, к службе в армии еженедельник старательно формирует и яркими изобразительными средствами. Специального исследования я не проводил, однако знаю, что очень многих моих товарищей больно задел плакат, вынесенный на обложку одного из прошлогодних выпусков: оскаленный сапог по соседству с маловразумительной, но злой подписью: «Обслужу как надо и вернусь». С кем бы из своих товарищей-офицеров ни заводил речь о «Собеседнике», тот крепкозубый сапог памятен всем как большая и незаслуженная обида, граничащая с оскорблением.

Из того же ряда и, так сказать, публицистика «Собеседника» на эту тему: «Допризывная кадриль» (№ 1, январь 1989 года), «Прошение об отставке? Не положено...» (№ 10, март 1989 года).

Можно было бы и дальше продолжить перечисление публикаций молодежной газеты и ее приложения, в которых сквозь словесный грим проглядывает неуважительное отношение к армии, тенденциозность. При этом подчеркну: никто не против критики. В Вооруженных Силах, как и в обществе в целом, накопилось немало проблем. Но только доброжелательная, конструктивная критика способна исправить дело.

Наверняка помогли бы нашим командирам и политработникам серьезные, взвешенные, конструктивные статьи о героико-патриотическом воспитании, о подготовке молодежи к службе в армии. Острых проблем здесь предостаточно. Именно в доармейское воспитание — и это общепризнанно — уходят многие корни «дедовщины». Оглянитесь вокруг. И на гражданке вы обнаружите не один коллектив, в котором водятся подобия печально известных неуставных взаимоотношений. Если бы это было не так, куда меньше хлопот было бы у милиции, прокуратуры и судов.

Все глубже проникает в молодежную среду пацифизм. Все чаще в военкоматы приходят хилые и больные юноши, не способные себя-то защитить, не то что страну... Тысячами становятся в строй те, кто ни слова не понимает по-русски. Излишне говорить, как сложно идет у них освоение армейской специальности, как трудно складываются отношения с товарищами в казарме. Разве нет здесь тем для «Комсомольской правды», «Собеседника», да и других молодежных изданий? Вот только редко они обращаются к ним.

Я коснулся лишь тех печатных изданий, которые адресованы нашей молодежи, ставят своей целью ее воспитание. Сознательно оставляю за рамками этого разговора журнал «Огонек» и газету «Московские новости», позиция которых по отношению к нам, военным, у многих неравнодушных к судьбе страны вызывает досаду и недоуменные вопросы. Хотя, конечно, читают молодые и их. Нет ли здесь связи с тем, что сегодня немало юношей воспринимают воинскую службу не как нечто необходимое народу и стране, не как школу жизни и воспитания, а скорее в качестве обременительной, неизвестно кем, неизвестно для чего придуманной ноши, от которой желательно поскорее отделаться. Не надо думать, что таких единицы. Вполне открытые для печати данные военных комиссариатов свидетельствуют, что из года в год растет число попыток уклониться от призыва на срочную службу, неявок на призывные и сборные пункты. При этом в военные училища такие, конечно же, не спешат. Вопрос только: кому выгодно, чтобы дела обстояли именно так? Кому выгодно ставить нашу армию в унизительное положение ответчика за грехи, которых она не совершала?

Не молодежным ли газетам следовало бы внушать своим читателям очевидную истину, что всегда и во все времена именно армия, движимая понятиями «долг», «совесть», жертвовала лучшими своими представителями во имя общества. Она несла потери не только на фронте, но даже в так называемые мирные дни, если это диктовалось интересами народа. Вспомним недавние события в Армении, в Азербайджане... Она ничем не запятнала знамена в Афганистане, в других странах, где нашим солдатам и офицерам довелось выполнять свой долг. А то, что в их рядах порой оказывались случайные люди — только ли армия в том виновата?

Сегодня не так уж редко можно услышать разговоры, что военные — это нахлебники у обнищавшего народа. Народ и армию противопоставляют друг другу в очередях за стиральным порошком и с трибуны Съезда народных депутатов. Корреспонденты телевидения из программы «Взгляд» предлагают на улицах случайным прохожим микрофоны для ответа на вопрос: а такая ли армия нам нужна?

Конечно, люди правы, предъявляя к нашей армии высокие требования. Они должны быть уверены в надежности защиты страны. Не забывать бы при этом, в пылу публицистического или митингового азарта, что армия — это не нечто, созданное вне общества. Армия — это часть нас самих, это мы сами, наши сыновья, братья, отцы. И стало быть, если в душах чьих-то сыновей, братьев, отцов не разбужены высокие чувства, не воспитаны мужество, дисциплинированность, трудолюбие, наивно требовать от них выказать эти качества, едва надев военную форму. Но согласитесь — перечисленные черты характера встречаются далеко не у всех нынешних семнадцатилетних, которые завтра и есть армия. Нет ли в этом и нашей вины, собратья по журналистскому цеху?

Я, как и многие наши сограждане, внимательно следил за работой первого Съезда народных депутатов СССР. Среди прочего, в память врезались слова депутата-рабочего В. Дюсембаева из Казахстана: «...Армия — это детище народа, и дитя свое нельзя не любить, нельзя предавать! Почему? Потому что мы сегодня живем и существуем только благодаря нашей армии, которая после войны более сорока лет защищает нас и поддерживает мир».

Помнить бы эти слова, когда беремся за перо, чтобы писать о советском солдате.

С. ИЩЕНКО,
капитан 2-го ранга,
член Союза журналистов СССР,
Москва

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СОБИРАТЬ СИЛЫ ДЛЯ СОЗИДАНИЯ

(Из писем в редакцию)

КАК ДЕЛАЮТ ОППОЗИЦИЮ

В серии юмористических зарисовок под названием «Как это делается» К. Чапек описал, как ставят спектакль, как снимают кино и т. п. Сегодня ему богатым материалом для творчества могла бы послужить бурная деятельность, развернутая некоторой частью московской общественности в преддверии предстоящих выборов в местные и республиканский Советы.

Заправляют этой «кухней» уже примелькавшиеся на всякого рода митингах и собраниях доверенные лица ряда народных депутатов. Похоже, идет интенсивный обмен услугами: вчера мы помогали вам, сегодня вы помогите нам. И те депутаты, которые вынашивают далеко идущие планы, сами активно включаются в эту игру и, засучив рукава, работают над созданием новых вертикальных структур. Работа кипит, и очертания новой пирамиды власти возникают прямо на глазах.

В роли великого архитектора выступает И. Заславский, очаровавший многих избирателей Октябрьского района Москвы. Заславский открыл свои карты на заседании Межрегиональной группы депутатов 8 июля 1989 года, предложив, когда обсуждался вопрос о создании Фонда депутатских инициатив, «ввести в состав Фонда недепутатов, которым мы хотим создать паблисити для республиканских выборов». Кто такие «мы», не уточнялось, то ли вся межрегиональная группа в целом, то ли какая-то группа внутри группы, но паблисити Заславский начал создавать сразу же и, конечно, своему самому доверенному лицу и координатору своего избирательного округа Д. Катаеву, который успел уже подсуетиться и сочинить устав планируемого Фонда.

Тот же самый Катаев восседал и в президиуме избирательного собрания Ассоциации районных клубов избирателей, состоявшегося в МГУ 27 июля 1989 года. Хотя три московских района — Сокольнический, Тимирязевский и Кунцевский не были представлены совсем, делегатам некоторых других, например, Ленинградского, как позже выяснилось, никто никаких полномочий не давал, а делегация Куйбышевского района со скандалом покинула потом заседание, устроители образовали тем не менее так называемое Московское объединение избирателей (МОИ) и Координационный совет в составе 15 человек, куда ввели первым делом, разумеется, самих себя.

Кто же из депутатов, кроме вышеупомянутого Заславского, которого в КС представляют Д. Катаев и А. Шабад, может с гордостью заявить: «Эти люди — МОИ»? Список этих депутатов свидетельствует о том, что речь идет о самой верхушке Межрегиональной группы, мы встречаем в ней имена Б. Ельцина (в его команду входят С. Трубе, А. Музыкантский и Л. Шемаев), а также «историка» Ю. Афанасьева, Ю. Черниченко, Т. Гдляна, С. Станкевича, Ю. Андреева и В. Беляева.

Среди членов КС проявляет особую активность и потому заслуживает особого внимания Лев Шемаев. Десятки тысяч москвичей имели возможность наблюдать эту личность во всем ее «блеске» во время митинга в Лужниках 31 мая. Будучи ведущим этого митинга, Л. Шемаев представлял каждого из выступавших депутатов с развязностью, с шуточками провинциального конферансье, примерно такими же, за которые кот Бегемот оторвал голову Жоржу Бенгальскому в известном романе М. Булгакова.

Старые замашки новых лидеров очень настороживали Людмилу Сараскину, которая в статье «Все это уже было...» (журнал «Век XX и мир» № 5 за 1989 год) тонко подметила, что, «сколько лет созерцая высокопоставленные номенклатурные президиумы, вначале страшась их, а потом смеясь над ними, наш оппозиционер и обличитель, когда пришла его пора, сам наперегонки пошел, побежал в созданные им президиумы и с превеликой охотой восседает там». «Всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, заявить себя первооснователем, инициатором и вообще стоящим у «самых истоков». На этой почве произошло уже много раздоров и расколов. Идет борьба за первенство, за лидерство, за влияние, хоть и самое крошечное, в пределах своего кружка. При этом «тяга к бумажному оформлению своего статуса поистине умопомрачительна... Потребность «разрешить великую мысль» оборачивается у пяти-семи человек, собравшихся на

частной квартире, немедленным составлением устава, заявления, обращений, кодекса и т. п., в которых за спинами остальных соотечественников решается судьба страны». Неформалы увлекаются формалистикой, и за всей этой суетой Л. Сараскина видит людей с комплексом «революцяонера-подпольщика», для которых «сам факт прежней «подпольной» деятельности — это... заслуга, которая при выходе из подполья автоматически должна давать право на первые роли и главные места». «Раздраженное и озлобленное состояние ума, нетерпимость, какая-то вечно обиженная агрессивность становятся, по-видимому, печальным следствием того обстоятельства, что первых ролей мало, а... претендентов много», — заключает Л. Сараскина, предпосылая своей статье очень злободневно звучащий эпиграф из песни В. Высоцкого:

Слева бесы, справа бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел, —
Не поймешь, какие злей.

И куда, в какие дали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти врали
По этапу поведут?

В МГУ 27 июля царила такая же постыдная суета потенциальных лидеров. Бок о бок с Катаевым сидел и властно порыкивал на зал Лев Пономарев из общества «Мемориал». От того же «Мемориала» вошел в КС и Олег Орлов, доверенное лицо Ю. Черниченко. Я надеюсь, не надо объяснять подробно, что такое «Мемориал». Это общество, наибольшее возмущение которого вызывает не зверское ритуальное убийство царской семьи, не расказачивание, не истребление миллионов русских крестьян в период коллективизации, а 1937 год. Но ведь хорошо известно, что во второй половине 30-х годов произошла тривиальная, в общем-то, вещь: горько оплакиваемые «жертвы 1937 года» — это большей частью те, кто просто проиграл схватку за власть своим более удачливым коллегам.

Нравы «Мемориала» колоритно описаны той же Л. Сараскиной, присутствовавшей на одном из собраний этого общества:

«Сидели там старики и старушки, пришедшие вспомнить и рассказать о своих прошлых мытарствах, покалеченных жизнях, изуродованных судьбах. А в президиуме заседали все больше молодые молодцы, — оргкомитет или что-то в этом роде, образованный в помощь безвинно пострадавшим. За множеством бумаг, подлежавших оглашению и подписанию, оргкомитетчики както совсем забыли про зал, досаждавший требованием слова, — в президиуме упоенно разыгрывались места и должности, велась откровенно аппаратная работа. На моих глазах что-то неудержимо менялось: старички становились всего лишь средством, а суета президиума «целью».

Эти нравы мемориальцы принесли с собой и на учредительное собрание МОИ, где все в миниатюре напоминало Дворец съездов, все было, как у «больших»: и труба, и дым шел, и члены президиума уже явно воображали себя членами того, другого президиума, и собравшейся в зале публике тоже нравилась эта игра, и 230 «делегатов с решающим голосом» важно поднимали свои мандаты... Сходство было настолько удручающим, что хотелось быстрей выйти на свежий воздух.

Не обошлось, конечно, и без представителей Московского народного фронта, в Координационный совет которого официально входит С. Станкевич. Как известно, в программе этого фронта содержится требование «удалить пункты о национальной принадлежности граждан из любых обязательных к заполнению анкет или документов», то есть цель МНФ — окончательное превращение граждан нашей страны в людей, не помнящих своего рода и племени. Отсюда конкуренция МНФ с так называемым Российским народным фронтом, отсюда, надо думать, и такое озлобление против Андреевского флага, вывешенного делегацией от РНФ, также присутствовавшей на собрании, и многочисленные записки с требованием убрать этот флаг. По вопросу о флаге голоса в зале разделились примерно поровну, но позже активистам Московского антинационального фронта удалось все же выжить ненавистный флаг, а вместе с ним — и всю делегацию РНФ.

В состав КС МОИ, кроме перечисленных выше лиц, вошли И. Боганцева, В. Боксер, Я. Горбадей, В. Кригер, П. Макагонов, В. Попов и А. Янушевский. От имени депутатов собравшихся приветствовали Е. Евтушенко, Н. Травкин и «историк» Ю. Афанасьев. Евтушенко сказал, что самое главное — это революция снизу, на революцию сверху дальше уповать нельзя. Эту же мысль за ним повторяет теперь и Д. Катаев: «Революция сверху выдыхается. Вечная ей память! Она выполнила главную задачу: приоткрыла шлюз для революции снизу раньше, чем произошел стихийный взрыв».

Пугая возможностью «стихийного взрыва», кое-кто из новоявленных прорабов перестройки хотел бы заменить лидера «революции сверху» на лидера «революции снизу». Эта идея давно уже не является ни для кого секретом — активисты Демократического союза намекали на это еще в ходе выборов в народные депутаты Верховного Совета СССР. По их мнению, другой альтернативной фигуры, кроме Б. Н. Ельцина, в стране нет. Однако многих избирателей настораживало, а сейчас еще более настораживает, что Ельцина окружает довольно странная компания. Возникает вопрос, почему ему делают такую громкую рекламу на Западе? И какое отношение к этой рекламе имеет то обстоятельство, касающееся только самого Ельцина, что у него жена «еврейского происхождения», о чем, как о какой-то сенсации, проинформировал своих читателей в апреле этого года французский еженедельник «Пари-матч», посвятивший Ельцину большую статью с множеством цветных иллюстраций?

При чем здесь национальность жены? На что намекают французские журналисты? Не на то ли, что, как известно, принадлежность к еврейству определяется сионистами происхождением по материнской линии? «Согласно религиозным установлениям раввината и официальному законодательству государства Израиль евреем считается тот, кто рожден матерью-еврейкой», — пишет Е. Евсеев в книге «Расизм под голубой звездой» (Саратов, 1981, стр. 38).

Вообще-то сионисты не поощряют смешанных браков, но в одном случае делают исключение из правила: когда нужно укре-

питься среди «чужого народа». Не потому ли они на протяжении всего советского периода уделяют пристальное внимание женам руководящих мужей большого и малого рангов? Как один из примеров можно назвать издание на Западе книги «Эсфирь XX века», рассказывающей о... жене Н. И. Ежова.

Вернемся, однако, к тому, что происходило 27 июля в МГУ. Особенно потряс слушателей «историк» Ю. Афанасьев, заявивший, что консолидация нашего общества «на дохлом туловище социализма» недостижима. Из речи сего «историка» стало ясно, что имеется в виду марксистско-ленинский социализм.

МОИ, МНФ, РНФ, «Мемориал» и прочие неформальные структуры вовсю готовятся к предстоящим республиканским и местным выборам, собираются бороться за души людей. Не означает ли все это, что многочисленные, оппозиционного толка, движения намерены всерьез бороться за власть? Не означает ли это, что народу надо наконец сказать свое слово: его интересы во всех органах власти должны представить и отстаивать не подставные фигуры, не дутые авторитеты, а те коммунисты и беспартийные, кому народ полностью доверяет свою судьбу. Без колебаний.

А. ЧЕРНОВ,
Москва

НЕБЕЗОБИДНОЕ УЕДИНЕНИЕ

На первый взгляд идея культурно-национальной автономии (КНА) не содержит в себе ничего вредного. Живут, допустим, узбеки в русском городе Владимире. Так почему бы им не дать право создать там свою узбекскую школу, свой узбекский клуб, свое узбекское землячество — организацию с членскими взносами и своим фондом? Тем более сейчас, когда для многих подобные нововведения выглядят вполне естественными и справедливыми.

А идея КНА между тем ненова. Она была выдвинута еще деятелями австрийской социал-демократии К. Реннером и О. Бауэром накануне распада Австро-Венгерской империи на несколько национальных государств. Авторы этой идеи преследовали цель — сохранить целостность многонационального государства — и надеялись путем введения КНА решить обострившиеся проблемы в межнациональных отношениях. В России программу КНА отстаивал Бунд — еврейская мелкобуржуазная националистическая организация, теоретически разгромленная В. И. Лениным в 1912—1913 годах. Оценивая программу культурно-национальной автономии, он писал тогда: «Основной, принципиальный грех этой программы — тот, что она стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм» (ПСС, т. 25, с. 131). Есть у него и более конкретные высказывания, например, по поводу проекта создания особых еврейских школ: «В России возник недавно проект «национализации еврейской школы», то есть отделения еврейских детей от детей других национальностей в особых школах. Нечего прибавлять, что возник этот проект в самых реакционных, пуришкевических кругах.

Нельзя быть демократом, отстаивая принцип разделения школьного дела по национальностям». В том, что Ленин считал этот проект политикой культурно-национальной автономии, можно убедиться, прочитав всю работу «О «культурно-национальной» автономии», откуда взята данная цитата (ПСС, т. 24, с. 174—178).

Зная точку зрения В. И. Ленина, нынешние проекты организации школ, клубов, землячеств, организаций с членскими взносами и своим фондом, которые создают национальные меньшинства, уже не покажутся такими безобидными. Впрочем, не для всех. Через 75 лет после разгрома бундовской идеи КНА с попыткой возродить эту программу выступили, например, писатель Р. Мустафин и доктор экономических наук Г. Попов. «Как быть со многими десятками и сотнями тысяч русских, украинцев, армян, грузин, азербайджанцев, чувашей, евреев, представителей других народов, живущих за пределами своих национальных образований?» — задает вопрос Р. Мустафин и отвечает на него: их права должны быть реализованы в рамках КНА (М у с т а ф и н Р. Размышления у географической карты. «Правда», 1989, 25 января). Ему вторит экономист Г. Попов: «Я предложил бы, например, повнимательнее рассмотреть возможную роль национальных землячеств. Почему бы не поощрять их создание в городах, районах, областях, в любой республике, даже если это всего лишь один процент населения». Землячества, по Попову — это организации, создаваемые по национальному признаку, с членскими взносами, своим фондом. Далее Попов продолжает: «Весьма полезна, на мой взгляд, была бы и культурно-национальная автономия. Например, суббота выделена в школах, техникумах, вузах, театрах как национальный день» («Знамя», № 1, 1988 г.). На встрече со студентами и преподавателями МГУ 4 октября прошлого года Г. Попов сказал: «Суть моих предложений состоит в том, и я считаю, что национальное устройство государства, которое исходит из территориального принципа, соответствует обществу, в котором в основном крестьяне, которые привязаны к земле. И тогда территориальные границы и все прочее очень тесно влияют на все национальное устройство. И вся ленинская теория национального вопроса построена, исходя из следующей предпосылки: если решить территориальный вопрос, границы, прочее, то все остальное решится. А современное общество — это общество высокого динамизма, нации в гигантской степени перемешались, и решение надо искать на принципиально иных основах, и то, что в свое время Ленин критиковал там бундовские идеи, Розу Люксембург за культурно-национальную автономию и многое другое, сейчас приобретает, по-моему, полную актуальность, ибо она становится типичным для большинства стран».

Конечно, это всего лишь личное мнение ученого. А высказывать свои соображения по той или иной проблеме у нас никому не запрещено. Но дело усугубилось тем, что предложения, высказанные Г. Поповым, были восприняты в качестве руководства, нашли свое практическое воплощение.

Землячество землячеству рознь. Никто не будет возражать против содружества стосковавшихся «на чужбине» по своей «малой родине» людей, против того, чтобы они собирались вместе, вспоминали за чашкой черного или зеленого чая о прошлом, о родных и знакомых, пели свои любимые песни. Следует только при-

ветствовать и помощь земляков в обустройстве на новом месте, в быту — то есть те поступки, которые характерны для добрых соседей, связанных памятью и привязанностью к местам, где жили, где родились и умерли их предки. Совсем другое дело землячества, по Попову, с членством, взносами, а то и со своим уставом, программой, которые скорее следовало бы назвать не землячествами, а организациями людей, объединенных по национальному признаку пусть даже для благих на первый взгляд целей.

Особенно много таких землячеств создали евреи, народ в нашей стране, бесспорно, уважаемый и живущий не хуже ни в каких отношениях других. В августе 1988 года они организовали в Эстонии общество своей культуры. В ноябре прошлого года создали в Москве аналогичное общество под названием «Шалом», а затем и еще один культурный центр имени С. Михоэлса, на открытие которого почему-то не пустили даже корреспондентов ТАСС (см. «Водный транспорт» от 16 февраля 1989 года)...

Не берусь судить, зачем потребовалось скрывать от непосвященных культурную программу еще одной аналогичной организации. Причины, видимо, на то были. Да и интересует меня не это — хочется сказать о том, чем заняты на практике члены подобных центров национальных меньшинств. Например, общество культуры «Шалом», о котором в отличие от культурного центра имени С. Михоэлса особенно много говорилось в прессе. Так вот, в «Правде» за 12 ноября 1988 года сообщалось, что «Шалом» имеет устав, различные подразделения и секции, членские взносы. Его цель — заниматься восстановлением и распространением еврейской культуры в Москве с помощью еврейских спектаклей, еврейских кинофильмов, еврейских журналов, курсов еврейского языка, еврейских песен, еврейских библиотек, еврейских клубов. То есть тем, о чем мечтали до революции бундовцы.

Об «утонченном и самом абсолютном», до конца доведенном национализме», по В. И. Ленину, в сообщениях печати, радио и телевидения не говорится. Разве что было сообщено о состоявшемся в начале августа этого года учредительном съезде общественно-политической организации «Союз сионистов» («Правда» за 9 августа 1989 года). В небольшой тассовской заметке, помещенной в центральной газете, в частности, говорилось: «По замыслу одного из инициаторов этой акции, Л. Городецкого, такая организация, включающая **и боевые группы** (подчеркнуто мной. — В. К.), должна стать проводником «сионизации», «израилизации» еврейского населения СССР». Участников сборища расистов поздравил президент Всемирной сионистской организации. Больше того, он заверил, что новое образование может рассчитывать на помощь и поддержку сионистов Запада...

Это уже не шуточки. Но, впрочем, все к тому шло. Согласно марксистско-ленинской теории нация — общность людей, выраженная прежде всего в общности экономической жизни, территории, языка и культуры. Определяющим в формировании общих признаков нации классики марксизма считали экономические связи.

Такое определение нации основано на реальной жизни. Что, скажем, объединяет людей, живущих в России, в русскую нацию? Эти люди живут на одной, общей для них территории. На этой территории они ведут хозяйство, ежедневно вступая в

бесчисленные экономические связи, вне которых они не могут существовать. Эти люди постоянно общаются между собой на одном общем для них языке. В общих условиях жизни эти люди создают культуру, общность которой также объединяет их. Поэтому любой человек, независимо от происхождения (будь он турок, узбек или еврей), долгое время живущий в России, в русском национальном государстве, всем естественным ходом своей жизни (проживанием на русской территории, постоянными экономическими связями с русскими, постоянным общением с русскими на русском языке, постоянным включением в русскую культурную среду) превращается в русского, то есть «ассимилируется, а затем уже осознает этот факт, и то, если ему кто-то на это укажет». (К у з ь м и н А. Г. «Наш современник», № 9, 1985, с. 184.)

Вернемся теперь к культурной автономии выходцев из какой-то нации, которые долгое время живут в составе другого народа и составляют меньшинство местного населения. Положим, к тем же узбекам из русского города Владимира. Сторонники КНА — представим себе и это — стремятся объединить их там в организацию, пытаются сохранить-таки их принадлежность к узбекской нации. Согласно учению классиков марксизма-ленинизма ничего из их затеи не получится. Ведь если люди по субботам начнут ходить в узбекский клуб, а дети в узбекские школы и учить узбекский язык, от всего этого они все равно узбеками не станут, так как ежедневно будут вырываться из узбекской культурной и языковой среды в русскую среду. Не говоря уже о том, что они не смогут прервать постоянные и естественные экономические связи прежде всего с русскими, будут продолжать жить на русской территории, которую будут справедливо считать своей родиной. В лучшем случае подобная узбекская организация будет носить искусственный характер, и ее можно рассматривать не как естественное желание узбека объединиться с узбеком, а как «игру» р у с с к и х людей (когда-то бывших узбеками) «в узбеков», как «узбекскую блажь» русских.

Но если КНА — это «игра русских в узбеков», то, может быть, и относиться к ней надо, как к невинной игре? Может, стоит занять такую позицию: если землячество не требует для себя никаких льгот от общества и не наносит вреда, то пусть существует? Так могут заявить сторонники культурно-национальной автономии. Но согласиться с ними опять-таки нельзя. Подобное землячество — это не посиделки выходцев из одного края, области, республики, это уже организация, которая скорее всего потребует льгот. Более того, последовательно проведенная политика КНА неизбежно приведет ее приверженцев к мысли создать и свои «национальные» органы власти, свои «национальные парламенты», по выражению Ленина, то есть своеобразное государство в государстве. Эту идею, кстати, как раз выдвигали последовательные сторонники КНА К. Реннер и О. Бауэр. (Л е н и н В. И. ПСС, т. 23, с. 318—319.)

Однако допустим: это не произойдет. (Хотя московский съезд сионистов и опровергает такое предположение.) Все равно КНА будет не на пользу. Хотя бы по той причине, что «узбекская» автономия во Владимире, как искусственно созданная организация, каста, вполне естественно, во всяком случае, это не исключено, будет стремиться уже не просто по-соседски помогать сво-

им членам, она создаст для них «режим наибольшего благоприятствования» при распределении многих жизненных благ: в этой организации могут быть люди различных профессий, обладающие высокими должностями — от директора магазина до декана института, от врача до рабочего станции техобслуживания.

Что останется делать местному населению? Возможно, оно в противовес захочет также объединиться в подобную национальную общину, а это может привести к борьбе «узбекской» и «русской» организаций, дестабилизирует обстановку в городе. Если же русское население не станет объединяться (это предположить легче, так как изначальную цель такой организации — автономию по культурно-языковому принципу — русским, живущим в своем родном городе, составляющим там большинство населения, преследовать нет необходимости), то оно, оказавшись в менее привилегированном положении по отношению к организованному меньшинству «узбеков», все равно начнет конфликтовать с членами КНА, что обострит отношения русских с представителями всей узбекской нации.

Следует учесть и еще один момент. Сейчас в нашей стране уже имеется национальное неравенство. Например, евреи (0,69 процента от всего населения страны) составляли в последние десятилетия 14 процентов от общего числа советских писателей, 23 процента музыкантов, 14 процентов врачей. В 1983 году евреи составляли 44 процента от всех докторов и кандидатов наук в СССР (Романенко А. З. Классовая сущность сионизма. Л., 1986).

Культурно-национальная автономия позволит евреям, как, впрочем, и другой нации, уже занявшей привилегированное положение, заиметь еще и законно действующую организацию, с помощью которой они смогут закрепить и упрочить это неравенство. В выигрыше тогда окажутся, вопреки известному принципу социализма, не самые умные, талантливые, трудолюбивые люди, а те, кто лучше организован, кто хитрее и беспринципнее устраивает свои дела.

Мне могут сказать: какую жуткую картину вы нарисовали! А ведь весь сыр-бор из-за какого-то общества народных песен и языка! Готов ответить на такой упрек. Для этого обращусь к фактам. На практике еврейская КНА, например, уже осуществлена в США. Евреи там не имеют своей особой еврейской территории, где преобладали бы еврейское население, еврейский язык, экономические связи между евреями и еврейская культура. Иначе говоря, евреи в США не являются нацией, а являются как раз теми «узбеками во Владимире», о которых мы вели речь выше. То есть они давно там ассимилировались. Ведь еще Ленин писал: «Евреи в цивилизованном мире не нация, они всего больше ассимилировались, — говорят К. Каутский и О. Бауэр. Евреи в Галиции и России не нация, они, к сожалению (и по вине не их, а Пуришкевичей), здесь еще каста... О чем же говорят эти факты? О том, что против «ассимиляторства» могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории...» (ПСС, т. 24, с. 126). Однако далеко не все евреи США захотели быть просто американцами. Огромная их часть воспользовалась КНА, и с помощью сионистов члены еврейских землячеств превратились в привилегированную касту, которая имеет реальную силу и власть. Представители еврейской общины (еврейских землячеств) составляют 20 процентов всех американских юристов, 9 процентов врачей, 43 процента промышленников, 80 процентов владельцев местных и международных агентств, 20 процентов миллионеров. (Романенко А. З. Указ. соч., с. 166—167.)

Таков красноречивый опыт Америки. Он на практике подтверждает верность ленинского вывода о том, что культурно-национальная автономия — это воплощенный «в жизнь, самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм». А раз так, почему в социалистическом государстве раздаются сейчас призывы к созданию КНА и, больше того, уже имеются подобные организации? Не только же из-за недомыслия и незнания последствий, к которым могут привести безобидные на первый взгляд объединения национальных меньшинств...

В. КИШИЛОВ,
научный сотрудник.
Москва

О «ВЫДАЮЩИХСЯ» И «ВЕЛИКИХ»

Весной этого года по радиостанции «Свобода» выступал наш недавний «гость» Войнович, которого с большим энтузиазмом принимали и телевидение, и различные редакции, и, конечно, наши писатели и журналисты-«демократы».

О чем же новом поведал Войнович через «Свободу»? О том, что весь род его незаслуженно обижен. Ну, то, что обижен сам Войнович, мы уже слышали неоднократно, и не только от него, но и от наших самых «прогрессивных» писателей и журналистов. А вот про предков Войновича, видимо, никто не ожидал услышать такую печальную новость. Оказывается, по указанию Сталина одного из его предков «репрессировали через 150 лет после смерти» (здесь и далее в кавычках слова Войновича). Объяснил это Войнович тем, что Сталину просто не нравилась фамилия Войнович. А так как более благозвучной Сталин считал фамилию адмирала Ушакова, то ему, Ушакову, и приписали все заслуги Войновича, связанные с созданием и победами Черноморского флота России. Возможно, скоро мы узнаем от доморощенного историка, что и государства Российского не было бы, если бы не его предки.

Этого Войновичу показалось мало, и дальше он принялся издеваться и унижать ветеранов войны и Героев Советского Союза, опубликовавших в одной из газет Украины статью, в которой осмелились высказать мысль, что прославляемый «Юностью» и «Огоньком» роман Войновича о Чонкине является клеветническим и бездарным.

Хотелось бы сказать «выдающемуся» писателю, что и те, кто имеет достаточное образование и хорошо знает литературу, оценивают его творение однозначно: совершенно бездарная писанина (правда, справедливости ради, надо сказать, что с творениями Рыбакова вполне может конкурировать!). Что касается исторических аспектов, то тут, кроме Дементьева, Коротича и их коллег-журналистов типа Золотусского и Сарнова, видимо, никто не будет возражать против оценки группы военных, на которых так

разгневался осчастлививший нас своим посещением Войнович. «Чонкин» — самая неприкрытая, грязная клевета на русский народ.

Не упустил возможности Войнович поговорить на радио «Свобода» и на очень близкую ему тему о лживости русских. «Покритиковал» нас за то, что пытаются, мол, русские приписывать себе заслуги, которых не было. И паровоз-то якобы первыми построили не русские, и самолет-то якобы тоже — считает Войнович.

В связи с этим хотелось бы знать, кто и зачем приглашает к нам в страну таких, как Войнович, кто предоставляет им возможность выступать по телевидению, организует с ними встречи? Кто заинтересован в пропаганде их взглядов, основа которых — дискредитация всего русского? Разве у нас не хватает своих войновичей? По-моему, их даже больше, чем надо!

По тому же радио «Свобода» в тот же вечер мне «посчастливилось» послушать беседу с актером Зиновием Гердтом, который находился в это время за границей. У многих, наверное, возник после этого вопрос — зачем и кого сейчас посылают за границу? Чтобы позорить страну? Конечно, не исключено, что Гердт поехал навестить родственников, тогда вопрос по отношению к нему снимается, но в отношении многих других остается.

Что же он поведал?

На вопрос, идет ли у нас перестройка, Гердт сказал, что, конечно, идет. И тут же рассказал, почему он так считает. Во-первых, «мы теперь читаем великого русского поэта Бродского». Не больше и не меньше — «великого» и, конечно же, «русского». Во-вторых, живо обрисовал следующую сценку, якобы не так давно имевшую место недалеко от гостиницы «Националь» в Москве: один уставший после спектакля «настоящий русский актер» (фамилию я не привожу по этическим соображениям) попросил милиционера остановить для него такси. Милиционер это с почтением сделал. «Но тут из гостиницы выбежали три девочки и попытались занять такси. Тогда милиционер им сказал: «Товарищи проститутки, в этой машине сейчас поедет актер». На основании этого Гердт делает глубокомысленное заключение: «Так что перестройка у нас идет». Далее он на полном серьезе заявил, что «если перестройка прекратится, то он повесится». Вот это борец! Не то что некоторые.

Затем Гердт счел нужным на весь мир заявить, что в России, а «особенно в старых провинциальных городах, где сохранилась настоящая русская интеллигенция, самым читаемым писателем является Ш. Алейхем». Далее для большей убедительности было сказано о моментально расходящихся тиражах книг этого писателя.

Конечно, каждый вправе иметь своего любимого писателя, но как же можно говорить про всю Россию? Зачем эта ложь? Почему сейчас некоторые «деятели» приписывают русским необычайную любовь к Мандельштаму, Пастернаку, Вознесенскому и, что совсем непонятно, к И. Бродскому? Просто какое-то нашествие на нас «великих русских» поэтов и писателей!

Нет смысла дальше подробно пересказывать всю чушь, которую излил на слушателей Гердт. Тут и безумная любовь к нему (теперь уже лично к нему!) ну буквально всех, и то, что поэты посвятили ему столько стихов, что он собирается даже по приезде в Союз сделать вечер, на котором будет читать только эти стихи (вот бы попасть на такое!), и то, как его в благодарность за его необыкновенный талант поили и кормили поклонники, и о том, какие «бюсты прижимались к его утлой груди» (слова самого Гердта) на этих кормежках и т. д., и т. п.

Впечатление такое, что вся страна просто свихнулась от любви к актеру, вся Россия только и занята тем, что встречает, кормит, поит Гердта, «великие» поэты без перебоя пишут посвященные ему стихи. Ну а те, кто этим не занят, взахлеб читают Ш. Алейхема и И. Бродского!

Описанные эпизоды далеко не единичны в последние годы и вызывают все большее и большее недоумение в той самой России, о которой говорят и Войнович, и Гердт. Все большее и большее число людей задают друг другу вопрос, что мы потеряем, если не будем приглашать к себе в страну таких, как Войнович, и не устраивать с ними столь теплых встреч. Что случилось бы с нашим искусством, если бы не поездка за рубеж Гердта и не его «творческая встреча» на радиостанции «Свобода»?

Думаю, ничего мы не потеряли бы и с искусством ничего бы страшного не произошло. Да и перестройка, о которой так заботится Гердт, не затормозилась бы.

Так зачем же нам все это?

КИСИЛЕВ В. В.,
Саратов

ДОКОЛЕ!

Вот уже второй год усиленно прославляется лживый пасквиль на советский и особенно на русский народ, роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Среди художественных произведений, посвященных сталинской эпохе, этот роман занимает особое место. Его автор пытается дискредитировать идею справедливой войны, которую вел советский народ, и в том числе — и в первую очередь! — русский народ.

Идеи, положенные в основу этого романа, очень нравятся многочисленным и очень влиятельным открытым и скрытым противникам социализма, всякого рода националистам и космополитам, склонным объяснять негативные стороны реального социализма несовершенством русского народа.

К числу ярых поклонников В. Гроссмана принадлежит и известный писатель, а теперь уже и политический деятель, В. Быков.

В своем позорном интервью «Литературной газете» в марте сего года он до небес превозносил роман «Жизнь и судьба». По его словам, из этого романа мы «узнали поразительную схожесть, казалось бы (?!) двух совершенно противоположных систем власти...».

Да, действительно, на протяжении своего длинного романа В. Гроссман упорно вдалбливает мысль, что гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз — это два однотипных, тоталитарных, националистических государства (одно немецкое, а другое русское). Такого рода смелость и новаторство приводят Быкова в восхищение.

В своем интервью В. Быков развивает идеи В. Гроссмана. Он находит, что «имперское движение в Германии (видите, как деликатно: не фашистское, не гитлеровское, а «имперское») номинально является также и социалистическим...».

И далее: «Фактической основой власти и тут, и там был открыто выраженный авторитаризм».

Если согласиться с Гроссманом, Быковым и их единомышленниками, то советский народ в ходе Великой Отечественной войны, испытывая нечеловеческие лишения и неся неисчислимые жертвы, боролся за торжество одной формы фашизма над другой.

Возникает вопрос, а стоило ли бороться? Видимо, Гроссман считал, а Быков считает, что стоило, так как в случае победы чужого фашизма над своим некому бы было читать их сочинения.

Но вот народам США, Великобритании и других государств, по логике Гроссмана — Быкова, следовало бы желать скорейшей гибели обоих «авторитарных» государств, одинаково им ненавистных. Выходит дело, прав был Гарри Трумэн, когда он после нападения фашистской Германии на Советский Союз, говорил: если будут побеждать русские, то надо помогать немцам, а если наоборот, то русским, и пусть они как можно больше убивают друг друга.

Ведь вот какие оригинальные мысли начинают у нас получать широкое распространение.

Однако народы мира поддержали не гитлеровскую Германию, а Советский Союз, в результате чего социализм, хотя и «казарменного» типа, получил широкое распространение в мире. Ну что ж, для другого социализма еще не было соответствующих условий. Теперь как будто они появились и пришло время его перестраивать, но не отрицать.

Конечно, в условиях провозглашения гласности и плюрализма каждый вроде бы волен высказывать свое мнение. Но печально и возмутительно то, что мнение одних остается при них самих, а мнение других, таких, как Гроссман, Быков, распространяется в миллионах экземпляров и формирует уже общественное мнение.

В одной только «Литературной газете» за каких-нибудь несколько месяцев были опубликованы высказывания целого ряда маститых поклонников Гроссмана.

По меньшей мере, странную позицию занимает журнал «Дружба народов», призванный воспитывать и укреплять эту самую дружбу. Однако на деле этот журнал сеет неприязнь к русскому народу и предоставляет свои страницы всякого рода националистам.

Неужели, в понимании Сергея Баруздина, дружба народов это когда евреи, армяне, эстонцы и так далее объединяются и оскорбляют русских?

В майском номере журнала помещена развязная статья Л. Аннинского «Наши старики», в которой автор, произвольно выхватывая цитаты из статей Горького начала революции, смакует его антирусские высказывания и навешивает их в качестве характеристики на наших современников русской национальности.

В том же номере «Дружбы народов» наряду со статьей Л. Аннинского помещено не менее клеветническое интервью В. Коротича. В этом интервью, не зная и не желая знать истории России, Коротич пустился в рассуждения о событиях далекого прошлого. Из этих рассуждений следует, что русский народ в течение всей своей истории только и делал, что захватывал, покорял, разорял соседние народы, миролюбие которых уподоблялось идиллии о пастушке и пастушке. Например, по мнению Коротича, князь Игорь и его соратники — это «задиристые русские князья», нагло попиравшие мирный труд миролюбивых половцев, а «Слово о полку Игореве» — это древнерусская шовинистическая поэма, оправдывающая врожденный русский империализм.

Коротичу и его собеседнику невдомек, что во времена князя Игоря еще не было России и теперешнего русского народа, что русскими именовались прежде всего теперешние украинцы и белорусы и что князь Игорь возглавлял княжество, территория которого в настоящее время входит в состав Украины.

Как же так получается, что в советских средствах массовой информации процветает русофобия?

А. ГРОМОВ,
ветеран Великой Отечественной войны.
Москва

НЕТ — НРАВСТВЕННОМУ СОВРАЩЕНИЮ ДЕТЕЙ!

Процесс низведения общественного вкуса до самых пошлых образцов западной масс-культуры в разгаре. Так, например, в московских школах видеоклубы демонстрируют «фильмы ужасов». Показ таких фильмов воспитывает чувства злости и ненависти в детях. И если взрослый человек способен при определенной нравственной культуре сделать выбор, если в нем даже в крайнем состоянии злобы тлеет память о потерянной человечности, то для детской души, охваченной культом злобы, ненависти, безжалостности и бесчеловечности, насаждаемыми подобного рода фильмами, нет дороги обратно: это мертвые, потерянные души. В душе маленького человека под воздействием такой «культуры» исчезает чувство любви, бескорыстной дружбы, самоотверженности, жалости. С помощью этих фильмов открыто пропагандируется культ сатаны. Преувеличение? Нисколько. Ибо так называемые «остросюжетные захватывающие» фильмы большей частью о нечистой силе, оборотнях. И все это показывается ребенку, для которого даже самая безобидная сказка приобретает характер действительности. Итак, дьявол становится одним из действующих лиц детского образного мира. Дьявол со всем присущим ему арсеналом чувств ужаса, страха, злобы, ненависти к человеку. Все это беспрепятственно проникает в детскую душу, отравляет ее. Этого мало. За «дьяволиадой» следуют фильмы, пропагандирующие в чистом виде насилие, вседозволенность, черную магию, ницшеанство, культивирующие бессилие человека перед роботизацией и обезличиванием жизни, живописующие безумие и ужас существования после атомной катастрофы. На этом фоне младенческими выглядят фильмы с суперменами и преступниками, которые разве что надоумят подростков на неведомый им доселе род преступной игры и жестокости. Ведь уже прослежена прямая связь между типом преступлений, технике которых вольно или невольно обучают подобные фильмы, и их реальными аналогами, совершаемыми подростками. Фильмы становятся школой

обучения преступности! И что думают об этих «киносеансах» учителя, для которых демонстрация подобных фильмов — это «средство отвлечения подростков от улицы»?

Каким образом, какими путями проникают эти видеофильмы в видеотеки, в школы, в кинозалы? Почему эти худшие образчики западной масс-культуры, направленные на разрушение элементарных норм морали, стали с некоторых пор рассматриваться как нечто должное? Почему, когда общественное мнение Запада, осознав разрушительную силу антикультуры, мучительно изыскивая средства от ее тлетворного влияния, обращается прежде всего к опыту русской культуры, мы отдаем своих детей во власть антикультуры, даже не осознавая всю необратимость предстоящих потерь?

Необходимо проследить источники и пути проникновения «нечистот» в нашу школу. Министерство высшего и среднего образования через роно, через детские комнаты при отделениях милиции, через комитеты комсомола, ответственных за подрастающую смену, должно установить контроль за проведением видеосеансов в системе воспитания молодежи: в школах, клубах, ДК. Необходимо в законодательном порядке предусмотреть ответственность за преступления подобного рода, квалифицируя их как «нравственное совращение детей». Без срочных и действенных заградительных мер от растления масс-культурой молодое поколение превратится в царство «мертвых душ», а энергия злобы и ненависти, взращиваемая ею, обратится против всего общества в целом, приведя не только к невиданному росту преступности и разврата, но и к потрясению основ всего нашего общества. Ведь не секрет, что всего за несколько месяцев с начала 1989 года преступность среди молодежи у нас очень возросла. В какую же пропасть мы идем? Что будет с нами через 10—20 лет, когда наши дети вырастут? Сколько из них станут ворами, убийцами? А сколько из них станут жертвами? Страшно думать об этом, но ведь мы к этому идем, прославляя с экранов зло и насилие.

Кстати, после выхода на наши экраны фильма «Воры в законе», в котором была показана пытка горячим утюгом, утюг стал применяться преступниками. Неужели это никого не наводит на размышления? Неужели непонятно, к чему может привести нас коммерческое кино? Там, где начинается коммерция, пропадает искусство, зато процветает преступность!

ШОРНИКОВА И. М., инженер,
СТРОГАНОВА Л. К., инженер
и еще 47 подписей.
Москва

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

КТО УГОДИТ СОФИИ МИХАЙЛОВНЕ!

Еще почтеннейший Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин как-то заметил: «Надо сказать правду, в России в наше время очень редко можно встретить довольного человека (конечно, я разумею исключительно культурный класс, так как некультурным людям нет времени быть недовольными). Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют... Эта всеобщность недовольства, сопряженная с пожеланием самых приятных проектов лично для себя и с полнейшим равнодушием относительно жизненной обстановки соседа, представляется для меня фактом тем более замечательным, что фрондерство, по-видимому, заползает в сердце самых твердынь. И вдобавок фрондерство до того разношерстное, что уловить оттенки его (а стало быть, и удовлетворить капризные требования этих оттенков) нет никакой возможности...»

Касаясь в связи с этим, в частности, прекрасной половины человечества, великий сатирик тут же констатировал, что потому-то «всякая дамочка не только с готовностью, но и с наслаждением устремляется» за кордон, дабы сполна ублажить свои критические требования, диктуемые пылким воображением. И уж там-то, в заморской державе, она приходит в совершеннейший восторг от всего увиденного и услышанного!

Наблюдения и выводы нашего гениального соотечественника были безусловно точны. И лишнее доказательство тому поэтическое произведение «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой за границею», опубликованное И. П. Мятлевым в прошлом веке, и... интервью еженедельнику «Собеседник» (1989, № 32), поспешно данное возвратившейся из гастролей по Америке Софией Михайловной Ротару.

Как ныне водится, она прежде всего посетовала в нем на свои трудности в застойные лета: «В последнее время стало модно обличать всех, кто был признан в минувшие годы. Знали бы они, эти обличители, с каким трудом пробивались на телевидение и радио многие мои песни: «Я, ты, он, она» или «Дадим шар земной детям»...»

А потом эстрадная певица с восторгом поведала и о своих американских впечатлениях: «Честно — я там впервые себя почувствовала артисткой. Всегда наготове машина у подъезда отеля. Завтрак приносят в номер. Два телохранителя никого близко ко мне не подпускают...»

И выходит, как мы теперь убеждаемся, что, живя долгие годы в родной стране, творческая личность так по-настоящему ни разу и не смогла «почувствовать» себя артисткой. И не только тогда, когда получала награды, но и когда ей присваивались почетные звания заслуженной артистки УССР, народной артистки УССР, народной артистки СССР...

Но вот достаточно было Софии Михайловне появиться в далекой Америке и едва в гостиничный номер ей принесли завтрак, да еще к тому ж приставили пару дюжих телохранителей, как это самое таинство вдруг произошло, и она, родом из Буковины, наконец-то себя «почувствовала артисткой».

«Мисс Эстрада-89» сообщила также читателям «Собеседника», что осенью у нее намечены еще и гастроли в Израиле.

Остается только догадываться, кем она «почувствует» себя там.

В. ВАДИМОВ,
Москва

ТРАГЕДИЯ НАЦИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ

(Два ответа писателю Б. Можаеву)

12 августа этого года Центральное телевидение транслировало запись выступления писателя Б. Можаева в останкинской телестудии. Один из присутствующих в зале задал вопрос (а точнее, навел писателя на ответ) о содержании журнала «Молодая гвардия», что-де содержание журнала не соответствует политическим установкам, что-де журнал не туда ведет молодежь. Писатель Можаев ответил, что не интересуется содержанием журнала и что в то же время журнал ему не нравится. И далее. Что главный редактор подбирает публикации по своему усмотрению и ничего с ним, с главным редактором, не сделать. В связи с этим хотел бы ответить и тому, кто задал вопрос, и ответившему на него. Сейчас принято летописцам отмечать: пятый год перестройке пошел. Однако кампания по шельмованию трагического и великого прошлого нашего народа началась с легкой руки журнала «Огонек» весной 1987 года. За прошедшие после этого два с лишним года созрел первый урожай, и страна его собирает. Под прикрытием критики политики Сталина дискредитируется все, на чем стоит наше государство, что его цементирует. Все перевернулось с ног на голову: враждебные радиоголоса легализированы и узаконены. Они не удосуживают себя заботой о добыче антисоветской информации: достаточно лишь комментариев тех или иных статей из «Советской культуры», «Московских новостей», «Книжного обозрения». За спиной у советского народа подписываются сделки о сдаче в аренду для устройства иностранных развлекательных центров то в Крыму, то под Ленинградом. Огромные регионы совсем еще недавно девственных угодий уничтожены и отравлены химическими гигантами, приносящими прибыль зарубежным магнатам. Говорят, что как будто бы советским людям есть от этого польза. Под прикрытием развития кооперации легализован грабеж людей со стороны десятков тысяч предпринимателей-мошенников. В руках частных лиц сосредоточиваются десятки миллиардов диких рублей, с помощью которых нарастает инфляционный процесс, растет дефицит в необходимых продуктах и предметах потребления. Происходит сращивание доморощенного капитала с иностранным. Ширятся ряды рэкетиров, формируются за рубежом спеццентурионы, которые направляют свой удар в сердце нашего государства. Именно за последние два года страну захлестнула волна преступного насилия. Жертвами преступлений только за истекшие полгода стало около миллиона граждан. **Это же репрессивный вал по отношению к простым нашим согражданам.** В области идеологии и развития культуры происходит самый, пожалуй, большой развал. Комсомольский актив включился в модную теперь тенденцию по созданию видеосалонов, где крутят зарубежные фильмы ужасов, фильмы-вестерны, порнофильмы. Даже при Домах пионеров открывают эти салоны. А работники городских и районных комитетов ВЛКСМ получают немалые премии за пропаганду зарубежного дива. Все советские киноэкраны запружены зарубежными кинофильмами, из репродукторов увеселительных заведений, с десятков тысяч больших и малых сцен разносятся оглушающие и оскорбляющие человеческое достоинство вопли, хрипы и стоны, где и русской речи не слышно. Происходит грубая американизация культуры и этики советского человека. Этому способствует широко развившийся и глубоко укоренившийся политический лоббизм, исходящий от многотысячной плеяды вышедших из-за бруствера поэтов, писателей, критиков, экономистов, социологов, которым бурно рукоплещут на Западе, произведения которых публикуют там же, выплачивая многомиллионные гонорары. Платят за надругание над своим народом, платят за расшатывание первого в мире социалистического государства. Эрозия политической структуры, вызванная в основном искусственно средствами массового воздействия на сознание людей, переносится на другие, дружественные СССР страны, вызывая там разрушительные, травмирующие страны и народы процессы. Шельмуют армию, шельмуют милицию, историю русского народа, умалчивая о великом подвиге во второй мировой войне, искажают историю до того, что чуть ли не Советский Союз стал виновником мирового побоища.

И вот в этих условиях журнал «Молодая гвардия» предельно мужественно и самоотверженно ведет неравную борьбу за отстаивание истины, справедливости, защищая честь советского и в том числе русского народа. Это большое счастье, что остались еще патриоты и, я бы сказал, смельчаки, которые противостоят массированному наступлению средств массовой пропаганды на идеи социализма, на историческую правду, на честь и достоинство советских людей. Писателю Б. Можаеву советую впредь либо не делать заключений относительно того, чего он не знает («незнаком с журналом и он мне не нравится»), либо делать свои заключения на конкретной основе. Хотелось бы, чтобы писатель Б. Можаев осветил жизнь на флоте, которую он должен хорошо знать, имея специальное военно-морское образование. А о мужиках и бабах пусть пишут мужики и бабы, что будет достовернее.

В. БЛАЖЕНКО,
Мариуполь

* * *

Великий груз взвалила на свои плечи редакция журнала «Молодая гвардия» в борьбе с многочисленными авторами журналов «Огонек», «Знамя», «Юность» (и ряда газет), способствующих идейному разрушению нашей молодежи. Именно «Молодая гвардия» ведет отчаянную борьбу со злым и коварным противником за сохранение здорового в моральном отношении современного молодого человека, идущего в первых рядах перестройки. Понимание задач этого журнала Б. Можаевым удивило нас. Мы шокированы, Вы ведь, товарищ Можаев, советский человек, как же можно так?

Идет разговор о великой драме нации, социализма, а не амбициях групп, идущих «стенка на стенку» литераторов. Общество более разрушено, чем страна после нашествия фашистов. Уничтожено в брежневскую эпоху Нечерноземье России, а это покалеченные судьбы 30 миллионов человек. Вам бы впору поставить вопрос о геноциде Брежнева по отношению к русскому народу. А вы?

В. МАКСАКОВ,
г. Харьков

УКОРЫ ОДНОГО СУДА

Ошибку машинистки я не стал исправлять: с «укоров» на «уроки». Говорят же — укоры совести...

В народном суде Свердловского района Москвы слушался иск к газете «Советская культура» об унижении ею чести и достоинства историка А. Романенко. Гражданское дело. Что тут необычного? Но...

— Читайте про ответчика Настиченко! Это же мелкий спекулянт, наказанный судом! — и автор реплики передал сидевшим в зале несколько листков с копией заметки «Продаете?» из «Московской правды» (от 4 августа 1987 г.).

Судья И. Троицкая удалила «возмутителя спокойствия», но публика забурлила: ну и ну!

Сотрудник «Советской культуры» В. Настиченко занервничал. Он не рассчитывал на то, что кто-то докопается до его грехов. Вальяжность и самоуверенность словно ветром сдуло. Еще бы. Каждому теперь ясно было: всего два года потребовалось ему, чтобы из спекулянта переквалифицироваться в очернителя, то бишь в публициста «Советской культуры».

В. Настиченко напечатал в «Советской культуре» от 10 декабря 1988 года своих «Ширмачей» — отчет о митинге, посвященном 85-летию со дня рождения генсека ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева и 50-летию его расстрела.

В трагедии Александра Васильевича Косарева и репрессиях по «молодежному делу» бездна недомолвок. Участники митинга и попытались что-то прояснить. Высветили, например, один из аспектов «нового курса» Л. Троцкого-Бронштейна, подстрекавшего к расколу между поколениями. Рассказали и о зверском расстреле тридцатипятилетнего Александра Косарева, о садизме следователя Шварцмана. Казалось бы, «Советской культуре», одной из первых начавшей тиражировать термин «сталинские репрессии», продолжить и в этом материале обозначенную линию. Но, увы. На это ей пороху не хватило.

Как гора рождает мышь, так и «Советская культура» родила... «Ширмачей». И не только легкомысленный заголовок принижал тему. В. Настиченко умудрился, ко всему прочему, 14 раз переврать в отчете фамилию Косарева, исказил ряд принципиально важных фактов. Авторские домыслы, благословленные редактором отдела коммунистического воспитания газеты Ю. Соломоновым и главным редактором «Советской культуры» А. Беляевым, чернили организаторов, ведущих, участников митинга. «Изюминкой» отчета стала история с некой листовкой, полной «гнусных выпадов против разных наций и разных союзных республик, звучащих просто-напросто бесстыдно».

Прознав об отношениях бывшего спекулянта Настиченко с совестью, присутствовавшая на суде публика, свидетели попросили ответчика уточнить, где он взял листовку, о которой никто, кроме него, не знал. На это автор «Советской культуры» ответил: листовку дала ему жена Косарева — М. В. Нанейщвили-Косарева. Но и в это трудно поверить, поскольку М. В. Нанейшвили весь митинг сидела рядом с автором данных строк в президиуме и листовку никому не показывала и о ней не говорила. Не поверили автору «Ширмачей» и многие сидевшие в зале суда. Некоторые даже высказывали догадку: а не изделие ли данная листовка клеветника А. Норинского, о «творчестве» которого сообщала «Правда» 19 октября 1988 года, или подобного Норинскому?

Замечено, что карманник чаще попадается не из любви к содержимому кармана, а из любви к своему искусству. Уволенный с радиостанции «Юность» за мелкую спекуляцию, Настиченко не совладал с мелкими страстишками и в коллективе «Советской культуры». Суд установил, что Настиченко написал своих «Ширмачей», не присутствуя даже на митинге!

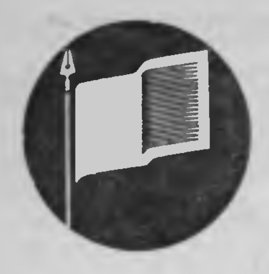
О личности ленинградца А. Романенко — истца, попросившего московский суд защитить его честь и достоинство, тоже необходимо рассказать. Хотя бы потому, что «Советская культура» явно представила его в карикатурном виде. Навесила на кандидата исторических наук, автора многих публикаций по научной критике сионизма, отца семейства, майора в отставке, в прошлом участника боевых действий по защите Родины немало ходульных ярлыков.

Считается, что жизнь прожита не зря, если человек посадил дерево, родил детей, написал книгу. Не всем удается это. Что касается книги, то бесспорным успехом ученого стало издание книги «О классовой сущности сионизма. Историографический обзор литературы» (Лениздат, 1986 г.). Удачливого нередко преследуют завистники. Но, странное дело, многие неприятности Романенко порождены лишь его критикой сионизма. Книга, честно разоблачающая реакционную суть сионизма, была вычленена для систематических нападок. В прошлом году автор даже получил своего рода «черную метку» — посылку с удавкой. Теперь вот надуманные обвинения «Советской культуры». Правда, уже не за книгу, а за выступление на митинге, посвященном памяти А. В. Косарева.

«Обязать редакцию газеты «Советская культура» опубликовать опровержение о том, что сведения в статье «Ширмачи» от 10 декабря 1988 года (автор Настиченко В. Н.) о том, что Романенко А. З. предлагал «приветствовать Шеховцова», объявляя его залу, что от него «шли обличения некой сионистской организации», виновной «в гибели природы», исторических памятников «великой Руси», не соответствуют действительности». Так записали в решении суда. Пусть это послужит и уроком, и укором всем, кто пытается опорочить честных людей, не боящихся говорить правду.

Юрий МАКУНИН,

председатель комиссии пропаганды Федерации горных лыж и фристайла Москвы, ведущий митинга памяти А. В. Косарева



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Станислав КУНЯЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ТОТАЛИТАРНОЕ

МЩЕНИЕ МИРУ

Откуда в 20—30-е годы взялась идея насилия, необходимая якобы для создания нового мира и нового человека? Да все оттуда же: из теории, из умов старой революционной гвардии, из чрева новой «краснопрофессурской» интеллигенции, из литературы. Мужику и рабочему было незачем да и некогда вырабатывать систему подобных взглядов.

Евгений Евтушенко в статье о поэзии 20—30-х годов, обращаясь к Багрицкому, видит корни этой жестокости в юношеском максимализме поэта. Но главные произведения Багрицкого, замешенные на идее насилия, написаны зрелым поэтом; именно в 30-е годы он создавал принесшие ему известность поэмы «Последняя ночь», «Человек предместья», «Смерть пионерки», «Февраль», над которой он работал как над своим поэтическим завещанием до последних дней. На «Феврале», кстати, следует остановиться несколько подробнее, потому что ценители поэмы, говоря о ней, ограничиваются эпитетами «гениальная», «эпохальная», не касаясь ее сути. Повествование в поэме ведется от имени неуклюжего юноши, романтика и птицелова, ущемленного своим социальным происхождением, тяготами военной службы, неразделенностью юношеского чувства к незнакомой гимназистке... «Маленький мальчик», «ротный ловчило», «ковыляющий в сапогах корявых», которому неуютно в этом мире, который бредит иной, кинематографической жизнью, мечтает:

О птицах с нерусскими именами,
О людях неизвестной планеты,
О мире, в котором играют в теннис,
Пьют оранжад и целуют женщин.

Мир, полный романтического комфорта в духе Остапа Бендера — вот что нужно ему, чтобы преодолеть комплекс неполноценности. Приходит февральская революция, и он мужает вместе с событиями: «кровью мужества наливается тело. Ветер мужества обдувает рубашку...»

В тот же час он вступает во все организации, становится помощником комиссара Временного правительства, появляется в округе «вооружейный до зубов, как ангел смерти», окруженный матросами-телохранителями. Его превращения из робкого неуклюжего существа в карающую десницу эпохи, его откровенья поразительны даже для того жестокого времени:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...
Я много бы дал, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне,
Над летящими фарами и штыками...

Не бескорыстной гуманистической радостью, не восторгом освобождения, не гордостью за первые демократические победы революции, а высокомерной националистической гордыней обуреваем герой поэмы. «Февраль» заканчивается тем, что он при ликвидации подпольного публичного дома встречает в числе проституток недоступную для него в прошлом гимназистку, по которой вздыхал всю юность, и упоенный властью над беззащитным и униженным жизнью существом наконец-то с похотливой жадностью насилует эту Сонечку Мармеладову, как «победитель».

Какова же «мотивировка» насилия?

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков, —

то есть за весь комплекс своей неполноценности.

Я беру тебя, как м щ е н ь е м и р у... (Разрядка моя. — Ст. К.)

* Продолжение. Начало в № 10.

Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню, —

истерически кричит февральский победитель своей жертве... Прелюбопытно между прочим дальнейшее историческое превращение этого победителя. Он взрослеет и, логично развиваясь, воплощается в героя недавно опубликованной повести Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» — следователя ОГПУ Якова Неймана. Мысли, переживания, комплексы, да и сама судьба у обоих персонажей совершенно одинаковы. И родились они в одном южном городе, и семьи у обоих были бедные, и оба жаждали «выйти в люди», а в революционную эпоху это прежде всего означало для них стать человеком «имущим власть». Яков Нейман, как и герой «Февраля», поступает на службу в органы.

Когда в 1937 году к Нейману приезжает по делу из Москвы его двоюродный брат — крупный чиновник прокуратуры Роман Штерн, братья радостно встречаются, выпивают, вспоминают голодную и бесправную юность, и, уложив старшего брата спать, Яков Нейман произносит внутренний монолог, обращенный к отцу, на тему «вышел ли толк из сына», монолог, столь похожий на откровения героя поэмы Багрицкого, что я не могу удержаться от соблазна процитировать его:

«Вышел толк, папа, вышел. Посмотрел бы ты сейчас, Абрам Ноевич, какой я мундир ношу, с какими он у меня нашивками, значками, опушечками, в каком кабинете я сижу, чем занимаюсь! Небось расстроился бы, замахал бы руками, заплакал: «Ой, Яша, зачем же ты так? Разве можно!» Можно, старик, можно! Теперь уж не я перед людьми виноват, а они передо мной. И безысходно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты! Отошли их времена, настали наши».

Очень похожи друг на друга герои Багрицкого и Домбровского. Одна лишь разница: действие у Багрицкого происходит в феврале 1917 года, а у Домбровского в феврале 1937 года. А это целая известная нам эпоха, в которую из самых темных глубин истории ворвались в жизнь страшные ноты древнегреческого хора, что-то забормотавшего на своем полузабытом человечеством языке о возмездии. Потому-то у Якова Неймана, услышавшего это бормотание, приступ гордыни в его ночном монологе вдруг сменяется припадком мистического страха: «Времена настали наши. А вот к лучшему они или к худшему, я уж и сам не знаю. Ну ничего, торопиться нам некуда — подождем, узнаем. Все скоро выяснится! Все! Теперь ведь до конца рукой подать. Я чувствую, чувствую это, папа!» А чувствует Яков Нейман то, что скоро стать ему лагерной пылью, разделив судьбу своих подследственных, что скоро изнасилует время его в каком-нибудь колымском бараке, как он когда-то изнасиловал беззащитную жертву. Но откуда же тянется эта повторяющаяся закономерность насилия, упоения властью — и возмездия? От вечного соблазна человеческого взять на себя право того, кто сказал вечную истину: «Мне отмщенье и аз воздам...» А Багрицкий — поэт того же ветхозаветного морального склада, что и Генрих Гейне, который, имея репутацию гуманиста и приняв христианство, тем не менее писал в конце жизни о том же «мщении миру»: «Я человек самого мирного склада. Вот чего я хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежие молоко и масло, перед окном цветы, перед дверью несколько прекрасных деревьев, и, если господь захочет вполне осчастливить меня, он пошлет мне радость — на этих деревьях будут повешены этак шесть или семь моих врагов. Сердечно растроганный, я прощу им перед их смертью все обиды, которые они мне нанесли при жизни. Да, надо прощать врагам своим, но только после того, как их повесят».

«Мщенье миру» — это не просто запальчивая фраза. Это — оправдание тотального насилия. Да не сочтет кто-либо мои рассуждения натяжкой. Подобная ритуально-сексуальная фразеология насчет «оплодотворенья пустыни» была весьма модной в поэзии тех лет.

Над немой вселенной звездчатое темя,
Вспыхнувшие маяки небесных дамб,
Девства кровь и мужа огненное семя
Затвердели камнем диаграмм.

Здесь в глухой Калуге,
В Туле иль Тамбове
На пустой обезображенной земле
Вычерчено торжествующей любовью
Новое земное бытие *.

У Багрицкого «пустыня», у Эренбурга «пустая обезображенная земля»... Действительно какая-то опустошающая любовь!

Когда замолкнет суесловье,
В босые тихие часы,
Ты подыми у изголовья
Свои библейские весы.

Запомни только, сын Давидов,
Филистимлян я не прошу.
Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую пращу.

Ты стой и мерь глухие смеси,
Учись неистовству, пока
Не обозначит равновесья
Твоя державная рука **.

Стихи Эренбурга того же времени. Время разделило поэтов на два лагеря. Рука Мандельштама и Клюева тянулась к «цимбалам», рука героев Эренбурга и Багрицкого к «разящей праще». Тоталитаризм всегда антинароден, а значит, антинационален.

Когда читаешь поэтическую летопись 30-х годов, то от многих стихотворений исходит такая эманация иррациональной злобы ко всем устоям русской земной жизни, такая тотальная страсть к разрушению ее, что иные из этих книг могут быть с успехом использованы как материал для психиатров, изучающих самые глубокие душевные болезни «социального» человека.

* Эренбург И. «Опустошающая любовь». М., 1922. Стихотворение перепечатано в 1977 году в «Библиотеке поэта».
** Там же.

Гори, наш сев.
Жги! Рви! Язви!
Ты им страшней землетрясений.
Ходи в сердцах.
Бунтуй в крови,
Мути им ум,
Ломай колени...
Потом поспорим о любви
Во имя наших поколений.
(*М. Голодный*)

Это о мировой революции. Шизофрения? Возможно. Но болезнь затянулась на полвека. Евтушенко до сих пор твердит, что «без светловской «Гренады» нет нового мышления», «интернационализма» — жаждущего «землю в Гренаде крестьянам отдать». Но мы уже попытались отдать землю и в Гренаде, и в Кабуле; и видим, что из этого вышло: свою родную землю разорили. Кстати, Евтушенко — ярый противник афганской войны, почему же тогда он тащит «Гренаду» в новое мышление? Ведь и Гренада и Кабул — итоги одной и той же концепции, которая называется «интернациональный долг»...

После убийства Кирова — культ ЧК и карательных органов, жажда репрессий достигли в обществе совершенно иррационального в своей ярости уровня. О врагах народа поэты стали разговаривать буквально с пеной у рта.

О сердце, рвущееся к бою,
Мое презрение с тобою,
Ударь, обрушь на них его.
Скуля, они ушли из драки,
Смотри! —
Они на дне клоаки,
Им не осталось ничего!
Довольно! Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.
Да станет делом наше слово.
Пора!
Закончим разговор.
Их век железною рукою
К черте последней подведет,
И сердце, рвущееся к бою,
Их, вспомнив,
Громко проклянет!
(*М. Голодный, 1936*)

Апология ЧК к середине 30-х годов в советской поэзии достигла предела, и параллельно ей, с каждым годом набирая силу, после 1934 года стала создаваться поэтическая Сталиниана. Первые волны славословия Сталину пришли в советскую поэзию из Закавказья и Средней Азии. В русскоязычной же поэзии первое стихотворение, прославляющее Сталина, написал не кто-нибудь, а Борис Пастернак и напечатал его в новогоднем номере «Известий» за 1936 год.

Стихотворение, как вспоминают современники, было написано по прямому социальному заказу тогдашнего главного редактора

«Известий» Н. И. Бухарина с присущим Б. Пастернаку блеском и искренностью, что весьма трудно понять, если вспомнить: Бухарин и Пастернак к тому времени уже знали стихи Мандельштама о Сталине, и каждый из них по-своему пытался помочь несчастному поэту избегнуть неотвратимого наказания за дерзость.

Но из песни слова не выкинешь: когда Николай Клюев и Осип Мандельштам были в ссылке, из-под пера Бориса Пастернака вышло нечто космическое:

А в те же дни на расстояньи,
За древней каменной стеной,
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом в шар земной.

Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел:
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.

В собранье сказок и реликвий,
Кремлем плывущих над Москвой,
Столетья так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.

Рядом с таким громадным, вселенским Молохом иконописные лики вождя, выходившие из-под пера Исаковского или Твардовского (трубка, усы, негаснущий свет в Кремле, отцовская улыбка), право, кажутся патриархально-человечными...

На прошедших в начале 1989 года Пастернаковских чтениях А. Вознесенский заявил, что «духовной альтернативой Сталину был Пастернак», а С. Аверинцев размышлял о том, что попытка Пастернака сочинить похвалу Сталину была неудачной.

Однако, вчитываясь в стихи (это не просто «похвала», а мировоззрение), убеждаешься, что они написаны столь искренне, широкоохватно, с таким количеством исторических, религиозных и философских ассоциаций, с летучим синтаксисом, с таким вдохновенным мастерством, исключающим насилие таланта над самим собой, что стоят в одном ряду с широкоизвестной поэмой Б. Пастернака о Ленине «Высокая болезнь».

Так что не стоило бы А. Вознесенскому без оговорок утверждать мысль о «духовной альтернативе». Стихотворение Б. Пастернака о вожде проникнуто истовым, поистине древнеегипетским, чувством строителя пирамиды (не рядового, а одного из прорабов) к фараону.

В настоящее время на наших глазах происходит действие, которое когда-нибудь, я уверен, будет определено как одна из самых бессовестных фальсификаций XX века: русский народ, простой русский человек — рабочий, крестьянин, человек «массы» объявляется создателем, идеологом и потребителем сталинизма, без зазрения совести некоторые сегодняшние интеллигенты, историки, писатели списывают на этот народ, на этого человека, на русский национальный, «рабский», как любят повторять они, характер все, что произошло с нами в тоталитарную эпоху. И как будто эти «мыслители» не ведают, что сверху под страшным

идеологическим давлением в народное сознание внедрялись через массовую прессу первые апологетические статьи о Сталине Михаила Кольцова и Карла Радека, исторические «труды» Е. Ярославского и культовые картины Д. Налбандяна, лизоблюдские кинофильмы Михаила Ромма и патетические строфы Бориса Пастернака, лакейские славословия Сталину Ильи Эренбурга и Алексея Толстого, Александра Безыменского и Алексея Суркова... Я уже и не говорю о лавине славословий о гениальности «вождя мирового пролетариата», исторгнувшейся с трибуны XVII партийного съезда из уст Кирова, Бухарина, Кагановича, Крупской, Постышева, Эйхе и т. д. и т. п. Это что — всё простые русские люди? Рабочие и крестьяне? «Полуграмотные люди толпы»? Рабы, воспитанные самодержавием и церковью? Нет, это элита тогдашнего общества, самые образованные, самые всесильные, самые интеллигентные, самые что ни на есть «сливки общества». Партийные, культурные, художественные, государственные сливки... И после этого, зная сегодня все это, целая армия историков, публицистов, идеологов пытается доказать то, что сформулировал историк Антонов-Овсеенко в журнале «Вопросы истории» (1989, № 1): «Пока жил Ленин, инстинкты толпы как-то сдерживались. Не стало вождя, и народ начал лепить нового царя-батюшку».

В двадцатые-тридцатые годы интеллигенция, пошедшая на службу к тоталитаризму, «образованщина», как называет ее Солженицын, предала народ правящей олигархии. Исключений — Н. Клюев, О. Мандельштам, А. Ахматова, П. Флоренский, А. Платонов — было немного, и не они делали погоду. Сегодня дети и внуки «образованщины», замазывая предательство своих дедов и отцов, совершают второе преступление — они пытаются оболгать преданный их отцами народ, облить его новой ложью, свалить все грехи времени с больной головы на здоровую. То, что делалось в тридцатые годы, страшнее, но то, что делается сегодня, — подлее.

«НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА»

Не будем наивны — все, принадлежавшие в 20—30-е годы к высшим эшелонам власти, были людьми одного тоталитарного склада: волевыми, жестокими, прагматичными, тщеславными.

Все они, строившие в чрезвычайно короткие сроки новую социальную систему, лихорадочно стремились запечатлеть свои имена на ее фасаде. Грешили этой слабостью и правоверные большевики, и оппозиционеры, и будущие «враги народа», и их судьи. В этом смысле все вожди нового общества были мазаны одним миром. Уже в середине 20-х годов имена крупных и мелких вождей стали наклеиваться на улицы, фабрики, трудовые коммуны.

Вскоре от мелочей перешли к крупным объектам — началось «расхищение» городов. На короткое время в прессе появились имена городов Троцк (бывшая Гатчина), Зиновьевск (бывший Елизаветград), но вскоре лопнули, как мыльный пузырь. Однако урок не пошел на пользу — к середине 30-х годов эпидемия переименований достигла апогея. Передо мной лежит листок из настольного календаря 1937 года: список переименованных городов.

Сталин мог приехать в семь городов, носивших его имя: Сталинабад (б. Дюшанбе), Сталинград (б. Царицын), Сталинир (б. Цхинвали), Сталиниси (б. Хашури), Сталино (б. Юзовка) (назван в 1924 году по инициативе секретаря уездного комитета РКП(б) Н. С. Хрущева), Сталиногорск (б. Бобрики), Сталинск (б. Кузнецк). Второй человек по значению в партии и государстве — Киров отставал на один пункт. Его имя прославило всего лишь шесть городов: Вятку (Киров), Ганджу (Кировабад), Калату (Кировоград), Караклис (Кировакан), Елизаветград (Кирово, б. Зиновьевск), Хибиногорск (Киров). (А если учесть и так называемые населенные пункты, то их число с именем Кирова достигало 140!).

Орджоникидзе распоряжался четырьмя городами — Владикавказом (Орджоникидзе), Енакиево (тоже Орджоникидзе), Бежицей (Орджоникидзе-град), но зато у него был свой город (Кадиевка), имя которого звучало по-особому интимно: Серго!

Микоян «потянул» только на два переименования да и к тому же каких-то малоизвестных городков районного значения: Кешишкента (Микоян) и станицы Кардалинской (Микоян-Шахар). Далее следовала целая группа из партийно-правительственной элиты, коей было отдано во владения всего лишь один-два города: Буденновск (б. Прикумск), Каганович (б. Терновск), Калинин (б. Тверь), Ежово-Черкесск (б. Баталпашинск), Молотовск (ныне Северодвинск), Молотово (б. Мотовилиха), Ногинск (б. Богородск), Володарск (б. Пошехонье), Свердловск (б. Екатеринбург), Загорск (б. Сергиев Посад)... Да, Ворошилова пропустили! Вот кто был на третьем месте после Сталина и Кирова — четыре владения: Ворошилов (б. Никольск-Уссурийск), Ворошиловград (б. Луганск), Ворошиловск (б. Алчевск) и еще один Ворошиловск (б. Ставрополь).

И еще забыли два Куйбышева — бывшие Самара и Каинск, Дзержинск — бывшее Растяпино и Днепродзержинск — бывшее Каменское. А Павловск был переименован в Слуцк — в честь партийной функционерки того времени.

Всего к 1937 году именами партийных и государственных деятелей 20—30-х годов стали называться около 50 старых городов нашей страны. Из них именами благополучно здравствовавших к тому времени — 28. Обратим внимание, я пишу только о переименованных городах — так называемых «населенных пунктов» было во много раз больше.

За все века самодержавного правления именами императоров и правящих императриц было названо лишь несколько вновь построенных городов: Екатеринослав, Александровск, Елизаветград, Екатеринодар, Александрополь, Павловск, Николаевск, Екатеринбург. Обязательным условием было присвоение городу имени покойного самодержца или правившей императрицы. Не было случая, чтобы город назвали именем благополучно здравствующих. Не нашел я свидетельств, чтобы в истории России какой-нибудь город был назван именем деятеля, занимавшего второе-третье место в государственной системе, именем министра, военачальника, церковного иерарха. Были, правда, названия типа «Тихонова пу́стынь», но их рождало не государство, а народная молва в честь своих святых.

Председатель совета по топонимии Советского фонда культуры доктор филологических наук Д. Нерознак считает, что эпидемия

переименований возникла целиком в сталинскую эпоху и по сталинской воле: «Имена, присвоенные многим населенным пунктам в 30-е годы, — это типичное проявление сталинского метода мемориализации» («Правда», 1989, 10 февраля).

«Сталин создал целую философию, которая заключается в стремлении отнять у людей их историческую память» («Неделя», 1988, № 37).

Доля правды в этом утверждении есть (хотя вспомним, что перед лицом фашистского нашествия в конце 30-х годов Сталин сделал запоздалое, но отчаянное усилие возродить историческую память народа, прежде всего в ее военно-патриотической ипостаси).

А вообще же, если размышлять объективно, то придется прийти к выводу, что кампания переименований связана отнюдь не с расцветом сталинизма — она пронеслась над нашей Отчизной гораздо раньше.

Когда-то, в середине XIV века, митрополит Алексий, основатель Андроникова монастыря, побывал в Константинополе и, вернувшись, назвал ручей, протекавший возле монастыря, Золотой Рожок — в честь константинопольской гавани Золотой Рог. Целых пять веков переулок, по которому журчал ручей, назывался Золоторожским. В 1919 году его переименовали в Бухаринский. Бухарин не возражал. Так совершилось первое грехопадение нового режима. Одновременно с этой перелицовкой или вслед за ней — шквал переименований зашумел над Москвой: улицы и площадь Свердлова (1919 г.), проезд Загорского, Володарская (1919 г.), Абельмановская (1919 г.), чуть позже площадь и улица Воровского, целых три улицы Августа Бебеля, площадь Ногина, ул. Усиевича, ул. Мархлевского, ул. Скворцова-Степанова, улица и площадь Дзержинского, улицы Карла Либкнехта и Клары Цеткин, переулок Стопани, две улицы Троцкого — Малая Троцкого и просто Троцкого и т. д. и т. п. То, что работа по перелицовке Москвы, вопреки утверждению В. Нерознака, была запрограммирована задолго до расцвета сталинизма, доказывает тот факт, что в 1921—1922 годах при Моссовете начала действовать комиссия по переименованию улиц. Как сказано в справочнике «Имена московских улиц» («Московский рабочий», 1975): «Новая жизнь молодой социалистической столицы властно требовала замены устаревших названий, противоречащих духу новой эпохи».

За время своей работы комиссия предложила к переименованию 447 улиц и переулков. А всего тогда в Москве их насчитывалось менее двух тысяч. Так что перелицовка уже в начале 20-х годов была тотальной.

Недавно по телевидению передавали документальный фильм о жизни А. И. Рыкова. (Кстати, в Москве, как сообщает справочник 1929 года, существовали первая, вторая, третья и четвертая улицы имени Рыкова.) Меня поразили кадры из фильма, показывающие, как Рыков приезжает на строительство электростанции — и его на руках вносят в ворота на строительную площадку, над которой висит трафарет: «Электростанция имени А. И. Рыкова». Но еще больше меня озадачили слова телекомментатора, который сказал, что лично А. И. Рыков был скромнейшим человеком, аскетом, ничего для себя не желал и был полностью бескорыстен.

Но что это, мелочь или событие — переименовать город, имя которого уходит в седую древность, какую-нибудь Тверь или Самару, изъять слово, происхождение которого не могут объяснить самые дотошные лингвисты, имя, чье возникновение столь же таинственно, как происхождение слова «Русь» или «Волга»?

Что означает для человека и для народа поменять имена девяноста из ста улиц, что было сделано после революции в моей Калуге, когда вместо древних, родных и естественных слов — Садовая, Спасская, Ямская, Благовещенская, Знаменская вдруг в одночасье появились трудновыговариваемые, а главное непонятные простому человеку — Клары Цеткин, Урицкого, Каракозова, Троцкого и даже Красного террора? На Украине на какое-то время возник город Карло-Либкнехтовск, Спасск стал Беднодемьяновск. И такое происходило с середины двадцатых годов по всей стране, которую буквально одевали в имена наркомов и партийных функционеров, международных деятелей Коминтерна и наших доморощенных террористов. Доходило до курьезов: бывший город Надеждинск в честь первого секретаря Уральского крайкома Кабакова назвали «Кабаковск». Вождями и функционерами владела слепая и тщеславная жажда к увековечению своих имен, а частью оболваненного народа наивная вера в то, что люди, носящие эти имена, совершенны и величественны, что их фамилии вполне могут и должны заменить имена древних героев и святых. Вожаки были уверены в том, что Зиновьев в истории человечества играет куда большую роль, нежели легендарный, истаявший в дымке времени Николай-угодник, а потому дали себе неограниченное право вытеснять из памяти народной все предания, все мифы, все бесполезные для новой власти авторитеты... Поветрие обуяло и высший эшелон вождей, и громадный аппарат исполнителей, и, в конце концов, как эпидемия охватило массы. Клубы имени Луначарского, заводы имени Бухарина, пароходы имени Рудзутака и Коснора, улицы имени Урицкого и Володарского, как сыпь, обсыпали тело необъятной страны... Вот что и было настоящей революцией. Не смена власти, а смена богов и авторитетов венчает и определяет суть революционных эпох... Это означало, что у нас вроде бы окончательно, как тогда казалось, воцаряется, пускает корни в глубину общественного сознания и спешно творит новые мифы новое, невиданное доселе в истории по своим масштабам атеистическое государство. Ну если что случалось, если тот или иной партийный функционер выходил в тираж, впадал в немилость или в ересь и приходилось свежее еще необсохшее имя еретика сдирать с города и менять на имя очередного администратора, то подобное недоразумение в ту бешеную эпоху никого не смущало. Массы привыкли к тому, что история творится прямо на глазах. И это «хапужничество» не менее страшное, нежели брежневское или рашидовское, ибо соратники Ленина, «люди высокой культуры», «самое интеллигентное правительство в мире», как принято говорить о них, покушались не на золото, бриллианты и автомашины, а на нечто большее — на духовное достояние народа.

«Не сотвори себе кумира» — говорили древние. Почему? Да потому, видимо, что кумир из человеческой плоти и крови, из страстей, заблуждений и пороков, которые сегодня могут считаться добродетелями, — создание несовершенное. Сотворишь — и ему, а не идеалу придется кланятся.

Идеал очищен временем, историей, страданиями человечества от грехов и слабостей людских. К нему хоть тянуться можно, по его чистому подобию душу свою можно соразмерять. А тут кому исповедоваться? По кому душу соразмерять? По Дзержинскому? По Бухарину? По Карлу Либкнехту? Да, слышится в ответ — по ним!

Я сужу столь решительно, потому что неизвестно ни одного факта, чтобы кто-то из деятелей двадцатых-тридцатых годов отказался от подобной чести, запретил называть город или улицу своим именем, устыдился, заскромничал, сказал, что недостоин...

А массы? Да им кумиры нужны, свято место пусто не бывает, с них спрос невелик. Спрашивать надо с Великих Инквизиторов, и Средних, и даже с Малых. ибо, как сказал Христос, «горе тому, кто соблазнит малых сих...». Вспоминается сцена из притчи Василия Шукшина «До третьих петухов». Черти штурмуют монастырь. Обессиленные, готовые сдаться монахи выходят на переговоры и спрашивают чертей: а что же вам надо? Чем от вас откупиться? А те с хохотом отвечают, что им надо только одно: пусть монахи замажут на иконах лики святых, а вместо них намалюют дьявольские рожи своих победителей.

Идеологи и практики 20—30-х годов не скрывали своих разрушительных тоталитарных планов. Более того — они гордились ими, декларировали их. Вот что писал в «Вечерней Москве» от 27 августа 1930 года известный публицист того времени В. Блюм: «Пора убрать «исторический мусор» с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьезов. Еще в прошлом году в Киеве стоял (а, может быть, скорей всего и по сей день стоит) чугунный «святой» князь Владимир. В Москве напротив Мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси «гражданин Минин и князь Пожарский» — представители боярского торгового Союза, заключенного 318 лет тому назад, на предмет удушения крестьянской войны... Скажут: мелочь, пустяки, ничему не мешают эти куклы, однако, почему-то всякая революция при всем том, что у нее были дела поважнее, всегда начинается с разрушения памятников. Это — вопрос революционной символики и ее надо строить планово и рационально.

Уцелел ряд монументов при идеологической одиозности, не имеющих никакой художественной ценности или вовсе безобразных — ложно классический мартосовский «Минин — Пожарский», микешинская тумба Екатерина II, немало других истуканов, уцелевших по лицу СССР (если не ошибаюсь, в Новгороде как ни в чем не бывало стоит художественный и политически оскорбительный микешинский же памятник «1000-летие России») — все эти тонны цветного и черного металла давно просятся в утильсырье.

Если сама площадь «требует» монумента, то почему бы с фальконетовского Петра I не сцарапать надпись «Петру Первому — Екатерина Вторая», и останется безобидно украшающий плац никому не известный стереотипный «Римский всадник» и т. д. Улицы, площади — не музей, они должны быть всецело нашими».

Слово «нашими» можно понимать по-разному. Но суть этого циничного монолога одна: история, культура, города и улицы России могут принадлежать кому угодно, только не их творцу и создателю — русскому народу...

Суть произошедшего в двадцатые годы глубже, нежели другие «инженеры человеческих душ», понял Андрей Платонов, создавший в романе «Чевенгур» образ полуграмотного бойца революции Копенкина, типичного продукта массового сознания тех времен. Копенкин разъезжает по стране на громадной лошади то ли как сошедший с ума Илья Муромец, то ли как Дон Кихот Ламанчский, насаждает казарменный социализм Троцкого и подобно средневековому рыцарю, носившему в своей душе образ Святой Девы или Прекрасной Дамы, хранит в сердце имя Розы Люксембург, чей портрет на плакате зашит в его буденовку.

«Копенкин надеялся и верил, что все дела и дороги его жизни неминуемо ведут к могиле Розы Люксембург. Эта надежда согревала его сердце и вызывала необходимость революционных подвигов... Роза! — вздыхал Копенкин и завидовал облакам, утекающим в сторону Германии: они пройдут над могилой Розы и над землей, которую она топтала своими башмаками».

В «Чевенгуре» Платонов, конечно же, дал полную волю своей свободной саркастической фантазии, но читаешь роман, вспоминаешь нашу несчастную историю и думаешь: вот мы кричим о культе личности, о злой воле вождя, о том, что он был параноик... А разве не всеобщая паранойя — в которую впадали не по чужой, а по своей воле — тысячи фабрик, заводов, улиц, городов, пароходов имени того-то и того-то, вплоть до никому ныне не известного журналиста главного редактора «Известий» Стеклова-Нахамкеса? Был даже город Стекловск, просуществовал два или три года. Разве эта вакханалия не свидетельство алчности, чудовищного тщеславия, нечеловеческой гордыни этих «владельцев заводов, газет, пароходов», жаждавших остаться в истории и вечности, жаждущих того, чтобы их лица были намалеваны на древних досках, и эта тоталитарная жажда личных культов, мелкого «самообожествления» была столь агрессивна и всеобъемлюща, что неизбежно складывалась в громадную пирамиду, а пирамида по законам геометрии обязана была завершиться вершиной, венцом, единственным культом, и в фундамент этого культа вошли, как опорные камни, как строительный материал все города имени Кирова, улицы имени Бухарина, колхозы имени Косиора или Кагановича, уничтожавших крестьянскую жизнь.

Но в народе есть древняя примета: нельзя называть именем живого человека что-нибудь долговременное или вечное: считается, что к несчастью. Так оно и вышло.

Но как бы то ни было — создание новой тоталитарной, посвоему религиозной, но одновременно атеистической системы к середине тридцатых годов было завершено. Все, что можно было переименовать, все было переименовано, все большие и малые демиурги системы легли костьми в ее основание и в ее тело, последовательно прошли свой жизненный путь. Ведь на вершине пирамиды могло уместиться лишь одно ими. Но оказаться на вершине! — такие шансы в начале пути ведь были у каждого, и каждый надеялся на успех, внедряя в массы свое имя.

А человек из масс платоновский Копенкин в это время выпил в память прекрасной девушки Розы Люксембург и сумрачно задумался. «Его международное лицо не выражало сейчас ясного чувства, кроме того, нельзя было представить его происхождения — был он из батраков или из профессоров, — черты его личности уже стерлись о революцию».

Валентин СОРОКИН

НЕЗАБЫТОЕ

Мы изворачиваемся, ловчим, а не говорим главного. А главное — мы вплотную подошли к рубежу раскола нашей интеллигенции. И есть люди, ретивые, в иных газетах и журналах, способствующие расколу, обидам, оскорблениям, разжиганию конфликтов и межнациональных недоверий. Так, например, сколько лет разворовывали и оскверняли могилу героев Куликовской битвы — Пересвета и Осляби!

— Но микрофоны молчали, телеэкраны молчали, газеты молчали, журналы молчали! — говорит писатель Иван Михайлович Шевцов. — Забеспокоились, когда молчать стало уже нельзя. Я удивляюсь русскому терпению. Русские молчат, а рядящиеся под русских, орудуют... Ну, например, Борис Васильев замкнулся на русском «шовинизме», о чем бы ни затеял беседу, обязательно наступит «на мозоль шовинизма», то разлагающегося, то властно давящего, то шовинизма, погрязшего в русском невежестве, и в русской жестокости, а сам Борис Васильев взял русское имя, может, псевдоним, но русское имя. Русскоязычный литератор, а русское презирает.

А объясняется все нашей беспечностью. Могли бы Ивановы, Наталья, Татьяна, позорить другой народ, кроме русского, так последовательно и грубо? Позорить, противопоставляя его братским народам? Почему я, Иван Шевцов, болезненно реагирую на их статьи? И меня били такими же эпитетами, какими эти литдамы бьют ныне лучших наших людей. А Татьяна Иванова «разгромила» даже нашу Ставку, Комитет Обороны: так выдала маршалам и генералам военной поры, не приведи бог! Громила она в «Огоньке» верховное командование беспардонно, упоенно, с натиском, как Лосото и Кучкина громили «Память». Дескать, в «Памяти» — дураки, а они, вдвоем, — умные!

А мне подумалось: внешне, кажется, легко Иван Михайлович переносит напрасные наскоки, но внутренне — ядовит, и, понятно, не от критической щедрости к нему. И мысленно я вернулся к статьям Кучкиной, Лосото, Татьяны Ивановой, Натальи Ивановой, Ильиной... и задержался на «личном» факте.

Как известно, Наталья Иванова во всех своих статьях атакующе бесцеремонна до перехлестов. А перехлесты заставляют ее самовозжигаться, уродовать чужие стихи, чужой смысл, чужую картину, над коими она занесла свой жилистый кулак с длинной сухой, как лучина, деревянной ручкой, опущенной в оловянную чернильницу сталинской поры.

Так в статье «Вверх по лестнице, ведущей вниз», опубликованной в «Литературной газете» 29 апреля 1981 года, Наталья Иванова говорит: «В. Сорокин откровенно прямодушен в своих строках (как насчет «избыточной поэтичности» — пусть решит читатель):

Все чувствовать, слышать и видеть охота,
Понять и БЕССМЕРТНО ПОВЕДАТЬ — КЛЯНУСЬ Я!
...Березы, вы — лебеди, цапли, сороки (? — **Н. И.**),
Зеленые иволги отчих раздолий (?! — **Н. И.**),
Я знаю, МНЕ ВЕЧНЫЕ ВЫПАЛИ СРОКИ
Звенеть о призванье, надежде и доле.
И костью я крепок, И ВЗОРОМ НЕ ПРОМАХ...

Что же останется вечным и бессмертным, о котором хочет звенеть В. Сорокин?

Коварство состоит в том, что критик не в состоянии предать поэта осуждению — предает сам себя автор...»

Наталья Иванова проявила удивительную бестактность. Она взяла три строфы из единого стихотворения, размежеванных другими строфами, обрезала и «обработала» их так, как ей подсказывало ее «гуманное» желание, и в искаженном виде преподнесла читателю.

В журнале «Новый мир» (№ 1) за 1981 год мое стихотворение звучит так:

Уходят березы в мятущемся дыме,
В разбросанной хмари большого июля.
Уходят, уходят холмами седыми,
В ложбинах которых века потонули.
Родные просторы, леса да болота,
Луна, что плывет над полночною Русью.
Все чувствовать,
слышать
и видеть охота,
Понять и бессмертно поведать — клянусь я!
Но дождь пронесется, но ветер просвищет,
Но в травах зайскрятся первые росы.
Сквозь древние сказки, костры и кладбища

Уходят вселенской равниной березы.
Не с ними ль моя пролетает дорога
Стрелою,
запущенной рано и метко?
Я каждый трепещущий лист перетрогал,
Погладил, наверное, каждую ветку.
Березы, вы — лебеди, цапли, сороки,
Зеленые иволги отчих раздолий.
Я знаю,
мне вечные выпали сроки
Звенеть о призванье, надежде и доле.
И костью я крепок, и взором не промах,
И, кажется, был я уже не однажды
Средь белых берез, кипеневых черемух,
И умер случайно от чуда и жажды —
Страдать и пророчить, любить и прощаться.
Березы, поляны, ручьи и речушки.
Пусть годы мои воспаленно промчатся,
Короче и горше,
чем голос кукушки.

При чем тут высокомерная словоохотливость Натальи Ивановой: «Коварство состоит в том, что критик не в состоянии предать поэта осуждению — предает сам себя автор»?.. Надо же, как «антикварно и девственно» она изрекает!

* * *

Давно это было. Моросил тощий холодный дождь. Москва плыла в предзимнем тумане. Слякоть тяжело осела на улицах и проспектах, располалась по скверам и площадям, солнце нырнуло во мглу и первые сухие морозы еще не начали свой путь. Неуютность усиливалась и оттого, что мы хоронили юного рослого парня, погибшего в автодорожной катастрофе почти в центре столицы. Родители его — наши друзья. Отец — Иван Михайлович Шевцов, известный писатель, старый солдат, участник войн — финской и Отечественной. И пульсировало в моих висках:

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

К чему тут печальный экскурс в прошлое, правда? А к тому: говоря о новом романе Ивана Шевцова «Грабеж», выводящем на чистую воду мелких воров, маститых мошенников, больших торгашей-преступников, крупных главарей мафии, «мастеров» по золоту и валюте, писатель продолжает нелегкую собственную стезю — борьбу за ясность человеческой совести, за строгую гражданскую мораль, за обычную долготерпеливую верность нравственным нормам, заветам дедов и отцов.

А отец Ивана Шевцова вместе с другими штурмовал в 1917 году Зимний, а сын, Иван Шевцов, принял на юго-западной границе СССР, как начальник заставы, один из первых фашистских залпов.

Писатель Иван Шевцов не растерял мужества на горьких кровавых дорогах. Тот лейтенант-пограничник живет и сегодня в прозаике Шевцове.

Его книги пользуются исключительным вниманием и спросом. За ними зорко следит не только читатель, но и «некий» критик. Читатель — с благодарностью, критик — с ненавистью: набрасывается чуть ли не на каждый абзац любой новой книги писателя. Ради справедливости скажу: сейчас несколько примолкли. Время иное. А роман «Грабеж», как предыдущие романы Ивана Шевцова, «Любовь и ненависть», «Набат», «Бородинское поле». «Во имя отца и сына», — всё о теперешних заботах и делах. Нет в них покоя политическим лавочникам и спекулянтам, бытовым жуликам и негодяям, грабителям чужого счастья, опустошителям государственной казны, облеченным почетными полномочиями хамовитым сановникам-властолюбцам, предержащим, покупающим, предающим.

«Но как все эти сокровища, или хотя бы часть, переправить за границу, в ту же Австралию? Вопрос не простой, проблема из проблем. И разрешить ее можно только с помощью Земцова. Само собой разумеется, это потребует немалых расходов. Надо попытаться в субботу на даче Зуброва сойтись с ним поближе. Зубров — поддержка верная, но без достаточной гарантии. Он может помочь на первом этапе. А если дело дойдет до суда? Вот тут-то и будет полезен Петр Михайлович Малярчик. В суде у Пришельца есть надежный человек — Вероника Георгиевна Забродова — дама решительная и главное — алчная. Давно он не виделся с Забродовой, надо бы найти повод пообщаться. Сводить ее в ресторан или пригласить к себе домой — противно: уж больно она непривлекательна, ну просто каракатица. Но что-то нужно придумать...»

Ипполит Исаевич в каждом человеке прощупывал, угадывал, находил «точку» опоры для личной корысти, для задуманных операций, что сообщало ему максимум выдержки и умения объединять разных проходимцев, начинающих и уже опытных, колеблющихся и гранитных, перспективных и дарящих перспективу... У каждого Ипполит Исаевич изучал скрытые наклонности: любовь к женской красоте, к выпивке, уважение к дорогим подаркам, но никогда Ипполит Исаевич не разрешал «своим подданным» перешагнуть его самого в привязанностях к ладу драгоценностей, согревающих сердце Пришельца. Он, коли необходимо, лбами столкнет дурных и хитрых подопечных, заставит их следить друг за другом, бояться друг друга, но выполнять стратегический план Ипполита Исаевича. Он — Главный. Они — работающие на него. Им необязательно знать стратегическую цель. Он — интеллигент. Он — интеллектуал. Они — быдло. Они — его презрение.

А стратегическая цель Пришельца — мечта о побеге из страны, где никак ему нельзя развернуться и реализовать наворованное. За границей то ли дело: ты — хозяин фабрики, ты — владелец ресторана, ты — частный предприниматель, заводчик, миллионер! В деревянную львиную лапу кресла Ипполит Исаевич густо насыпал золота и драгоценностей, набил ее гораздо туже,

нежели банальный скряга набивает длинный чулок шуршащими замусоленными трешками.

Сидит Пришелец дома. Сидит — ему хорошо. Золота — много. Алмазов — много. Бриллиантов — много. Вот бы заграница! Он — молодой, кудрявый. Женщины. Поклоны. Записки. Ну даже старый. Облезлый и патлатый. Пусть. Но — богат. Власть. Поклоны. Опять — женщины. И — роскошь к роскоши. Сумел — прирастил капитал, толкнул в стремительную пляску стерлинг, доллар. А рубль — тьфу!..

Ядом торгашества, разложения, предательства, цинизма Пришелец «помазал» жаждущие губы не одному сослуживцу, не одному сотруднику МВД, суда, прокуратуры, не одному низкому, да и высокому гражданскому лицу. Яд — яд. Яда нейтрального нет. Супруга Зуброва получает соболей. А ювелир Арсений Львович катает в ладонях «камешек», стоимостью в десятки тысяч, молвит с притворным равнодушием:

— Сырье. Пока это полуфабрикат!

Так из людей-полуфабрикатов Пришелец обтачивает, шлифует настоящих мастеров грабежа, авантюристов риска и разбоя.

В романе «Грабеж» Иван Шевцов показал и бессонную долю тех, кто по долгу службы и совести несет ответственность за порядок у нас в стране. Такой, на мой взгляд, Доброскпонцев, руководитель масштабный и точный, знающий, как рассекать мечом возмездия сети коррупции, золотые и алмазные канаты, протянувшиеся по селам и городам государственного застоя, взяточничества, словоблудия, трибунной похвальбы и нетрезвого ордынского соблазна...

«Хочу понять вашу философию, Ипполит Исаевич, уже не как следователь, а просто по-человечески. Фактически вы проповедуете высшим идеалом для человека жизнь брюха и совершенно отрицаете жизнь духа со всеми нравственными, этическими и эстетическими проявлениями.

— Боюсь, что вы не поймете. Дело в том, что мы говорим с вами на разных языках. Я постараюсь: мы — инакомыслящие. У каждого человека свое представление о счастье, и это хорошо, в этом состоит многообразие жизни. Один любит парное молоко, другой живых устриц, и обязательно с писком. Что в этом преступного? Одни мечтают о Золотых Звездах Героя и лауреатских медалях. А мне лично они даром не нужны. Я предпочитаю золото в чистом виде».

Циник Ипполит Исаевич и отвечает при беседе-допросе как циник Доброскпонцеву.

Устал от разложения и разочарования в Пришельце ханыга Павлов, устал от перегрузок и стрессов лиричный следователь Беляев.

Роман «Грабеж» в целом удачный, хотя и встречаются прежние погрешности автора: попытка быстро выпрямить образ, перескочить психологические барьеры души, решить ее «тупики» за счет эмоций, за счет скорости событий. Излишняя прилипчивость к «областному» пространству, к ведомственному именному списку: сближение такого-то знакомого с таким-то вымышленным лицом — все это часто мешает содержанию, выхолащивает вес мотивировок, упрощает сюжет.

Но роман «Грабеж» внушает, тревожит. Герои — небезынтересны, оригинальны, возбужденные страстями, охотно прорываются к нам... Книга перестроечная, в прямом ее значении и пользе. Закончен роман годы и годы назад, а нашел издателя вчера. Жаль. Иван Шевцов — писатель не розовой судьбы. Его книги — его беды. За книги Ивана Шевцова мстят Ивану Шевцову. В разгар торгашества, пьянства, безделья, коррупции, чинопоклонства, юления перед всем, что не свое, не наше, а зарубежное — от ярко прилепленной какой-нибудь голобедрой эмблемы на джинсах и до серьезной машины в цехе, — романы Ивана Шевцова дрались за дисциплину производства, за качество дела, за серьезность воспитания поколений.

Однажды мы с Иваном Михайловичем Шевцовым тихо бродили в Загорске по лавре. От собора к собору. От ограды к ограде. Размышляли. Молчали. Глядели на белые древние плиты. По этим каменным плитам простучали сотни поколений соотечественников, верующих, неверующих, писателей и художников, музыкантов и философов, судей и палачей. Плиты — наш прочный шаг к святыням, к истории, к памяти предков. Разве в том вечная загадка — есть бог или нет его? Загадка в том, что идут к «нему», идут через века, через голод, холод, через погибель и возрождение, через хулу и позор, угрозы и наветы, идут, идут...

К богу идут? Нет. К доброте идут, к надежде, к внутреннему успокоению и стабильности. Быть самим собою каждый себя осознавший не норовит, а твердо желает, хочет, иногда — до страданий, до тоски, до ярости, до протеста. А как быть самим собою, если перед тобою никого — лучше тебя, глубже тебя и доступнее тебя, как? Ведь на близкое существо со слабостями, тебе понятными, с недостатками, твоими же, равняться сложно: существо, на тебя похожее — ты, а тебе-то взлетается, а тебе-то грядётся туда, куда ты не досягаешь физически, туда, там — тайна твоя, там — ты!..

* * *

В трехтомник* избранных произведений Ивана Шевцова вошло пять романов из десяти, созданных им. «Семя грядущего», «Среди долины ровныя...» и «Свет не без добрых людей», три эти романа много раз переиздавались и достаточно хорошо известны читателю. Но два других — «Во имя отца и сына» и «Любовь и ненависть» — в каком-то смысле подарок читателю: судьба двух последних романов крайне трудная.

В романе «Во имя отца и сына» поднято много злободневных вопросов, болевых точек нашей жизни, нерешаемых проблем. Это, конечно же, не могло понравиться трубадурам застоя и вседозволенности, рисующим солнечный нимб вокруг лика самого «несгибаемого ленинца» — Брежнева. Тут проще простого было обвинить писателя в страшной крамоле, которая называлась «клеветой на нашу благородную советскую действительность»... Тем более что одновременно с «Во имя отца и сына» в 1970 году вышел в свет и другой роман Ивана Шевцова — «Любовь и ненависть», и читатели узнали из романа не услышанное ими, а увиденное рядом, тяжелое, давящее душу: узнали о наркомании, проституции, разложении, о том, о чем надо бы помалкивать им и автору. Так спокойнее, безопаснее!

Наркомания, проституция, взяточничество, спекуляция, растле-

* М., Воениздат, 1988.

ние нравственных основ человека, ползучее зло, воровское обличье мафии, прячущей концы «в воду», умеющей вовремя уйти, увильнуть, скрыться от ответственности, от возмездия, от народного негодования. Однако не наркомания и проституция составили главную проблему «Любви и ненависти». Главная проблема заключалась в более глубоком, серьезном, как, впрочем, и в романе «Во имя отца и сына», — в идеологически-нравственных диверсиях недругов нашего общественного и национального уклада, если сказать решительнее и прямее... Кое-кому очень неприятны герои произведений Ивана Шевцова — люди убежденные, действующие по убеждению, хранящие убеждение, как хранят заветы, заповеди, правила и законы, формирующие человека, обращающие его глаза к отечеству, к брату, к другу.

Идеология, идея, цель, судьба! Разве не значительны эти слова? Разве не велико понятие, смысл, вложенный в эти слова? Лозунг стремления поколений стареет, бессмертная книга стареет, а суть народа, призвание народа — никогда.

В романах Ивана Шевцова «Во имя отца и сына» и «Любовь и ненависть» так же непримиримо, как и в его других произведениях, в смертельной схватке сцепились добро и зло, два противоположных и вечных полюса бытия, и в этих острых конфликтах писатель беспощадно высветил язвы нашего общества. Высветил не с банальным злорадством, а с болью сердца, с тревогой гражданина и патриота. Повторяю: романы написаны в «эпоху застоя»!..

Часто первыми критиками произведений Ивана Шевцова оказывались и представители буржуазной западной прессы. В газете «Нью-Йорк таймс» романы Ивана Шевцова громил знаменитый сионист Б. Гверцман. В «Интернэшнл геральд трибюн» такой же разгром Ивану Шевцову устроил Г. Шапиро, не менее знаменитый сионист. Оба критика храбро заявляли о своих сионистских позициях, подчеркивая тем самым особую ненависть к писателю-интернационалисту, к писателю, чьи убеждения питает любовь к справедливости, верность доброте.

Не «продремали» романы Ивана Шевцова и некоторые наши критики в те годы, критики, обожающие Б. Гверцмана и Г. Шапиро тайно, но боящиеся признаться в любви к ним открыто. Потому заскорузлое наклеивание ярлыков «очернитель», «черносотенец», «шовинист», «русофил» делалось ими виртуозно и решительно. В адрес писателя Ивана Шевцова пошел поток писем. Читатели одобряли книги, помогали автору поддержкой. Романы Ивана Шевцова молниеносно исчезали с книжных полок магазинов и библиотек.

Пришло и письмо из США. В нем рядовой американец с тоской душевной рассказывал советскому писателю о бесчинствах сионистской мафии в США, захватившей позиции в культурной жизни этой страны. Честный американский читатель предупреждал русского писателя об осторожности, ибо у сионистов «длинная рука»... К тому времени у Ивана Шевцова было уже около десяти книг, вышедших в свет, в том числе и пять романов, включенных в трехтомник избранных его произведений.

Травили писателя Ивана Шевцова чужие и свои гверцманы и разные шапиры, но камень слова, «каким положен», лежит прочно в основаниях произведений этого боевого и неуемно-темпераментного человека, этого писателя-ратника...

Сейчас время сложное, ветровое: многие честные люди, настоящие борцы за правду, за прогрессивное государственное дело, вышли на высоту, освободившись от утеснений, наговоров, начальственно-администраторского гнета, но нередко попадаются и те, что, все святое предав ранее, изрядно проторговав по довольно дешевой цене отеческие духовные и материальные достояния, явились из-за рубежа учить нас, учить таких, как Иван Шевцов, прошедших голод и холод войн, не дрогнувших перед лишениями и даже смертью, ведь она на войне отирается рядом с бойцом. Учат. Настырничают. Жалуются. А неужели Ивану Шевцову было тут, дома, легче, чем, допустим, Иосифу Бродскому в его загранице. Но Бродский — герой. А ветеран двух войн, Иван Шевцов, ныне кто? Иван Шевцов — и только...

Ныне легко и часто мешают глядеть нам вперед статьи и очерки, заметки и рассказы о том, как трудно было у нас, на Родине, Науму Коржавину, оклеветанному доносом, приговоренному к заключению несправедливо и теперь — поселившемуся в Израиле. Так вот, многие годы Наум Коржавин обитает в иных пределах... И что? Что дальше? Обидели — сбегай! Не печатают — сбегай! И это борьба? Это — революционное отношение к действительности в стране Октября? Кто же сеет такое? Кому такое на пользу?

А чем воспитывать волю? Как зародить способность к преодолению трудностей в молодом человеке? Чем ее зародить? Чем ее укрепить в нем? Советом сбегать? Пожеланием уехать? А разве в армии всюду легко? А разве на фронте приятно? А разве отцам нашим и дедам мало хватило лиха? А разве их не давили несправедливостью, жестокостью, клеветою? Пусть сбегали бы? Пусть не защищали бы землю своей матери?!

Идет странный процесс в нашем обществе — подспудный процесс завидования, процесс отречения от выносливости, непримиримости, яростной схватки с ложью, подлостью, процесс уступчивой продажности, сговорчивой изменчивости, предательства того, чему нет цены, нет забвения, нет реформы...

Но победит — красота, сила духа, свет разума и верность!

* * *

Читатели не раз отмечали, как берут одно и то же русское имя некоторые наши схожие «родственным вкусом» газеты и журналы и начинают это имя высмеивать, конфузить, ниспровергать, уничтожать на глазах у честного народа: порой им такая грязная возня доставляет удовольствие. Имя Ивана Шевцова «прошло» по кругу многих умельцев «литпотасовок», а совсем недавно «Советская культура» опять припала «воспаленной губой», припала устами П. Церлюка, из Киева, к острому «напитку», напечатала...

П. Церлюк, оказывается, излил свою заботу о литературе по телефону: об идейной порочности и художественной несостоятельности романа Шевцова, где отрицательный герой Наум Гольцер убивает шилом мать и любовницу, а положительный персонаж проповедует, что роль Эйнштейна в науке раздута рекламой, о чем писала «Правда» еще в 1970 году. Этот опус, как, впрочем, и другие книги того же автора («Тля», «Во имя отца и сына» и

пр.), единодушно осудили и высмеяли в те времена и другие органы («Комсомолка», «Литературка», «Юность» и др.). Казалось, писания Шевцова так навсегда и останутся литературным курьезом эпохи застоя. Однако в конце прошлого года стотысячным тиражом был издан его трехтомник, последний том которого занимает «Любовь и ненависть». И этот вздор на четвертом году перестройки извлек из нафталина и гальванизировал Воениздат. Что это — новый бастион антиперестроечных сил?

Поражает цинизм «добровольного звонаря» в редакцию П. Церлюка. Значит, Наум Гольцер не может быть плохим, отрицательным типом, а может быть плохим и отрицательным типом кто-то другой, только не Наум и не Гольцер, а, допустим, Антон Петров, Гариф Шамбатуев, Терентий Романюк и т. д. ...А разве мало сказано о «раздуваниях» имени Эйнштейна и без шевцовских цитат? И слова-то у «читателя-звонаря» нетелефонные: «опус», «из нафталина», «антиперестроечный», «эпохи застоя». Ничего себе, читатель!

Да и заблатненный жаргон: «Комсомолка», «Литературка», «осудили», — не доказывают благородных порывов автора звонка.

Но главное — «звонарь» готов разнести Ивана Шевцова за отрицательного Наума Гольцера! И разносит. Где? В «Советской культуре»... Как тут не вспомнить злобное изречение: «Народы и царства, которые не захотят служить Израилю, погибнут; такие народы совершенно истребятся...»

Но, если автор звонка наивный, предположим, человек, то ему, имеющему цепкую, как показывает его желчь, память, полезно зазубрить и такие строки Василия Федорова:

Мне тяжело.
Люди со мной
Становятся честными.
Они разговаривают,
Как на исповеди,
Особенно женщины,
Которых мог бы любить.
Мне всех тяжелей.
Я похож на бога,
Но не настолько великого,
Чтобы прощать.

А прощать надо, если ты прав, если ты справедлив в своих и в чужих ошибках. Иван Шевцов простил.

И я прощаю и Науму Гольцеру, и П. Церлюку, и Н. Ивановой, прощаю ее жилистый кулак, ее длинную сухую, как лучина, деревянную ручку, ее оловянную чернильницу сталинской поры. И не прощаю только А. А. Беляеву, главному редактору «Советской культуры», вчерашнему «дирижеру-укротителю» литературы, нынешнему храбрецу-перестройщику, представляющему, как мне кажется, вместе с Адамовичем и Евтушенко мозговой центр «обновления»...

Иван Михайлович Шевцов тогда, в лавре, держал в руках сигнальный экземпляр романа «Любовь и ненависть». В книге шла речь о наркоманах и алкоголиках, о внедрении хмельной заразы в гены подростков, молодежи, детей и внуков.

Писатель нервничал:

— Закончил книгу в 1960 году, а ныне 1970 год, а я не мог защитить от редакторства и А. Беляева остро нужные куски в рукописи. Растление — не разглашай, про отраву — молчи. Ну и ну! Давай, советуют, вычеркивай про собаку, это — из романа «Бородинское поле», вычеркивай про Леню Брусничкина. А в романе один персонаж видит сон: Леня Брусничкин в «шапке Мономаха»... Увешанный медалями, орденами, повелевает. Спрашивает персонаж у Лени, дескать, тяжела шапка-то? Не-е-е, отвечает, нормально. Значит, вычеркивай. Понятно?..

— А про собаку?

— А собака, пес, Марс, не пустые ошейники, а с бляхами, монетами, бубенчиками, гривенниками, особенно иностранными, но ошейники обязательно «расцвечивались» и как бы специальными знаками-наградами. Чем больше их на ошейнике, тем умильнее у собаки настроение. Пес дряхлый, жутко изношенный, но безумно чтящий побрякушки. Наденут пустой ошейник — скулит, роет лапой песок. Ребятишки хулиганят. Навешают на него град пуговиц, брошек и пляшут вокруг. Галдят. Поют. Шумят. А он доволен. А он мотает башкой, благодарный. Во дурачок!..

— Откуда эпизод?

— Из «Бородинского поля»!

— Вычеркнули?

— Отстоял, но интересовались, о ком, на кого намекаю? Чушь. И намекать лишне...

Немало тихих заправил и громких, чем-то сродственных Лене Брусничкину и отупевшему псу, немало. Но «принципиальные» критики их не замечают, бьют воюющих с бандой расхитителей и пиратов, честных бьют!

Писатель медленно продекламировал Маяковского:

Пока
заморские
шипучие
тринкены
лакали
дворяне,
тянул
народ,
забитый и закриканный,
бочки
разной дряни.

Обращается ко мне:

— Гласность, демократизация, а смотри, Олесь Адамович не слазит с телеэкрана. Деспотически осмеял, оплевал, измолотил старика Шеховцова, пусть и сталиниста. Шеховцов не клеветал, не сажал, не казнил, а лишь возмущается ура-храбрецами, пляшущими на костях мертвецов, как Адамович. Поправляет галстук, поддергивает манжеты, по-женски артистично забрасывает волосы на лоб, таская по студии из угла в угол старого человека, хамит, издевается, блещет остроумием. Чем Адамович в подобном «диалоге» отличается от тех, кто допрашивал, давил и доказывал, что доказать и стремился?.. Старик Шеховцов куда благороднее казался директора института кино, членкора, журналиста, члена межнациональных комиссий, секретаря СП СССР, де-

путата, сценариста, прозаика, общественного трибуна и деятеля Олеся Адамовича. За ярлыком «сталинист» они, васильевы и адамовичи, измордуют, кого наметят измордовать, опираясь на экран и печать. Я бы с врагом так погано не смог себя вести, не смог бы с бессовестной назойливостью преподносить собственную девственную непогрешимость и конъюнктурный азарт. Все это похоже на «интеллектуальное» хулиганство. Отчего это? От ощущения какой-то личной неполноценности, ущербности, недомогания нравственности? Адамович земляков называет «наши белорусские ортодоксы», а сам — типичный ортодокс протокольно-обвинительной поры... Один он чист, один он получил право «сопереживать» с грузинами трагедию в Тбилиси, но помалкивать о трагедии в Ферганской долине и в Сухуми, один он получил право «подогревать» напряжение в Эстонии «сопереживанием», но долбить головотяпов русских и «наших белорусских ортодоксов», считая, видимо, себя надбелорусом, надрусским... Межнациональные «узлы» ему грезятся в образе Шеховцова, на которого Адамович топал, шумел на экране, уличая, перетаскивая старика из угла в угол, а ведь Адамовичу грохнул седьмой десяток, достоинство и сдержанность и в «зрелом» возрасте не помеха. Представим, кто-то, помоложе, топает ногами, шумит на Адамовича и гоняет его по экрану, каково ему, а?

Даже редакция газеты «Вечерняя Москва» 23 августа 1989 года во врезке к статье «Еще раз о сталинистах» вынуждена была извиниться и признать, что «газета не располагает данными, свидетельствующими о том, что гражданин Шеховцов, работая следователем, применял незаконные методы следствия».

Рассуждаем о показухе иных борцов, о том, как они стали социологами, политиками, академиками в эпоху застоя, а сегодня источают желчь в спину их вчерашних учителей-кумиров...

Иван Михайлович замолкает.

Белорус Иван Шевцов до сих пор, кажется, не отскреб ярлыки, наклеенные на него критиками-экстремистами от угодничества, лжи, лакейничания перед космополитами, и перед всем тем, что мешает сердцу тревожно стучать у порога Родины, плакать у братской могилы...

Русский писатель, белорус, предостаточно походил в русских «шовинистах», «монархистах», «черносотенцах», прочих «истах». И это — когда знают: Иван Шевцов участвовал в войнах, ужасных по кровопролитию и потерям. Иван Шевцов — сын солдата, штурмовавшего Зимний, полковник запаса. Наконец, Иван Шевцов — человек, седой литератор, и найдутся же малые, даже обычные, достоинства в его книгах и в нем, знают, но?..

Коварство не чувствует предела, а бесстыдство — порока. Вышло трехтомное собрание «избранных» произведений писателя, но он вряд ли забудет ту необузданную травлю и свист — над каждым абзацем! Как же не ожесточиться и кто же не ожесточится?

Но и в тот день, траурный, трагичный день похорон сына, Иван Шевцов сдержался, шелестя газетой, где была, именно в тот день, напечатана очередная брань в адрес писателя, сдержался:

— Думать надо, а не мстить, работать, а не опровергать. Они, как мыши, страшатся элементарного света, элементарного, а свет настоящий — там, впереди!..

Хочу заметить: в творчестве Ивана Шевцова есть определенный акцент на «борьбу», определенный нажим — тяга к «сражению с темными силами», но рожден этот акцент, эта тяга, этот нажим прежде всего неблагородной критикой в адрес писателя, грубостью осуждений его слова, глухим и многолетним отлучением писателя от нормальной литературной атмосферы. Более двадцати лет Ивана Шевцова демонстративно не пускали в СП СССР, тогда, когда иные, не в меру расторопные дельцы, вступали, не имея книги, не будучи автором ни одного собственного сборника.

Как же еще и еще не подтвердить истину: грубая брань в адрес патриотически настроенных русских сил в статьях Кучкиной, Лосото, Ивановых — лучшая агитация за все русское, умное и дорогое?.. Память человека неодолима:

Она других
Не знает направлений,
Она пойдет,
В желаниях чиста,
И по следам твоих захоронений,
Где даже не поставлено креста.

* * *

Надеюсь, читатель не спутает лиричного следователя Беляева, одного из положительных героев романа Ивана Шевцова «Грабеж» с главным редактором «Советской культуры» Беляевым, Альбертом Андреевичем Беляевым, тоже ныне очень положительным человеком, смелым, перестроечным редактором, газета которого неустанно заботится о справедливости, о долге советских людей, старающихся построить новое общество — общество откровении и благоденствии.

Газета систематически извещает о хулиганах из «Памяти», дает, находит где-то моменты и лица, фотографии, отрывки полемических диалогов, но так дает, что и глупцу понятно: все, кого газета считает хулиганами, — хулиганы, все, кого газета объявляет вредными, — вредные, даже лишние на земле, но коли хвалит кого газета, то будь здоров, есть у нее данные — хвалить!

А кого газета жалеет? Не Ивана же Шевцова, не Ивана же Акулова, близкого военной биографией биографии Шевцова, — газета жалеет Евтушенко! Бедный, замученный, запрещенный, ну как не заступиться за него газете да и А. А. Белиеву? Нужна сейчас партийность выбора, пик принципиальности, неколебимости, ведь бюрократы завалили страну, захламили, разуверили народ ее, разучили его понимать перестроечные задачи! Пусть Евгению Евтушенко и некогда заняться делом: распечатал вторую сотню стран — ездит мужик — в опале! Но — депутат. Вошел в «мозговой центр». И не щадит себя Альберт Андреевич Беляев, помогая Евгению Александровичу Евтушенко, не щадит. Да, как в пословице: «Рыбак рыбака видит издалека!..»

Забыл Альберт Беляев то, как недавно он пособлял уйти со своего поста главному редактору журнала «Волга» Николаю Палькину за статью М. Лобанова «Освобождение», напечатанную в «Волге» в канун смерти Брежнева. Статья посвящена беззако-

нию, разгулу жестокости в период коллективизации. Да разве Лобанов один, разве Палькин один, кто чувствительно испытал на себе, на своей судьбе кремневую волю бывшего ответственного работника ЦК КПСС А. А. Беляева? И что там Шевцов? Что Акулов? Что Палькин? Что Лобанов? Подумаешь — разгромили Шевцова или не дали опубликовать романы Акулову, не совсем запретили, а вытряхнули из них «соль», подумаешь! Так надо. Он, Альберт Андреевич, знал тогда — как надо и кому надо. О том помнят, хоть сам он забыл, многие творцы-задиры, вроде Михаила Лобанова или марксистски «неграмотного» Николая Палькина, снятого с поста не без кивка опытного Альберта Андреевича Беляева.

Знал Альберт Андреевич и что говорить в газетах, в книгах, в чужих и в его книгах, «трактатах» о Леониде Ильиче Брежневе — публицисте, философе, знаменитом полководце Великой Отечественной, даже в кадре бездарного о нем фильма видно, как еще очень свежий и сильный Альберт Беляев аплодирует «ему», вождю, бровастому и сияющему, аплодирует звонче других, аплодирует, как поет, как присягает, как торжествует над всеми нами, нерадивыми и темными, радостней пионера...

Но странный Иван Шевцов. Обижается, возвращаясь к прожитому, жалуется на А. А. Беляева, мол, очень тот мешал в работе, дергал, угрожал, наказывал страхом редакторов, а кто же должен был вести литературный мир? Мог оказаться человек еще строже Альберта Андреевича... Мог. Спасибо господу — не оказался.

Я же, автор вот этого очерка об Иване Шевцове, считал и считаю Альберта Андреевича Беляева мужественным и достойным человеком, настоящим защитником писателей. Шевцову — Шевцово, а у меня свое мнение.

Однажды в дружеской и длинной беседе в кабинете Альберта Андреевича из моей поэмы о Г. К. Жукове — «Бессмертный маршал» вылетело 1400 строк, да, 1400 строк снял Беляев, грозный и честный тезка следователя Беляева из романа Шевцова, снял, и я, позже, как по-настоящему добрый жест бонзы осознал и поблагодарил Альберта Андреевича, пожелал ему доброго здоровья и долгих лет деятельности на благо нашей родной литературы. А если не Беляев, а другой? Могло бы получиться и хуже. Теперь — и Беляев прогрессивный, и поэма вышла на днях полностью, да и Шевцов не робеет Альберта Андреевича — все встало на свои места, такова жизнь, такова дороженька творчества!

Но не пора ли отбросить хандру воспоминаний и обвинений? Трехтомник Ивана Шевцова — случай не рядовой, не частый. В трехтомнике — горе и радость автора, вехи героев его произведений, десятилетия работы государства, годы, то кровавые и яростные, то тяжкие и беспросветные, в трехтомнике — народ, человек, современник.

Ивану Шевцову я не рекомендую «заклиниваться» на их знаменитых былых отношениях с Альбертом Андреевичем Беляевым, а мне грешно виноватить Альберта Андреевича задним числом. Ну, вымахнул 1400 строк из поэмы «Бессмертный маршал», вымахнул, но строки-то о чем? О тюрьмах, «о кулаках, о врагах, о троцкистах», да еще и многих пострадавших я оправдываю, доказываю садизм Ягоды, Ежова, Берии.

Да и о Сталине масса уличительных моментов: Георгий Константинович Жуков чуть ли не в лоб вождю произносит осуждение, называет имена уничтоженных командиров. Разве грамотны мои строки?

Но передернулась у Кобы бровь,
Осекся Берия и задрожал:
— Кацо, джигит я верный! —
Завизжал,
Отмычку бросил,
Выронил кинжал:
— Пусть на Бутырках камеры полны,
Великий Сталин, нет моей вины!
Пусть кельи соловецкие полны,
Великий Сталин, нет моей вины!
Пусть зоны заполярные полны,
Великий Сталин, нет моей вины!

Мою поэму «Бессмертный маршал» Альберт Андреевич Беляев понял, быть может, гораздо лучше меня, ее автора, и вымахнул то, что вымахнул, что плохо, неграмотно, что он вымахивал из сотен книг, из десятков лучших поэм, повестей, романов, вымахивал не сам, не карандашом, не ручкой, а звонками, а честным и мужественным решением — вымахнуть, как из произведений В. Тендрякова, Н. Воронова, О. Михайлова, И. Шевцова и далее, далее, далее, глубже и шире...

Иван Шевцов «сражался» с Альбертом Андреевичем, а я нет. Недавно с Альбертом Андреевичем Беляевым, с газетой, возглавляемой им, сразился и товарищ Романенко, автор книги «О классовой сущности сионизма», и выиграл суд, а я нет. Я не сразился. Я слишком подробно и слишком надолго усвоил урок, когда, взломав двери, в мою квартиру поселили миллиардершу Онассис, да, да, ту самую «падчерицу» вдовы президента США Кеннеди, вселенную председателем Моссовета Промысловым и первым секретарем МГК Гришиным в мою квартиру, но не удержавшим ее у нас. Этот урок лишил меня всех справок, документов, всех оправдательных материалов, всех законов моей Родины, всех сочувствий сразу... Но и тогда, именно тогда справедливый и смелый, и дружеский голос Альберта Андреевича Беляева не раздался в моем телефоне. Орал в телефон Промыслов.

Меня везли на допрос. Жену везли в больницу. Но и без Альберта Андреевича нашлись у меня, нашлись друзья — пособили в черные дни, не дали пропасть. Пособили и оправдали. Иван Шевцов — счастливец, не выгоняли же его из квартиры, не вселяли же в его дом греческую миллиардершу Онассис! Чем он прогневан? Здоровье бог ему сохранил. Били, били — выжил. Топтали, топтали — пишет книги. Читает стихи любимых поэтов, наслаждается красотою природы, посещает в Загорске лавру, и все ему мало, все ему обидно?!

Это клерков наших, по начальственным указаниям копошащихся вокруг стола миллиардерши Онассис, потом, как только их прижали, начали хватать за сердце инфаркты, начали тягать следователи, а Иван Шевцов и Альберт Беляев уцелели. Иван Шевцов — как непримиримый публицист, писатель, Альберт Беляев — как прораб перестройки, борец со сталинщиной, с бериевщиной, прораб гласности, демократизации, прораб, позабыв-

ший наглухо охранительные «посты» возле сталинских, хрущевских, брежневских косяков, посты, где Альберт Беляев постепенно сделался Беляевым Альбертом Андреевичем.

Я не считаю Ивана Шевцова серым или гениальным писателем, нет. Я вижу трудолюбивого человека. Вижу его страсти, сопереживаю. Вижу его гражданское участие во всем, что делаем, что нам удается и не удается в пути. И вспоминаю поучительную мысль одного поэта, высказанную им о журналистке, варварски клеймящей все, что ей «претит»... Поэт сказал: «Ее несправедливо пинали, били в литературной ее молодости, не печатали, издевались, топтали, и она озверела!..»

Мы иногда глубоко страдаем от своего и от чужого «озверения», от равнодушия и лени, от зазнайства и нежелания понять идущего рядом. Думаю, не надо никому торопиться охаивать и освистывать сделанное Иваном Шевцовым.

Замолчать честные произведения писателя у нас ничего не стоит. Замолчали же романы Ивана Акулова. А ведь когда-то Федор Абрамов и Виктор Астафьев писали ему, уверяя, что его книги настолько близки народу и талантливы, даже трудно назвать еще кого, такого яркого, как Иван Акулов.

И ошельмовать честные произведения у нас тоже ничего не стоит. Вспомните, как шельмовали книги Валентина Пикуля! Считалось чуть ли не «обычаем» к месту и не к месту ругнуть Пикуля. А уж что творилось над именем Ивана Шевцова, сейчас и воспроизвести все это в мыслях невозможно. Что же у нас за критика, чья она, для кого она? А что делали с Дудинцевым, с Вороновым?

А каково было раннему Василию Шукшину? А каково ныне Станиславу Куняеву, Татьяне Глушковой, Александру Байгушеву, Владимиру Бондаренко? Ничего не изменилось. Наоборот — еще агрессивнее стали некоторые наши «светочи» от критики. Вчера — хвалили. Сегодня — уничтожают. Бондарев их не устраивает. Распутин их не устраивает. Белов, уверяют они, начал писать хуже, Алексеев, Проскурин — вообще сошли со сцены.

Правда, Наталья Иванова вроде не бросалась на романы Ивана Шевцова, но утолкла, укаблучила всю литературную ниву.

Вот сидит она в центре полосы газеты, как на метле, и сообщает о своем детстве, юности, молодости, давно минувшей, ну о том, как она, еще в первых классах учась, мечтала написать для «Литературки» что-то невыносимо пророческое, и написала, но недовольна: еще не реализовалась ее энергия и ее бессонный разум, не взяла она ту черту высоты, на которую способна. Она ведь — Иванова, Иванова, Иванова?!

Наталья Иванова не мелочится. Она критикует Бондарева, Белова, Распутина, принюхивается к сибирской атмосфере вокруг Виктора Астафьева, уничтожает, отринув давнее уважение, Станислава Куняева... Гордится: мол, я еще не развернулась на полную катушку, мол, я еще и письменного стола себе не купила, куплю — держитесь!.. И купит. Да, хвалит она писателей редко. Часто пишет лишь о писателях, родственниках, например, о романе своего свекра — Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», и то — поскольку выдающийся роман, а не потому, что автор ее родственник. Нет.

Сидит Наталья Иванова и смотрит в темный простор литературы. На душе холодно. В крови холодно. Жилистый кулак устал, а произведений хороших мало. Беда. А тут еще Иван Шевцов трехтомник выпустил! Кто же у нас отвечает за честь литературы? Она, понятно, отвечает, а еще кто? Многих она проткнула насквозь своей длинной, сухой, как лучина, деревянной ручкой. Надоело ей сражаться, драться, дубаситься. Да и говорит Иван Шевцов: «Целое лето рябина жадно пила теплую влагу дождей и туманов, золотой настой солнца, пока не насытилась докрасна и отяжелела гроздьями. Теперь, располнев и разрумянившись, как дородная молодуха, она тяжело дышала, вздымая налитую сочную грудь кокетливо и горделиво. И так у каждого дома толпились рябины-молодухи, бросая на улицу из-за плетней и заборов озорные, зазывающие улыбки и взгляды, полные томных ожиданий и сладостных надежд...»

Жуть какая! Ожидания. Надежды. Дети. А литературными боями кто будет заниматься?

А из луговой тишины, из теплой зеленой дремы, медленно шевелясь, плывут и плывут в сердце писателя знакомые строки:

Боюсь людей передовых,
Страшуся милых нигилистов;
Их суд правдив, их натиск лих,
Их гнев губительно неистов.
Но вместе с тем бывает мне
Приятно, в званье ретрограда,
Когда хлестнет их по спине
Моя былина иль баллада.
С каким достоинством глядят
Они, подпрыгнувши невольно,
И, потираясь, говорят:
Нисколько не было нам больно!
Так в хату впершийся индюк,
Метлой пугнутый неучтивой,
Распустит хвост, чтоб скрыть испуг,
И вабулдыкает спесиво.

Не будем саркастически мешать «булдыкающим»... Не будем разбрасываться прозвищами-ярлыками — «черносотенец», «антисемит»... Не будем сочувственно мешать застенчивым. Не будем цинично мешать и старому писателю. Пусть на его тропе шумит красная рябина. Любой писатель почти всегда одинок. Шум несправедливости, шум непокоя ранит вдохновенную душу, да и просто — душу, красоту жизни.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗЕМЛЯ ПРЕБЫВАЕТ ВОВЕКИ

Читая «Круговерть», я подметил одну удивительную особенность сборника... В каком бы жанре ни работал Б. Куликов — повесть ли, рассказ это или очерк, — яркий отпечаток характера писателя несет в себе каждое его произведение. Он талантлив как бы уже тем, что живет, — большой, щедрый сердцем — на казачьей земле...

В новелле «Тетя Катя» автор вывел яркий собирательный образ женщины донской земли. Да и не только, наверное, донской. Пройди по негромким деревенькам Белоруссии или Смоленщины — разве там не жили и не живут по сей день наши дорогие одинокие тети Кати, тети Маруси, вынесшие на своих плечах непосильную тяжесть войны (и не только войны)?! А впрочем, сколько их, вдов, осталось сегодня?..

Удивительно: вот ведь и жили бедно, перебивались, что называется, с воды на похлебку, а про песню — не то что нынче! — не забывали. Она была «и грустная, и светлая, и тоскливая». Не стеснялись — собирались вместе и запевали, мотив подхватывали другие. С песней делили и радость, и горе, хотя последнего было неизмеримо больше... Когда ее заводили, то «звезды дрожали и катились навстречу крупными чистыми слезами. С веток падали на землю глухие перезревшие яблоки, где-то рождались и умирали люди, а здесь... три русские женщины пели грустную песню, пели не о доле какой-то незнакомой девушки, а о своем вдовьем горе...

Где ты?... Всколыхнешь ли душу летним вечером у Дона ты, старинная казачья песня?..»

Почему же писатель вновь возвращается «к тем далеким и страшным годам»? Да потому, что жили в то время люди, что научили его «доброте и радости жизни». Люди, чей опыт жизни — нравственный опыт жизни — не подлежит забвению.

...О чем думали, откуда хватало мужества бабушке Василисе и деду Борису, спрятавшим у себя еврейскую семью — это в то время, когда в станицу вошли фашисты? Знала ли Василиса Васильевна, чем это может обернуться? Да, знала: «Если вас найдут у нас, так и нас всех порешат, и сирот наших», — кивнула она на своих внуков. Знала — и все же решилась... В хату заглянула бабка Груша, соседка. Узнала о чужой беде. И она прекрасно понимала: «Найдут вас немцы, побьют», — говорит она несчастным, и между тем предлагает: «Нехай хучь у меня живут». Болит душа о попавших в беду и у деда Бориса. Его совсем не волнует, что пришли люди совершенно незнакомые ему, чужие, к тому же другой национальности и веры. Его тревожит другое: «Людям смерть в глаза смотрит...» Людям... Вот что главное! Истово верующая бабка Груша, осуждавшая евреев за то, что Христа «к кресту прибили», узнав, что у беглецов народился ребенок, напрочь забыла о своих словах, склонившись над матерью, «загугукала, запричитала: — Да на кого же мы похожи? Да на папу похожи, да на маму, да на бабушку Сару тоже. Тьфу, как бы не сглазить, а то я, холера, глазливая...»

О русское бескорыстие! О великая русская душа!.. Как измерить глубины твоего сострадания?..

В чем же она, загадка русской души? «Для нас, для русских, — размышляет писатель, — никакой тут нет загадки, просто мы такие, и все, просто мы не мыслим, не понимаем, как можно быть другими».

«— Матка, хлеба! — прокричал хромой оборванный немец с перебинтованной головою, и тетя Катя сунула мне теплый кусок:

— Беги, дай ему».

Жгучая боль за донскую землю проходит через всю книгу «Круговерть». Боль за казачье песенное поле, которое денно и нощно травят всевозможными ядохимикатами. Варварски распаханное, да так, что не просто зверобоя, а простого подорожника — и того порой не найдешь. Это поистине трагедия края — некогда бескрайней, вольной степи донской. Обнадеживает, что на защиту природы, на защиту малых и больших рек, озер поднялась сегодня вся общественность, весь народ страны.

Не случайно литературу у нас в стране называют совестью народной. Она забила тревогу не один десяток лет назад... Сколько лет борется за Байкал Валентин Распутин! Уже около пятнадцати лет прошло с тех пор, как Анатолий Калинин опубликовал свой очерк «Земля и гроздья», где говорилось «об уничтожении знаменитых донских виноградников на правобережье и о неоправданном занятии «под сады и виноградники» равнинного поливного левобережья, испокон веков дававшего России знаменитую донскую пшеницу».

Земли-кормилица... Мать сыра-земля... Из повести в рассказ, из рассказа в очерк ведет свой неторопливый сказ о земле своей Борис Куликов. Земля — категория нрав-

---

Борис Куликов. «Круговерть». Ростиздат, 1987 г.

ственная. И, значит, бездушного отношения к себе не простит. Именно об этом — об отношении к земле повествует писатель в своем лучшем художественном произведении «Облава».

Повесть эта — своеобразный протест, направленный против делячества, бюрократизма, безнравственности.

Не менее остро ставит писатель вопросы хозяйского, рачительного отношения к земле, к природе в очерке «Ты и все живое». Вот какую картину рисует Куликов: из-за чрезмерного увлечения химией «сейчас в степи почти не осталось ни сусликов, ни кротов, ни ласок», «на Дону из-за неправильной эксплуатации оросительных каналов десятки гектаров плодороднейших земель превращаются в покрытые осокой и камышом болота».

А проблема вычерпывания с Дона, со дна великой реки, песка... — разве сегодня она стала менее злободневной? Не нужно быть даже сверхобразованным человеком, чтобы понять, что подобная практика ведет к необратимым потерям, что, если не остановить это варварство, живая вода может однажды превратиться в мертвую. Дно реки Дон закреплялось тысячелетиями. И никакие строительные нужды, какими бы острыми они ни были, не дают права рушить жизнь реки. Именно — рушить! И трижды прав академик Дмитрий Лихачев, который сказал так: «Не хранить родную природу — это то же, что не хранить родную культуру. Она — выражение души народа, его характера, его идеалов».

В повести «Поздние раки» идет процесс пробуждения, осознания самого себя как личности. Кто мы? Что мы? Ради чего ходим по земле? Почему уже долгие годы не научимся правильно хозяйствовать?

От этих вопросов не укроешься, не отмахнешься. Слова бьют, что называется, в сердце. Борис Куликов ведет разговор начистоту, в открытую, по большому счету, пишет о наболевшем, о самом-самом...

Откуда у Куликова это умение подметить в жизни самое главное, самое важное, смело об этом сказать? У кого учился писатель?.. Это передалось, наверное, с кровью матери, которая в июне 1942 года, услышав вой падающей фашистской бомбы, заслонила собой сына... и вскоре умерла от смертельных ран... Учился у великого Шолохова. Учился у Анатолия Калинина, с которым у писателя давняя прочная дружба. Прислушивался к строгим, добрым советам Закруткина, который не мыслил себя «без этой сказочной и суровой земли, без этого вольного Тихого Дона».

В размышлениях о смысле жизни, в горячем, неравнодушном отношении к самой жизни, ко всему живому на земле, в страстной вере в человека вырисовывается целостная картина восприятия мира. Да, — говорит писатель, — мир порой коварен, жесток, кроваво жесток... Но все-таки этот мир — прекрасен! Как прекрасна сама жизнь на планете Земля. Как прекрасен человек труда на земле.

Из нее-то — из этой веры в добро, в человека, — и идет, видимо, стремление писателя показывать жизнь во всей ее сложности, во всем многообразии. Вот почему у Куликова рядом с трагическим часто живет... комическое.

В сборник «Круговерть» вошли не только повести, рассказы, очерки, но и юмористические произведения.

О чем бы ни рассказывал Куликов, что бы ни изображал, он старается писать предельно лаконично, сжато. Язык писателя точный, сочный, богат поговорками, прибаутками. Фразеологическими оборотами речи писатель пользуется умело, не перегружает ими текст. Куликов пишет броско. Каждый образ у него динамичен. Вот литератор изображает февраль, который «махнул рукой, высыпал из рукава накопленные старшим братом вьюги, выпустил на волю припрятанные морозы, а сам завалился под снег». А вот как писатель живописует, например, весну: «Чуткой весенней ранью, когда солнце только думает просыпаться, в блеклом небе перемигиваются последние крупные звезды, а над могучим Доном, над озерцами и речушками клубится пахнущий парным молоком сивый туман, по всей округе гремит петушиный хор», «синее высокое небо облепил рой звезд, а на северо-западе скибкой дыни повис молодой месяц».

Эта высота, эта сила ощущается, живет во всем речевом строе Куликова.

Дмитрий АЛЕНТЬЕВ

ЦВЕТУЩИЙ САД

Как правило, названия поэтических сборников состоят из эффектных словосочетаний, мало что говорящих читателю о содержании. И, напротив, редко когда удается поэтам дать в названии обобщенный образ всей книги. Юрий Никонычев нашел этот образ, назвав свою книгу «Напев». Есть в этом названии что-то неспешное, отрицающее темперамент «намашиненных улиц», и сама книга — это спокойный, задумчивый взгляд на полные покоя сельские картины. Но современные городские ритмы все же вторгаются в стих, напряженный и нервно-страдательный, словно бы с трудом переводящий дыхание.

Я люблю цветы, травы,
деревья,
Хоть живу средь бетона,
асфальта и кирпича.
Я люблю отдыхать в тихой
русской деревне,
Где по ночам дышит сирень,
душиста и горяча.
Выйдешь в лунную темень,
на небо взглянешь —
И дух захватит, словно
стоишь у пропасти на краю...

Внимательно, пристально вглядывается лирический герой Ю. Никонычева в окружающее. Исследуя характеры людей, он проникается к ним сочувствием, состраданием. При этом автор рисует не портреты «вообще», но улав-

---

Юрий Никонычев. Напев. М., «Советский писатель», 1987 г., с. 128.

ливает уверенно и точно характер человека, постигает его душу.

Молчун в нестираной
рубашке,
С седой щетиной на щеках,
Он глаз две серых
промокашки
Остановил на небесах.

Все пережил: и боль, и муку,
Недавней смерти липкий
страх, —
И ищет он свою старуху
В весенних чистых небесах.

И тут начинают звучать в стихе спокойные, напевные интонации, подаренные поэту его духовными учителями. Недаром на протяжении книги строкой, образом и даже стихотворением он вспоминает их. Это, прежде всего, Тютчев, Лермонтов, Заболоцкий, Прасолов.

Следуя поэтическим традициям русской классики, автор чуждается эффектной метафоры, она входит в стихи органично, не выпячиваясь, что делает его поэтический голос естественным, лишенным надуманности:

В водянистых лунных тучах
Набирает силу дождь.

Автор стремится во всем избегать искусственности, вторичности. Поэтому «природу из железа и металла» принимает как необходимость, а взгляд свой обращает к делам и заботам простого человека, его радостям, печалям, дерзаниям, раздумьям:

Поужинав, читал газеты
И, бодрствуя дотемна,
О судьбах мира и планеты
Ты думал, сидя у окна.

Лирический герой лишен успокоенности, равнодушия. Размышления приводят его к вопросам, решить которые пока не всегда удается, но сама постановка которых подчас позволяет взглянуть на привычное явление свежим взором. Легкой иронией наполнены строки, описывающие состязания по бегу на стадионе. И вот финал: «Зачем бежал легкоатлет? Зачем толстяк смотрел на это?» Вопросы остались открытыми, и каждый читатель имеет возможность ответить на них по-своему. Но поэт ставит перед собой и более серьезные задачи. Вот он размышляет о жизни: «Что жизнь твоя под этой вечной высью. — Всего лишь дней скупая череда», находя при этом, что «когда твоим участием согретый, Цветущим садом вспыхнет мир живой» — это уже достаточный «повод» для жизни.

У стихотворений Ю. Никонычева есть такая особенность — при цитировании отдельных строк они теряют свою цельность, неповторимость и непохожесть, которая действительно им присуща. Приведу поэтому одно небольшое стихотворение целиком:

Жестока жизнь, дающая
вначале
То чувство бесконечности,
когда
Живешь, предполагая
о финале,
Что он далек, как в небесах
звезда.

Жизнь милосердна, если
не звездою
Ее ты сразу видишь,
а — свечой,
Что ежедневно тлеет
пред тобою,

Бесстрастно срок отмеривая
твой.

Мысль в стихах Никонычева всегда и проста в своем воплощении, и глубока. Удивляешься ее закономерности, естественности. Она наполнена авторской убежденностью, дыханием, то есть выношена поэтом и является его собственным опытом. Пока этот опыт нельзя назвать разносторонним, но, возможно, в дальнейших дерзаниях поэт обретет новую широту поэтического взгляда, пристальней вглядится в себя и в окружающее, глубже поймет себя и нас. Но немало на сегодня и того, что лирический герой книги честен перед читателем, открыт, одухотворен и стремится к самосовершенствованию.

Евгений ЮШИН

ЧЕРЕЗ КРОВЬ И ОГОНЬ

«Дети Израиля должны иметь свой очаг! — говорил раввин. — Ибо мы держим в своих руках меч жизни... В наших руках финансовые и коммерческие операции земного шара, во многих странах света наши братья владеют такой силой, которая противникам Сиона может только сниться. Мы должны стать мировой державой... Во многих странах мира легально существуют и активно действуют наши боевые отряды». Лишь на короткий срок Сахиб Джамал, автор политического романа «Дочь Палестины», переносит читателя из Иерусалима за океан, где в главной нью-йоркской синагоге и слышит Ноэми, одна из главных героинь книги, эту пламенную проповедь. Каковы же все-таки стратегические цели и идеологические постулаты сионизма, его истинная степень влияния в мире, в чем специфика его методов действия? От ответа на эти вопросы зависит слишком многое, поскольку «вам придется все же с нами считаться. Мы — Ротшильды, мы — Морганы, мы — Рокфеллеры, мы — Шнейдеры, у нас золотые прииски Африки, свинцовые и медные рудники Испании, могучие подземные закрома Английского банка, «Королевский монетный двор», компания Суэцкого канала, международное общество спальных вагонов, металлургические заводы Силезии и многое другое. У нас «денежная империя». Прямо скажем, масштабны раздумия одного из персонажей романа «Дочь Палестины», руководителя еврейской общины Иерусалима, члена сионистско-масонского ордена «Б'най Б'рит» доктора Бен-Нафана.

Итак, место действия — Иерусалим, исторический город на скрещении торговых путей и идейных влияний За-

---

Сахиб Джамал. Дочь Палестины. М., «Советский писатель», 1987.

пада и Востока, священное место христиан, мусульман и иудеев. Именно здесь международный сионизм впервые открыто обнажил свое оружие.

«Через кровь и огонь пала Иудея, через кровь и огонь возродится Иудея» — таким был не предвещавший ничего доброго коренному арабскому населению девиз созданной в Палестине еще в 1909 году военизированной организации «Хашомер» («Охранники»). Началось поэтапное «освоение земли без народа народом без земли»...

Как показывает в своем художественно - публицистическом произведении Сахиб Джамал, тактика сионистов в Палестине предусматривала скупку земельных участков, захват важнейших позиций в экономике, всемерное содействие массовой иммиграции евреев, создание структур будущего государства, в том числе и вооруженных отрядов «самообороны», всемерное содействие расколу патриотических сил арабского народа, гибкое маневрирование между английской колониальной администрацией и верхушкой местного населения... В мае 1948 года на весь мир было оповещено о создании государства Израиль, и поныне претендующего на занятые другими народами обширные земли «от Нила до Евфрата», до сих пор отказывающегося установить свои точные границы.

Предупреждает Сахиб Джамал и об особо изощренных способах воздействия. Как замечает один из персонажей романа: «Иерусалим — не только город отпущения грехов, но и черной магии...»

Наследник трансиорданского эмира Садулла, сделавший предложение обворожительной еврейке из России Сарре Шеве, вдруг выразил желание содействовать ее многочисленным знакомым в приобретении земельных участков и домов вдоль берега реки Иордан. Ознакомившийся с этим сообщением доктор Бен-Нафан вспоминает, какую роль играли еврейские женщины в политических интригах в Султанской империи и правительственных переворотах на Западе. Аппарат секретной службы ВСО имел картотеку на агентов подобного рода, имелись в Иерусалиме и спецкурсы для привлекаемых к секретной работе красивых еврейских девушек.

А для тех, кого не удается обмануть, споить, растлить, остается еще одно средство — террор, осуществляемый сионистской мафией, что также показано на страницах романа «Дочь Палестины».

Методы сионистов и не могут быть иными. Их кредо предписывает евреям совершенно различное отношение к единоверцам и неевреям — «гоям», «акумам». Одна из героинь романа — Ноэми, борется против тех, кто «продает и покупает Палестину», она не может принять религию приемного отца, наследника рода раввинов из Германии. Как обвинения бросает она в лицо ему выдержки из священных книг иудаизма: «Не ешь никакой мертвечины, отдай ее иноземцу, пусть он ест ее, или продай ему, ибо ты народ святой у господа бога твоего»; «Нельзя учить акума искусству»; «Имущество нееврея свободно. Кто им раньше завладеет, тому оно и принадлежит»; «еврею ничего не запрещено

по отношению к язычнику...»

В начале 20-х годов, как пишет Сахиб Джамал, «подавляющая часть арабов не только в Палестине, но и в соседних арабских странах еще не отдавала себе ясного отчета в том, какую трагедию для всего арабского мира таит в себе колонизация сионистами Палестины». Людей, способных видеть, порой охватывало отчаяние — с такой быстротой, наглостью, жестокостью сионисты под прикрытием английского мандата осуществляли свою программу. Местные феодалы-землевладельцы и дельцы были опьянены прибылями, текущими в их карман в результате лихорадочного оживления экономической жизни. Марун ар-Рашид с горечью восклицал: «Если бы арабские врачи ставили национальные интересы выше личных, то ни сионисты, ни англичане не осмелились бы вести себя так нагло!» Впрочем, очень скоро и те почувствовали давление сионистского финансового капитала, все более слабея в неравной конкурентной войне. Внутренний раскол подтачивал патриотические силы, противостоящие оккупантам. «Мы дорого заплатим за то, что не сумеем единым фронтом выступить на защиту родины», — с тревогой говорит один из палестинцев... И в наши дни для палестинского народа, несломленное сопротивление которого остается серьезной проблемой международного сионизма, не теряют значения сказанные в 1948 году слова известного политического деятеля Юсефа Салаха: «Сегодня мы не имеем права на благодушие, на отчаяние, на пагубный пессимизм и малодушие. Трагедия Дейр Ясина — это для нас, для всей арабской нации набат освобождения!»

Но деятельность сионистов, как неоднократно дает понять автор романа «Дочь Палестины», отнюдь не ограничена рамками ближневосточного региона. Ошеломляющие цифры и факты говорят о беспрецедентном могуществе еврейской буржуазии в США, Западной Европе, Южной Африке... Есть в книге упоминание и о связывающей верхушечные буржуазные слои многих стран невидимой сети масонских лож, контролируемых еврейским финансовым капиталом. В связи с этим можно вспомнить о скандале с ложей, ставшей в 70-х годах центром теневой власти в Италии. Полное название этой ложи — «Пропаганда сионизма-2».

Вопросы, касающиеся сионизма, в нашей стране носят далеко не только теоретический характер. Известно, что со второй половины XIX века Россия была основной социально-политической базой сионизма. Еврейские буржуа доминировали во многих отраслях промышленности, торговле, банковском деле, обеспечивали наибольшую часть взносов в казну ВСО и по степени организованности даже превосходили своих единоверцев из Европы и Америки. Именно в России начинали свой путь такие крупнейшие теоретики и практики сионизма, как В. Жаботинский, А. Гаам, Е. Членов, Г. Меир, М. Бегин. Изрядно, кстати, пополнил штаты западных исследовательских центров и радиостанций, специализирующихся на антисоветизме и русофобии, и многотысячный

поток выехавших из Советского Союза в последние годы по израильской визе.

В романе «Дочь Палестины» американский сионист Коллн, несколько лет занимавшийся торговой и иной деятельностью в СССР в период нэпа, неоднократно упоминает о «наших людях» в России. Сахиб Джамал даже считает, что «в Советской России на агентуру были возложены особые задачи: подрывная пропаганда, сбор материалов на всех лиц, отбывающих в Палестину, отчеты о выполнении шекельных обязанностей каждым евреем, а самое главное — изучение возможности нанесения удара по кадрам, в первую очередь по научно-техническому персоналу».

Создается впечатление, что контуры связанных с подрывной деятельностью сионистов «белых пятен» в нашей истории еще только начинают неярко проступать на постепенно принимающей подлинный вид исторической карте...

А. ТИМОФЕЕВ

●

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА
ЦК КПСС
ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Уважаемые члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС! Уважаемые секретари ЦК КПСС! Уважаемый Михаил Сергеевич Горбачев!

Первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области тов. Корсунский, выступая на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, заявил, что журнал «Молодая гвардия» нередко в своих публикациях пропагандирует антисемитизм. Коллектив редакции как-то привык, притерпелся, что ли, когда подобная ложь, подобные политические доносы постоянно обрушиваются на нас со страниц журнала «Огонек» или газеты «Советская культура». Всем известно, что эти издания тщательно оберегают от критики сионизм, своеобразно, на буржуазный манер, понимают проблемы морали, совести, социальной справедливости, гражданственности, патриотизма, культуры, искусства, постоянно и целенаправленно чернят нашу многострадальную, но героическую историю, осмеивают и развенчивают борьбу миллионов людей за построение нового общества, подвергают ревизии нашу веру в ленинские принципы социализма, в торжество этих принципов, а гласность и плюрализм признают только для себя и своим оппонентам, в числе которых находится журнал «Молодая гвардия», тут же навешивают ярлыки националистов, шовинистов, антисемитов, всяческих реакционеров и даже врагов перестройки. Так они понимают гласность и демократию, такими методами борются за свои идеалы и цели. И все это мы воспринимаем более или менее спокойно, потому что понимаем — рано или поздно методы работы этих изданий дискредитируют себя перед советским обществом и партией окончательно. Но нас, дорогие товарищи, глубоко обеспокоил тот факт, что подобные ярлыки теперь уже попытался наклеить на наш журнал партийный работник высокого ранга. Обеспокоил потому, что здесь потянуло уже зловещим запашком тридцать седьмого года.

Генеральная линия журнала «Молодая гвардия» все-

гда состояла и будет состоять в воспитании своих читателей в духе интернационализма, высокой гражданственности, советского патриотизма, любви к своему национальному Отечеству, ленинского понимания социализма в борьбе против всякого антисоветизма и реакции. И мы просим Политбюро и Секретариат ЦК КПСС потребовать от первого секретаря обкома партии Еврейской автономной области тов. Корсунского предоставления реальных фактов, то есть документальных доказательств пропаганды на страницах журнала «Молодая гвардия» антисемитизма. На страницах нашего журнала он их не найдет.

Просим дать клеветническому заявлению Корсунского на Пленуме ЦК КПСС соответствующую партийную оценку.

Партийная организация, редколлегия, коллектив журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВ Б. Л. КОРСУНСКОМУ, ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА КПСС ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Тов. Корсунский! Выступая на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, Вы сказали следующее: «Считаю, что журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник» отличаются особо пристальным вниманием к так называемому «еврейскому» вопросу. Они нередко в своих публикациях открыто пропагандируют антисемитизм» («Правда», 1989, 24 сентября). Таким образом Вы перед всей партией, перед всем советским народом, перед всем миром обвинили наш журнал в антисемитизме.

Обвинение, что и говорить, тяжкое. А на каком основании? Какими документальными фактами Вы можате это доказать? В каких конкретно публикациях наш журнал пропагандирует антисемитизм? Может быть, Вы имеете в виду материал «Мужество познавать правду» (МГ, № 6, 1989), где приводится ряд цифр, иллюстрирующих процентное отношение лиц еврейской национальности в первом правительстве Советской России? Извольте, мы их повторим. В 1920 году в Совнаркоме евреи составляли 77 процентов состава, в военном комиссариате — 76 (33 из 43), комиссариатах юстиции — 95 (20 из 21), иностранных дел — 81 (13 из 16), финансов — 80 (24 из 30), труда 88 (7 из 8), из числа областных комиссариатов — 91 (21 из 23). А повторив эти цифры, мы спрашиваем у Вас, тов. Корсунский, — что же, эти фактические данные засекречены, о них нельзя говорить? Это во времена полной-то гласности?

В этом же материале приведены фамилии состава правительства 30-х годов, подавляющее большинство которых — евреи. Таков уж был состав правительства, ответственного за чудовищные массовые репрессии, уничтожение ни в чем не повинных людей, — что, и об этом нельзя, по Вашему мнению, ныне говорить? Тогда объясните — почему?

Тут же приводятся данные переписи населения 1979 года, демонстрирующей сложившийся, увы, непропорциональный уровень высшего образования среди некоторых наций, ущемляющий самолюбие многих советских народов — у азербайджанцев, например, на 1000 человек лиц с высшим образованием 53, у армян — 125, у украинцев — 52, у русских — 76, у евреев — 434... Может быть, в обнародовании этих данных Вы, тов. Корсунский, усматриваете антисемитизм? Тогда объясните, обоснуйте, что же здесь антисемитского? Ведь мы приводим объективные данные, которые надо просто анализировать и размышлять: почему же так получилось, как устранить эти перекосы, добиться здесь социальной гармонии и справедливости? Ведь Вы же голосовали на Пленуме за платформу ЦК КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», в которой декларируется: «Нужна прежде всего неискаженная, полная правда о реальных процессах развития межнациональных отношений в СССР, о том, какие причины привели к возникновению острых коллизий в межнациональных делах. И здесь не должно оставаться «белых пятен». Все это необходимо во имя укрепления доверия и взаимопонимания. В тех случаях, когда есть споры и сомнения, надо не жалеть сил, чтобы на коллективной основе установить истину» («Правда», 1989, 24 сентября).

Видите — «...не жалеть сил, чтобы на коллективной основе установить истину». Мы и не жалеем усилий, чтобы истину восстановить. А Вы сразу, будто и не читав этого места платформы, за которую голосовали, или, что ближе к истине, сознательно игнорируя это место, Вы сразу нам криминал намертво привариваете — журнал отличается «особо пристальным вниманием к так называемому «еврейскому» вопросу, «пропагандирует антисемитизм».

Ну что ж, остановимся чуточку на первой половине этого «криминала» — на пристальном внимании к так называемому «еврейскому» вопросу. Почему же вы употребляете эту оговорку — «к так называемому»? А слово «еврейскому» берете в кавычки? По-Вашему, что же, еврейского вопроса в стране не существует? Есть ныне, по-Вашему, вопросы, армянский, азербайджанский, узбекский, эстонский, литовский, латвийский, молдавский, казахский, белорусский, украинский, русский и т. д. И ко всем этим вопросам обостренное внимание всей прессы, всего общества ныне закономерно. А вот еврейского вопроса, по-Вашему, нет? И внимание к нему поэтому нелогично, непонятно, провокационно?

Странное, однако, понимание нынешних проблем межнациональных отношений партийным работником такого высокого ранга.

Но вернемся, тов. Корсунский, к генеральному Вашему обвинению.

Может быть, пропаганду антисемитизма Вы усматриваете в статье М. Устинова «Хвативший оков» (МГ, № 3, 1989), в которой критиковалось стихотворение ленинградского поэта В. Халуповича «Моя мать и отец в эту горькую землю зарыты...». А что, тов. Корсунский, критиковать произведения авторов-евреев нельзя? Тем более что критик глубоким анализом стихотворения доказывает, что оно проникнуто ядом русофобии, что Халупович отказывает русским в их праве на свою Родину, на свою землю, прямо утверждая, что они являются ее пасынками. Не напоминает ли это Вам что-нибудь, тов. Корсунский? А если не напоминает, то мы спросим: не с подобных ли «теорий» начинались подготовка к отторжению земли у арабского народа Палестины и его изгнание с исторической родины? И как, тов. Корсунский, нам, русским, относиться к таким расистским, русофобским бредням, пусть заключенным пока в форму художественного произведения? Или Вы считаете, что авторы подобных «теорий» не расисты, не русофобы?

Может быть, Вы, тов. Корсунский, усматриваете этот пресловутый антисемитизм в статье историка С. Наумова «Палачи: Каганович, Мехлис и другие» (МГ, № 8, 1989), в которой документально доказываются кровавые преступления Кагановича и Мехлиса, их вина в гибели миллионов людей. Приведем хотя бы некоторые документальные факты из этой статьи. Одним из чудовищных преступлений Кагановича — только одним из множества — была организация массового голода на Украине и Северном Кавказе, а правильнее сказать — сознательно организованного геноцида, в результате которого погибло, по разным подсчетам, от 4 до 8 миллионов человек. Под стать ему был и Мехлис. Будучи в 1937—1940-х годах начальником Главного политического управления Красной Армии, он подверг кровавым репрессиям около половины командиров полков Красной Армии, почти всех командиров бригад и дивизий, всех командиров корпусов и командующих военными округами, всех членов военных советов и начальников политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многих преподавателей высших и средних военных учебных заведений. В результате этого, как сообщается в т. 6 «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945)» (с. 124—125), «к началу войны только 7 процентов офицеров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов даже не прошли полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях». Вот чем в значительной мере объяснялись наши неудачи в начале войны и огромные, многомиллионные потери людей. И вина в этом в значительной мере лежит и на Мехлисе.

Ну а другие палачи, названные в статье, — это руководители карательных органов тех лет, как говорится, подручные Сталина — нарком внутренних дел Ягода, его заместитель Агранов; начальники отделов НКВД — Гай, Миронов, Молчанов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Добродицкий, Иоффе, Берензон, Френкель; их заместители — Раппопорт, Абрамсон, Плинер; начальники крупнейших концлагерей — Фирин (Беломорстрой и Дмитлаг), Бискон (Сиблаг), Серпуховский (Соловки), Финкельштейн (лагеря Северного края), Погребинский (лагеря Свердловской обл.), Мороз (Печорский лагерь), Френкель (Бамлаг); начальники управлений

НКВД на местах — Абрампольский, Балицкий, Блат, Гоглидзе, Гоголь, Дерибас, Заковский, Залин, Зеликман, Карлсон, Кацнельсон, Круковский, Леплевский, Пилляр, Райский, Реденс, Ритковский, Симоновский, Суворов, Троцкий, Файвилович, Фридберг, Шкляр и т. д. и т. д. Словом, выходцы, как Мехлис и Каганович, из сионистской организации «Паолей Сион» и Бунда вместе с близкими по духу и происхождению троцкистами составляли свыше 90 процентов руководителей карательных органов. Что, тов. Корсунский, и об этом нельзя писать? А как же быть тогда, еще и еще раз мы Вас спрашиваем, с провозглашенной партией полной гласностью? Или Вы считаете, что гласность в связи с «еврейским» вопросом может быть и не полной? Может, Вы считаете, что в этом случае вещи своими именами называть не надо? И как тогда, возможно ли тогда сделать полный политический анализ прошлых и нынешних явлений, событий, процессов? Ответьте, тов. Корсунский, пожалуйста.

Или, наконец, пропаганду антисемитизма Вы, тов. Корсунский, усматриваете, может быть, в критике сионизма, которая действительно присутствует во многих наших публикациях? Да нет же, не можем мы так даже подумать о Вас, работнике такого высокого партийного ранга, который, естественно, знает, что все прогрессивное человечество считает сионизм формой расизма и расовой дискриминации людей, что так же охарактеризовала его и Организация Объединенных Наций, знает, не может не знать, что сионизм — самое антисоциалистическое, самое антисоветское, самое реакционное течение в мире. Так что критика сионизма не может заключать в себе антисемитизма.

А что же может? Да Вы, тов. Корсунский, знаете же. Антисемитизм — это враждебное отношение к евреям, к еврейской национальности вообще, пропаганда антисемитизма — это возбуждение неприязни к евреям, к их культуре, быту, обычаям и т. д. Ну, а коль Вы, тов. Корсунский, это знаете, то назовите, пожалуйста, публикации журнала «Молодая гвардия», которые имели бы такое содержание, в которых присутствовало бы враждебное отношение к евреям как таковым, в которых бы возбуждалась неприязнь к ним.

Таких публикаций Вы не назовете, потому что в журнале «Молодая гвардия» их нет и быть не может, ибо интернационализм, глубокое уважение ко всем нациям и народностям нашей страны и всего мира — одна из главнейших заповедей журнала.

Тогда что же отсюда следует? А следует отсюда то, что Ваше, тов. Корсунский, заявление на Пленуме ЦК КПСС, будто журнал «Молодая гвардия» пропагандирует антисемитизм, ни на чем не основано, а говоря другими, соответствующими этому случаю словами, оно, это заявление, клеветническое.

Причем эта клевета — сознательная, она имеет суть и цель политического доноса.

Публикуя это письмо, мы требуем от Вас, тов. Корсунский, не только извинений, мы требуем ответить нашим читателям: зачем, с какой целью Вы оболгали журнал, его работников, его авторов? Не с целью же в самом деле защиты антисоветчиков и палачей еврейской национальности. Не с целью же защиты сионизма. И уж тем более не с целью ограждения от критики про-

изведений авторов еврейской национальности. Но тогда с какой?

Наши читатели, тов. Корсунский, ждут ответа.

Ну, а коммунисты Еврейской автономной области, как мы думаем, сами уж решат вопрос о нравственном и политическом облике первого секретаря своего областного партийного комитета.

**Редколлегия, редакция,
партийная организация
журнала «Молодая гвардия»**

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 14.09.89. Подп. в печать 26.10.89. А13103.
Формат 84×108 1/16. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15.12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19.9.
Тираж 655 000 экз. Заказ 287. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.